МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Л. А. Мусаелян

ФИЛОСОФИЯ КРИЗИСНОЙ ЭПОХИ: РОССИЯ И МИР

Избранные статьи

Perm University Press

Пермь 2026

УДК 141.2(470)
ББК 87.6(2)
М916

Мусаелян Л. А.

М916 Философия кризисной эпохи: Россия и мир : избранные статьи / Л. А. Мусаелян ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2026. – 336 с.

ISBN 978-5-7944-4342-4

Предлагаемая читателю книга представляет сборник избранных научных статей, опубликованных автором в последние годы в разных изданиях. Исключением является работа «Юридическая правда…», написанная много раньше. Эта публикация включена в книгу в силу ее теоретической значимости (судя по отзывам исследователей) и актуальности темы. Содержание книги определяется сложнейшими проблемами, обусловленными глубоким системным кризисом, в котором находится современное человечество и наше общество. Включенные в книгу статьи по большей своей части являются философской рефлексией опасных для человечества и России вызовов. По характеру примененной рефлексии книга относится к социальной и политической философии. Поэтому она может быть рекомендована преподавателям, аспирантам и студентам, изучающим социальную философию, но в силу особенностей обсуждаемых проблем данный сборник рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся социальной и политической философией, философией права и образования.

УДК 141.2(470)
ББК 87.6(2)

Печатается по решению кафедры философии
Пермского государственного национального исследовательского университета

Рецензенты: канд. филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета ***А. А. Краузе;***

канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пермской государственной фармацевтической академии ***Н. Н. Вотинцева***

ISBN 978-5-7944-4342-4

© ПГНИУ, 2026
© Мусаелян Л. А., 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

АННОТАЦИЯ 2
ПРЕДИСЛОВИЕ 5
ГЛАВА 1. О ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И ЗАДАЧАХ ОБРАЗОВАНИЯ.....7
ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ФИЛОСОФИИ. СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. ПЕРЕЛОМНЫЙ ЭТАП ИСТОРИИ: ПРОБЛЕМЫ И ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ 7
ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ФИЛОСОФИИ. СТАТЬЯ ВТОРАЯ. ОСЕВАЯ ЗОНА СИСТЕМНОГО КРИЗИСА ЦИВИЛИЗАЦИИ 20
ТРЕВОЖНЫЕ МЫСЛИ ФИЛОСОФА ПО ПОВОДУ ОСОБЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ТОТАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ 40
ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ РОССИИ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ 58
КОМУ НУЖНА СЕГОДНЯ ЭТА ФИЛОСОФИЯ? СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. ПОЧЕМУ СУЩЕСТВУЕТ СОМНЕНИЕ В НЕОБХОДИМОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ В ВУЗАХ РОССИИ 74
КОМУ НУЖНА СЕГОДНЯ ЭТА ФИЛОСОФИЯ? СТАТЬЯ ВТОРАЯ. КАКАЯ ФИЛОСОФИЯ ОКАЗАЛАСЬ ВОСТРЕБОВАНА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ 89
НАСИЛИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РОССИИ: ПРИРОДА, ФАКТОРЫ, СУЩНОСТЬ 101
ГЛАВА 2. О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ И ЗАДАЧАХ УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 118
К ВОПРОСУ ОБ ОТСУТСТВИИ В РОССИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ ... 118
О ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РОССИИ, РОССИЙСКОЙ ИДЕИ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ 137
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ 149
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В СВЕТЕ ОБНОВЛЕННОЙ «СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2025 ГОДА».....157

ГЛАВА 3. О ПРОБЛЕМАХ ФИЛОСОФИИ ПРАВА 170
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАВДА: СОДЕРЖАНИЕ И СУЩНОСТЬ КОНЦЕПТА.....170
РЕФОРМЫ 90-х И ИХ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ 189
ДЕВАЛЬВАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА .
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА И ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ.....210
ДЕВАЛЬВАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА.
СТАТЬЯ ВТОРАЯ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ, ФОРМАЦИОННЫЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КРИЗИСА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА 222
ОБ ОДНОЙ КОЛЛИЗИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И ВОЗМОЖНОМ СПОСОБЕ ЕЕ РАЗРЕШЕНИЯ 235
НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЕ О КРИЗИСЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА.....257
О МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОМ ПЛЮРАЛИЗМЕ, КОНКУРИРУЮЩИХ КОНЦЕПЦИЯХ ПРАВА И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗРАБОТКИ ЕДИНОЙ ИНТЕГРАТИВНОЙ ТЕОРИИ ПРАВОПОНИМАНИЯ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ 260
ГЛАВА 4. О ТЕОРЕТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ К. МАРКСА 273
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МАРКСА И СОВРЕМЕННОСТЬ.
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МАРКСА И НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ 273
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МАРКСА И СОВРЕМЕННОСТЬ.
СТАТЬЯ ВТОРАЯ. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МАРКСИЗМА 283
ЧЕЛОВЕК В ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА К. МАРКСА 300
МАРКС И СОВРЕМЕННОСТЬ 314
ПАМЯТИ УЧЁНОГО 329

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уникальность современной исторической эпохи заключается в том, что в конце XX – начале XXI века произошло наложение нескольких глубоких глобальных кризисов. Формационный кризис глобального неолиберального капитализма совпал с геополитическим кризисом в мире и цивилизационным кризисом Запада. Очевиден глубокий кризис международных учреждений и международного права, призванных регулировать отношения между народами. Кризис, поразивший эти институты, стал фактором, усиливающим кризисные тенденции во всех сферах мировой общественной жизни. Указанные кризисные тенденции дополняются кризисом традиционных мировоззрений и идеологий, позволяющий прогнозировать будущее человечества. Отсюда четко выраженный кризис видения перспектив дальнейшего исторического движения цивилизации. Современный образ жизни и способ существования человечества ведет в исторический тупик. Более того, в последние годы рельефно выражена тенденция сползания человечества к варварству, как это произошло в тридцатых-сороковых годах прошлого века. Подобная опасность вполне реальна, поскольку основой и осевой зоной всех этих кризисных тенденций является антропологический кризис, поразивший современную цивилизацию. Ментальность и когнитивные способности политической и экономической элиты современных западных стран, взявших на себя смелость приватизировать исторический процесс и управлять миром, не дают оснований для оптимистических ожиданий. Опыт истории свидетельствует о том, что важную роль спасения человечества от варварства играет философия. После Второй мировой войны, когда почти половина человечества была расчеловечена и загнана в варварство, представители мирового сообщества, работавшие в ЮНЕСКО, учитывая цивилизаторскую, гуманистическую функцию философии, приняли решение о всесторонней поддержке философских исследований и обязательном преподавании философии в учебных заведениях в различных странах особенно где полыхала война. В настоящее время ситуация в мире, да и у нас в стране такова, что приходится невольно перефразировать Маркса. Сегодня великая миссия философии заключается не в том, чтобы изменить мир, а спасти его.

Предложенная читателю книга состоит из статей, опубликованных преимущественно за последние десять лет в разных изданиях. С учетом тематики публикаций они условно разделены на четыре главы. В первой сгруппированы статьи, в которых анализируются особенности современной исторической эпохи и эвристические возможности философии в преодолении кризисных проблем. Реформы, проведенные в постсоветскую эпоху в системе образования, ввергли эту социально важную сферу в состояние кризиса. Кризис затронул и отечественную философию. В книге рассматриваются проблемы и трудности, с которыми сталкиваются преподаватели вузов, и дискуссионные проблемы, касающиеся преподавания философии в высших учебных заведениях страны.

Как отмечалось, современная историческая эпоха характеризуется кризисом мировоззрений и идеологии. Вторая глава включает материалы, касающиеся этой темы, которая, на взгляд автора, касается не только видения исторической перспективы страны, но и проблемы единства общества и государственной безопасности.

В третьей главе анализируются некоторые актуальные проблемы философии права. Важной стороной системного кризиса современной цивилизации, как отмечалось, является кризис права, определяющий кризис буржуазной демократии и ее политических институтов. Право, как и философия, – важнейшее достижение цивилизации. Оно играет исключительную роль в регулировании общественной жизни как внутри национальных государств, так и отношений между государствами. Демонстративное игнорирование международного права мировым гегемоном и его союзниками в настоящее время стало обыденностью. Правовой нигилизм стал распространенным явлением и в нашей стране. Между тем, уровень развития права свидетельствует об уровне цивилизованности народа, ее элиты, особенно когда речь идет о международном праве, а правовая культура – индикатор развития культуры общества в целом. Поэтому автор счел необходимым посвятить этой проблеме значительное количество публикаций.

Социальная значимость научной философии заключается в том, что она позволяет понять и релевантно объяснить сущность и причину происходящих в мире и в конкретном обществе процессов. Только при таком объективном анализе могут быть приняты управленческие решения для лечения тех болезней, которыми заболевает человечество и конкретное общество. По мнению автора, среди множества современных философских течений такими эвристическими возможностями обладает современная форма научного материализма, базовые основы которой были разработаны К. Марксом. В последней – четвертой главе рассматривается теоретическое значение философии Маркса и, прежде всего, ее методологии для развития современного обществознания.

И еще об одном. Хотя данная книга представляет более или менее целостное исследование, но все же она составлена из статей, написанных в разное время и сгруппированных по единой или схожей тематике. В этой связи читатель может обнаружить в статьях не только определенную филиацию идей, но и некоторые повторы сюжетов и использование фактологического материала, что является издержками изданий подобного рода. Хотелось бы надеяться, что это не сильно огорчит читателя.

Автор выражает признательность декану философско-социологического факультета ПГНИУ доктору философских наук, профессору С.В. Комарову, ставшему инициатором издания этой книги.

ГЛАВА 1. О ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И ЗАДАЧАХ ОБРАЗОВАНИЯ

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ФИЛОСОФИИ. СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. ПЕРЕЛОМНЫЙ ЭТАП ИСТОРИИ: ПРОБЛЕМЫ И ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ*

В статье анализируются особенности современной исторической эпохи и показывается, что она является уникальным этапом в истории человечества. В короткий отрезок времени, на стыке XX и XXI вв. произошло наложение множества глубоких кризисов, каждый из которых представляет опасный вызов человечеству. По мнению автора, совпадение по времени такого количества кризисов, имеющих тенденцию к обострению, создают мультипликативный эффект, ускоряющий сползание человечества к катастрофе. История прошлого столетия свидетельствует, что значимым фактором начала Второй мировой войны была максимальная идеологическая конфронтация в мире и оголтелая пропаганда по расчеловечиванию образа людей, избранных в качестве потенциальной жертвы агрессором. По мнению автора статьи, есть основание учесть опыт работы представителей мирового сообщества в ЮНЕСКО, которые после войны, анализируя причины происшедшей трагедии, пришли к выводу о важной роли философа и философии в формировании уважительных отношений между людьми, неприятия национализма и права грубой силы в межчеловеческих и международных отношениях. Можно согласиться с интеллектуалами, представленными в ЮНЕСКО, что философия помогает противостоять различным формам пропаганды, нетерпимости, учит миру, помогает противостоять современным вызовам. В статье исследуется состояние современной философии в мире и у нас в стране для выяснения вопроса – имеются ли у нее эвристические возможности для решения истинно вселенской гуманистической задачи – спасения человечества.

Ключевые слова: современная историческая эпоха, переломный этап истории, кризисы человечества, философия, духовный кризис, идеология, глобализация, монополярный мир.

---

* Впервые опубликована: Мусаелян Л.А. Особенности современной исторической эпохи: некоторые проблемы и задачи философии. Статья первая. Переломный этап истории: проблемы и эвристические возможности современной философии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2025. – № 1. – С. 5–15. – DOI 10.17072/2078-7898/2025-1-5-15.

Введение

Для тех, кто следит за международными отношениями, является бесспорным факт роста напряженности в мире в последние десять лет. Очевидно также, что в связи с реализацией завершающего этапа долгосрочного плана НАТО по Украине градус эскалации между коллективным Западом и Россией в последние три года резко возрос. Согласно некоторым аналитикам, «две предыдущие мировые войны начались из-за куда меньших политических страстей» [5, с. 29]. Ряд политиков и руководителей военных ведомств стран НАТО уже определили время начала войны с Россией. Если бы Россия не обладала мощным ракетно-ядерным потенциалом, то, вероятнее всего, новая мировая война, развязанная Западом, была бы уже трагической реальностью. Эскалация военного противостояния НАТО и России на Украине мотивировало стороны на активизацию гонки вооружений и военных технологий. Отсутствие доверия между сторонами и механизмов эффективного контроля создаваемых более эффективных систем вооружений способствовало снижению ядерного порога сдерживания мировой войны. Словом, наметившиеся тенденции в мире свидетельствуют об усилении рисков глобальной катастрофы и превращения планеты во вселенское кладбище, о чем предупреждал Кант.

В аналитике можно найти разное объяснение чрезмерного обострения международных отношений в мире. В качестве причин называются корпоративные интересы ВПК США и других западных стран, поставляющих оружие украинскому режиму для нанесения стратегического поражения России; связанных с ВПК экономическими интересами политических деятелей ведущих государств НАТО; субъективные (личностные ментальные и когнитивные) особенности современных политических деятелей коллективного Запада; русофобия западных политических элит, желающих взять реванш за исторические поражения и т.д. Безусловно все эти факторы существуют и их необходимо учитывать, но они не могут объяснить длительные тенденции роста турбулентности в мировой политике. Продолжительные политические тенденции всегда имеют «объективные причины, выходящие за пределы индивидуальных психологических факторов…» [25]. Научный подход к исследованию масштабных негативных трендов требуют выявление их объективных причин и по возможности разработки научно обоснованных рекомендаций по блокированию тенденций, угрожающих человеческой цивилизации.

В предложенной статье предпринята попытка показать объективные факторы, вызвавшие тенденции, угрожающие современной цивилизации. По количеству опасных вызовов человечеству, возникших в конце XX – начале XXI в. современная эпоха, на взгляд автора, является уникальной в истории. Будущее человечества зависит от того, сможет ли оно найти адекватные ответы на существующие вызовы. Это дает основание определить современность как переломный этап истории. Очевидно, что переломным современная эпоха является в первую очередь и для самой России как государства.

Опыт истории свидетельствует о том, что значимым фактором возникновения Второй мировой войны была обострившаяся идеологическая борьба. По авторитетному мнению С.А. Караганова, сегодня «натовско-брюссельская пропаганда уже превосходит гитлеровскую» [13]. Как удалось преодолеть последствия той трагедии идеологически подготовленной и осуществленной гитлеровской Германией?

После войны представители мирового сообщества, работавшие в ООН, обратили внимание на исключительные возможности философии в деле преодоления вражды, ненависти между народами и установления цивилизованных отношений между государствами. В этой связи были приняты ряд документов по поддержанию активных философских исследований там, где существуют философские школы и необходимости преподавания философии в образовательных учреждениях в различных странах. В предлагаемой статье исследуется состояние философии в мире и в России с целью выявления проблем, которые существуют в философии, и ее эвристических возможностей в преодолении нарастающей конфликтогенности в мире.

Опасные вызовы, которые в настоящее время угрожают человечеству, относятся к глобальным проблемами современности. Их анализ и возможные методы разрешения, по мнению автора публикации, относятся к задачам философии. Для поиска и нахождения адекватных мер по блокированию опасных вызовов цивилизации необходимо определить кризисную тенденцию, которая является базовой осевой зоной, обуславливающей множество других кризисных тенденций. Очевидно, что для блокирования множества прочих кризисных тенденций необходимо исследовать и блокировать кризисную тенденцию осевой зоны, которая, на взгляд автора, имеет определяющее значение в возникновении турбулентности в мире. Во второй части настоящей работы исследуется эта осевая кризисная тенденция, проявляющаяся в глобализированном мире и у нас в стране. Предлагаются подходы, возможно и спорные для преодоления этого осевого кризиса. По мнению автора, определяющую роль в преодолении указанного кризиса играет философия. В этой связи, если Маркс писал, что философия должна изменить мир, то сегодня следует сказать, что философия должна спасти мир. Она возникла вместе с цивилизацией, и она должна спасти цивилизацию. И в этом ее гуманистическая миссия.

В отличии от понятий «общественно-экономическая формация» и «цивилизация», смысл которых известен всем, кто интересуется философией и историей, концепт «историческая эпоха» в научной литературе используется редко, а его значение считается интуитивно ясным, хотя и не является таковым. Это понятие характеризует исторический процесс со стороны его содержания, учитывая противоречивый, неравномерный характер развития человечества, выражает ведущую тенденцию в жизнедеятельности человеческой цивилизации. В современной социально-философской и геополитической аналитике

фактически сложился консенсус относительно понимания особенностей современной исторической эпохи как переломного этапа истории. В качестве причин такого определения современной исторической эпохи исследователи указывают на различные опасные тенденции, сложившиеся в последние десятилетия, которые, если не принимать экстренных мер, могут привести к крайне тяжелым негативным последствиям, в том числе к гибели человеческой цивилизации.

О особенностях современной исторической эпохи

Как представляется, человечество действительно подошло очень близко к опасной черте невозврата, что обусловлено наложением в конце XX в. нескольких глобальных кризисов. Если иметь в виду количество этих совпавших по времени кризисов и их характер, то можно сказать, что человечество столкнулось с крайне редким, если не уникальным, в мировой истории явлением. Наиболее важные из них: формационный кризис глобального неолиберального капитализма; цивилизационный кризис современных западных стран, объединенных в политической аналитике общим понятием «коллективный Запад»; геополитический кризис, вызвавший острую экономическую, военно-политическую конфронтацию между ведущими мировыми державами; антропологический кризис; кризис международных институтов и международного права; мировоззренческий кризис и кризис пути развития современной цивилизации. Нельзя не заметить, что перечисленные кризисы по своему характеру относятся к трудно разрешимым глобальным проблемам современности и представляют экзистенциальную угрозу для человечества. Решение этих проблем нельзя осуществлять изолировано, ибо они в силу своей глобальной природы имеют взаимосвязанный и системный характер. Кроме того, традиционные способы блокирования и тем более устранения указанных кризисных тенденций, как показывает практика, не только не дают нужного результата, но и порождают еще более сложные и опасные для существования человечества проблемы. Очевидно, что эти вызовы требуют всестороннего сущностного анализа, необходимого для разработки научно обоснованных рекомендаций, принятия управленческих решений по их блокированию и устранению.

В настоящее время в жесткой военно-политической конфронтации с Россией «коллективный Запад» важную роль отводит идеологической и психологической войне. Ее цель – расчеловечить человеческую сущность противника и внедрить такое представление в сознание собственного населения для оправдания агрессивной и крайне опасной политики. Как свидетельствует история, подобная практика проводилась фашистской Германией накануне Второй мировой войны и особенно во время вторжения в нашу страну. Используя ложь, дезинформацию государственные структуры Третьего рейха внедряли в сознании немцев откровенное мракобесие, зоологический антикоммунизм и национализм

в отношении народов Советского Союза, чьи территории, по мнению идеологов этого государства, по «справедливости» должны быть жизненным пространством высшей, арийской расы. Идеологическая обработка населения Германии (и не только ее) способствовала элиминации из сознания солдат вермахта (и их союзников) любых нравственных переживаний, блокирующих выполнение преступных приказов по тотальному уничтожению противника, в том числе и гражданского населения. Нельзя не видеть, что русофобия сегодня стала определяющим политическим трендом коллективного Запада и тех стран, которые причисляют себя к числу их союзников. Показателен в этом плане тот факт, что правительство ФРГ предоставляет много лет блокадникам Ленинграда еврейской национальности выплаты, но отказывает в этом другим блокадникам, большинство из которых, конечно, были русскими. Сегрегация жертв блокадного Ленинграда по этническому признаку дает основание вспомнить Маркса, который писал: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом, освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыграть новую сцену всемирной истории» [16, с. 119]. Представители политической элиты современной Германии, зараженные бациллами национализма и нацизма, одержимые русофобскими идеями, призывают немцев готовиться к новой войне с Россией и даже определили дату начала реванша.

В прошлом столетии человечество пережило три глобальных кризиса. Первые два привели к мировым войнам. Третий кризис разразился в конце XX в. и продолжается в настоящее время. Современная, крайне острая конфронтация «коллективного Запада» с Россией создала в мире напряженную атмосферу фобий и вражды, во многом похожую на ту, которая сложилась в Европе накануне Второй мировой войны. «Почему люди так любят изучать свое прошлое, свою историю? – вопрошал В. Ключевский. – Вероятно, потому же, почему человек, споткнувшись с разбега любит поднявшись, оглянуться на место своего падения» [15, с. 390]. Так каким образом произошло падение человечества в яму самой кровопролитной войны в истории? И что представители мирового сообщества предприняли для того, чтобы преодолеть ненависть между народами, многократно возросшую в результате войны? Поставленные вопросы относятся к числу сложных, на которые историки не дают однозначные простые ответы. Начало войны и послевоенное переустройство мира были вызваны многофакторными сложными процессами. Представляется необходимым остановиться на одном аспекте происходящих тогда событий.

ЮНЕСКО о роли идеологической конфронтации в возникновении Второй мировой войны и значении философии в предотвращении новой трагедии

После окончания Второй мировой войны эксперты, работающие в учреждениях ООН, пришли к выводу, что значимым фактором возникновения войны стало обострившееся идеологическое противостояние государств, сеявшее недоверие и вражду между народами. В этой связи в ЮНЕСКО была принята программа по внедрению в общественное сознание разных стран философского мировоззрения. Подобное решение международного института не было случайным. На протяжении почти трех тысячелетий своей истории философия буквально выстрадала идею о ценности человека и человеческой жизни, о равенстве людей независимо от их национальности, расы, пола, языка и религии. Далеко не случайно то, что первым генеральным директором ЮНЕСКО стал Дж. Хаксли – ученый-эволюционист и философ. Заметим, что в работе этой уважаемой в то время международной организации принимали участие Ж.-П. Сартр, А. Дж. Айер, П. Тейяр де Шарден, Р. Мойо, Р. Кайуа и другие известные мыслители [24]. Это свидетельствует о том, что при реализации своих программ, нацеленных на установление мира и взаимопонимания между народами, ЮНЕСКО придавало большое значение участию в них философов. В меморандуме о программе ЮНЕСКО в области философии (24.07.1946) отмечалось, что философские идеи в общественном сознании будут укреплять «уважение к человеческой личности, любовь к миру, неприятие узкого национализма и права грубой силы, солидарность и преданность идеалам культуры» [11]. Понимание высокой миссии философии в отстаивании мира дало основание экспертам ЮНЕСКО определить три стратегических направления в развитии философии: философия перед лицом глобальных проблем; преподавание философии в мире; развитие философской мысли и философских исследований [11]. В последующем для реализации обозначенных направлений развития философии проводились совещания с участием высокопоставленных представителей правительств и экспертов разных стран, входящих в ЮНЕСКО. Учитывая ситуацию, сложившуюся в мире, представляется уместным привести фрагмент из Парижской декларации ЮНЕСКО 1995 г. Участники дискуссии в Париже «Философия и демократия в мире» отмечали, что рассматриваемые философией проблемы «носят универсальный характер для жизни и самого существования человека; что философский анализ может и должен способствовать взаимопониманию и решению вопросов, касающихся взаимоотношений между людьми <…> что преподавание философии способствует развитию открытости умов гражданской ответственности, взаимопониманию и терпимости в отношениях между людьми и группами; что преподавание философии формируя независимо мыслящих вдумчивых людей, способных противостоять различным формам пропаганды, готовит каждого человека к тому, чтобы принять на себя ответственность за решение серьезнейших вопросов современного мира» [11,

с. 64–65]. Кажутся важными еще два абзаца этого документа. «Преподавание философии должно осуществляться высококвалифицированными педагогами, прошедшими в этих целях особую подготовку, и не должно подчиняться никаким главенствующим экономическим, техническим, религиозным, политическим и идеологическим требованиям; оставаясь независимым преподавание философии должно там, где это возможно быть прочно увязано с научной и профессиональной подготовкой во всех областях» [11, с. 65].

Осмысливая глубокий духовный кризис, в котором оказалось человечество в 40-е – 50-е гг. прошлого столетия и способы его преодоления, примененные ЮНЕСКО, есть основания полагать, что в настоящее время в условиях глобального многоаспектного кризиса роль философа и философии в современной общественной жизни резко возрастает, философия как мировоззрение есть теоретическая рефлексия кризисной эпохи, в результате которой по-новому осмысливаются и решаются фундаментальные проблемы бытия, что получает свое выражение в возникновении новых философских течений. Поэтому переломные эпохи в истории сопровождаются изменением мировоззрения обществ. Каждое новое философское мировоззрение – это теоретическая рефлексия возникшего глубокого общественного кризиса и, в то же время, концептуальные идеи, социальные идеалы, смысложизненные ценности посткризисного развития общества. Они, образно выражаясь, выступают в роли факела, освещающего людям путь в будущее. В этой связи каждый новый этап в развитии философии, так или иначе, предваряет возникновение новой исторической эпохи. Такая закономерность просматривается в истории европейской цивилизации, и не только европейской. Переломный характер современной исторической эпохи, проявляющийся в наложении множества глобальных кризисов, в том числе кризиса мировоззрения и пути движения человечества в рамках социальной модели глобального неолиберального капитализма, дают основание для вывода, что возникшие глобальные проблемы, представляющие экзистенциальную угрозу человечеству, требуют незамедлительного решения. Философия должна разработать методологию такого решения. Однако парадоксальность ситуации заключается в том, что на переломных этапах истории, когда возрастает востребованность обществом философии как мировоззрения и методологии, философия не может удовлетворять актуальные запросы общества, поскольку она сама находится в состоянии кризиса. В самом деле, если справедлива мысль Гегеля о том, что философия есть эпоха, выраженная в мыслях, то очевидно, что философия кризисной эпохи не может не находиться в кризисном состоянии. Поэтому решение задачи преодоления современного глобального многоаспектного кризиса должно предварять формирование нового жизнеутверждающего философского мировоззрения с новыми смысло-жизненными ценностями и социальными идеалами. Эта философия должна обладать методологией, позволяющей человечеству преодолеть границы саморазрушающей социальной организации, основанной на эгоистических мотивах экономической выгоды, неуемного потребительства и ригористического

индивидуализма. Но каким образом и на каких теоретических основаниях и принципах должна строиться эта философская парадигма, способствующая созиданию новой социальной реальности? Как отмечалось выше, в документах ЮНЕСКО в качестве одного из стратегических направлений развития философии определялось исследование глобальных проблем современности. В последние десятилетия на различных форумах, проводимых ЮНЕСКО, в программных документах к Всемирным философским конгрессам также указывалось на неотложность осмысления и решения проблем, затрагивающих интересы всего человечества [22].

Философия кризисной эпохи, ее проблемы и эвристические возможности

Было бы наивно полагать, что в условиях современного цивилизационного раскола, политического, идеологического и военного противостояния государств их представители, участвуя, скажем, в очередном Всемирном философском конгрессе, придут к консенсусу относительно понимания причин, возникших экзистенциальных угроз и способов их устранения. Сомнения на этот счет усилятся, если принять во внимание, что западная Европа в течении 500 лет занимала ведущие позиции в мире в экономической, политической, военной, научно-технической сферах. Это позволило ей определять тенденции в развитии философии, тематику обсуждаемых проблем и даже место проведения Всемирных философских конгрессов, с тех пор как они организовывались. Понятно, что тематика обсуждаемых проблем в публикациях западных ученых по большей части отражала социально-экономическую и политическую реальность, в которой они жили. Поэтому в их исследованиях, как правило, отстаивалась идея европоцентризма, пропаганда западных ценностей и западной культуры как идеала человеческой культуры. Такую позицию своих западных коллег известный отечественный философ акад. Т.И. Ойзерман не без оснований характеризовал как проявление идеологии неоколониализма [20]. Показательно, что к критической оценке европоцентризма в разное время присоединялись некоторые западные философы, например Р. Бернаскони и Б. Дэвис [26].

С завершением холодной войны и формированием глобального монополярного мира тематика обсуждаемых в западной философии и социально-политической литературе проблем заметно изменилась. По большей части она определялась той экономической и социально-политической реальностью, которая сформировалась в результате американизации планеты и соответствовала интересам мирового гегемона. Эталоном для подражания теперь были объявлены американские ценности, образ жизни, демократия. Они представлялись как достижения западной цивилизации.

Процессы глобализации способствовали появлению во второй половине XX в. транснациональных корпораций (ТНК), роль которых в мировой экономике и политике к концу прошлого столетия резко возросла. Существование

строгих границ национальных государств противоречило глобальным интересам финансово-промышленных и финансовых групп. Успех их деятельности во многом определялся возможностью быстрого и беспрепятственного проникновения в «материальные жизненные артерии национальных государств» (У. Бек) с последующим влиянием на их внутреннюю и внешнюю политику, если она противоречила интересам ТНК. В этой связи вполне объяснимо появление работ, авторы которых объявляют Вестфальские соглашения и национальный суверенитет государства отжившими правовыми институтами [21, с. 203; 14, с. 18, 484]. Некоторые из наиболее активных адептов этой точки зрения призывали власти США возглавить процесс последующей десуверенизации государств [21, с. 200]. Надо признать, что за последние тридцать лет акторы глобального монополярного мира в этом весьма преуспели.

Формирование монополярного неолиберального мира, управляемого финансовым и финансово-промышленным капиталом, ознаменовало возникновение новых субъектов мировой политики, действующих вне публичной сферы, и потому вне контроля национального и международного права, с демонстративным игнорированием всякой морали. Именно такая, ничем не ограниченная деятельность деперсонализированных субъектов оказывает более сильное влияние на международную жизнь и складывающийся мировой порядок, нежели деятельность национальных государств [4; 2]. Это способствовало вытеснению государств из сферы сущностных политических отношений, затрагивающих их национальные интересы и возможности влияния на мировой порядок. Указанные тенденции породили на Западе нарративы, ставящие под сомнение политическую и правовую субъектность национальных государств.

Отрицание суверенитета политической и правовой субъектности национальных государств должно было сопровождаться деобъективизацией (десубстанциализацией) исторических общностей – этносов и наций. Эту миссию попытались выполнить представители философского конструктивизма, объявив нацию «мифом» [7, с. 34, 114], «воображаемым сообществом» [1, с. 31]. Подобные воззрения, несомненно, были результатом одностороннего видения процессов, вызванных глобализацией, но они соответствовали интересам транснационального финансово-спекулятивного капитала и потому получили достаточно широкое распространение в научно-исследовательской среде. Словом, глобализаторы сделали неуместной нацию, несмотря на то, что она продолжала существовать [27]. Указанные воззрения распространились и в России.

Как правило, для индивидов значимым и объективным индикатором самопрезентации и самоидентификации является его принадлежность к социальной группе, социальной общности. Но если нация «не естественный способ классификации людей» [7, с. 34], а лишь социальный конструкт, то в этом случае человек лишается объективных оснований самоидентификации, теряет свои национальные и социальные корни, превращаясь в абстрактного индивида глобального мира. Поэтому идеи национальной идентичности и патриотизма в общественном

сознании вытесняются модной концепцией космополитизма [3]. По свидетельству М.Т. Степанянц, последний XXV Всемирный философский конгресс в Риме (август 2024 г.) стал воплощением космополитического идеала – человека мира [23, с. 8]. К проблеме планетарного человека мы вернемся несколько позже. К изложенному представляется необходимым добавить, что Запад играл ведущую роль не только в определении тематики обсуждаемых философским сообществом проблем, но и в выборе места проведения мировых философских форумов. За более чем столетнюю историю Всемирных философских конгрессов (первый – Париж, 1900 г.) они проходили в основном в странах коллективного Запада.

Конечно, ситуация в мире за последние 10–15 лет заметно изменилась. В настоящее время мало кто из серьезных исследователей отождествляет философию как мировое явление исключительно с западноевропейской философией. Сегодня и на Западе признают переломный этап истории. Отсюда и отчаянные попытки сохранить монополярный мир, управляемый Америкой. Поэтому говорить о возможности нахождения консенсуса между представителями коллективного Запада и остального мира относительно причин возникновения экзистенциальных угроз человечеству и способа их устранения сегодня не приходится. Чтобы быть правильно понятым, автор этих строк должен отметить, что он не отождествляет философов и политиков, философию и идеологию. Конечно, работа философа может иметь политический и идеологический контекст. Особенно, когда речь идет о социальной и политической философии. Философия как область интеллектуальной деятельности, образно выражаясь, стоит далеко от базисных отношений и не так подвержена влиянию экономических и политических интересов крупных социальных групп и господствующих элит. Есть «вечные» фундаментальные (метафизические) философские проблемы, над которыми работают мыслители разных стран. В этом случае они без особого труда находят взаимопонимание, получая даже восторженные отклики на опубликованные работы от своих зарубежных коллег [6]. Но те экзистенциальные угрозы человечеству, о которых говорилось выше, находятся вне поля зрения таких мыслителей. Они относятся к сфере научной деятельности социальных и политических философов, историков, экономистов, геополитиков, правоведов и других ученых, чьи исследования так или иначе затрагивают интересы больших социальных групп и поэтому не могут быть независимы от экономической и политической элиты западных стран, особенно от деперсонализированных сил глобального неолиберального капитала. Однако проблема не только в этом, а в эвристических возможностях современной философии предложить человечеству спасительный рецепт от неминуемого самоуничтожения. Как уже отмечалось, кризисные эпохи истории порождали соответствующие им состояние философии. Три глобальных кризиса капитализма в XX в. определили кризисные тенденции в мировой философии [19]. Платой марксизма за выход из первого кризиса стал раскол этого течения, условно говоря, на западный и восточный варианты. Последний после победы социалистической революции в России получил наименование ленинский

или советский марксизм. Успехи большевиков в строительстве нового типа общества, а затем победа Советского союза в Великой отечественной войне и решающий вклад в исходе Второй Мировой войны, способствовали превращению марксизма во влиятельное учение во всем мире. С другой стороны, эти успехи в немалой степени создали условия догматизации некоторых положений в работах Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина, а в последующем абсолютизации опыта строительства советского варианта социализма. Конечно, это не могло не сказаться на творческом потенциале и конкурентоспособности марксисткой философии, что со всей очевидностью дало о себе знать в драматических событиях начала 90-х гг. XX в.

Выход западной философии из мирового кризиса в философии произошел за счет отказа от традиций классической, рационализированной философии, мировоззренческих проблем, идеи исторического прогресса. Сужение философской проблематики сопровождалось тягой западных мыслителей к иррационализму, релятивизму, агностицизму. Указанные тенденции усиливались в течении всего прошлого столетия и рельефно появлялись в воззрениях постмодернистов.

Оценивая современное состояние философии, Дитрих фон Гильдебранд называет западных мыслителей могильщиками философии, поскольку они лишили философию философской проблематики, отказались от собственно философских методов исследования, заменив их естественнонаучными, и при этом не признают объективную реальность. По мнению немецкого философа, у его западных коллег нет философского взгляда на действительность, позволяющего решать сложные философские проблемы. Напротив, своими произвольными умозрительными построениями они преграждают путь к истине [8, с. 6–9].

Негативные тенденции в мировой философии появились и в нашей стране. Этого не могло не быть, если учитывать, что экономический, социально-политический, духовной кризис в России был более глубоким и продолжительным, чем в других странах Восточной Европы. Поэтому оценка состояния не только мировой, но и особенно отечественной философии известными российскими исследователями [10; 9; 12; 18] совпадает с мнением немецкого мыслителя. Современная российская философия, отмечает И.А. Гобозов, свидетельствует о глубоком интеллектуальном кризисе нашего общества, что проявляется в «отсутствии в наше время великих мыслителей, великий ученых, чьи идеи могли охватить массы и помогли бы им избавиться от мещанства, от моральной и духовной деградации» [9, с. 5]. «Постклассическая философия, – отмечает В.М. Межуев, – утратила роль главного “властителя дум” своего времени, уступив ее тем, кто далек от всякой философии» [17, с. 178]. Но если философия в настоящее время не является «властителем дум», не влияет на общество, то она тем более не может влиять на политиков, как правило далеких от всяких теорий и руководствующих прагматическими соображениями. Эти последние раз в 4–5 лет вынуждены учитывать и даже считаться с общественным мнением, что получает отражение в их предвыборных заявлениях и обещаниях, о которых они после

выборов очень часто благополучно забывают. Но не более того. Словом, современная философия перестала выполнять одно из своих общественных предназначений, ради которых она возникла и существовала не одну тысячу лет. Причина утраты философии своей сущностной функции и своих эвристических возможностей есть результат радикального отказа большинства современных философов от традиций классической философии. Как было показано выше, это произошло и в силу изменений социальной реальности, в которой живут и работают современные философы. Тем не менее, существующая ситуация дает основание для вывода, что в настоящее время возник типичный вариант проблемной ситуации. Современная цивилизация остро нуждается в эффективной методологии, в жизнеутверждающем мировоззрении для блокирования существующих экзистенциальных угроз и выхода человечества из глубокого кризиса. Однако сама философия, игравшая до сих пор эту спасительную функцию в каждую историческую эпоху, не в состоянии сегодня эту задачу решить. Словом, мы знаем, что необходимо делать, но не знаем, как это сделать. Как же быть? И что делать?

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 288 с.
2. Бек У. Власть и ее отношение в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / пер. с нем. А.Б. Григорьева, В.Д. Седельника. М.: Прогресс-Традиция: Территория будущего, 2007. 464 с.
3. Бек У. Космополитическое мировоззрение: пер. с нем. М.: Центр исслед. постиндуст. об-ва, 2008. 336 с.
4. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / пер. с нем. А.Б. Григорьева, В.Д. Седельника. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
5. Богданов К.В. Не здороваться через порог // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23, № 1. С. 24–29. DOI: https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-24-29
6. Васильев В.В. Дэниел Деннет: человек и философ // Вопросы философии. 2024. № 8. С. 16–26. DOI: https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-8-16-26
7. Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
8. Гильдебранд Д. фон. Что такое философия? / пер. с нем. А.И. Смирнова. СПб.: Алетейя, 1997. 374 с.
9. Гобозов И.А. Интеллектуальный кризис общества // Философия и общество. 2010. № 3. С. 5–21.
10. Гобозов И.А. Куда катится философия?! От поиска истины и к постмодернисткому трепу. М.: Изд-ль Савин С.А., 2005. 202 с.
11. Дианова В.М. Инициативы ЮНЕСКО в области совершенствования и развития философского образования // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. 2011. № 1(2). С. 63–71.

12. Каменский З.А. Философия как наука: Классическая традиция и современные споры. М.: Наука, 1995. 174 с.
13. Караганов С.А. Сломать хребет Европе: какой должна быть политика России в отношении Запада // Россия в глобальной политике. Колонка издателя. 2025. 22 янв. URL: https://globalaffairs.ru/articles/slomat-hrebet-evrope-karaganov/ (дата обращения: 24.01.2025).
14. Киссинджер Г. Мировой порядок / пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. М.: АСТ, 2016. 512 с.
15. Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. IX: Материалы разных лет. М.: Мысль, 1990. С. 363–446.
16. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи-Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1957. Т. 8. С. 115–217.
17. Межуев В.М. Философия как идеология // Философский журнал. 2017. Т. 10, № 4. С. 171–180. DOI: https://doi.org/10.21146/2072-0726-2017-10-4-171-180
18. Миронов В.В. Философия и метаморфозы культуры. М.: Соврем. тетради, 2005. 424 с.
19. Мусаелян Л.А. Кому нужна сегодня эта философия? Статья первая. Почему существует сомнение в необходимости преподавания философии в вузах России // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 78–90. DOI: https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-1-78-90
20. Ойзерман Т.И. Международный форум философов: мировоззренческий спор: Философия – человек – культура: к итогам XVII Всемирного философского конгресса // Вопросы философии. 1984. № 5. С. 31–47.
21. Сорос Дж. О глобализации / пер. с англ. А.А. Башкирова. М.: Эксмо, 2004. 224 с.
22. Степанянц М.Т. Всемирный день философии 2009 // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 6–10.
23. Степанянц М.Т. «Философия вне границ» (к предстоящему XXV Всемирному философскому конгрессу) // Вопросы философии. 2024. № 2. С. 5–13. DOI: https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-2-5-13
24. Томский Г.В. Философия, идеалы и ценности ЮНЕСКО // CONCORDE. 2019. No. 2. P. 18–29.
25. Филиппов А.Ф. Эскалация как осознанное и бессознательное // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23, № 1. С. 36–44. DOI: https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-36-44
26. Davis B.W. Gadfly of continental philosophy: on Robert Bernasconi's critique of philosophical Euro-centrism // Comparative and Continental Philosophy. 2017. Vol. 9, iss. 2. P. 119–129. DOI: https://doi.org/10.1080/17570638.2017.1331902
27. O'Brien R. Global financial integration: The end of geography. London, UK: Pinter, 1992. 120 p.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ФИЛОСОФИИ. СТАТЬЯ ВТОРАЯ. ОСЕВАЯ ЗОНА СИСТЕМНОГО КРИЗИСА ЦИВИЛИЗАЦИИ*

По мнению автора, глубинной причиной современных кризисных тенденций, о чем говорилось в первой статье (вып. 1. 2025 г. данного Вестника), является антропологический кризис. Фактически все обозначенные в предыдущей статье глобальные кризисы центрируются на сущностном кризисе современного человека. Поэтому антропологический кризис является осевой зоной всех современных опасных вызовов. В представленной публикации показываются истоки этого кризиса, вызванного историческим отчуждением родовой сущности человека от индивидуальной и возникновением частичного человека. Развитие глобального неолиберального капитала привело к возникновению потребительского общества и формированию человека экономического, представляющего предельную форму частичного человека, с явными признаками расчеловеченной сущности, проявляющейся в ментальных особенностях и когнитивных способностях подобных социальных индивидов. В этом ракурсе анализируются особенности правящей элиты «коллективного запада» и существующие риски падения цивилизации в новое варварство. В статье исследуются антропологические последствия реформ 90-х в России, которые привели к формированию в стране нового типа социального индивида Homo economicus. Показывается, что реформы были профессионально реализованным проектом социальной инженерии по перестройке национально-исторического и культурного кода россиян, чреватой угрозой антропологической катастрофы национального масштаба. Обосновывается идея о том, что наша страна находится на переломном этапе истории, вызванной, с одной стороны гибридной войной коллективного Запада, с другой, опасными кризисными тенденциями в обществе, ослабляющими наши возможности отстаивать государственный суверенитет. В заключении показываются задачи, стоящие перед философским сообществом России и способы их решения для вывода страны из современного кризиса.

Ключевые слова: осевая зона, антропологический кризис, Homo economicus, цивилизация, варварство, реформы, антропологическая катастрофа, идеология, философия.

* Впервые опубликовано: Мусаелян Л.А. Особенности современной исторической эпохи: некоторые проблемы и задачи философии. Статья вторая. Осевая зона системного кризиса цивилизации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2025. – № 3. – С. 429-445. – DOI 10.17072/2078-7898/2025-3-429-445.

Введение

Тип общества и образ жизни людей, который стал формироваться почти пятьсот лет назад, пройдя циклы кризисов и подъемов, продемонстрировав триумфальные достижения в XIX–XX вв., в настоящее время исчерпал возможности своего развития. Само существование современного неолиберального глобального капитализма несет реальную угрозу всему человечеству. Сегодня для преодоления экзистенциальной угрозы требуется поиск и выбор нового вектора исторического движения человечества. Но это невозможно без прогнозируемого будущего, причем желаемого будущего, что предполагает существование у общества идеологии, ключевым элементом которого является социальный идеал с новыми притягательными принципами жизнеустройства и смысложизненных ценностей. Как показано автором динамической теории информации Д.С. Чернавским, в условиях бифуркации имеют преимущества в выживании те популяции, у которых есть идеология или цивилизационный проект, позволяющий им заглянуть в будущее [39].

Осевая зона системного кризиса современной цивилизации

Как представляется, выход из современного глубокого кризиса, в каком оказалось человечество, требует определения его осевой зоны, пронизывающей все кризисные тенденции, о которых говорилось ранее. Такой зоной, фактически фокусом кризиса современной цивилизации, является антропологический кризис. Он обусловлен историческим отчуждением родовой сущности человека от индивидуальной. Это в определенном смысле ключевое событие в истории человечества было вызвано общественным разделением труда, расщеплением целостной неразвитой сущности человека на индивидуальную и родовую, что сопровождалось социальной стратификацией общества, накоплением богатства на одном полюсе, и бедности – на другом. Указанные процессы приобретают наиболее выраженный характер в условиях зрелого капитализма, что, как показал Маркс, привело к формированию частичного («неполного») человека (einen Teilmenschen) [15, с. 660]. Отчуждение универсальной родовой сущности от индивидуальной фактически означало расчеловечивание сущности социальных индивидов. Этот процесс в условиях современного глобального неолиберального капитализма приобрел свою предельную форму в человеке экономическом (Homo economicus). Последний как глобальный феномен оказался результатом наложения двух тенденций, которые в единстве оказались мультипликатором глубокого антропологического кризиса цивилизации, приведшего человечество к опасной точке невозврата. Так, человек экономический есть конкретно-исторический тип частичного человека, сформировавшегося во второй половине XX в. в условиях потребительского общества. Поясним свою позицию. В труде человек утверждает себя как родовое социальное существо. Но в процессе труда родовая

сущностная сила рабочего «высасывается» собственником средств производства, создавая (или увеличивая) капитал, который противостоит работнику как чуждая, господствующая и эксплуатирующая его сила [15, с. 660]. Отчуждение от человека его родовой сущностной силы превращает работника в «неполного», частичного человека. Поскольку в труде человек теряет свою родовую социальную сущность, он чувствует себя полноценным свободным человеком только вне труда, когда он, по аналогии с хозяином предприятия, выступает как активный субъект, покупая предмет потребления. Обладая предметом, человек удовлетворяет свои желания, и в этом самоудовлетворении он получает определенное наслаждение, которое требует продолжения, превращая потребление в самопричиняющийся процесс. Этому способствует и искусственное поддержание капиталом высокого потребительского спроса, фактически являющегося принуждением к потреблению, а также статусный характер потребления [2]. Динамизация общественной жизни, быстрая смена потребностей превращают в конечном счете потребление в смысл жизни человека экономического. Подобное понимание смысложизненных ценностей человеком свидетельствует о деперсонализации его человеческой сущности. Этот процесс имеет и другую причину. Удовлетворение быстроизменяющихся потребностей требует все новых денег. Взятые в банках кредиты рано или поздно приходится возвращать. Поэтому цель человека экономического – максимально адаптироваться к изменчивому рынку труда, сохранить постоянный спрос на себя. А это становится возможным, если, как отмечал Э. Фромм, человек отказывается от собственного «Я» и руководствуется принципом «Я такой, какой я вам нужен» [34, с. 367]. Такая самооценка рыночно ориентированного человека свидетельствует о том, что у него отсутствует «самость», внутренний стержень, определяющий чувство идентичности. Потеря идентичности есть выражение кризиса современного общества, в котором его члены «стали безликими инструментами» [34, с. 368]. Об утрате идентичности современных американцев писал и С. Хантингтон [37]. Отсутствие идентичности у социальных индивидов превращает их в удобный объект манипулирования и управления. «Разум в смысле понимания, – писал Фромм, – является исключительным достоянием Homo sapiens; манипулятивный же интеллект как инструмент достижения практических целей присущ и животным, и человеку. Манипулятивный интеллект, лишенный разума, опасен, т.к. он заставляет людей действовать таким образом, что это с точки зрения разума может оказаться губительным для них» [34, с. 369–370]. Эти идеи известного американского мыслителя-гуманиста подтверждаются современными событиями в мире. Гибридная война, которую коллективный, т.е. американизованный, Запад уже более десяти лет ведет против России, оказалась обоюдоострым оружием. Десятки тысяч санкций, введенных западными странами против России, наносят им вред не меньше, чем нашей стране. Экономика Евросоюза, лишившись дешевых энергоносителей, удобрений, сырья, заметно просела, что сказалось на уровне жизни населения. Сытая, благополучная, комфортная жизнь осталась в прошлом. Тем

не менее, немалая часть населения этих стран, одурманенная русофобской пропагандой, поддерживает опасный курс своих правительств, накачивающих оружием нацистский режим Украины, опасно повышающих градус эскалации в своем противостоянии с Россией.

Особенности человека экономического как глобального феномена

Как было показано выше, Homo economicus есть конкретно-исторический тип человека частичного, сформировавшегося в условиях потребительского общества. Однако он продукт американской формы глобализации, иначе говоря, американизации планеты. Поэтому человек экономический – это американец, ставший планетарным феноменом [1, с. 383]. Какова особенность этого социального индивида?

Бытует устойчивое мнение о том, что Дж. Вашингтон сетовал на отвратительную черту своих соотечественников – страстную любовь к деньгам. Похоже, что это соответствует действительности. Вот что писали об американцах известные немецкие философы М. Хоркхаймер и Т. Адорно, длительное время жившие в США: «Здесь в Америке, – отмечали они, – не существует никакого различия между самим человеком и его экономической участью. Никто не является чем бы это ни было иным, кроме как своим состоянием, своим доходом, своим положением, своими шансами. Маска экономического положения и то, что это находится под ней, совпадает в сознании людей, включая и тех, о ком идет речь, вплоть до мельчайшей морщинки» [38, с. 259]. Субстанциональная сущность человека проявляется в способе его существования, т.е. в деятельности, а она в Америке оценивается исключительно количеством денег. Известная формула Протагора гласит: «Человек – мера всех вещей». В США господствует иной принцип: «Деньги – мера всех вещей». В этой связи, как пишет Э. Фромм, в Америке является обыденностью, когда о человеке говорят: «Он стоит миллион долларов». «Сущность бытия заключается в обладании, что человек – ничто, если он ничего не имеет» [34, с. 204]. Характеризуя ментальность американцев, Дж. Сорос отмечает, что в любой деятельности – в праве, медицине, политике – достижения людей всегда оцениваются «по количеству денег, которые они приносят, а не по реальным достоинствам» [31, с. 247]. «Этика успеха», господствующая в США, способствовала превращению погони за деньгами в смысл жизни человека. Стремление иметь все больше и больше, как писал Э. Фромм, неизбежно приводит к обострению классовых противоречий в обществе, «а в глобальном масштабе – войне между народами. Алчность и мир исключают друг друга» [34, с. 196].

Если погоня за деньгами в глобальном масштабе оборачивается войной, то и сама война для человека экономического оказывается не более чем экономическим проектом. В этом ментальность англосаксов, проявившаяся ходе двух мировых войн и в их подходе к событиям на Украине. Последняя усилиями США и Великобритании превратилась в наемное государство, воюющее с Россией до

последнего украинца. В прошлом эти две державы (особенно Англия) не раз безуспешно предпринимали попытки с использованием третьих стран нанести поражение России и расчленить ее. В этой связи превращение Украины в анти-Россию «отчетливо выявился реваншистской замысел англосаксонского расизма» [30, с. 135].

Гибридная война, которую коллективный Запад ведет против России, дает основание привести еще одно историческое обобщение англосаксонского стиля ведения войны. Вооруженное противостояние с противником всегда сопровождается экономической, торговой, денежной войной с ним же. Словом, применяются любые доступные средства, чтобы нанести максимальный ущерб противнику. Заметим, в настоящее время не только США и Англия используют перечисленные методы борьбы с Россией, но и коллективный Запад. Иначе говоря, modus vivendi англосакса – человека экономического – стало фактически глобальным явлением. Но если эти санкции (а их было принято против России за последние годы десятки тысяч) не дают нужного эффекта, тогда прибегают к опасной военной эскалации, которая может привести к мировой катастрофе. «Надежда на то, – пишет Л.В. Скворцов, – что такое событие просто невозможно, поскольку оно противоречит здравому смыслу нормального человека, стремящегося к сохранению жизни как ценности, данной ему один-единственный раз, – призрачна» [29, с. 6]. Действительно, если учитывать когнитивные возможности не только тех людей, которые возглавляют США, но и многих руководителей стран коллективного Запада, то представление о будущем человечества не внушает оптимизма. Но дело не только в когнитивных особенностях многих представителей западной элиты, что само по себе порождает тревогу у всякого здравомыслящего человека, но и в их ментальности, которая сформировалась в эпоху неолиберального глобального капитализма. «Проблема состоит в том, – указывает Л.В. Скворцов, – что нам сегодня противостоит не нормальный западный человек, а сформированный в XX веке его антипод, сохраняющий внешний облик нормального человека» [30, с. 137]. Этот индивидуум есть предельно развитая форма Homo economicus, признающий исключительно ценность доллара и находящийся под властью доллара, т.е. глобального финансового капитала. Для человека экономического деньги – это цель жизни, а люди – лишь средство. Поэтому он спокойно приносит в жертву людей, тем более когда речь идет о населении другого государства.

Антропологический кризис дает о себе знать и в когнитивных возможностях современной западной элиты. При господстве глобального финансового капитала оказываются невостребованными политические деятели с фундаментальными знаниями, широким кругозором, способные проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Если демократические выборы – это соревнование больших денежных мешков, а не умов, то у таких людей нет шансов

взойти на политический Олимп. Если еще учесть, что бóльшая часть электората, обладая манипулятивным интеллектом, оказывается под влиянием политтехнологов, нанятых тем же капиталом, то результат будет ожидаемым. Правда, случается и так, что электорат «ошибается» и неправильно голосует. Тогда активная работа мировых «независимых» СМИ во всех «демократических» странах, подконтрольных глобальному капиталу обосновывают неприемлемость результатов и необходимость проведения новых выборов. Если и это не проходит, осуществляется цветная революция и «демократическим» путем к власти приводится нужная Западу креатура, готовая вопреки национальным интересам безропотно выполнять директивы мирового гегемона. Словом, появление в большинстве западных стран политических деятелей с сомнительными когнитивными возможностями – это закономерный результат формирования монопольной власти неолиберального капитала, стремящегося приватизировать историю человечества. А для приватизированной истории достаточен лишь один актор. И здесь не важно, как фамилия человека, которому поручено выполнять роль мирового актора, и какой он по счету президент в истории страны, претендующего на роль мирового гегемона. «Глобальная власть финансового капитала – это становление исторической власти доллара, в котором человек играет роль слуги, роль материала, не значащего истины самосознания. Он обречен на незнание истины и поэтому может свободно исчезнуть, утратить смысл своего бытия, ради сохранения смысла власти доллара. Это край мощи безнравственного духа» [30, с. 125–126].

Антропологический кризис как угроза существованию современной цивилизации

Вышеизложенное дает основание сделать вывод, что мы являемся свидетелями глубочайшего антропологического кризиса, который ставит под вопрос само существование человеческой цивилизации. Учитывая глубину и последствия указанного кризиса, было бы правильно определить происходящее вслед за М. Мамардашвили антропологической катастрофой. Среди кризисных тенденций конца XX в. известный советский философ обратил внимание на изменения, которые происходят с «человеческой материей». Они приводят к нарушению законов, по которым устроена человеческая цивилизация, разрушению самой человеческой цивилизации. По мнению Мамардашвили, антропологическая катастрофа может быть прототипом иных возможных катастроф [14, с. 107]. Собственно, о чем идет речь. Переход человечества от дикости и варварства к цивилизации был спасением человеческого рода, ибо это был скачок от социальной организации, основанной на «пещерном праве силы», к обществу, опирающегося на силу права. Возникновение мирового гегемона, практикующего право силы с демонстративным игнорированием международного права, фактически означает возврат к варварству. Но в арсенале мирового гегемона не дубинки, и даже не мечи, луки и стрелы, а оружие массового поражения, применение которого мо-

жет привести к гибели человеческой цивилизации. *«А ведь суть и замысел цивилизации,* – отмечала Н.В. Мотрошилова, – *состояли именно в выживании человеческого рода, в сохранении человечности и непрерывности его истории»* (курсив автора. – Л.М.) [18, с. 89]. В этой связи философ заключает, что «тип цивилизации, не способный устранить крайние милитаристские, террористические, криминальные и другие насильственные формы господства и подчинения, исторически изживает себя» [18, с. 88–89]. Цитируемая работа Н.В. Мотрошиловой была написана более пятнадцати лет назад. Ситуация с тех пор в мире если и изменилась, то в худшую сторону. Но похоже, человечество еще не осознало, что политика с позиции силы глобального капитала может переместить цивилизацию не в эпоху варварства, а на вселенское кладбище, как это предупреждал И. Кант. Таковы последствия антропологического кризиса конца XX – начала XXI в. Анализ антропологического кризиса был бы неполным, если не коснуться его проявления в нашей стране.

Реформы 90-х гг. в России и их антропологические последствия

О событиях, произошедших в России после развала Советского Союза, написано много, в том числе и автором данных строк [24; 22; 19; 23]. Это избавляет нас от необходимости подробного описания процессов, происходящих в стране в начале 90-х гг. прошлого века. Сегодня, после прошествия стольких лет, когда очень многое (но все же не все) стало известно, можно сказать, что в России произошла цветная революция со всеми типичными для нее признаками: принципиальная несговорчивость акторов революции, целенаправленные действия на обострение конфронтации с политическими оппонентами, стрельбой неизвестных по людям (с крыши американского посольства!), провокационные призывы и действия безответственных людей, усиливающие хаос и неуправляемость государства, и т.д. Новая российская элита при мощной поддержке вечных «друзей» России, под грохот танковых орудий выводила страну из тоталитаризма в мир цивилизации и демократии. Реформы начались с громких публичных заявлений о необходимости деидеологизации и деполитизации экономики. Но, в сущности, деятельность реформаторов была мотивирована идеологически и политически. Для них неолиберальная идеология была своеобразным «священным писанием», руководствуясь которым они целенаправленно в короткий срок осуществили деиндустриализацию страны. В результате реформ десятки миллионов людей лишились средств существования. Картина была бы неполной, если не сказать о галопирующей инфляции, алкоголизации населения, небывалого роста преступности и наркомании, возникновении беспризорности и других социальных болезней, характерных для беднейших стран Латинской Америки и Африки. В результате произошло резкое падение рождаемости и увеличение смертности. Пересечение двух этих тенденций получило название в аналитике «русский крест», символизирующий явно выраженную тенденцию депопуляции населения страны. Указанная

тенденция свидетельствовала не об антропологическом кризисе, а об антропологической катастрофе, последствия которой дают о себе знать и сегодня.

Реформы способствовали возникновению в стране социальной реальности, существовавшей в Европе в середине XIX в. некогда описанная Марксом. «…Все, на что люди привыкли смотреть как неотчуждаемое, сделалось предметом обмена и торговли и стало отчуждаемым. Это время, когда даже то, что дотоле передавалось, но никогда не обменивалось, дарилось, но никогда не покупалось, – добродетель, любовь, убеждение, знание, совесть и т.д., – когда все, наконец стало предметом торговли. Это время всеобщей коррупции, всеобщей продажности…» [16, с. 73]. Жажда к наживе, к деньгам все более становится мотивом поведения людей. Реформы фактически были продуманным проектом социальной инженерии по формированию новых типов социальных индивидов, отличающихся не только от советского человека, но и от россиянина, имеющего немало общих с советскими людьми признаков. Возникает резонный вопрос: какие мотивы были определяющими в деятельности российских реформаторов – идеологические (неолиберализм) или политические? Представляется, что неолиберальная идеология и опирающиеся на нее принципы рыночного фундаментализма были инструментом решения политических задач, поставленных перед реформаторами их западными кураторами. Целью Запада и прежде всего США, организовавших в России цветную революцию при помощи либералов для того, чтобы выбить правопреемницу своего геополитического противника из ядра мировой истории на ее периферию, превратив страну в источник дешевых энергоресурсов, сырья, рабочей силы. К концу 90-х Россия фактически потеряла финансовый, технологический и даже политический суверенитет. Хорошо известно, что в период первого президента демократической России кандидатуры на ключевые должности в правительстве страны согласовывались с американским руководством. И позже, в тучные на нефтедоллары нулевые годы власти России, находясь в плену либеральной идеологии, не предпринимали существенных мер по модернизации устаревших основных фондов промышленности, восстановлению экономики, технического, технологического, научного суверенитета. Между тем, еще в 1999 г. в большой аналитической статье в «Независимой газете» о тяжелой ситуации в российской экономике и необходимости ее модернизации писал В.В. Путин – в то время председатель правительства и кандидат в президенты [27]. Но почему, став президентом, он забыл о своей предвыборной публикации и оставил на ключевых постах либералов, остается только догадываться. В способах управления страной этими людьми чувствовалось ментальность человека экономического. «Зачем производить – купим». Колоссальные деньги, вырученные от продажи энергоносителей и сырья, выводились на Запад, большей частью в США, финансируя экономику этих стран. К чему привела такая политика, показывают события последних 3-х лет после объявления СВО, когда стало очевидно, что без экономического, финансового,

технологического, научного, образовательного, цифрового суверенитета существование России как государства невозможно.

В настоящее время у нас в стране в тренде идея патриотизма. Можно ли реформаторов и их убежденных сторонников, остававшихся в течение многих лет у власти, называть патриотами России? По своей ментальности это тот же тип социальных индивидов, которые обыкновенно называются Homo economicus. В условиях монополярного мира человек экономический, как было показано, – это американец, ставший глобальным феноменом. В лучшем случае это космополит. Так может ли такой тип социального индивида быть патриотом России? Вопрос риторический.

Начнем с первого президента демократической России. Ради власти он сознательно разрушал государство, которое подняло его на верхние ступени политической пирамиды. Подписав Беловежские соглашения (08.12.1991), означавшие фактически государственный переворот, он тут же доложил об этом Дж. Бушу. Можно ли считать его патриотом России, услышав произнесенную им речь в конгрессе США (17.07.1992). *«Мир может вздохнуть спокойно,* – говорил Б. Ельцин в своем выступлении, – *коммунистический идол, который сеял на земле социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, рухнул. Рухнул навсегда. И я здесь для того, чтобы заверить вас: на нашей земле мы не дадим ему воскреснуть!»* (курсив автора. – Л.М.) [26]. В заключении бывший коммунист и атеист просит бога, чтобы он хранил Америку. Речь идет о государстве которое с начала XX века (план президента В.Вильсона1914г) намеревалось расчленить его страну и в течении почти ста лет боролось с ней для достижения этой цели, независимо от того как она называлась. Выступление Б. Ельцина можно характеризовать как отчет убежденного антикоммуниста перед политической элитой США о проделанной работе. Поэтому ответ на поставленный выше вопрос, что было определяющим у реформаторов, идеологические или политические мотивы в осуществлении преобразований, очевиден. Возникает вопрос, как мог высокопоставленный партийный работник в короткий отрезок времени превратиться в зоологического антикоммуниста, дающего клятву верности Америке? Политик-популист, который хочет понравиться электорату или вышестоящему начальству, от которого зависит его продвижение по карьерной лестнице вверх, ведет себя так же, как Homo economicus. Их ментальность в значительной степени совпадает. Они доказывают (в одном случае народу или членам партии, в другом – работодателю на рынке), что перед ними тот человек, какой им сегодня нужен. Как свидетельствует политолог Д. Саймс, который присутствовал на встрече Б. Ельцина с американскими политиками в период его первой поездки в США, будущий президент России очень хотел понравиться американцам и говорил то, что они хотели услышать. Советский Союз, в общем-то, не нужен, рассуждал гость, надо дать возможность республикам выйти из состава Союза. Услышанное, вспоминал журналист, вызвало интерес у влиятельных политиков, а сам гость – определенные

симпатии [28]. Словом, Б. Ельцин вел себя как типичный Homo economicus, убеждая американцев: «Я тот, кто вам нужен». По воспоминаниям того же Д. Саймса, он был поражен тем, до какой степени российский политик был наивен в вопросах международных отношений, да и по всем остальным проблемам он имел примитивные представления [28]. Метаморфозы, происшедшие с Б.Н. Ельциным, не являются уникальным явлением, это симптом антропологического кризиса советской элиты, немалая часть которой не имела внутренних глубоких убеждений, не разделяла официально артикулируемые смысложизненные ценности, не верила в светлые идеалы, которые отстаивали их отцы и деды. Их жизнь была постоянной коллизией между необходимостью «казаться» («демонстративным поведением», свойственным Homo economicus) и плохо скрываемым желанием «быть». Оно выражало экзистенциальное противоречие между родовой и индивидуальной сущностью человека. И когда начались реформы у немалой части советской элиты (особенно экономической), победил индивидуальный, «шкурный» интерес. Элита, как пишет Председатель КС РФ В. Зорькин, «поняла, что если она примет новый строй, она может уверенно сделать своей достаточно значительную часть быв-шей советской собственности. Что и случилось. А потому она не задействовала свой ресурс для защиты советского строя» [6]. В этом одна из причин относительно быстрого и радикального преобразования социалистического базиса, а затем и других сфер общественной жизни. В соответствии с ментальностью и когнитивными возможностями будущего президента России подбиралась и его команда. Много позже, Дж. Стиглиц в своей фундаментальной работе, анализируя реформы, которые проводились в России, напишет, что США сделали ставку на лидеров России, которые оказались некомпетентны и коррумпированы одновременно [32, с. 224]. Эти особенности новой элиты России дают о себе знать и в настоящее время [6].

Реформы как проект социальной инженерии

Реформаторы не достигли бы своей цели, и мы жили бы в другом обществе, если бы они, в соответствии со своими заявлениями вести Россию по пути цивилизации, не цивилизировали россиянина, т.е. все еще советского человека, по своему образу и подобию. Определенные изменения в сознании советских людей стали происходить уже в эпоху перестройки, что было подмечено М. Мамардашвили. Этим изменениям реформаторы придали определенную направленность и ускорение. Помимо экономики (собственности), предметом их пристального внимания была молодежь. По мнению реформаторов, наука и образование, доставшиеся России от Советского Союза, были избыточны. Поэтому они, руководствуясь перенятой идеологией, минимизировали финансирование этих важных для развития страны сфер, переводя их в состояние комы. Одновременно изменилось и название ведомства, управляющего системой образования. Оно стало именоваться министерством образования. Даже в царской России оно

называлось министерством народного просвещения. Это изменение в названии ведомства не было чисто семантическим. Оно отражало сущность политики новых властей демократической России и их отношение к народу. Было упразднено обязательное полное одиннадцатилетнее образование. Обязательным стало базовое девятилетнее. Последовавшая затем череда реформ в системе образования и науки по западным лекалам, резко снизивших качество образования и интеллектуальный потенциал страны, указывала на то, что России уготовлена роль источника дешевых энергоносителей и сырья для западных экономик. Экономическая деградация, ликвидация научно-исследовательских институтов, работающих на оборону (так называемых «почтовых ящиков»), резкое сокращение финансирования образования, науки, безработица, вызвали массовый отток «мозгов» из страны, продолжающийся по сегодняшний день. Все это привело к де-интеллектуализации России, дающей основание говорить об антропологической катастрофе.

Значимым негативным результатом реформ стала атомизация общества и изменение сознания людей, и прежде всего – молодежи. Происшедшее, как уже отмечалось, можно определить как целенаправленную социальную инженерию по формированию нового типа социального индивида с социальными качествами Homo economicus, которые противоречили культурному коду и ментальности россиян. В глобальной стратегии США по американизации планеты важнейшая роль отводилась неолиберальной идеологии, которая была превращена в религию, а экономические вузы – в своеобразных «заменителей богословских факультетов» [11, с. 85].

На взгляд автора, к числу таких экономических вузов в России, оказавших заметное влияние на ход реформ, трансформацию общества и общественного сознания, следует, в первую очередь, отнести Высшую школу экономики, созданную по распоряжению Правительства в 1992 г. Задачей Высшей школы экономики, поставленной новой властью перед ее руководством, было «формирование нового корпуса высококвалифицированных профессионалов в области экономики, создание кадровой базы для эффективной рыночной экономики и демократического государства» [9, с. 4]. По признанию Я.И. Кузьминова, вуз создавался с «чистого листа», не имея «балласта» (вероятно, автор имеет в виду советскую систему образования), и опирался на принципы мировой экономической науки [9]. В результате Высшая школа экономики достаточно быстро превратилась в «конвейер по массовому производству идеологически выдержанных кадров для беспощадного проведения либеральных реформ» [5]. Впрочем, подробный анализ как роли Высшей школы экономики, так и роли системы высшего образования в целом в осуществлении либеральных реформ в России как проекта управляемой извне социальной инженерии представляет собой предмет отдельного исследования и публикации.

Формирование потребительского общества и человека экономического в России

Для объективности необходимо отметить, что экономические реформы, в реализации которых активное участие принимала ГУ ВШЭ, через 10–15 лет после их начала привели к наполнению рынка страны товарами, правда, по большей части импортными. Ушли в прошлое унизительные для человеческого достоинства длительные очереди конца в 80-х гг., пустые полки начала 90-х. Россия стала неотъемлемой частью мирового капиталистического рынка. С середины 10-х гг. XXI в. в стране сформировалось потребительское общество со всеми описанными ранее признаками. Гедонизм, ригорический индивидуализм и эгоизм элиминировали из общественной жизни семейноцентричные ценности и коллективистские интересы. Это не могло не сказаться на рождаемости. Усилилась опасная тенденция депопуляции населения. Необузданный дух гедонизма способствовал превращению денег в универсальную ценность, а человека – в средство. В криминальных сводках стало обыденностью убийство друзей, родственников ради денег и собственности. В годы Великой отечественной войны молодежь, даже школьного возраста, в партизанских отрядах участвовала в борьбе с врагом. Многие из них за проявленную отвагу и героизм получили высокие государственные награды. В настоящее время, когда Россия находится в состоянии войны, молодые люди, в том числе и школьники, мотивированные возможностью получения денег от спецслужб Украины, совершают диверсии на критически важных военных объектах, убивают российских военнослужащих, участвовавших в СВО. Социальная реальность свидетельствует об отчуждении индивидуальной сущности от родовой. Российский вариант Homo economicus мало чем отличается от своего западного аналога. Это и понятно, ведь либеральные реформы в России проводились по западным лекалам. И там, и здесь сформировавшийся Homo economicus есть крайняя форма отчуждения индивидуальной сущности человека от родовой. Но в России есть все же свои особенности. Раскол общества, возникший после проведения экономических реформ, усилился после воссоединения Крыма с Россией, и особенно с началом СВО. Бóльшая часть народа с энтузиазмом восприняла воссоединение Крыма и с пониманием отнеслась к решению президента о СВО. Приверженцы западных ценностей крайне негативно отнеслись к этим политическим действиям властей. Многие из критиков политики России покинули страну, но бóльшая часть таких граждан осталась в России. Они не участвуют в СВО ни физически, ни финансово, ни ментально. Они выжидают. Как представляется, для России переломный этап в настоящее время заключается не только в защите своего суверенитета и государственной целостности, но и в преодолении усилившегося в последние годы цивилизационного раскола общества, который в определенной мере совпадает с социально-экономическим. Понятно, что победа нашей страны в противостоянии с коллективным Западом во многом зависит от единства нашего народа.

Но само окончательное преодоление раскола общества возможно при преодолении антропологического кризиса. Возможно ли преодоление указанного кризиса при существующих в стране реалиях и установившихся в результате реформ смысложизненных ценностях? Нам представляется, что оснований для оптимизма пока нет.

О задачах философии

Как свидетельствует история, радикальные перемены в обществе происходят тогда, когда люди осознавали их необходимость и целенаправленно их осуществляли. Ранее было показано, что ключевую роль в возникновении такого целеполагания и смены исторических эпох играет философия. Однако исторические тренды в мире определяются элитами ведущих держав ядра мировой истории, завязанных экономическими интересами с глобальными финансовыми и финансово-промышленными компаниями. Нет оснований полагать, что они прибегнут к философской оптике при анализе причин возникших угроз человечеству и придут к пониманию необходимости пересмотра проводимого ими политического курса. Что касается России, то здесь негативное отношение к философии как идеологии тоталитарного государства обозначилось у политической элиты сразу после смены социально-политического строя в стране. Демонстративное освобождение от марксистско-ленинской идеологии сопровождалось «недооценкой или третированием научной теории вообще, что в сочетании с реформами системы образования обернулось резким снижением духовной культуры общества» [12, с. 157]. Искусственно созданный вакуум научно-теоретической мысли был необходим для быстрого внедрения в общественное сознание неолиберальной религии и некритического заимствования западных моделей социально-политической системы. Со временем резко негативная коннотация философии властью сменилась демонстративным безразличием к ней. Престиж философа и философии в стране все еще крайне низок. Власти не любят философию, поскольку они считают ее, в отличие от религии, «разрушительной для внутреннего спокойствия и устойчивости общества. Соответственно опасной для них является и деятельность философов, особенно в той ее части, в которой она имеет своим предметом вопрос справедливого и достойного жизнеустройства» [4, с. 77]. В свете изложенного вполне объяснима постоянная тенденция в постсоветские годы сокращения количества часов, выделяемых в вузах на изучение философии. Учитывая, что запрос в обществе на философию возник при переходе человечества из варварства в эпоху цивилизации, в аналитике подобное отношение власти к философии не без оснований характеризуют как еще один симптом возвращения человечества к варварству [12, с. 157].

В прошлом античные мыслители считали идеальным государство, в котором цари философствуют, а философы царствуют. История свидетельствует о том, что попытки претворить этот принцип на практике не был результативным,

а для философов – далеко не безопасным. Учитывая подобный опыт, Кант высказывался против того, чтобы философы становились королями, поскольку «обладание властью неизбежно извращает свободное суждение разума. Но короли, – полагал немецкий мыслитель, – или самодержавные (самоуправляющиеся по законам равенства) народы не должны допустить, чтобы исчез или умолк класс философов, а должны дать ему возможность выступать публично; что необходимо и тем, и другим для внесения ясности в их деятельность» [7, с. 289]. Близкие идеи находим и у М. Хайдеггера. По его мнению, эллины понимали, что философы далеки от мирской жизни, и именно поэтому «для сущностно человеческой природы мыслители являются самыми необходимыми людьми» [35, с. 219]. Востребованность философа в обществе обусловлена тем, что философия в цивилизованном обществе есть способ его саморефлексии. Возможность философа свободно публично высказываться является условием влияния на общество и (негласно) на власть. Так мыслитель, воздействуя на сознание людей, вносит свою лепту в совершенствование общества [8, с. 190]. В этой связи представляется спорной точка зрения А.А. Гусейнова о том, что «философ философствует для себя. И теории создает, и книги пишет для себя» [4, с. 81]. Исторический пример с Сократом, который приводит автор, как и многие другие эпизоды из истории мировой философии, свидетельствует об обратном. Скажем, портной, если бы шил одежду исключительно для себя, не был бы портным, в существовании которого заинтересовано общество. То же самое можно сказать о деятельности сапожника, врача, писателя и, конечно, философа. Последний пишет книгу, статью, доклад и надеется на то, что его работа будет прочитана, идеи и мысли поняты, оценены, и не только коллегами по цеху. Он пишет работу, надеясь, что станет для читателя доверительным собеседником. Именно так философ может формировать иное «понимание жизни, создавать другой порядок ценностей, нежели тот, который практикуют обыватели, насаждают власти» [4, с. 81]. По нашему убеждению, публичная деятельность есть призвание философа. Для того, чтобы работы философов оказывали влияние на общественное сознание, способствовали формированию иных смысложизненных ценностей, философскому сообществу страны нужно выполнить два условия. Во-первых, в работах философов должно быть как можно меньше «философского тумана», отпугивающего даже «философски подкованного» читателя. Об этом приходится писать, поскольку в последние годы публикации такого рода, увы, не редкость. По авторитетному мнению академика Д.С. Лихачева, в научной работе читатель должен замечать мысль, а не язык, который в силу своей специфики делает невозможным понять идеи автора [10, с. 356].

Во-вторых, чтобы превратить читателя в заинтересованного собеседника философа и повысить его влияние на общественную жизнь, необходимо, чтобы в оптике философского анализа были не абстрактные, зачастую далекие от жизни проблемы, а социальная реальность, в которой пребывает человек. Уместно

здесь вспомнить Платона, который в своей теории идеального государства предписывал философам поочередно «спускаться в обитель прочих людей и привыкать созерцать темные стороны жизни» [25, с. 363]. Иначе, одна из задач отечественной философии осуществить социальный поворот к той повседневности, в которой существует человек. В контексте анализируемой проблемы речь должна идти о повседневности, в которой происходит расчеловечивание человеческой сущности, сохраняются, углубляются и множатся формы проявления противоречия между родовой и индивидуальной сущностью человека. Это, как уже отмечалось, осевая зона кризисных тенденций, определяющих новое опасное падение человечества в варварство. Но учитывая состояние отечественной философии, возникает вопрос, какая из существующих концепций обладает эвристическими возможностями решения этой задачи. Здесь представляется необходимым согласиться с М. Хайдеггером, который делает выбор, как это ни парадоксально, в пользу марксистской философии. «Поскольку Маркс, осмысливая отчуждение, проникает в сущностное измерение истории, постольку марксистский взгляд на историю превосходит прошлую историографию» [36, с. 336]. Согласно немецкому мыслителю, ни феноменология, ни экзистенциализм, добавим еще от себя, ни многие другие современные философские течения «не признают существенности исторического аспекта в бытии, они не могут дать теоретического объяснения отчуждения, проявляющегося в повседневном бытии человека и служить методологией преодоления отчуждения» [36, с. 336]. «В основе марксистского подхода, – пишет Л.Г. Фишман, – лежит представление о наиболее человечном, т.е. неотчужденном бытии, возможном в конкретный исторический период. При такой перспективе более важно деление практик не на прогрессивные и реакционные, а на отчуждающие и способствующие преодолению отчуждения» [33, с. 15]. Марксистская философия может быть методологией выхода из существующего глубокого кризиса, поскольку она позволяет увидеть перспективу развития человечества и мотивировать массы на созидание желаемого справедливого будущего. Вся история человечества есть поиск созидания такого общества. Этот поиск шел в споре между моделью общества, основанной на частном или корпоративном (общем) интересе. В марксовском видении перспектив человечества эти альтернативы снимаются и создаются условия для преодоления отчуждения, поскольку речь идет о ассоциации людей, где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [17, с. 447]. В этой связи следует согласиться с Л.Г. Фишманом, что неотчуждающая социальная практика требует возврата к реализации идеи социализма. Важнейшим в этой идее является принцип социальной справедливости, наиболее востребованная по социологическим опросам потребность россиян. В последние годы в аналитике все чаще встречаются идеи о востребованности современной цивилизацией новой левой идеологии [3; 13]. Понятно, что после 30 лет активной антимарксистской пропаганды, очернения всего опыта социализма эта идея вызовет негативную реакцию у некоторых читателей, особенно молодых. Но в науке важны не эмоции, а

исторические факты и понимание общественных закономерностей. Первый глобальный кризис капитализма в начале прошлого века обернулся мировой войной, а затем и революцией в России, Германии, Венгрии. Большевикам, в отличие от европейских коммунистов, удалось не только сохранить завоевания революции, но и укрепить их. Второй глобальный кризис капитализма привел к Второй мировой войне. Благодаря победе Советского Союза в Великой Отечественной войне социализм стал мировой системой. Когда пишутся эти строки, наш народ отмечает восьмидесятилетие победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Россия безусловно является правопреемницей СССР. Но все же думается, что это победа другого государства, другого народа, другого человека, о чем почему-то умалчивает современная российская элита. Хотелось бы в этой связи воспроизвести некоторые мысли из статьи Секретаря Совета Безопасности России С. Шойгу, опубликованные в «Российской газете» под симптоматичным названием «Это наша победа». «В смертельной схватке, – пишет автор, – сошлись не просто Советский Союз и Третий рейх с его сателлитами, а общественные модели и идеологии» [40]. Среди факторов, обеспечивших победу СССР в войне, автор называет преимущества экономической системы, мобилизационные возможности, морально-психологический настрой советских людей. По мнению Секретаря Совета Безопасности России, народный «подвиг в годы Великой Отечественной войны был отнюдь не порывом фанатиков, ослепленных идеологией. Он стал проявлением настоящего патриотизма советского народа и результатом последовательного и целенаправленного патриотического воспитания граждан нашей общей родины. Именно здесь в сфере сознания, нужно искать источники массовой самоотверженности, мужества стойкости советских людей на фронте и в тылу» [40]. И еще чрезвычайно важное соображение автора. «Победа была бы невозможна без единства власти и общества, без веры народа в защищаемые идеалы и без духовности» [40].

Вера в высокие социальные идеалы и единство власти и общества были не только фактором великой победы, но и ускоренного послевоенного развития страны. Несмотря на колоссальные материальные и людские потери (около 50 млн чел.) [40], через 12 лет после опустошительной войны Советский Союз первым в мире начал освоение космоса. Сравнивая 30-летнее послевоенное развитие Советского Союза с результатами тридцатилетней истории постсоветской России, выводы напрашиваются сами собой. 4-й год идет СВО. Несмотря на героизм военнослужащих российской армии, до достижения объявленных целей СВО, похоже, еще далеко. Сравним результаты боевых действий Красной армии, которая воевала не только с вооруженными силами Германии, но и армиями большинства европейских стран, – разница очевидна. Два разных государства, две разные системы, разные идеологии и смысложизненные ценности людей, разные возможности противостояния с варварством и глобальным капиталом. Нюрнбергский процесс был первым шагом возвращения человечества из варварства к цивилизации. В последующем, как отмечалось в первой статье, значимый

вклад в восстановлении цивилизованных отношений между народами и понимании человека и человеческой жизни как высшей ценности внесла философия. Но эта задача не была бы успешно решена без существования Советского Союза и возникших благодаря СССР других социалистических стран. Советский Союз способствовал освобождению народов от колониального ига и оказывал им всестороннюю помощь в самостоятельном свободном выборе исторического пути. Заметим, что в настоящее время именно эти страны оказали России моральную и политическую поддержку и блокировали намерения коллективного Запада изолировать нашу страну, превратив ее в политического изгоя.

Современный третий глобальный кризис капитализма чреват опасностью мировой катастрофы или как минимум усилением политической реакции, возникновением фашистских и неонацистских режимов и их инструментализации глобальным капиталом для сохранения своей монопольной власти. Победить стратегически глобальный либеральный капитализм, имея такую же экономическую систему, такие же смысложизненные ценности, но более слабые экономические, технологические возможности, людские, природные, военные ресурсы практически невозможно. Внедрение в либеральное общественное сознание консервативных идей, по большей части представляющих мировоззрение средневековья, может иметь ситуативный положительный результат, но это не обеспечит стратегическое преимущество в перспективе. Нельзя двигаться вперед, повернув голову назад, – результат будет предсказуем. В этих условиях задача философского сообщества – обоснование новой левой идеологии, новых смысложизненных ценностей, новых притягательных идеалов, мотивирующих людей на изменение существующей социальной реальности. Согласно Хайдеггеру, методология Маркса, исследующая отчуждение «бытийно-исторически», позволяет разрешить еще одну проблему – преодолеть «бездомность современного человека» [36, с. 336–337], что, как отмечалось ранее, является выражением кризиса современной цивилизации. В самом деле, что есть Homo economicus? Он продукт неолиберальной глобализации, и как таковой – это глобальный феномен, космополит, лишенный своих этнических и цивилизационных корней. Марксистская философия, являясь методологией восстановления расчеловеченной человеческой сущности, дает возможность преодолеть указанную бездомность и осуществить возврат к этнической и цивилизационной идентичности, без чего не может быть полноценного человека, осознающего собственную самость, не может быть патриота и патриотизма как значимого для государства социального явления. Фактически речь идет о гуманистической функции философии как важного средства социальной инженерии. Выполнение этой задачи вряд ли будет успешным, если не будет изменено преподавание философии в вузе. Ранее было показано, что реформы в экономике 90-х гг. были сопряжены с реформами в системе образования. Дегуманитаризация образования путем сокращения часов на философию и гуманитарные дисциплины помимо экономических мотивов преследовала еще формирование крайней формы частичного человека – человека экономического,

с деформированными социальными ценностями и установками, предсказуемого в своих интересах и поведении. Вызовы, с которыми сталкивается наша страна, требуют фундаментализации не только естественнонаучного и технического, но и социально-гуманитарного образования студентов. Ядром социально-гуманитарного образования в вузах, как подмечено в аналитике, должна быть философия. Добротное философское мировоззрение позволяет выпускнику вуза «не только верно понимать и оценивать происходящее вокруг нас, но и чувствовать свою значимость и, соответственно, уверенность в жизни и, в своих жизненных позициях. Особенно в том, что касается добра и зла» [41]. Словом, фундаментализация социально-гуманитарного образования является необходимым условием формирования целостно развитой человеческой личности и преодоления современных кризисных тенденций в нашем обществе. А это предполагает не только значительное увеличение часов, выделяемых на изучение философии в вузах, но и изменение методов ее преподавания [20; 21].

Список литературы

1. Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии / пер. с англ. М. Тименчикова, Д. Шабельникова. М.: Ad Marginem, 1999. 432 с.
2. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. М.: Академи. проект, 2007. 335 с.
3. Валлерстайн И. После либерализма / пер. с англ. М.М. Гурвица и др. М.: Едиториал УРСС, 2003. 356 с.
4. Гусейнов А.А. Почему не любят философию и философов? // Социология. 2015. № 3. С. 75–82.
5. Делягин М.Г. Кузьминов: могильщик российского образования / Дзен. 2021. 11 сент. URL: https://dzen.ru/a/YTjC_v80uQwyvj3S (дата обращения: 12.02.2025).
6. Зорькин В.Д. Коррупция – угроза цивилизации права // Российская газета. 2025. № 109. 21 мая. URL: https://rg.ru/2025/05/20/korrupciia-ugroza-civilizacii-prava.html (дата обращения: 13.06.2025).
7. Кант И. К вечному миру // Кант И. Сочинения: в 6 т. / пер. с нем. Б.А. Фохта. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 257–309.
8. Козлова Н.Ю. В проблемном поле публичной философии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26, № 1. С. 178–193. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-1-178-193
9. Кузьминов Я.И. Высшая школа экономики: миссия и механизмы ее реализации // Университетское управление: практика и анализ. 2006. № 4. С. 4–7.
10. Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. СПб.: Азбука-Аттикус, 2017. 448 с.
11. Макбрайд У. Глобализация и межкультурный диалог / пер. с англ. Д.Г. Лахути // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 80–87.
12. Малер А.М. Н.В. Мотрошилова. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: Канон+, 2010. 480 с. // Философские науки. 2011. № 6. С. 152–157.

13. Малинецкий Г.Г. Философия и идеология будущего в контексте современной науки // Философские науки. 2020. Т. 63, № 5. С. 28–52. DOI: https://doi.org/10.30727/0235-1188-2020-63-5-28-52
14. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию / сост. и общ. ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Прогресс: Культура, 1992. С. 107–121.
15. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. 908 с.
16. Маркс К. Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 4. С. 65–185.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 4. С. 419–459.
18. Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. 480 с.
19. Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2016. 128 с.
20. Мусаелян Л.А. Кому нужна сегодня эта философия? Статья вторая. Какая философия оказалась востребована в постсоветской России // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 232–241. DOI: https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-232-241
21. Мусаелян Л.А. Кому нужна сегодня эта философия? Статья первая. Почему существует сомнение в необходимости преподавания философии в вузах // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 78–90. DOI: https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-1-78-90
22. Мусаелян Л.А. О стратегии высшего образования в России: философский анализ проблемы // Мусаелян Л.А. Актуальные проблемы социальной философии: сб. науч. тр. / Моск. ин-т гос. упр. и права. Пермь, 2014. С. 183–196.
23. Мусаелян Л.А. Реформы 90-х и их экономические и политико-правовые последствия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 39. С. 36–52. DOI: https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-39-36-52
24. Мусаелян Л.А. Россия в XXI веке: постиндустриальное цивилизация или эпоха Средневековья? // Философия и общество. 2002. № 4. С. 146–171.
25. Платон. Федон. Пир. Федр. Парменид / пер. с древнегреч. С.А. Ананьина и др. М.: Мысль. 1999. 528 с.
26. Плебейство духа. Ельцин в конгрессе США. Ч. 1. 2017. URL: https://msmyslov.livejournal.com/9346.html (дата обращения: 18.02.2025).
27. Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 дек. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millenium.html?ysclid=mfsmxog64m395966665 (дата обращения: 12.02.2025).
28. Рудаков В.Н. Случайные люди (интервью с Д. Саймсом) // Историк. 2022. Вып. 85. URL: https://историк.рф/journal/post/6775 (дата обращения: 13.06.2025).

29. Скворцов Л.В. XXI век: интенция как духовная судьба цивилизационного самоопределения / сост. Е.Л. Скворцова // Вопросы философии. 2024. № 1. С. 5–16. DOI: https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-1-5-16
30. Скворцов Л.В. XXI век: интенция как духовная судьба цивилизационного самоопределения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3. Философия. 2023. № 4. С. 106–144. DOI: https://doi.org/10.31249/rphil/2023.04.12
31. Сорос Дж. Открытое общество (реформируя глобальный капитализм) / пер. с англ. О.А. Алякринского и др. М.: НФ «Поддержки культуры, образования и новых информационных технологий», 2001. 458 с.
32. Стиглиц Дж.Ю. Глобализация: тревожные тенденции / пер. с англ. Г.Г. Пирогова. М.: Нац. общ.-науч. фонд, 2003. 304 с.
33. Фишман Л.Г. Не пренебрегая «реакционным» // Полития. 2024. № 1(112). С. 6–28. DOI: https://doi.org/10.30570/2078-5089-2024-112-1-6-28
34. Фромм Э. Иметь или быть? // Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда / пер. с англ. Н.И. Войскунской и др. М.: АСТ, 2000. С. 185–437.
35. Хайдеггер М. Парменид / пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2009. 384 с.
36. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / пер. с нем. В.В. Бибихина // Проблема человека в западной философии: сб. переводов / сост. П.С. Гуревич; под общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 314–356.
37. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, 2008. 640 с.
38. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М.: Медиум, 1997. 312 с.
39. Чернавский Д.С. Синергетика и информация. Динамическая теория информации. М.: Ленанд, 2021. 304 с.
40. Шойгу С.К. Это наша победа // Российская газета. 2025. № 98. 6 мая. URL: https://rg.ru/2025/05/06/eto-nasha-pobeda.html (дата обращения: 13.06.2025).
41. Эскиндаров М.А., Пляйс Я.А. Собрать по частям. Каким быть российскому высшему образованию // Российская газета. 2025. № 112. 22 мая. URL: https://rg.ru/2025/05/22/sobrat-po-chastiam.html (дата обращения: 13.06.2025).

ТРЕВОЖНЫЕ МЫСЛИ ФИЛОСОФА ПО ПОВОДУ ОСОБЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ТОТАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ*

Россия в настоящее время сталкивается с глобальными вызовами и угрозами. На переломных этапах истории молодежь – главный мобилизационный ресурс страны. Потенциал этого ресурса зависит от эффективности существующей системы образования. Дигитализация общественной жизни – одна из важных современных тенденций, которая затронула и систему образования. В статье показывается, что цифровизация диктует изменения характера отношений на всех уровнях социальных институтов. Это касается отношений власти и народа, информационной политики государства. Цифровизация изменила отношения между субъектами образовательного процесса, усложнила работу преподавателя, повысила его профессиональную и гражданскую ответственность перед обществом. Автор не разделяет эйфорию относительно возможностей реализации цифровых технологий в образовании. Их масштабное применение в человекоцентричных дисциплинах контрпродуктивно. Сегодня как никогда остро стоит вопрос: какова цель учебной деятельности преподавателя? Ответ же на этот вопрос дает парадигма, лежащая в основе образовательного процесса. Сама концепция образования определяется государственной идеологией страны. Но в России нет государственной идеологии. По мнению автора, Россия нуждается в четко артикулируемой властями государственной идеологии, выражающей национальные интересы страны и, конечно, новые, привлекательные для молодежи смысложизненные ценности и социальные идеалы, которые должны быть отражены в образовательном процессе.

Ключевые слова: цифровизация, общество, молодежь, образование, неолиберальный капитализм, образовательный процесс, информационный ресурс, идеология.

Введение

Многоаспектный характер кризиса современной цивилизации [3; 8; 6; 15; 24] обернулся глобальными вызовами и экзистенциальными угрозами России. Против нашей страны коллективный Запад развернул гибридную войну. Цели Запада в этом противостоянии – сдержать развитие России, консервировать ее технологическое отставание, элиминировать духовные скрепы, объединяющие ее народы, разрушить государственность. Значимым компонентом этой гибридной

* Впервые опубликовано: Мусаелян Л.А. Тревожные мысли философа по поводу особенностей современной общественной жизни и некоторых проблем образования в эпоху тотальной цифровизации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2023. – № 3. – С. 349-364. – DOI 10.17072/2078-7898/2023-3-349-364.

войны является информационно-психологическая агрессия Запада против нашей страны. Объектом этой агрессии является население России, но прежде всего – ее молодежь, которая в немалой своей части не обладает сформировавшимся мировоззрением, устойчивыми убеждениями и жизненными принципами. Попытка повлиять на молодежь, трансформировать ее сознание, добиться ее десуверенизации и десубъективизации не является случайностью, поскольку молодежь в любой стране – это важный ресурс мобилизации общества, определяющий его жизнеспособность [14, с. 571–572]. Историческая миссия молодежи заключается в том, что, с одной стороны, она перенимает опыт, традиции, духовно-нравственные ценности предшествующих поколений и, таким образом, сохраняет культурно-исторический код народа, его цивилизационную самобытность, а с другой, она легко усваивает последние достижения науки и техники, активно участвует во внедрении новых технологий в общественное производство и в силу этого становится мотором инновационного развития страны. Молодежь выполняет эту свою историческую миссию, если успешно проходит социализацию через эффективно функционирующую систему образования. История Германии, Франции, Японии и других стран, в том числе и нашей, свидетельствует о том, что качественная система образования является условием и фактором мощного научно-технического прогресса и успешного ответа на внутренние и внешние вызовы. В конце пятидесятых годов прошлого века советская система образования была признана одной из лучших в мире. Отсюда и успехи советской науки той эпохи – семь лауреатов Нобелевской премии, пионерские достижения в освоении космоса, создание ракетно-ядерного щита государства. Это и многое другое, чем пользуется современное поколение нашей страны, были бы невозможны без качественной системы образования.

Образование – чрезвычайно инерциональная сфера. Но чтобы отвечать на постоянно изменяющиеся запросы общества, она должна развиваться, применять передовые образовательные технологии и дидактические практики, соответствующие задачам образования и субъектам образовательного процесса.

Цифровая революция и ее объективная обусловленность

Цифровизация является одним из самых значимых веяний последнего времени, которая буквально вторглась во все сферы общественной жизни, породив противоречивые ожидания перспектив человечества [22; 4; 20]. По масштабам и глубине влияния на современное общество происходящие процессы не без основания характеризуют как цифровую революцию [26]. Она способствует возникновению нового технологического уклада и переломного этапа истории, радикально меняющего образ жизни человечества [35]. Цифровизация началась в технологически развитых странах, а затем распространилась по всему миру. Словом, цифровизация стала глобальным феноменом. Не лишне отметить, что глобализация в своей очевидности дала о себе знать в результате дигитализации коммуникативных технологий и возникновения единого (глобального) виртуального

пространства. По скорости и масштабам распространения цифровизации ее можно определить как своеобразную «интеллектуальную пандемию», охватившую все человечество.

Но любая пандемия имеет свое начало и конец. Не постигнет ли цифровизацию участь многих модных в прошлом массовых интеллектуальных увлечений, о которых в настоящее время мало кто помнит? В шестидесятых годах прошлого века после длительного забвения в центре внимания научного сообщества оказалась кибернетика. Затем возник интерес к научно-техническому прогрессу и научно-технической революции. Позже в фокусе массового научного внимания оказалась синергетика. Во второй половине восьмидесятых годов власть призывает ученых страны интенсифицировать исследования человеческого фактора. В демократической России интерес к человеку и человеческому измерению как-то угас, зато появилась масса публикаций, посвященных проблеме постиндустриального общества. Отвечая на поставленный выше вопрос, уместно вспомнить И. Канта, который в математизации науки видел свидетельство ее зрелости. «…В любом частном учении о природе, – отмечал немецкий мыслитель, – можно найти науки в *собственном* смысле лишь столько, сколько имеется в ней *математики*» [10, с. 58]. Цифровизация, с одной стороны, есть естественный, объективный процесс, обусловленный логикой развития науки, развертывания научно-технической революции, смены технологий. С другой стороны, это в некоторой степени управляемый процесс, который не мог обойти систему образования, являющуюся важным инновационным фактором развития общества [31, с. 17–18]. Почему цифровизацию можно рассматривать, хотя и с оговорками, как управляемый процесс? Дигитализация сфер общественной жизни началась с формированием глобального неолиберального капитализма. Что для современного капитала является основным мотивом цифровизации материального производства, финансовой сферы, средств коммуникации и т.д.? Очевидно, экономический интерес. Экономическая целесообразность и потребность в повышении эффективности деятельности субъектов образовательного процесса являются мотивами цифровизации системы образования [19]. Отметим, что по времени с эпохой глобального неолиберального капитализма теоретики постиндустриализма связывали глубокие технологические изменения в общественном производстве – замену механических и электромеханических средств на электронные и превращение информации в основной ресурс развития общества [1; 17].

Факторы цифровизации образования

Реформы девяностых годов у нас в стране привели к коммерциализации всех сфер общественной жизни, в том числе и социальной, которая в течение тридцати лет финансировалась лишь настолько, чтобы она могла сохранить свое существование. Учреждения образования, включенные в рыночные отношения, превратились в хозяйствующих субъектов по предоставлению образовательных услуг. Рынок значительно изменил мотив и задачи деятельности образовательных

учреждений. Многолетнее хроническое недофинансирование вынуждает образовательные учреждения зарабатывать, а успешное решение этой задачи диктует подчиняться законам рынка. Отметим два из них. Эффективным является деятельность, которая позволяет получить максимум прибыли при минимальных издержках. Продукт, выпускаемый образовательным учреждением, теперь уже товар, который должен быть легко продан. Значит, потребительские качества этого товара определяются уже большей частью не запросами государства, интересами общества, а потребностями рынка. Эти потребности диктуют подготовку выпускников, обладающих профессиональными практико-ориентированными конкретными знаниями и компетенциями. Принципы функционирования рынка и его запросы способствовали существенному сокращению и даже полной элиминации из многих учебных программ теоретических и социально-гуманитарных дисциплин, формирующих у выпускника вуза глубокие знания и убеждения, которые плохо монетизируются или не монетизируются вовсе. Воспитательная работа преподавателя, являющаяся неотъемлемым компонентом нормального учебного процесса, также исчезла из учебных учреждений. Это и понятно, поскольку результаты такой работы не монетизируются. Более того, убеждения, нравственные принципы в условиях высокой конкуренции на рынке труда могут быть помехой для удачного трудоустройства. Как уже отмечалось, по экономическим соображениям вуз заинтересован давать студенту лишь необходимый минимум профессиональных знаний, позволяющих его владельцу выполнять определенные исполнительские («рецептурные») функции. По существу, таковыми являются профессиональные возможности бакалавра. При изменяющейся конъюнктуре рынка, практически ориентированные профессиональные знания быстро устаревают, и выпускник для сохранения своей конкурентоспособности вынужден через некоторое время снова обратиться в вуз для переподготовки. Понятно, что эти услуги вуз предоставляет на коммерческой основе. Поэтому учебные учреждения, если руководствоваться правилами рынка, а иного не дано, не заинтересованы давать студенту глубокие фундаментальные знания, способствующие развитию человека как универсального существа, расширяющие его эвристические и функциональные возможности. Бесспорно, это противоречит предназначению вуза. Но таковы законы рынка. То, во что нельзя вложить деньги для их приращения, бессмысленно в своем существовании. Рынок, как отмечал Дж. Сорос, лишен морали. «Рынки аморальны: они позволяют людям действовать в соответствии с собственными эгоистическими интересами и даже налагает определенные ограничения на тех, чьи интересы пересекаются, но не выносит моральных суждений о сути этих интересов» [25, с. 21]. Это еще одна причина элиминации из учебного процесса воспитательной функции. В результате у нас в стране после реформ в системе образования сформировалось поколение молодых людей, у которых отсутствует знание традиционных духовно-нравственных ценностей, позволяющих идентифицировать себя с Россией. Как уже отмечалось выше, идеологической основой проведенных в России реформ, в том числе в

сфере образования, был неолиберализм. Поэтому цифровизация, способствующая росту экономической эффективности, получила распространение в системе образования. В официальных документах страны, определяющих основные направления развития российской системы образования на последние десятилетия, указывается на необходимость цифровой трансформации государственных учебных заведений [29; 18]. Цифровизация системы образования России, которая осуществлялась быстрыми темпами, позволила без больших потерь продолжить обучение школьников и студентов в период пандемии. Как справедливо отмечается в аналитике, дистант был бы невозможен, если образовательные технологии, включающие цифровые и технические средства, ускоренно не развивались в стране до пандемии [19, с. 53]. Немаловажным условием успешной работы образовательных учреждений страны во время пандемии была высокая цифровая грамотность субъектов образовательного процесса. Она достигла у преподавателей школ и вузов 87–88 %, а у детей и молодежи 73–77 % соответственно [19, с. 55].

Результаты цифровизации образования в России

Каковы положительные результаты цифровизации образования в нашей стране? Как подмечено в аналитике, она расширила возможности обучающихся в выборе собственной образовательный траектории, целей и темпов обучения. При оптимальных условиях это должно способствовать повышению эффективности обучения. Дигитализация образовательного процесса рельефно проявилась и в сфере менеджмента. Благодаря использованию специального программного обеспечения в учебных заведениях России, изменилась технология организации и управления учебным процессом. Но как уже отмечалось, в условиях коммерциализации системы образования более значимым мотивом ее цифровизации был экономический интерес. Новые технологии позволяли образовательным учреждениям существенно разнообразить формы и спектр образовательных услуг. Вузы стали активно предлагать преимущественно в формате онлайн-обучения дополнительное непрерывное образование, различные курсы переподготовки и повышения квалификации. Согласно некоторым экспертным данным, рынок образовательных услуг с применением новых технологий в 2018 г. оценивался в 60 млрд. руб. [12]. Несмотря на высокие темпы роста новых образовательных технологий в России, ее доля в сегменте мирового рынка пока чрезвычайно мала. По разным экспертным оценкам она составляет от 0,5 до 1,5 % [19, с. 56].

Дигитализация общественной жизни и формирование новой социальной реальности

Как отмечалось ранее, дигитализация различных сфер общественной жизни началась с возникновения глобального неолиберального капитализма. Его формирование было обусловлено возникновением мировых (глобальных) финансовых рынков [25, с. 17], которые для быстрого осуществления транзакций нуждались в новых цифровых технологиях. Возможность своевременно

получать, быстро перерабатывать соответствующую информацию во многом определяла успех транснациональных финансовых компаний на мировых рынках капитала. Как уже отмечалось, теоретики постиндустриализма хорошо уловили эту особенность функционирования финансового капитала, придя к выводу о том, что в новую эпоху информация становится определяющим фактором прогресса. Цифровые технологии способствовали гигантскому росту финансово-спекулятивного капитала Запада, особенно в США, где он занял командные высоты в экономике, политике, СМИ и в определенной мере в духовной жизни. Можно сказать, что дигитализация различных сфер общественной жизни в немалой степени способствовала возникновению монополярного мира во главе с США. Одновременно цифровизация породила глобальную виртуальную реальность. Симптоматично то, что интернет был изобретен в одной из технологично наиболее развитых стран мира – в США. Далеко не случайно и то, что именно в этой стране государство преуспело в использовании возможностей информационно-коммуникативных технологий для контроля не только собственных граждан, но и сотен миллионов человек по всему миру. Понятно, что в технологически развитых странах также используются возможности новых цифровых технологий для получения нужных для различных спецслужб информации. Видеокамеры и подслушивающие устройства стали в урбанизированных и развитых странах повседневностью. Конечно, это объясняется благими намерениями – обеспечить безопасность граждан и государства. Но так или иначе вывод напрашивается вполне определенный: одним из негативных последствий дигитализации общественной жизни явилось вхождение человечества в «оруэлловский мир», где как минимум половина мирового сообщества находится под бдительным оком «большого брата». Субъективность сознания, его интимность, закрытость для другого является необходимым условием свободы человека как социального существа. И если мысли человека, его намерения становятся достоянием «большого брата», используются для манипулирования его сознанием, контроля его поведения, давления на него, это означает, что человек потерял свою автономию, свою свободу. Свобода есть прежде всего возможность выбора целей, способов и средств их достижения. Можно сказать, что свобода позволяет человеку наполнять свою жизнь смыслом, иначе, выводить свое существование за границы наличного бытия. Этим отличается жизнь человека как социального существа от существования животных. Изложенное дает основание для вывода, что цифровизация способствовала не только формированию нового типа тоталитаризма, но в определенной мере расчеловечиванию человеческой сущности. Ситуация усугубляется еще тем, что в последние три десятилетия все более демонстративно функцию «большого брата» взяли на себя США, ставшие во главе монополярного мира. Впервые в истории возник тоталитаризм, имеющий глобальный характер. Этот тоталитаризм, опирающийся на идеологию неолиберализма, пытается монополизировать мировой

исторический процесс, как это в прошлом пыталась сделать фашистская Германия [36, с. 10]. Оказавшись во главе монополярного мира, США (как и третий рейх) стали строить новый мировой порядок в соответствии с правилами, которые формируются в Вашингтоне. Эти правила, навязываемые миру, фактически ведут к отказу от исторически сложившихся устоев и принципов международных отношений: равной безопасности стран, уважения их суверенитета, невмешательства в внутренние дела государств и т.д. Одновременно происходит радикальный пересмотр традиционных духовно-нравственных ценностей, благодаря которым более двух тысяч лет существовала западная христианская цивилизация. В результате не только она, но и народы, отдельный человек лишается своей идентичности, своей индивидуальности. Фактически проводится целенаправленная политика по десуверенизации и десубъективизации государств и проживающих в них людей. Может возникнуть вопрос, какое имеют отношение эти тревожные глобальные процессы к теме настоящей статьи? Представляется, что непосредственное. Мир стал глобальным, взаимосвязанным и взаимозависимым. Субъекты образовательного процесса живут, учат и обучаются в той социальной реальности, которая формируется в результате отмеченных выше изменений. Колоссальные финансовые, политические, военные и особенно информационные возможности позволяют глобальному «большому брату» создавать «оруэлловскую» социальную реальность, где война (с целью свержения очередного «плохого парня») – это вовсе не война, а забота о мире, фонд, финансирующий закупку оружия для нацистов Украины, расстреливающих из этого оружия города Донбасса – это фонд мира, зло (убийство тысяч мирных граждан в процессе транзита демократии) –это исключительно добро во благо свободы человечества. Точно так же откровенная ложь, тиражируемая тысячи раз в мировом медиапространстве, выдается за правду (ведь все не могут ошибаться, а тем более лгать). Возникшее в последние десятилетия общество «постправды» представлено прежде всего в виртуальном пространстве, где более всего пребывает молодежь всех стран, в том числе и тех, которые не принадлежат коллективному Западу. Поэтому деструктивные процессы, свидетельствующие о выходе коллективного Запада за пределы европейской христианской цивилизации, так или иначе сказываются на сознании и поведении молодежи нашей страны, отстаивающей свой суверенитет и традиционные духовно-нравственные ценности. Необходимо отметить, что радикальный пересмотр Западом своих ценностей, цивилизационных устоев и норм общественной жизни выдается за отличительную черту современных демократических и прогрессивных стран. Государства, которые не принимают эти «передовые» тренды, характеризуются как отсталые, варварские, с авторитарным или тоталитарным режимом правления. Как правило, молодежь любой страны желает быть в тренде прогрессивных тенденций, но она в силу недостаточного жизненного опыта и знаний не всегда в состоянии увидеть сущность того, что предлагается ей в привлекательной, красивой упаковке.

О некоторых аспектах информационно-коммуникативной деятельности государства и сложных задачах преподавательского сообщества в условиях тотальной цифровизации и гибридной войны

Как отмечалось ранее, коллективный Запад ведет против нашей страны гибридную войну, значимым компонентом которой является информационно-психологическая борьба. Полем и инструментом этой агрессии является общедоступная виртуальная реальность. Объектом этого информационно-психологического воздействия, как уже отмечалось, является наиболее уязвимое в этом плане молодое население страны. Понятно, что противостояние Запада и нашей страны было и в эпоху «холодной войны». Но в настоящее время у деидеологизированного населения России иммунитет к сопротивлению воздействия информационно-психологической агрессии Запада сильно ослаб. В то же время в условиях глобальной цифровизации возможности влияния противника на наше общество, особенно нашу молодежь с целью ее десубъективизации и десуверенизации, заметно возросли. Соответственно, задачи преподавателей, в круг обязанностей которых была возвращена воспитательная функция, значительно усложнились. Это произошло и потому, что политической элите нашей страны в тяжелейшем противостоянии с коллективным Западом не всегда, как представляется, удается оставаться последовательными в справедливо отстаиваемых ими принципах. В ряде случаев во внешней и внутренней политике она прибегает к тем же методам, что их политические и военные противники. Речь идет о двойных стандартах при квалификации политических действий России и других государств в идентичных условиях, о дозировании информации относительно происходящих в стране реальных событиях. Безусловно, не всякая облигативная информация может доводиться до общественности. Есть ограничения, определяемые интересами государственной безопасности. Но есть информация, которую нельзя утаивать от народа или говорить ему полуправду. В эпоху тотальной цифровизации это бессмысленно. К такой информации относится объективная оценка реального состояния нашей экономики, поскольку народ имеет возможность сравнить услышанное от официальных лиц с той социальной реальностью, в которой он пребывает. К подобной информации относится также замалчивание причин провала принятой ранее и мощно распиаренной партией власти амбициозной программы социально-экономического развития страны (2012–2020). Для общественности страны до сих пор остается тайной, почему при возрастающем технологическом отставании России от Запада, не скрывающего свое маниакальное желание загнать ее в технологическое гетто, власти упорно в течение не одного десятилетия финансируют науку, особенно фундаментальную, на критически низком уровне. А ведь очевидно, что от успехов фундаментальной науки зависят технологические прорывы страны. Если в 90-е гг. слабое финансирование науки и образования можно было объяснить отсутствием денег, то в нулевые и последующие

тучные на нефтедоллары годы деньги были, но они вывозились за рубеж даже тогда, когда против России велась гибридная война. Ожидаемо, эти деньги были арестованы. Власти дипломатично умолчали, почему ЦБ страны не предусмотрел такую возможность. В настоящее время, насколько известно автору этих строк, валютная выручка крупных российских компаний не репатриируется в Россию. СВО обнажила болевые точки и ошибки в управлении страной. И первые полгода проведения СВО увеличили количество вопросов общественности к некоторым странностям проводимой военной операции. Почему в тяжелые годы Великой Отечественной войны власти страны считали нужным сообщать народу, что Красная армия после тяжелых кровопролитных боев сдала тот или иной город, скажем Харьков, что противнику удалось прорвать нашу линию обороны. Сегодня подобную информацию россияне получают из сети. Можно сказать, что в прошлом, когда решалась судьба страны, власти доверяли народу и не могли скрыть от него тяжелую правду. Соответственно и народ доверял власти. «Доверие – ключевой элемент социального капитала и источник формирования идентичности» [30, с. 126]. А осознание гражданской, национальной идентичности есть условие единства страны и залог победы. Доверие власти народу и народа власти – признак сильной власти. Так ведь и сегодня решается судьба государства.

В публичных выступлениях властной элиты не было объективного критического анализа допущенных ошибок в управлении страной. Признание ошибок – это не только признак честности власти, но и силы, уверенности правильности выбранного пути. Понятно, не ошибается тот, кто ничего не делает. Особенно, когда речь идет о такой большой и сложной стране, как Россия. Но очевидно также, что признание просчетов в управлении страной и анализ их причин есть условие не повторения допущенных ошибок. Но непризнание ошибок вовсе не означает их отсутствие. Неоднократные откровения главы государства, что нас снова обманули, свидетельствуют об обратном. Непризнание ошибок в управлении страной есть фактически претензия на несменяемость состава политической элиты страны и, следовательно, возможности повторения ошибок.

Создается впечатление, что власти России в немалой степени повторяют промахи советских руководителей. Последние даже в эпоху «гласности» продолжали давать населению дозированную информацию, иначе полуправду (авария на Чернобыльской АЭС, «хлопковое дело» и т.д.), камуфлировали острые социально-экономические проблемы страны через официальные СМИ. Население, сопоставляя реальную действительность с той, которая рисовалась властями и ее идеологами, вынуждено было искать альтернативные источники информации – слушало «вражьи голоса», которые небезуспешно глушились. Чем больше возникало несоответствие между рисуемой властями виртуальной реальностью и действительностью, тем больше росло недоверие народа к органам власти, переросшее затем в отчуждение. Все это создавало благодатную почву для осуществления в стране цветной революции и развала Советского Союза.

В настоящее время политика властей ограничить доступ населения к альтернативным источникам информации обречена на неудачу. В эпоху тотальной цифровизации все становится так или иначе транспарантным. Следует согласиться с Я.И. Свирским, что цифровизация «задает определенные поведенческие рамки на всех уровнях социальной коммуникации» [23, с. 83]. В условиях глобальной цифровизации политика властей, если она выражает коренные интересы народа и государства, должна перейти из кулуарной сферы в публичную. Ограничения публичности могут быть продиктованы, как уже отмечалось, лишь соображениями не нанесения вреда государственной безопасности. В эпоху «постправды» для народа правда представляет особую ценность. Даже горькая правда, доведенная до общества, означает доверие властей народу, а это – условие единства власти и народа, условие сохранения современного российского государства. В этом контексте доверие представляет важнейшую социальную ценность, наличие которой является условием существования и функционирования любых социальных организмов. К сожалению, приходится констатировать, что эта социальная ценность в результате реформ оказалась в большом дефиците. Кризис социального доверия в обществе – это иное выражение кризиса политических элит страны. Непоследовательность, непредсказуемость политики, ошибки, просчеты в управлении страной, полуправда в коммуникации с населением страны не проходит мимо молодежи, особенно студенческой, которая отличается цепким взглядом и критическим мышлением. Неудовлетворенная услышанным и увиденным, она погружается в виртуальную реальность, где в различных сетях активно работают ловцы неокрепших душ – блогеры, журналисты, политологи, представляющие интересы внешних и, увы, внутренних противников России. Они умело эксплуатируют промахи властей, проблемы, с которыми сталкивается молодежь, укрепляя у нее недоверие к властным структурам, формируя негативное отношение к российскому государству, что выражается в участии некоторых из них в несанкционированных антиправительственных демонстрациях и митингах. В последние годы участились случаи вербовки молодых людей (даже школьников) спецслужбами враждебных к России стран для совершения террористических актов. Задачи преподавателя в современных сложных для страны условиях – дать студентам не только профессиональные знания, но и, как бы пафосно это ни звучало, сформировать у них высокую гражданскую ответственность, воспитать патриотов России, способствовать сохранению и укреплению единства страны. Но как это сделать, если преподаватели существуют в той же социальной реальности, что и студенты, и у них доступ к правде такой же, что и у студентов? Проблема, стоящая перед преподавателем, кажется практически непреодолимой, если учесть, что в эпоху цифровизации преподаватель перестал быть для студентов единственным и авторитетным источником информации. Не претендуя на гарантированное и исчерпывающие решение отмеченной проблемы, представляется необходимым сказать следующее. Преподаватель, в отличие от своих студентов, обладает более глубокими теоретическими знаниями и более богатым

жизненным опытом, позволяющим ему дать релевантное понимание сущности происходящих процессов или событий. Он может стать для студентов авторитетным источником информации, если предстанет перед студентами как живой представитель науки, который в своих лекциях опирается не только на работы современных ученых, но и собственные теоретические наработки. Понятно, учебная лекция не может быть превращена в популярный дискурс политических, социально-экономических и иных актуальных проблем повседневности. Но одна из важных и трудных задач обществоведа, как справедливо отмечал А. Зиновьев, найти способ теоретического объяснения повседневности [9]. Преподаватель не может избегать обсуждения со студентами острых проблем человечества, страны, если они находятся в контексте анализируемой темы учебной дисциплины, или если такие вопросы задаются студентами. А подобные вопросы, как свидетельствует опыт автора этих строк, студенты задают часто.

О роли преподавателя в образовательном процессе в условиях применения информационных технологий

Цифровизация, как отмечалось выше, требует изменения поведения на всех уровнях социальной коммуникации. Эти изменения касаются и субъектов образовательного процесса. В связи с тем, что учащиеся получают доступ к различным образовательным ресурсам, в аналитике была высказана идея о том, что преподаватель должен перестроиться из «мудреца на сцене», дающего информацию, он должен превратиться в «гида сбоку», который знакомит студентов с новыми цифровыми технологиями, корректирует, направляет процесс получения компетенций, словом, содействует их обучению [2, с. 217]. В нашем образовательном сообществе подобные представления о преподавателе как гиде студентов далеко не редкость. Упрощенное понимание субъектов образовательного процесса свидетельствует, на наш взгляд, как минимум о кризисе методологии преподавания в вузах. Во всяком случае, цифровизация образования выдвинула на первый план проблемы дидактики высшего образования. К ней мы вернемся несколько позже, а здесь необходимо отметить, что преподаватель в образовательном процессе не может рассматриваться в роли гида студентов, ибо экскурсовод занят организацией досуга свободных от труда людей, а учеба студентов – это не праздное времяпрепровождение (хотя такое тоже иногда бывает), а целенаправленная напряженная интеллектуальная деятельность по освоению системы научных знаний.

Мы разделяем позицию ученых, считающих неприемлемым видеть в преподавателе технического оператора или даже инструктора поведения учащегося в коммуникативно-образовательной среде [33, с. 24]. Несомненно, существовавшие некогда в прошлом представления об отношении преподавателя и студента как субъекта и объекта в эпоху цифровизации устарели окончательно и бесповоротно. При всем том, что цифровизация узаконила субъект-субъектные отношения между преподавателем и студентом, определяющая роль в образовательном

процессе, на наш взгляд, все же остается за преподавателем в силу того, что, как уже отмечалось, преподаватель, как правило, – это живой представитель науки, который передает студентам современные научные знания, в том числе и собственные теоретические наработки. Он организует, направляет, управляет, контролирует и мотивирует познавательную деятельность студентов и, в определенном смысле, несет моральную ответственность за ее результаты. Кроме того, преподаватель – это учитель, который не только передает определенную сумму знаний учащимся, но и делится с ними своим жизненным опытом, формирует у них определенные духовно-нравственные ценности. Без этого процесс образования не был бы полноценным и завершенным. Ведь образование дословно означает формирование (образование) человека как социального существа, определенного типа социального индивида, личности. Никакой инструктор, никакой «гид сбоку» не занимается этим. Поэтому никакие образовательные ресурсы, онлайн-лекции не могут заменить живого общения, диалога преподавателя и студентов. Отметим, что чем более технологичен образовательный процесс, тем меньше в нем субъект-субъектных отношений, живого общения между преподавателем и студентом. Поэтому одним из негативных последствий цифровизации образования является его дегуманизация, что отмечает подавляющее большинство ученых. Сказанное дает основание для вывода, что цифровизация образования имеет свои ограничения, свои пределы, обусловлена необходимостью сохранения той ее базовой функции, ради которой этот институт возник и существует, а именно, формирование человека как социального универсального существа.

Необходимо отметить, что среди исследователей помимо безоговорочных сторонников цифровизации общества и образования есть немало и тех, кто однозначно негативно относится к этим феноменам общественной жизни [7; 21; 11; 23]. Однако жестко критическое отношение к цифровой революции не дает основание игнорировать этот процесс и возможность его отменить. Задача философии не только в объяснении причин возникновения общественно значимых тенденций, которые стали повседневностью, но и в прогнозировании и минимизации возможных рисков, обусловленных этими тенденциями. В аналитике достаточно подробно рассмотрены все возможные социальные и когнитивные риски, вызванные цифровизацией общества и системы образования [33; 31; 32; 19; 20; 34]. У нас нет оснований их оспаривать. Более того, автор этих строк, как и любой преподаватель с большим стажем работы в высшей школе, мог бы написать собственные выводы и опасения на этот счет. Нам представляется интересными некоторые предложения ученых по минимизации различных рисков, вызванных цифровизацией образования. К числу таких рекомендаций следует отнести экспертную разработку руководства для преподавателей и учащихся, использующих цифровые технологии в учебном процессе, методички для авторов, создающих цифровые учебные курсы, применение комбинированной формы преподавания, включающей цифровые образовательные системы и классическую контактную форму обучения [31; 32; 20].

Не отрицая практическую значимость подобных рекомендаций для минимизации когнитивных, эмоциональных и иных рисков, вызванных цифровизацией образования, представляется необходимым отметить следующее. Эти предложения относятся к особенностям дидактики учебного процесса в эпоху цифровизации. Иначе, они центрируются вокруг вопроса **как преподавать** в современных условиях. Но ответ на вопрос как преподавать зависит от ответа на другой вопрос. **Что преподавать**. Одно дело, когда речь идет о физике, математике, математической статистике, информатике и т.д., и другое дело, когда обсуждаются проблемы преподавания русской литературы, истории, психологии, философии. Абстрактные дидактические рекомендации без учета предмета преподавания некорректны и малоэффективны. Перечисленные в последнем ряду предметы носят человекоцентричный характер. Если цифровизация нарушает принцип человекоразмерности, обусловленный содержанием преподаваемого предмета, то цифровая технология может быть применена в учебном процессе в ограниченном масштабе лишь как способ получения дополнительной информации или вовсе отвергнута, поскольку она противоречит достижению целей учебного процесса при изучении конкретной дисциплины. Почему такой категоричный вывод? «Понятие “цифра”, – как отмечает Э.М. Спирова, – происходит от лат. cifra и от араб. sifr означающее нуль, пустой. Цифры – знаки, используемые для записи конкретных значений чисел» [26, с. 8]. Отличие «цифры от числа в том, что первое понятие абстрактно, это всего лишь знак, а второе выражает количество чего-либо. Цифра равнодушна к содержанию» [26, с. 8]. Если цифра, как, впрочем, и число равнодушна к содержанию, то это означает, что в информации, передаваемой через «цифру», отсутствует смысл. Но там, где отсутствует смысл, как справедливо подметил Ф.И. Гиренок, «невозможен человек» [5]. Если в образовательных ресурсах, созданных на основе цифровых технологий, и присутствует человек, то как абстрактное безликое бесполое существо, потерявшее свою индивидуальную, групповую, цивилизационную идентичность. Нетрудно догадаться, что такое представление о человеке соответствует новым веяниям западной цивилизации, свидетельствующем о его глубоком кризисе. Поэтому можно сказать, что цифровые технологии, применяемые при описании и изучении социальной реальности, – это заказ современного глобального капитала. При обозначении содержания образовательных ресурсов (имеющего абстрактный характер) используют слово «контент», т.е. информационную наполненность ресурса. Доступ к ресурсу дает возможность получить информацию о чем-либо. Но обладать информацией и знать что-либо – далеко не одно и тоже. Это разные уровни и формы когнитивной деятельности [33, с. 25]. Обладать информацией означает возможность иметь знания, но не обязательно обладать ими. «Знание предполагает осмысленность имеющейся информации, умение ее использовать и уверенность в ее истинности или, по меньшей мере в ее достоверности» [28, с. 10]. Информация, полученная в виртуальной реальности, не дает оснований для такой уверенности. **Знание**, на наш взгляд, есть **когнитивное**

выражение способности человека, формирующееся в результате идеального освоения мира, позволяющее ему в своих мыслях и действиях по своему усмотрению воспроизводить предметы и процессы познанной действительности. Знание, как следует из определения, предполагает субъектность человека. Субъектность человека не вписывается в числовой мир, создаваемый информационными технологиями [5]. Гуманитарные и общественные науки имеют человекоцентричный характер. В фокусе их внимания человек, человеческая деятельность, отношения, складывающиеся между людьми в результате этой деятельности. При преподавании указанных дисциплин анализируется не только бесконечная сложность и многогранность человека как универсального деятельного существа, но и пробуждаются в студентах собственно человеческие интенции – способность к самостоятельному творчеству и критическому мышлению – свойства крайне необходимые для развития человека и общества. Цифровизация образования, как свидетельствует аналитика, не способствует формированию этих способностей. Более того, легкий доступ к различным информационным ресурсам чаще всего демотивирует студентов к самостоятельному выполнению различных учебных заданий. Это подтверждается и собственным опытом преподавательской деятельности автора данной публикации.

Любая научная теория разрабатывается в определенных конкретно-исторических условиях и является ответом на запросы общественно-исторической практики и самой науки. Понять теорию и проблемы, которые в ней ставятся и решаются, невозможно вне той социальной реальности, в лоне которой она возникла, и в которую был погружен ученый, создавший эту теорию. Особенно это касается социально-гуманитарных наук. В них дают о себе знать не только сложившиеся в данной стране научные традиции, но и особенности ее культуры, существующие ценности, мировоззрение. Исторические и культурные традиции в социально-гуманитарных науках влияют на смысловое значение языка, проявляющегося в особенностях его коннотации. Коннотация является дополнительной семантической информацией не о самом предмете, а об отношении человека к этому предмету [27]. Она выражает особенности культурно-исторических традиций общества. Прочитать научный текст и адекватно понять его смысл без учета особенностей коннотации языка трудно, если вообще возможно. Учебный материал в информационных ресурсах носит отчужденный от человека, от культурного фона характер. Изложенное дает основание для вывода, что цифровизация образования имеет свои ограничения и нужна определенная демаркация дисциплин, которые можно цифровать от предметов, цифровизация которых контрпродуктивна. К последним следует отнести дисциплины, формирующие мировоззрение, смысложизненные ценности, нравственность и т.д. Представляется в этой связи, что философия должна преподаваться в классическом формате, предполагающий непосредственное общение преподавателя со студенческой аудиторией. Информационные ресурсы при изучении философии могут применяться ограниченно в качестве дополнительного материала или способа коммуникации субъектов образовательного процесса.

Некоторые выводы

Метод преподавания в современную эпоху должен определяться не только на основе учета особенностей изучаемого предмета, но и понимания **целей** изучения данной дисциплины. Знание цели освоения студентами предмета в свою очередь зависит от идеологии, положенной в основу образовательного процесса в стране. Этот вопрос принципиально важный в силу тех вызовов и рисков, с которыми сталкивается в настоящее время наша страна, и в силу того, что в учебный процесс была возвращена воспитательная функция. Идеология (методология решаемых задач), лежащая в основе образовательного процесса, в свою очередь зависит от государственной идеологии в стране. Но в современной России, согласно Конституции (ст. 13, п. 2), нет государственной идеологии. Де-юре ее нет, но де-факто она существует более 30 лет [16]. Руководствуясь этой идеологией, постсоветская элита под присмотром западных кураторов построила в стране маргинальный олигархический капитализм, выполнявший все эти годы функцию сырьевого придатка ядра мир-экономики. Каковы были задачи российского профессионального образования за прошедшие 30 лет – готовить конкурентоспособный товар для мирового капиталистического рынка, частью которой была экономика России. Воспитательная функция в учебном процессе отсутствовала, поскольку формирование убеждений, нравственных принципов, патриотизма были помехой при трудоустройстве, особенно за рубежом.

Для России дата 24 февраля 2022 г. стала началом переломного этапа в ее постсоветской истории. Он, если руководствоваться заявлением Президента страны, связан с борьбой за сохранение независимости, целостности российского государства, восстановлением ее экономического, финансового, технологического образовательного суверенитета. В этих условиях цель образования заключается не только в том, чтобы дать студентам добротные профессиональные знания, но и формировать из них развитую личность, ответственных и активных граждан страны, любящих свою родину, обладающих широким кругозором, способностью к самостоятельному творческому мышлению. Очевидно, что переломный этап истории России требует смену идеологических вех [13, с. 142]. На основе неолиберальной идеологии, формирующей ригористический индивидуализм и эгоизм в стране маргинального капитализма, трудно формировать у молодого поколения патриотизм, высокую гражданскую активность и ответственность, уважительное отношение к историческим духовно-нравственным ценностям. Для них так или иначе будут притягательными образ жизни и духовные ценности развитых стран ядра мир-экономики. Это и понятно, ведь неолиберальная идеология – это идеология Запада. Очевидно также, что, руководствуясь неолиберальной идеологией, государству будет сложно победить глобальный неолиберальный капитализм. Россия по всему значимому в военном противостоянии с коллективным Западом потенциалу (экономическому, технологическому, военному, человеческому) уступает противнику. Россия – традиционно идеократическая страна,

лишена своего преимущества – государственной идеологии. Но ведь у России есть свой национальный интерес, который должен быть выражен в ее государственной идеологии для консолидации полиэтнического, поликонфессинального населения страны. В тоже время она должна показывать экономическую, социально-политическую, а сегодня и цивилизационную перспективу развития страны. Куда должна идти Россия, какое общество она должна строить завтра, послезавтра? Закончится СВО, я надеюсь, решением всех тех военно-политических и геополитических задач, о которых не раз заявлял глава нашего государства. Вернутся домой героические участники СВО. Что дальше? Россия будет строить новый вариант олигархического капитализма? Не появится ли у патриотов России (как и сегодня у немалой части молодежи) горькое разочарование в существующей социальной реальности? Возникнет вопрос: ради интересов новых олигархов и коррумпированных чиновников проливали свою кровь на Украине? Не произойдет ли в этом случае то, что произошло с Советским Союзом через несколько лет после вывода советских войск из Афганистана? Россия сегодня в условиях экзистенциальной угрозы остро нуждается в новой государственной идеологии. Она должна включать не только испытанные временем традиционные, но и новые смысложизненные ценности и социальные идеалы, которые были бы привлекательны для молодежи и мотивировали бы ее на активную созидательную деятельность в собственной стране во имя благополучия своей семьи и процветания своей Родины – России.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Образец социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 944 с.
2. Бельский В.Ю., Майкова В.П., Молчан Э.М. Цифровые технологии в системе образования // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 216–219. DOI: https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-2-216-219
3. Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / пер. с англ. М.Н. Десятовой. М.: АСТ, 2015. 288 с.
4. Буданов В.Г. Новый цифровой жизненный техноуклад – перспективы и риски трансформаций антропосферы // Философские науки. 2016. № 6. С. 47–55.
5. Гиренок Ф.И. Человек – это не цифра // Завтра.ру. 2018. 23 июня. URL: https://zavtra.ru/blogs/uroki_digital_noj_filosofii (дата обращения: 22.07.2023).
6. Главная книга о кризисе: сб. ст. / ред.-сост. А.В. Бузгалин. М.: Яуза: Эксмо, 2009. 256 с.
7. Гобозов И.А. Цифровизация общества и деинтеллектуализация человека // Философия и общество. 2021. № 3. С. 35–54. DOI: https://doi.org/10.30884/jfio/2021.03.02
8. Гэмбл Э. Кризис без конца: крах западного процветания / пер. с англ. А. Гуськова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2018. 304 с.

9. Зиновьев А.А. Зияющие высоты. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. 720 с.
10. Кант И. Метафизические начала естествознания // Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 53–176.
11. Кувшинова А.А., Савченко И.А. К вопросу о негативном влиянии цифровой коммуникации на сознание индивидов // Философия и общество. 2022. № 2. С. 26–37. DOI: https://doi.org/10.30884/jfio/2022.02.02
12. Ларьяновский А.В. Кто в российском EdTech зарабатывает больше всего // РБК. 2019. 17 дек. URL: https://pro.rbc.ru/news/5df8aad49a7947793e2dfd7a (дата обращения: 22.07.2023).
13. Лившиц Р.Л. Что мешает формировать патриотизм? // Философия и культура в гуманитарном дискурсе: материалы междунар. науч.-метод. конф. (Воронеж, 27–28 апреля 2023 г.) / отв. ред. С.И. Сулимов. Воронеж: Истоки, 2023. С. 133–144.
14. Манхейм К. Проблемы молодежи в современном обществе // Манхейм К. Избранное. Диагноз нашего времени. М.: РАО Говорящая книга, 2010. С. 570–590.
15. Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2016. 128 с.
16. Мусаелян Л.А. К вопросу об отсутствии в России государственной идеологии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 1(55). С. 6–21. DOI: https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-55-6-21
17. Мусаелян Л.А. Марксово учение об историческом процессе и теория постиндустриального общества // Философия и общество. 2005. № 2. С. 39–59.
18. Постановление Правительства РФ от 04.10.2000 N 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации». URL: https://base.garant.ru/182563/ (дата обращения: 22.07.2023).
19. Обухов А.С., Томилина М.В. Развитие цифровых образовательных технологий в России до пандемии: история и особенности индустрии EdTech // Информатика и образование. 2021. № 8. С. 52–61. DOI: https://doi.org/10.32517/0234-0453-2021-36-8-52-61
20. Петрова Е.В. Экология цифровой среды как попытка ответа на цивилизационные вызовы цифровой эпохи // Вопросы философии. 2022. № 11. С. 99–109. DOI: https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-11-99-109
21. Пурыничева Г.М., Базанова Н.М. Цифровая реальность как вызов человечеству // Философия и общество. 2021. № 4. С. 66–74. DOI: https://doi.org/10.30884/jfio/2021.04.04
22. Ракитов А.И. Человек в оцифрованное мире // Философские науки. 2016. № 6. С. 32–46.
23. Свирский Я.И. Цифровизация и антропоцентризм // Вопросы философии. 2023. № 6. С. 83–86. DOI: https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-6-83-86
24. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма: Открытое общество в опасности / пер. с англ. С.К. Умрихиной, М.З. Штернгарца. М.: ИНФРА-М, 1999. 262 с.
25. Сорос Дж. О глобализации / пер. с англ. А.А. Башкирова. М.: Эксмо, 2004. 224 с.

26. Спирова Э.М. Апофеоз безличного в цифровой реальности // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 2(136). С. 7–16. DOI: https://doi.org/10.25730/VSU.7606.20.019
27. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово, 2000. 262 с.
28. Труфанова Е.О. Информационное перенасыщение: ключевые проблемы // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2019. № 1. С. 4–21. DOI: https://doi.org/10.17726/philit.2019.1.16.1
29. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40174/ (дата обращения: 22.07.2023).
30. Федотова В.А. Доверие к власти и политическая активность российской молодежи: роль этнической самоидентификации // Общественные науки и современность. 2022. № 2. С. 126–136. DOI: https://doi.org/10.31857/S0869049922020095
31. Храпов С.А., Баева Л.В. Цифровизация образовательного пространства: эмоциональные риски и эффекты // Вопросы философии. 2022. № 4. С. 16–24. DOI: https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-4-16-24
32. Храпов С.А., Баева Л.В. Феномен памяти в условиях цифровизации образования: создание модульной системы безопасности цифровой образовательной среды // Вопросы философии. 2023. № 5. С. 61–69. DOI: https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-5-61-69
33. Храпов С.А., Баева Л.В. Философия рисков цифровизации образования: когнитивные риски и пути создания безопасной коммуникативно-образовательной среды // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 17–26. DOI: https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-4-17-26
34. Чернавин Ю.А., Баринова Г.В. Человек в пространстве цифровой культуры // Вопросы философии. 2023. № 4. С. 29–39. DOI: https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-4-29-39
35. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 208 с.
36. Якеменко Б.Г. Пепел над пропастью. Феномен концентрационного мира нацистской Германии и его отражение в социокультурном пространстве Европы середины второй половины XX столетия. М.: Яуза-каталог, 2023. 512 с.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ РОССИИ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ*

Введение. Россия в настоящее время сталкивается с рядом глобальных вызовов и угроз, сравнимых разве что с теми, с которыми она сталкивалась перед Великой Отечественной войной. Система образования любой страны – это индикатор интеллектуальных возможностей, от которых зависит ее будущее. В статье анализируется состояние современного российского образования, возникшее после проведения ряда реформ, ее способности обеспечить адекватные ответы на современные вызовы и угрозы.

Цель. Проанализировать современные глобальные вызовы и угрозы России, рассмотреть особенности существующей в стране системы образования, показать ее возможности по обеспечению научного и технологического прорыва для эффективной блокировки экзистенциальных
угроз.

Методы. материалистический (принцип объективности), диалектический (принцип развития и всеобщей связи), системный.

Научная новизна. Раскрыта сущность переломного этапа современной истории человечества, дан объективный анализ состояния российского образования, характера и последствий проведенный в ней реформ, ее возможностей блокирования существующих вызовов и угроз.

Результаты. Показано, что на современном этапе российской истории существенно возрастает роль молодежи в определении судьбы страны. Ключевым в способности молодежи выполнить эту историческую миссии является система образования. Она позволяет сохранить исторические традиции, национальную идентичность, она же является фактором научных и технологических прорывов общества. Выявлено, что реформы в системе образования не были ориентированы на сохранение исторических традиций и национального кода страны. Заимствованные образовательные технологии не могли не привести к существенному снижению качества российского образования. В результате проведенных реформ страной был утерян значительный потенциал развития.

Выводы. Реформы в системе образования так, как они были проведены, оказались контрпродуктивны и не отвечали национальным интересам страны. В настоящее время в условиях появления для России экзистенциальных угроз назрела острая необходимость изменить идеологию и технологию управления системы образования; требуется выйти из Болонской системы и вернуться к доказавшим свою эффективность элементам классического европейского и национального образования. Если страна нуждается в

* Впервые опубликовано: Мусаелян Л.А. (при участии проф. Зырянова С.Г.) Глобальные вызовы России и некоторые проблемы системы отечественного высшего образования // Социум и власть. – 2022. – № 2(92). – С. 40-52. – DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-40-52.

научном и технологическом прорыве, финансирование ее образования и науки не может быть меньше тех стран, которых России намеревается догнать. Для этого требуется радикально изменить как объемы, так и механизмы финансирования образования и науки. Необходимо пересмотреть ст. 13 п. 2 Конституции России.

Государственная идеология концентрировано выражает национальные интересы страны и в конечном счете определяет цели и задачи существующей системы образования и воспитания. Отсутствие государственной идеологии способствует к десуверенизации и десубъективизации российского общества.

Ключевые слова: глобальные вызовы и угрозы России, система образования, национальные интересы страны, «беззнаниевая модель образования», научный и технологический прорыв

Введение

Современную эпоху можно характеризовать как переломный этап в истории человечества. Это определяется тем, что в конце XX – начале XXI в. произошло совмещение нескольких глобальных кризисов. В первую очередь речь идет о кризисе глобального неолиберального капитализма, что признается исследователями придерживающихся разных идеологических и мировоззренческих взглядов [4; 8; 10; 19; 23]. Став глобальным, капитал исчерпал внешние источники роста. Поиск внутренних резервов вновь подстегнул гонку вооружений и способствовал искусственному поддержанию завышенного потребительского спроса. Политика «принуждения» к потреблению привела к росту долгов домохозяйств и государств, затем к финансово-экономическому кризису в США (2008 г.), который быстро распространился в других странах.

В свою очередь, потребительский образ жизни, победивший в современном глобальном капитализме, резко усилил антропоморфное давление на природу, нарушив экологическое равновесие природных систем. При сохранении существующего образа жизни человечество ускоренными темпами будет приближаться к экологической катастрофе, о чем еще в семидесятых годах прошлого века предупреждали ученые «Римского клуба». Программа перехода развитых западных стран к «зеленой энергетике» продиктована стремлением приостановить тенденцию к потеплению атмосферы земли и не допустить экологического коллапса. Как представляется автору, указанная «зеленая» повестка, инициированная Западом, определялась не только соображениями восстановления экологического равновесия в мире, но и вуалированным желанием выдавить Россию из европейского рынка углеводородов с целью сужения ее финансовых возможностей обеспечения экономического и технологического развития. Эти намерения коллективного Запада в последнее время уже никто и не скрывает. Забыв о программах перехода к «зеленой энергетике», некоторые страны Евросоюза нашли альтернативу российскому газу и нефти в «экологически чистом» каменном угле.

Важным фактором, определяющим характер современной эпохи, является геополитический кризис, обусловленный тенденцией смены монополярного миропорядка многополярным и перемещением центра мир-истории и мир-экономики из Америки в юго-восточный регион Тихого океана. «…В мире, – отмечал З. Бжезинский, – идет процесс децентрализации. Мощь, сила, влияние, неотвратимо смещаются с Запада на Восток» [3]. Изменение мировой экономической, военной, политической архитектоники, сформировавшейся в конце XX века, сопровождается нарастанием конфронтации между Западом и Востоком, появлением очагов напряженности по периметру границ России. Эти опасные тенденции будут возрастать, поскольку, как свидетельствует история, ни одна мировая империя мирно и добровольно не сдавала свои позиции. Фактическое участие более сорока государств Запада на стороне Украины во время специальной военной операции России по демилитаризации и денацификации соседней стороны есть демонстрация поддержки внешней политики США по сохранению и усилению власти влияния мировой империи глобального неолиберального капитализма.

Конец XX – начало XX века ознаменовался четко выраженными признаками цивилизационного кризиса коллективного Запада. Традиционные принципы человеческого бытия, нормы поведения, которые в течении двух тысяч лет обеспечивали существование европейской цивилизации, подвергаются ревизии и активно пересматриваются. Политическая, социальная, нравственная патология стала нормой общественной жизни и получила статус ценностей передовых демократических стран. Отвергаются традиционные признаки идентификации семьи, брака, родителей, социальных индивидов. Все те, кто не считает приемлемым эти новации общественной жизни, объявляются врагами демократии и прогресса, ассоциируемого, конечно, с коллективным Западом. Сохранение и продолжение отмеченных тенденций даже в среднесрочной перспективе ставит под вопрос не только развитие, но и существование современной европейской цивилизации. Есть основание считать, что Запад выходит за пределы собственного цивилизационного пространства. Европейская цивилизация находится на переломном этапе своей истории.

Неолиберальный капитализм, искусственно поддерживая высокий потребительский спрос, способствовал формированию человека экономического (Homo economicus), смысл существования которого сводится к приобретению и потреблению все новых товаров. Это определяется тем, что только в потреблении он чувствует себя человеком [27]. Такое понимание смысла жизни определяет его подход к другим людям как средству достижения своих целей или как к конкурентам. Подобное узко утилитарное отношение к окружающей социальной среде резко ограничивает возможность человека к социализации, сдерживает развертывание и развитие его сущностных сил. Иначе говоря, потребительское отношение к жизни оборачивается упрощением, деградацией человека, его превращением в асоциальное существо [20, с. 32]. Отсюда дегуманизация всех сфер

общественной жизни, примитивизация культуры, социальных норм и ценностей, рост насилия и преступности. Словом, антропологический кризис является еще одной стороной современного глобального кризиса человечества.

Из изложенного можно сделать два вывода. Во-первых, многоаспектный системный характер современного глобального кризиса свидетельствует о кризисе пути развития буржуазной (европейской) цивилизации. Во-вторых, все проблемы, все противоречия современной эпохи так или иначе «сходятся» в человеке. Поэтому антропологический кризис – это кризис образа жизни, «выбранной системы мышления, формы рациональности, отношения человека к миру – первопричина других, более частных при всех их фундаментальности – форм кризиса» [9, с. 75].

Экзистенциальные угрозы России и историческая миссия молодежи

Углубление геополитических противоречий в мире, с одной стороны, и цивилизационный кризис в Европе – с другой, резко обострили отношения между коллективным Западом и Россией. Если еще лет десять назад отношение Запада к России ограничивалось высокомерной пренебрежительно-критической характеристикой нашего государства как авторитарного, коррумпированного режима с маргинальной, периферийной сырьевой экономикой, проводящего ревизионистскую политику пересмотра геополитических реалий, возникших в конце XX века, то сегодня ситуация совершенно иная. Против нашей страны демонстративно развернута тотальная гибридная война, в ходе которой используются все возможные средства: политическое давление, экономические санкции, блокирование участия в международном разделении труда и международных мероприятиях в сфере науки, культуры, спорта. Очевидно, цель этой гибридной войны – сдержать развитие России, консервировать ее технологические отставание и загнать ее в технологическое гетто. В противостоянии с Россией Запад применяет испытанный инструмент информационно-психологической войны, которая в настоящее время по своим масштабам, интенсивности и остроте приобрела небывалые формы. Ее конечная цель – ослабить государственность, расколоть российское общество, переформатировать общественное сознание, добиться десуверенизации и десубъективизации России и ее раздробления. Объектом информационно-психологического воздействия в гибридной войне прежде всего является молодежь, которая в немалой своей части не завершила процесс социализации и потому не обладает еще сформировавшимися мировоззрением, устойчивыми убеждениями, смысложизненными принципами и ценностями. В то же время молодежь – это один из наиболее важных ресурсов общества, от мобилизации которой зависит его жизнеспособность [14, с. 571–572]. С одной стороны, она перенимает опыт, традиции предшествующих поколений и сохраняет национальный культурный код народа, а с другой, она быстро адаптируется к изменяющимся обстоятельствам, легко усваивает достижения науки и техники и

становится мотором инновационного развития. Молодёжь может выполнить эту свою историческую миссию, если в стране существует эффективная система образования. История многих стран, в том числе и нашей, свидетельствует о том, что качественная система образования являлась условием и фактором мощного научно-технического и социального прогресса. В конце пятидесятых годов советская система образования стала одной из лучших в мире. И тот факт, что за короткий промежуток времени с 1956 по 1964 гг. семь советских ученых стали лауреатами Нобелевской премии, не является случайностью. Точно так же закономерными были успехи СССР в освоении космоса. Широко известна реакция американского президента на запуск в нашей стране первого искусственного спутника Земли. Джон Кеннеди распорядился реформировать систему образования в США. Эффективная система образования формируется в конкретных социальных условиях, она отвечает конкретным запросам общества, поэтому не может не иметь свои национальные особенности. В настоящее время, когда геополитическое и цивилизационное противоречие между Западом и Россией достигло критической точки, есть необходимость проанализировать проблемы нашей системы образования. В силу своей профессиональной деятельности в центре внимания автора этих строк будут в основном проблемы высшего образования России.

Российская система образования и особенности проведенных реформ

Кризисные тенденции в стране, в том числе в обществе и в сфере образования, начались еще в советскую эпоху – в 80-е годы прошлого века. Реформы начала 90-х годов не только не приостановили эти негативные тенденции, но усилили их, что было обусловлено целями реформ. Экономические реформы, проводимые в начале 90-х, преследовали политическую цель – развалить базис социализма, для того чтобы придать проводимым преобразованиям необратимый характер. Разрушение экономического базиса способствовало фактической ликвидации социального государства. По Конституции СССР не определялся как социальное государство, но в действительности, по мнению автора этих строк, был таковым. Постсоветская Россия де-юре провозглашалась социальным государством, но де-факто не было таковым. Государство после реформ «ушло» не только из экономики, но практически и из социальной сферы, финансирование которой было сведено к минимуму. Симптоматично то, что реформаторы изменили название ведомства, которое занималось образованием. Из наименования министерства исчезло слово «народное», что не позволяло себе даже царское правительство, и это изменение не было исключительно семантическим. Обязательное одиннадцатилетнее образование было отменено. Анонимные инициаторы реформ в образовании продвигали идею вариативного обучения дисциплин, в том числе литературы и истории, и постепенного вытеснения бесплатного образования платным [29]. Из учебного процесса было элиминирована

воспитательная функция, формирующая мировоззрение и определённые смысложизненные ценности, выражающие культурный национальный код России. В результате реформ среднего образования снизилось его качество, что привело к разрыву между средним и высшим образованием. Правда, в последующем благодаря реформам в высшем образовании этот разрыв существенно сократился. В 2012 году отечественные вузы выпали из сотни качественных университетов мира [12, с. 50]. Оценивая результаты реформ в образовании за последние тридцать лет, трудно удержаться от мысли, что в России было применено оружие мягкой силы с целью переформатировать сознание молодёжи и добиться ее десуверенизации. Как свидетельствуют социологические исследования, у российской молодёжи (в отличие от своих сверстников в Польше, ФРГ и других европейских стран) политические и общественные проблемы находятся на периферии их интересов. Более важным для значительной части нашей молодежи являются достижение личного успеха, материального благополучия [2, с. 24]. Индивидуализм, эгоизм в их ригорических формах стали нормой общественной жизни постсоветской России. Молодежь – часть нашего общества, она не может иметь социальные качества, принципиально отличные от социальных свойств общества. Социологические исследования свидетельствуют о том, что связь нашей молодежи со своей родиной значительно слабее, чем в соседних западных странах [2, с. 26]. Это вполне объяснимо, ведь наша молодежь социализируется в обществе, где отсутствует государственная идеология, определяющая стратегическое целеполагание страны, образование не способствует формированию исторической памяти и российского национального культурного кода, а без всего это устойчивые патриотические чувства не возникают. Соответственно, возникают условия для манипулирования сознанием молодежи и вовлечения их в различные акции протеста [2, с. 25].

Согласно ст. 13 п. 2 Конституции РФ, в нашей стране никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Однако, как представляется, возникшие проблемы системы российского образования обусловлены преимущественно идеологическими факторами. Руководствуясь неолиберальной идеологией, акторы российских реформ горели неуемным желанием коммерциализировать все сферы общественной жизни и это им практически удалось. После принятия России в ВТО учреждения образования (и здравоохранения) стали рассматриваться как хозяйствующие субъекты, предоставлявшие образование (и медицинские) услуги заказчику – студенту (пациенту) [12, с. 50]. Коммерческий подход к социальной сфере означал применение базового принципа рынка – максимум прибыли при минимуме издержек. Применение этого правила управления в здравоохранении привело к «оптимизации» медицинских учреждений и численности персонала во всей России. В годы пандемии «оптимизированная» национальная система здравоохранения оказалась в состоянии коллапса, что обернулось большими людскими и моральными

потерями, значительными финансовыми затратами государства на поддержание медицинских учреждений и населения.

Рыночные методы управления, внедренные в систему образования, способствовали пересмотру целей, задач, критериев эффективности учебных заведений высшего образования. Здесь утвердился утилитарный подход к учебному процессу и результатам преподавательской деятельности. В образовании приобрели значимость дисциплины, дающие узкопрофессиональные знания, которые можно быстро продать на рынке. Это привело к резкому сокращению или полной элиминации из учебного процесса социально-гуманитарных дисциплин, ведь результаты преподавания этих человекоцентрированных наук, формирующих мировоззрение, убеждения, смысложизненные ценности и нравственность человека трудно монетизировать. Они не востребованы на внутреннем и тем более на внешнем рынке. По этой же причине из учебного процесса была выведена нравственно-воспитательная работа. Такую деятельность преподавателя трудно верифицировать при помощи тестов и тем более монетизировать. Как справедливо подметил Дж. Сорос, рынок и мораль несовместимы [24, с. 21].

Словом, применение рыночных методов управления сферой образования привело к расчеловечиванию учебного процесса. Система образования как важнейший институт социализации потеряла свое антропологическое основание. А это означает, что учреждения образования перестали соответствовать своему предназначению, а именно формированию (образованию) человека. Образование, ориентированное на рынок, дает знание, являющееся чем-то внешним для субъекта. Поэтому можно сказать, что учреждения высшего профессионального образования фактически стали институтами, порождающими определенную форму духовного отчуждения. Потребности рынка очень изменчивы, подвижны, поэтому профессиональное образование не может быть основательным, глубоким, фундаментальным. К тому же подобное образование не является дешевым. Между тем глубокое теоретическое образование является условием существования и развития фундаментальной науки, открытия в которой являются фактором, обеспечивающим технологический прорыв и имеющим в современных условиях экзистенциальное значение для России. В этой связи можно сказать, что переход к профессиональному образованию, ориентированному на рынок, фактически консервирует технологическое отставание России от Запада.

В условиях капитализма экономический подход к образованию очевидно неизбежен, но он не может быть определяющим и тем более единственным. Если даже оценивать человека узко экономически, как рабочую силу, обученную определённому виду профессиональной деятельности, надо понимать, что ее развитие сопряжено с развитием множества других сущностных сил человека: мышления, воображения, воли, ответственности, свободы и т. д. Чем полнее развиты многообразные сущностные силы человека, тем выше его творческий потенциал как работника, тем более востребован он на рынке труда, тем выше потребительная стоимость рабочей силы как товара. Поэтому если даже руководствоваться

экономическими соображениями предпочтительно как для потенциального работника, так и для бизнес-сообщества. Как показал Кл. Шваб, четвертая промышленная революция ориентирована не на узкого дегуманизированного специалиста, а на творческого человека [26]. Узкоспециализированное профессиональное поверхностное образование фактически закрывает перспективу развития общества. Существующая система образования, как представляется, отвечает интересам акторов глобального неолиберального капитализма, поставивших себе цель превратить Россию исключительно в источник дешевого сырья и рабочей силы, способной выполнять лишь исполнительные функции. Если еще вчера при осуществлении реформ эта цель была камуфлирована, то в настоящее время, когда против России ведется тотальная гибридная война, скрыть это невозможно.

Анализируя современные вызовы и проблемы российского образования, нельзя обойти вопрос о финансировании этой сферы, от которой без преувеличения зависит будущее страны. Многолетняя политика властей финансирования российского образования не дает оснований усомнится в том, что геополитические противники России могут достичь своих целей, о которых говорилось выше. По разным международным данным, если по ВВП на душу населения Россия находится среди среднеразвитых стран мира, то по расходам на образование она среди бедных, слаборазвитых стран. Из 198 государств Россия занимает по этому показателю 125 место, находясь между Сальвадором и Тувалу. По другому рейтингу она на 120 месте, после нее опять-таки государство Тувалу [22]. Читатель знает, где эта страна Тувалу находится? Согласно докладу ОЭСР, Россия по расходам на образование среди развитых страны в числе аутсайдеров [11].

Недостаточное финансирование вузов вынуждает их зарабатывать деньги посредством увеличения количества студентов, обучающихся на коммерческой основе. Как правило большинство таких студентов имеют слабую общеобразовательную подготовку. Именно поэтому они не прошли по баллам на бюджетные места. В настоящее время в государственных вузах России более половины студентов учатся на платной основе [8]. Если среди студентов более половины являются слабоподготовленными, то говорить об обеспечении нужного качества образования не приходится. Осознание финансовой зависимости вуза от коммерческих студентов вынуждает преподавателя (не без давления сверху) снижать требования к таким учащимся. С другой стороны, понимание коммерческими студентами указанной финансовой зависимости вуза от них демотивирует некоторых от активной учебной деятельности. Словом, коммерциализация образования вопреки ожиданиям («платная учеба более эффективна») существенно снизила качество высшего образования.

В настоящее время важным фактором технологического и социально-экономического развития государств является наука. Очевидно, что развитие науки в большей степени зависит от ее финансирования. В 2020 году на научную сферу в бюджете России выделялось 1,1 % ВВП. В странах ОЭСР в среднем на эти цели выделялось 2,47 % ВВП, в США 3,07 % ВВП, в Германии 3,18 % [16].

На фундаментальную науку, играющую ключевую роль в открытии новых технологий, в 2022 году в Российской Федерации запланировано выделить 0,17 % ВВП. В ведущих странах мира этот показатель 0,4–0,6 % ВВП [16]. По причине недостаточности финансирования уменьшается и численность научных работников. Если в 2016 году Россия по этому показателю занимала 4-е место, то в 2021 году уже 6-е [16]. Очевидно, что при таком внимании властей к образованию и науке трудно осуществить технологических прорыв и дать адекватный ответ на агрессивную политику Запада сдерживания России.

Заимствованные западные образовательные технологии

Дискурс о проблемах российского образования не может быть полным без анализа последствий заимствования западных технологий в образовательной деятельности. Принятие РФ в ВТО было обусловлено ее присоединением к Болонскому процессу. Этот процесс был вызван тенденцией глобализации, в результате которой происходило формирование взаимосвязанного, взаимозависимого целостного мира. Болонские соглашения предполагают принятие странами подписантами единых (или близких) образовательных технологий, стандартов, критериев оценивания знаний студентов. Последние получали возможность менять траекторию профессионального образования, продолжать учебу в других вузах, в том числе и зарубежных. Гармонизация системы образования европейских стран ставила своей целью, кроме всего прочего, повысить престиж европейских вузов, создать гомогенную интеллектуальную культурную среду, повысить возможности молодежи трудоустройства. Болонские соглашения, к которым присоединилась Россия (в 2003) давали право российским студентам продолжить учебу в престижных европейских вузах, а молодежи, закончившей российские вузы, благодаря признанию дипломов о высшем образовании работать за рубежом. Повальное увлечение английским российских школьников и студентов, кажется, позволило некоторой части российской молодежи реализовать свои планы на учебу и работу за рубежом. Понятно, что речь идет о наиболее талантливой и творчески одаренной молодежи. Учитывая разницу в заработной плате в России и в развитых станах Запада, можно однозначно сделать вывод, что присоединение России к Болонскому процессу создавало условия для усиления» утечки мозгов» из нашей страны. Согласно докладу Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», из России ежегодно уезжают до 80 % перспективных специалистов. Причем уезжают в основном высококвалифицированные специалисты из передовых областей естественных и технических наук. По оценке главного ученого секретаря РАН Николая Долгушина с 2012 по 2021 год количество эмигрировавших из России ученых возросло в 5 раз [30]. Словом, глобализация образования давала очевидные преимущества богатым странам Западной Европы и США и ограничивала возможность периферийных и полупериферийных стран мира осуществить технологический и социально-экономический прорыв.

Присоединение России к Болонскому процессу вызвал вал публикаций в периодических изданиях. Они свидетельствовали о том, что образовательное сообщество неоднозначно восприняло очередные реформы в системе высшего образования [18, с. 11–15]. И дело здесь не столько в уязвленном самолюбии образовательного сообщества, реагировавшего на то, что высокое российское начальство в соответствии с новыми демократическими принципами управления в очередной раз проигнорировало мнение тех, кому надлежало претворять в жизнь эти реформы, сколько в том, что выполнение установок Болонских документов требовало радикальной перестройки системы образования и отказа от сложившихся исторических и национальных традиций в этой сфере. Но, как свидетельствует история нашей страны, не все в этой системе было безнадежно устаревшим, неприемлемым, требующим однозначного устранения. В ряде Болонских документов, принятых позже, указывалось на право стран подписантов сохранять положительные традиции национального образования. Однако в национальных традициях российских реформаторов есть особенность: в процессе реформ они пытаются избавиться от всяких национальных традиций. Присоединение России к Болонскому процессу не оправдало возложенных на этот шаг надежд. Произошла утрата достоинств системы классического российского и советского образования, а введенные новации привели к резкому снижению качества образования. Стандарты бакалавриата не предполагают получение студентами основательных фундаментальных знаний. Минимизация теоретических дисциплин определяется не только стандартами бакалавриата, но и, как отмечалось, рыночным подходом к управлению образованием. Выпускник бакалавриата – это фактически недоучившийся студент специалитета с ограниченными возможностями трудоустройства. Где может работать философ-бакалавр – очевидно, учителем обществоведения в школе. Конечно, у него есть возможность трудоустроиться в различных бизнес-структурах менеджером. Но надо ли было ему для этого изучать труды Платона, Аристотеля, Гегеля, Сартра и т. д.? То же касается бакалавра-юриста. Он не может работать судьей, прокурором и т. д. Чтобы быть полноценным юристом, как отмечают правоведы-практики, ему обязательно надо закончить юридическую магистратуру. Болонская система позволяет студенту менять траекторию образования. Скажем, бакалавр-физик может поступить в юридическую или философскую магистратуру. Но отсутствие у таких студентов базового образования не позволяет преподавателям реализовать с ними полноценную магистерскую программу. Преподаватель вынужден проходить с ними «азы» профессионального бакалавриата. А если в группе студенты с базовым философским образованием, что чаще всего и бывает, он должен проводить занятия с этими студентами отдельно. Понятно, что такая дополнительная нагрузка не оплачивается, и она оказывается лишь уделом энтузиастов, которых сегодня становится все меньше.

Выпускники бакалавриата в последние годы с большой неохотой идут в магистратуру. Даже у юристов, на которых и сегодня сохраняется высокий спрос

у абитуриентов, возникают трудности с набором в магистратуру. Согласно аналитике, по стране в среднем поступают в магистратуру 27–30 % выпускников, закончивших бакалавриат, остальные предпочитают устраиваться на работу, а не жить на иждивении родителей. Большинство магистрантов днем работают, а учатся в вечернее время. Руководство факультетов, кафедр вынуждены принимать такой режим обучения, чтобы сохранить магистрантов и магистратуру. Понятно, что во время работы у магистров нет возможности готовиться к занятиям. Поэтому учеба в магистратуре превратилась в форму вечернего обучения со всеми ее изъянами. Из изложенного можно сделать достаточно определенный вывод: внедрение технологии трехступенчатого образования по стандартам Болонского системы не могло привести к повышению качества высшего образования и даже сохранения его на прежнем уровне.

Реформы изменили также статус, назначение и цели аспирантуры. Она стала третьей ступенью образовательной системы России. В завершении учебы аспирант пишет научно-квалификационную работу (фактически теоретический доклад о проделанной работе), защищает его и затем получает документ о том, что проучился в аспирантуре. Написание и защита диссертации не является обязательным. В результате в настоящее время лишь 9–10 % аспирантов после окончания аспирантуры защищают кандидатские диссертации [1; 11]. Согласно социологическим опросам, 25 % аспирантов поступают в аспирантуру, чтобы избежать призыва в армию [15]. Заметим, что еще в 2014 году количество защитившихся аспирантов составляло 30–33 % от их общей численности [21]. По сравнению с предыдущими годами этот показатель тоже уменьшился, но все же был в три раза больше, чем сегодня. Низкая мотивация выпускников вузов России заниматься научной деятельностью определяется недостаточным финансированием вузов и науки, а также низким статусом преподавателя и ученого в нашем обществе. Отсюда и устойчивая тенденция сокращения численности научных работников в России, о чем говорилось ранее. Опасным в этом процессе является разрушение научных традиций, без которых не может быть научных школ и большой науки, которыми гордилась наша страна. Сложившиеся в последние три десятилетия тренды не дают оснований для вывода о том, что при их сохранении в дальнейшем Россия будет в состоянии преодолеть свое технологическое отставание от Запада.

Болонская система, внедренная в российское образование, изменила технологию образовательного процесса, ее цели и задачи. Технологической новацией, заимствованной с западных моделей образования, была бально-рейтинговая система. «Изюминкой» этой системы является то, что она фактически элиминирует из учебного образовательного процесса курсовой экзамен. Итоговая оценка студенту за освоенный курс выводится, как правило, без экзамена по баллам за сданные контрольные точки. Между тем изучение предметов, определенных учебной программой, – это прежде всего освоение научных дисциплин, а наука есть системные знания. Проверка таких знаний происходит на экзаменах,

на собеседованиях преподавателя со студентом. Экзамен, помимо всего прочего, это не только «бюрократическая форма подтверждения уровня знаний» (Маркс) студента по завершению изучения дисциплины, но и в определенной мере продолжение познавательного процесса, поскольку во время собеседования преподаватель корректирует, дополняет ответы студента, рекомендует ему для чтения литературу, дает советы для последующего саморазвития. Проверка знаний по фрагментам курса не позволяет субъектам учебной деятельности полноценно завершить образовательный процесс. И, самое главное, исключает формирование у студента целостного системного знания. А это означает, что у выпускника вуза не формируется целостная научная картина общества, мира, а в конечном счете, современное научное мировоззрение. Сознание человека, обладающего фрагментированными знаниями, оказывается манипулятивным, что является условием десубъективизации и десуверенизации наиболее активной части общества. Нетрудно догадаться, что это влияние постмодернистской философии, представители которой культивируют резко негативное отношение к возможностям человеческого разума, к целостному теоретическому знанию и мировоззрению. Но почему эта модель формирования человеческой личности внедрена в российскую систему образования, ведь документы Болонского процесса позволяют сохранять национальные традиции в образовании – вопрос риторический.

Как уже отмечалось выше, присоединение к Болонской системе внесло изменения в цели и задачи российского образования. Теперь выпускник российского вуза должен обладать конкретным набором компетенций, которые определяются существующим федеральным образовательным стандартом (ФГОС ВО). Эти стандарты часто меняются, что сопровождается изменением требуемых компетенций и соответственно изучаемых студентами дисциплин. Какова причина и логика смены стандартов и пересмотра образовательных программ для преподавательского сообщества, которое и должно руководствоваться этими стандартами, остаётся глубокой тайной. Важнейшей особенностью этих изменяющихся стандартов остается компетентностный подход. ФГОС ВО целью образования и обучения заявляет не знания, умения, навыки, ценностные установки, а уже затем компетенции, как этого требует федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [26], а непосредственно компетенции. О знаниях и умениях в стандарте ничего не говорится. С правовой точки зрения федеральный закон имеет большую юридическую силу, нежели подзаконный акт, каковым, собственно, и является ФГОС ВО. Однако преподаватели вынуждены руководствоваться этим нормативным документом, созданным чиновниками из Минобрнауки [25]. Возникают резонные вопросы в связи с требованиями ФГОС ВО: как могут сформироваться компетенции, в том числе профессиональные, без соответствующих знаний и опыта; можно ли проверить наличие у студентов искомых компетенций, особенно профессиональных без практики, которая, по большому счету, будет после завершения учебы? На эти вопросы авторы образовательного стандарта ответа не дают.

Запрос на формирование компетенций был вызван новыми требованиями к субъекту труда, обусловленными быстро изменяющимися производственными технологиями, возросшей подвижностью конъюнктуры рынка, усилившейся трудовой мобильностью и другими причинами. Словом, появились факторы, диктующие необходимость формирования у выпускника вуза определенных навыков, обеспечивающих беспроблемное существование в быстро изменяющейся социальной реальности. Поэтому нельзя отрицать необходимость формирования у выпускника вуза определённых компетенций. Но в существующем ФГОС ВО компетенции никак не увязаны со знаниями, без которых они не могут возникнуть. Отрыв компетенций от знаний, как отмечает Е. В. Брызгалина, «порождает опасность складывания «беззнаниевой формы компетенций», когда недостаток предметных знаний компенсируется успешными личными демонстрациями…» [6, с. 95]. Скажем, при изучении философии действующий стандарт задает формирование компетенции критического мышления. Поскольку стандарт не определяет содержание дисциплины, как это было ранее, то преподаватель, учитывая небольшое количество часов, выделяемых на изучение философии, может ограничиться анализом двух диалогов Платона. Но может указанную компетенцию «привязать» к философской сказке Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес». С таким же успехом он имеет возможность проанализировать ироничную сказку Л. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца». Отрыв компетенций как цели образования от реальных знаний породил парадоксальную модель «беззнаниевого образования». Подобное «образование, – продолжает автор, – провоцирует на формирование поколений людей для которых успешность зависит от навыков самопрезентации, самоопределения, а не от глубины знаний» [6, с. 25]. Между тем одной из сущностных характеристик российской системы национального высшего, особенно университетского, образования является наличие в ней на протяжении столетий фундаментальной знаниевой компоненты как условия крупных научных открытий и прорывных технологий. Как справедливо отмечает Е. К. Хеннер, «принесение систематической знаниевой подготовки в жертву образовательным инновациям (за которыми на деле экономия средств, запросы некоторых недальновидных работодателей, стремление оторвать современное российское образование от его предшествующего этапа) угрожает будущему как университетов, так и их выпускников, которые призваны создавать “общество знаний” и “экономику знаний”» (“общество компетенций”) к счастью, никто пока не декларирует)» [25, с. 14].

Результаты

Коммерциализация российского образования и реализация в нем компетентностного подхода были значимыми факторами, которые способствовали резкому падению его качества. Такой результат был фактически предопределен, поскольку компетентностный подход содержал слабо вуалированную «конфратационность по отношению к предшествующему подходу, условно называемому

“знаниевым”» [25, с. 17]. Учитывая, что фактически все реформы, проводимые в постсоветскую эпоху по лекалам Запада в экономической, социальной, политической, духовной сферах, также носили конфронтационный характер по отношению к предшествующему периоду, трудно отделаться от мысли, что перевод России на «беззнаниевую модель образования» не был идеологически и политически немотивированным проектом. Вот откровения на этот счет Верховного представителя ЕС по иностранным делам Жозепа Борреля: «Мы, народы Запада – ЕС и США, – мы были и остаемся властелинами мира. Пока мы можем устанавливать стандарты, решать какими будут стандарты… Если мы не сможем диктовать стандарты, мы можем потерять власть в этом столетии» [5].

Выводы

Состояние образования и науки определяет будущее страны. Надо ли России сохранять власть Запада над нашим будущим, если этот Запад открыто ведет гибридную войну против нашей страны? Не означает ли это, что мы заведомо обрекаем Россию на уничтожение? Политика коммерциализации образования, проводимая по рекомендациям западных неолиберальных кураторов, а затем и присоединение к Болонскому процессу не оправдали надежд даже многих оптимистов из круга либеральной интеллигенции. Эти реформы способствовали деградации российского образования, усилили кризисные тенденции в экономике и обществе, привели к снижению качества жизни и человеческого потенциала, усилили утечку мозгов из страны, укрепили технологическую и идеологическую зависимость от открытых врагов России. Осознавая контрпродуктивность участия нашей страны в очередном западном проекте, многие известные общественные и политические деятели страны выступили в последнее время с призывом выйти из Болонской системы и вернуться к классическому варианту нашего национального образования – специалитету и аспирантуре [12, с. 12]. Как представляется, это станет возможным, если принципиально изменится идеология образования. Но могут ли люди, которые до сих пор управляли образованием и были открытыми сторонниками имплементации западных стандартов, перейти к новой парадигме образования, отвечающей стратегическим интересам России? Могут ли министры в правительстве, которые на протяжении последних двадцати дет финансировали образование и науку на уровне беднейших стран, изменить эту финансовую политику? В условиях глобальных вызовов и экзистенциальных угроз наша страна сегодня остро нуждается в иных стандартах управления и, видимо, иных управляющих. И еще об одном. В стране, где отсутствует государственная идеология, маловероятно существование эффективной системы образования, отвечающей национальным интересам. Государственная идеология выражает национальные интересы страны, смысложизненные интересы народа, стратегическое целеполагание государства. Эти и другие индикаторы национальной идентичности страны в современном сложном, противоречивом геополитическом пространстве в конечном счете определяют цели и задачи учебно-

воспитательной деятельности субъектов образовательного процесса. Отсутствие государственной идеологии в стране создает условия для десуверенизации и десубъективизации общества и прежде всего наиболее активной ее части – молодежи. Надо ли России и дальше испытывать свою судьбу? Заявление министра образования и науки В. Фалькова, сделанное 24 мая 2022 года, о том, что Россия откажется от Болонской системы и будет разрабатывать собственную «уникальную» модель образования, вселяет определённую надежду на изменения.

Список литературы

1. Аспирантура – 2021: пять изменений, которых ждут преподаватели вузов / РБК-тренд. URL: https://trends.rbc.ru/trends/education/612494579a7947a830fc688e (дата обращения: 19.04.2022).
2. Беляева Л. А. Российская молодёжь в эпоху перемен: структурные изменения и новые вызовы политической социализации // Вопросы образования. 2020. № 10. С. 17-27.
3. Бжезинский З. Америка потеряла чувство меры в реальной политике // Комсомольская правда. 2012. 13 февр.
4. Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М.: АСТ, 2015. 288 с.
5. Боррель Жозеп Выступление на глобальном прогрессивном форуме 17–19 ноября 2021 г. URL: https://rg.ru/2022/01/21/boris-gryzlov-ob-ekologicheskom-suverenitete-rossii.html (дата обращения: 19.04.2022).
6. Брызгалина Е. В. Проблемы интеграции естественно-научного и философского знания в современном образовании: социальные аспекты// Философия и общество. 2017. № 2. С. 95
7. Высшее образование любит счет. Рыночный расклад на РБК. URL: https://plus.rbc. ru/news/6084d1e87a8aa9f09136fa24 (дата обращения: 02.06.2022).
8. Главная книга о кризисе : сборник (ред.-сост. А. В. Бузгалин. М. : Яуза ЭКСМО, 2009. 256 с.
9. Глобализация : учебник / под общей ред. В. А. Михайлова и В. С. Буянова. М. : Изд-во РАГС. 2008, 544 с.
10. Гэмбл Э. Кризис без конца: крах западного процветания. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2018. 304 с.
11. Доклад ОЭСР об образовании: показатели России. URL: https://skillbox.ru/media/ education/izuchaem-statistiku-oesr/ (дата обращения: 03.04.2022).
12. Задорожный Ю. В., Логинова А. С., Маринова Н. В. Российская система образования и Болонский процесс: две стороны медали // Высшее образование сегодня. 2016. № 4. С. 50.
13. Куликов В. Научим по-своему // Российская газета. 2022. 17 марта. С. 1, 5.
14. Манхейм К. Проблемы молодежи в современном обществе // К. Манхейм. Избранное: диагноз нашего времени / пер. с нем и англ. М. : Говорящая книга, 2010. С. 571–572.

15. Медведев Ю. Защитить аспиранта // Российская газета – федеральный выпуск № 113 (8464) 25.05.2021. URL: https:// rg.ru/2021/05/25/pochemu-tolko-1-iz-10-molodyh-uchenyh-dohodit-do-dissertacii.html (дата обращения: 19.04.2022).
16. Медведев Ю. Прорывы требуют денег // Российская газета 2021 г. 15 дек.
17. Миронов С. Путь России в справедливое будущее // Российская газета. 2022. 22 апр. С. 12.
18. Мусаелян Л. А. Высшее образование в России и Болонский процесс // Вестник Пермского ун-та. 2009. Вып 6(32). Университетское образование. Университет в системе непрерывного образования. С. 11–15.
19. Мусаелян Л. А. Исторический процесс и глобализация : монография. Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2016. 128 с.
20. Олейников Ю. В. Частичный человек // Философия и общество. 2012. № 3. С. 32.
21. Почему аспиранты не защищаются? (PhD в России) // Российская газета. 2014. № 6466 (194).
22. Рейтинг стран мира по уровню расходов на образование – гуманитарный портал. URL: https://gtmarket.ru/ratings/education-index (дата обращения: 03.04.2022).
23. Сорос Дж. Мировой капитализм. М. : ИНФРА-М, 1999, 262 с.
24. Сорос Дж. О глобализации. М. : Эксмо, 2004, 224 с.
25. Хеннер Е. К. Профессиональные знания и профессиональные компетенции в высшем образовании // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 2. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-2-9-31.
26. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
27. Фромм Э. Иметь или быть? // Э. Фромм Величие и ограниченности теории Фрейда. М.: АСТ, 2000, 448 с.
28. Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция: пер. с англ. М. : Эксмо, 2019. 288 с.
29. Шевкин А. Хроника реформ образования: путь в некуда под внешним управлением. URL: http://www.shevkin.ru/stat-i-podrobnee/hronika-reformy-obrazovaniya-put-v-nikuda-pod-vneshnim-upravleniem/ (дата обращения: 06.03.2022).
30. Экономисты рассказали о масштабной «утечке умов» из России. URL: https://news.ru/russia/ekonomisty-rasskazali-o-masshtabnoj-utechke-umov-iz-rossii/ (дата обращения: 03.04.2022).

КОМУ НУЖНА СЕГОДНЯ ЭТА ФИЛОСОФИЯ? СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. ПОЧЕМУ СУЩЕСТВУЕТ СОМНЕНИЕ В НЕОБХОДИМОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ В ВУЗАХ РОССИИ*

Культура есть синтетическая характеристика уровня развития человеческой сущности, проявляющаяся в деятельности человека и результатах этой деятельности, к коим относится и философия. Но философия не «рядовой» компонент культуры, это «квинтэссенция человеческой культуры» (Маркс). Сложность в понимании человека как универсального социального существа и многогранность его деятельности являются факторами, определяющими дискуссии в трактовке сущности философии, ее задач, функций и роли в общественной жизни. Философия, по известному определению Гегеля, есть эпоха, выраженная в мыслях. Чтобы познать эпоху или конкретное общество, необходимо изучить и понять его философию, поскольку она является индикатором состояния существующей социальной реальности. Исторический процесс является выражением развивающейся человеческой сущности, проявляющейся и в развитии самой философии. Однако этот процесс имеет противоречивый, неоднородный характер, где мощные подъемы чередуются с кризисами, дающими о себе знать и в самой философии. Но состояние последней не является простым зеркальным отражением характера процессов, происходящих в социальной реальности. Здесь, как свидетельствует история, существует взаимная обусловленность. Философия может способствовать углублению кризисных тенденций в общественной жизни, но может и помочь вывести общество из глубокого кризиса и даже изменить вектор его исторического движения.

Ключевые слова: философия и социальная реальность, кризис цивилизации, интеллектуальный кризис современного общества, деперсонализация человека, десубъективизация социальных индивидов, постмодернизм.

Введение

Трудно найти другую такую дисциплину, которая с самого начала своего возникновения и на протяжении почти трехтысячелетней истории порождала бы столько же вопросов, критических оценок, насмешек, анекдотов, как философия. Споры о том, что это такое, кто такие философы, чем они занимаются, какая польза от них, и нужны ли они обществу, фактически никогда не прекращались. Вопросы эти возникли и возникают не только у сторонних наблюдателей, но и у тех, кто занимается тем, что именуется ими философией. Начиная с Античности

* Впервые опубликовано: Мусаелян Л.А. Кому нужна сегодня эта философия? Статья первая. Почему существует сомнение в необходимости преподавания философии в вузах России // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2022. – № 1. – С. 78–90. – DOI 10.17072/2078-7898/2022-1-78-90.

(Пифагор) каждая новая историческая эпоха в развитии философии и новые течения в ней ставили вопрос, что есть философия, каков ее предмет, задачи, роль в обществе и жизни человека. Учитывая этот непреложный факт, Т.И. Ойзерман справедливо относил вопрос «что такое философия» к числу основных философских вопросов. По мнению ученого, самовопрошание о своей собственной сущности, предмете предназначения является одним из существенных отличительных признаков философии [32, с. 51].

Надо ли преподавать философию в учебных заведениях, если не понятно, что это такое, и не определен ее научный статус

Нерешенность проблемы, что такое философия, каково ее предназначение и какая польза от нее для общества, порождает сомнение в целесообразности преподавания этой дисциплины в вузах. Этот скептицизм значительно усилился, когда аналитики задались вопросом: «А является ли философия наукой?» Тема научности философии активно обсуждалась у нас в стране в конце 80-х и начале 90-х гг. прошлого столетия. Само время, когда дискутировалась эта проблема, свидетельствует о том, что она имела не только теоретическое значение. Споры были инициированы известным советским и российским философом А.Л. Никифоровым, который в ряде своих работ довольно резко обозначил неявно существующую в обществознании точку зрения, что философию нельзя считать наукой [31]. Она отличается от последней по предмету познания, методам исследования и способу верификации полученных знаний. Многочисленные отклики на статью А.Л. Никифорова были опубликованы в номерах журнала «Философские науки» [33; 34; 35; 36].

Подробный анализ теоретических споров тридцатилетней давности не входит в задачу данной публикации, тем более что автор этих строк имел возможность изложить свою точку зрения по этому вопросу [29]. Поэтому представляется лишь необходимым отметить, что тогда большинство участников дискуссии не были согласны с противопоставлением философии и науки. Тем не менее проблема научного статуса философии остается до сих пор дискуссионной. Это и понятно, если отсутствует общепринятое определение философии и нет согласия в понимании науки, как можно провести демаркацию между ними и утверждать, что философия не есть наука [35, с. 70–71]. Точно также, видимо, нельзя доказать научность философии на основе экстраполяции отдельных признаков конкретного естественнонаучного знания на философию хотя бы потому, что наука не сводится исключительно к естествознанию. В этой связи можно согласиться с мнением акад. Т.И. Ойзермана, что проблема, является ли философия наукой, оказывается одним из вариантов вопроса «что такое философия» [32, с. 56].

Дискуссии о научном статусе философии по времени совпали с нарастающим социально-экономическим, политическим и духовным кризисом Советского

Союза. Скептицизм в понимании научного статуса философии был прежде всего ориентирован в адрес марксистской философии, которая формально являлась идеологией и мировоззрением советского общества. Отсюда и сомнения в целесообразности преподавания философии в вузах страны. Наиболее отчетливо артикулировал эту точку зрения известный советский философ М.К. Мамардашвили, который видел в философии «средство пропагандистской апологии существующего положения дел в нашем обществе» [21, с. 27]. По мнению автора, природа философии такова, что невозможно (и, более того, должно быть запрещено) обязательное преподавание философии будущим химикам, физикам, инженерам в высших учебных заведениях. Ведь философия не представляет собой системы знаний, которую можно было бы передавать другим и тем самым обучить их [22, с. 14]. Философия, утверждает Мамардашвили, это всегда некий внутренний акт сознания, который вспыхивает, опосредуя собой другие действия [22, с. 14].

Позиция известного грузинского философа объяснима. Большой любитель И. Канта, он довел до логического конца точку зрения немецкого мыслителя о природе и предназначении философии. По мнению М.К. Мамардашвили, немыслим учебник по философии и истории философии. С его точки зрения, преподавание философии на нефилософских факультетах имеет задачу формирования у студентов некоторого единомыслия, клишированного мышления, далекого от природы философии, которая, будучи актом сознания, мышления, имеет субъективный, поливариантный характер [22, с. 25].

Идею о поливариативности и субъективности философии обосновывали и некоторые участники дискуссии о научном статусе философии [35, с. 65–66, 68–70]. Такой взгляд на философию существует и в современной литературе. Конечно, нельзя отрицать, что философия существует благодаря творческой деятельности конкретных мыслителей. Но сводится ли она исключительно к учениям отдельных философов? Думается, что нет. Здесь уместно привести соображения акад. Т.И. Ойзермана. Как считал ученый, нетрудно ответить на вопрос, что такое философия Шеллинга, Ницше, Сартра, потому что их содержание может быть строго фиксировано. «Между тем, чтобы ответить на вопрос, “что такое философия?”, необходимо отвлечься от того, что отличает Шеллинга, Ницше, Сартра и многих других философов друг от друга. Но что остается после такого отвлечения, исключающего отличие одной философии от другой? Абстрактное тождество? Но оно лишь момент конкретного тождества, существенность которого находится в прямом отношении к существенности заключающегося в нем различия» [32, с. 49]. На наш взгляд, даже историю философии нельзя представлять как череду сменяющих друг друга и конкурирующих друг с другом философских учений. Дело не только в том, что между ними существует определенная филиация идей, определяющая логику развития философии, но и в том, что сами эти концепции обусловлены социально-политической реальностью и интеллектуальным фоном, существующим в обществе. И то и другое явно и неявно отражается в философии.

Философия
и изменяющаяся социально-политическая реальность

Из вышеизложенного следует, что понять смысл философских учений вне контекста существующей социально-политической реальности и интеллектуального фона очень сложно, если вообще возможно. В качестве примера можно привести предельно абстрактное учение Гегеля. Известно, что его диалектика была навеяна Великой Французской революцией и достижениями европейского естествознания XVIII в. Конечно, прав Гегель, определивший философию как эпоху, выраженную в мыслях. И в этом контексте философия не есть отдельное учение конкретного мыслителя и даже не множество подобных учений, в разных аспектах отражающих эпоху, а нечто общее, которое присутствует в этих различных учениях, объединяя их по своим существенным основаниям, о чем писал Т.И. Ойзерман.

В то же время сама философия так или иначе влияет на существующую реальность и без учета этого влияния невозможно адекватно понять и объективно оценить ее значение в истории человечества. В качестве примера можно привести учение Маркса, которое не только оказало большое влияние на последующее развитие обществознания, но и определило ход исторических событий в XX в. Чем было бы учение Маркса без этого влияния? Очередной концепцией одного из глубоких немецких мыслителей XIX в., которых, вне сомнения, было немало.

Необходимо отметить, что скептическое отношение к философии в нашей стране имеет давнюю историю. Исключением разве что, но с определенными оговорками, можно считать советский период, когда философия официально признавалась мировоззрением и вместе с другими общественными науками выступала в качестве идеологии государства.

Общеизвестно, что формирование древнерусского этноса произошло относительно поздно и почти совпало с принятием христианства. Вскоре после крещения Руси происходит раскол христианства, который фактически не преодолен до сих пор. Безусловно, в годы лихолетий Русская православная церковь выполняла консолидирующую и мобилизирующую роль в обществе. Но вместе с тем она активно противодействовала проникновению в страну иной, особенно западной, культуры, которая после раскола христианства, однозначно оценивалась как враждебная. Такое же отношение Русской православной церкви было и к философии как феномену западной культуры. Играя на протяжении тысячи лет определяющую роль в духовной жизни страны, церковь формировала в обществе «гадливо-боязливое» (В. Ключевский) отношение к философии, поскольку она рассматривалась как источник вольнодумства и возможной смуты. Желая оградить российскую молодежь от «обольстительного мудрствования» западных философских систем, царское правительство в середине XIX в. закрыло во всех университетах страны (за исключением Дерптского) философские факультеты и

кафедры философии [20]. Отношение официальной власти страны к философии выразил министр народного просвещения, князь П.А. Ширинский-Шихматов известной фразой: «польза философии не доказана, а вред от нее возможен» [30, с. 334]. Крайне негативно воспринимала власть классическую немецкую философию, в особенности материализм Л. Фейербаха. Преподавание философии дозволялось лишь в духовных учебных заведениях, где изучение этой дисциплины было подчинено Откровению. В университетах разрешалось изучать логику и педагогику, а преподавание этих дисциплин поручалось духовным лицам [30, с. 334]. Свидетель этих решений крупный чиновник министерства просвещения А.В. Никитенко, благодаря которому и получила известность крылатая фраза российского министра, запишет в своем дневнике: «Общество быстро погружается в варварство: спасай, кто может, свою душу!» [30, с. 336]. Автор афористически назовет эту эпоху «помрачением». Вследствие указанных причин в России не было Возрождения, Реформации, Просвещения и полноценного модерна, что и определило заметное наше отставание по уровню развития философской культуры от Запада [24].

Итак, если М.К. Мамардашвили аргументировал запрет на преподавание философии тем, что она порождает репродуктивное, клишированное мышление, мотивы решения Николая I определялись пониманием противоположных последствий изучения философии.

В последующие годы, в начале XX в., после Октябрьской революции философский маятник качнулся в противоположную сторону. Марксизм был провозглашен единственно научным мировоззрением и государственной идеологией страны. Монополизация духовной жизни общества сопровождалась гонениями духовенства и зачисткой социального пространства от открытых оппонентов большевиков и марксистской философии [5; 18]. «Стерилизация» социального пространства, в котором существовала марксистская философия, изъятие из вузовских программ по философии работ русских религиозных мыслителей, а также отечественных и зарубежных обществоведов, критикующих марксизм или придерживающихся иных воззрений, безусловно, обедняло духовную жизнь общества, способствовало догматизации советской версии марксистской философии, негативно сказалось на ее творческом потенциале и концептуальном иммунитете, что со всей очевидностью проявилось в конце 80-х и начале 90-х гг. прошлого века.

Необходимо отметить, что философия в той мере, в какой она изучает общество и социальные процессы, затрагивает интересы людей, так или иначе выполняет идеологическую функцию. Но даже при всех стараниях властей философия не может всецело превратиться в идеологию. При всех издержках прагматического подхода властей к философии она впервые в истории нашей страны обрела социально значимый статус. Осознание социальной востребованности философии, как нам представляется, было немаловажным фактором достаточно успешной работы советских философов, особенно второй половины XX в.

О впечатляющих интеллектуальных достижениях советской философии писали и зарубежные исследователи. «По универсальности и степени разработанности диалектико-материалистическое объяснение природы не имеет равных среди современных систем мысли», отмечал профессор Массачусетского технологического института Л.Р. Грэхэм [9, с. 415]. Эта оценка представляется важной, поскольку американский аналитик достаточно подробно исследовал функцию философии в ее связи с развитием естествознания и психологии в СССР. Автор этих строк встречался с американским ученым. Из беседы с ним можно было сделать вывод, что профессор Грэхем очень хорошо осведомлен о достижениях и проблемах советской философии и естествознания. «Как система мысли, – писал ученый, – диалектический материализм не обладает сиюминутной утилитарной ценностью для ученых-исследователей, более того, перейдя в догму, он в нескольких случаях был серьезной помехой для них, хотя в других косвенно имел положительные эффекты, но все равно он имеет очень важное образовательное и эвристическое значение» [9, с. 415].

Углубляющийся кризис общества в конце 80-х быстро перерос в драматические события начала 90-х гг., следствием которых были радикальные изменения всех сфер общественной жизни. Философский маятник в стране в очередной раз качнулся в противоположную сторону. Официально признанное ранее научное мировоззрение перестало быть духовным устоем общества. Сохранить материализм, который через пропагандистские шоры позволял бы разглядеть сущность происходящего, – этого новая элита России не могла допустить. Поэтому наследие прошлого тоталитарного режима не могло не быть подвергнуто массированной атаке. Тем более что был недвусмысленный призыв Б.Н. Ельцина «разобраться, что они там на этих кафедрах преподают». Призыв Президента не был проигнорирован сервильной интеллигенцией, которая тут же вспомнила лозунг Вольтера. Элиминация научного материализма из общественного сознания страны чаще всего происходила не на основе серьезного критического анализа, а способом его вульгаризации и наклеивания политических ярлыков. Марксистская философия трактовалась как теоретическая основа советской модели социализма, которая ассоциировалась с тоталитаризмом, ГУЛАГом, беззаконием, нищетой и т.д. Прослыть идеологом тоталитаризма, а тем более ГУЛАГа, никто не хотел. Поэтому в конце 80-х началось активное мировоззренческое «линяние» бывших марксистов. В начале 90-х бегство обществоведов от марксизма приобрело массовый характер. В общественном сознании возник мировоззренческим вакуум, который стал заполняться религией. Именно в это время все явственнее стали звучать призывы отменить преподавание философии в вузах и заменить ее теологией [17, с. 141]. Понятно, что эта идея активно поддерживалась и лоббировалась во властных структурах иерархами Русской православной церкви.

Интеллектуальный кризис как выражение кризиса общества

В настоящее время для сомнения в необходимости преподавания философии в вузах видится две причины. Одна связана с состоянием философии, другая – высшего образования в России. Рассмотрим их вкратце.

Человечество в XX в. испытало три глобальных кризиса: один в начале века, другой в сороковые годы, третий в конце прошлого столетия. Если философия есть эпоха, выраженная в мыслях, кризисы цивилизации не могли не получить отражение в мировой философии. «Платой» западной (немарксистской) философии за выход из мирового кризиса стало «мельчание» философской тематики, отказ от мировоззренческих проблем, идеи исторического прогресса, тяга к иррационализму, гносеологическому релятивизму, агностицизму и т.д. Указанные тенденции усиливались в течение всего прошлого столетия. Известный немецкий мыслитель Дитрих фон Гильдебранд, оценивая состояние современной философии, указывает на жалкую роль, которую ей отводят сами философы, превращая ее в «служанку науки». Они, по мнению ученого, элиминировали из нее собственно философскую проблематику, сведя ее к проблемам естественных наук. Представители позитивизма, релятивизма и других течений, отмечает Гильдебранд, уважают любую науку, но отрицают объективную реальность, отказываются от методов философского познания и в то же время считают себя философами [4, с. 6]. Учитывая проблематику и методы исследования, которые возникли в философии в результате кризиса цивилизации, ученик Гуссерля приходит к выводу: «Логический позитивизм, семантика и другие формы современного позитивизма, а также и бихевиоризм – это не какие-то ложные философии, это вообще не философия. Свой метод они заимствуют из естественных наук. Нормы верификации, имеющие силу для отдельных наук, не могут механически переноситься на решение философских вопросов» [Гильдебранд Д. фон, с. 9]. По мнению Гильдебранда, одна из причин дискредитации философии современными профессорами философии – в отсутствии у них философского взгляда на действительность. Ученый называет представителей современных течений могильщиками философии, поскольку они не решают философских вопросов и произвольными умозрительными построениями преграждают постижение истины.

Необходимо отметить, что негативные тенденции, возникшие в мировой философии в первой половине прошлого века значительно укрепились и развились в результате последующих кризисов цивилизации и формирования глобального неолиберального капитализма, социальной базой которого является потребительское, атомизированное общество, состоящее в своей массе из «частичных» (Маркс) индивидов (homo economicus) [28]. Состояние современной философии является выражением глубокого кризиса буржуазного общества. Поэтому далеко не случайно то, что оценка многих известных российских исследователей

состояния современной мировой и особенно российской философии совпадает с мнением немецкого мыслителя [7; 8; 15; 26]. С точки зрения И. А. Гобозова, тенденции, сложившиеся в философии в конце XX – начале XXI в., свидетельствуют об интеллектуальном кризисе современного общества. Это проявляется в «отсутствии в наше время великих мыслителей, великих ученых, чьи идеи могли бы охватить массы и помогли бы им избавиться от мещанства, от хрематистики, то есть от чрезмерного стремления к материальному богатству, от моральной и духовной деградации» [7, с. 5]. «Постклассическая философия, – отмечает В.М. Межуев, – утратила роль главного "властителя дум" своего времени, уступив ее тем, кто далек от всякой философии» [25]. Иными словами, речь идет о том, что философия перестала выполнять одно из своих важных общественных предназначений, ради которого она возникла и существовала в течение тысячелетий. Причина, по которой современная философия потеряла собственную сущность, – это дальнейшее дистанцирование от традиций классической философии.

Постмодернизм как отражение обыденной повседневности современной больной цивилизации

Указанная выше тенденция рельефно проявилась в постмодернизме, ставшем модным увлечением для многих молодых (и не очень) преподавателей вузов России. Как отмечается в аналитике, постмодернизм ужесточил критику рационализма и базовых принципов классической философии. Представители этого течения (Ж. Бодрийяр, Ф. Гваттари, Ж. Делёз и другие) подвергли сомнению возможности разума в познании объективной действительности, отвергли существование истины и детерминизма, научного и социального прогресса. Показательны в этом отношении известные работы Ж. Бодрийяра «Симулякры и симуляции» и Ж. Делёза «Различие и повторение». Авторы отстаивают релятивизм в морали, гносеологии, истории, мировоззрении, по существу во многом воспроизведя точку зрения нигилиста Ф. Ницше. Если различные течения позитивизма в первой половине XX в. возвеличивали науку и недооценивали философию, растворяя ее предмет в проблематике естествознания, то постмодернизм, обосновывая условность границы между научным фактом и вымыслом, истиной и ложью, высокой наукой и обыденным наблюдением, сбросил с пьедестала саму науку.

Гильдебранд отказал в статусе философии различным течениям позитивизма из-за того, что они используют методы частных наук, а не философии. Постмодернизм при описании реальности применяет методы, заимствованные из психоанализа, психиатрии, искусства, литературы, архитектуры, лингвистики, политологии и других дисциплин. Вместо устоявшихся категорий классической философии они вводят новые понятия и термины, заимствованные из разных наук без учета их значения и всякой логики [39]. Вследствие этого они приобретают трудноопределяемый смысл [14]. Отмеченные особенности творчества постмодернистов затрудняют определение их жанра, хотя авторы позиционируют себя в качестве философов. Но философия, как подметил Гегель, есть

эпоха, выраженная в мыслях. Постмодернизм как тенденция в культурной практике и самосознании современных стран есть выражение глубокого системного кризиса глобального неолиберального капитализма. Это эпоха паразитического капитализма, при котором делание денег при помощи денег, дерриватив и иных заменителей («симулякров») ценностей стало определяющим в общественной жизни. Это привело к маргинализации общественного, особенно материального, производства и материального труда. Отражением этих процессов стала деонтологизация [общественного] бытия, начатая Хайдеггером и подхваченная постмодернистами, превратившими язык – репрезант и инструмент социальной реальности – в единственную реальность. По мнению Р. Рорти, не существует верного понимания мира или бытия. Не может быть верного понимания отдельных вещей, к примеру, конституционного правления или движения планет, которые определяются языковыми играми, а они у каждого философа свои [38]. Как отмечают авторы книги «Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна» А. Сокал, Ж. Брикмон, использование постмодернистами различных научных (или кажущихся научными) терминов имеет цель поразить, смутить неподготовленного читателя, продемонстрировать свою эрудированность (ложную). (Заметим, эрудированность автора работы, как правило, вызывает уважение и доверие читателя.) Если к этому добавить еще уверенность их суждений, то становится понятно, в чем секрет такой популярности постмодернистов у молодых философов в Европе и особенно в США. Однако, как отмечают А. Сокал и Ж. Брикмон, уверенность посмодернистов не основывается на их профессиональной компетенции в области естественных наук, математики, откуда они заимствуют различные термины и понятия, не задумываясь об их значении [39]. По свидетельству С.П. Капицы, постмодернизм на Западе получил характеристику «эстетствующего иррационализма» [16]. Постмодернизм нельзя понять и тем более объяснить вне той социально-экономической реальности, которая возникла на Западе во второй половине XX в.

Свободные рыночные отношения всегда воспевали идеологи буржуазного общества, поскольку они дают формальную возможность активным деятельным людям самореализовываться. Между тем свободные рыночные отношения – это социальная реальность, где, как отмечал Маркс, все обменивается на деньги и самореализация человека возможна лишь как акт продажи своих сущностных сил, энергии, талантов. Другими словами, это означает, что «всеобщая проституция выступает как необходимая фаза развития общественного характера личных задатков, потенций, способностей, деятельностей. Выражаясь более вежливо: всеобщее отношение полезности и годности для употребления» [23, с. 144]. Поэтому отношение человека не только к природе, но и к другим людям строится как к средству удовлетворения своих потребностей и не более. Отсюда и дегуманизация всех сфер общественной жизни, деградация и примитивизация культуры, девальвация социальных норм и ценностей [6].

Для современной эпохи характерны динамизация общественной жизни, быстрая смена потребностей, возрастание конкуренции на рынке труда. Эти тенденции меняют человека, способствуют его деперсонификации. Чтобы сохранить на себя постоянный спрос на рынке труда, человек должен все время меняться. «Личность с рыночным характером, – писал Э. Фромм, – по сравнению, скажем, с людьми XIX в. не имеет даже собственного “Я”, на которое они могли бы опереться, ибо их “Я” постоянно меняется в соответствии с принципом “Я такой, какой я вам нужен”» [40, с. 367]. Поэтому кризис современного общества, – отмечает философ, – это кризис идентичности – [40, с. 368]. «Человек эпохи постмодерна, – отмечает И. А. Гобозов, – это массовый человек, характерной чертой которого является полная потеря своей индивидуальности» [7, с. 16]. В центре внимания постмодернистов – общество, состоящее из людей лишенных своей индивидуальности и оригинальности. Подобную социальную реальность Ж. Бодрийяр называет массой. «Масса, – пишет философ, – выступает характеристикой нашей современности… Масса не обладает ни атрибутами, ни предикатами, ни качеством, ни референцией. Именно в этом состоит ее определенность или радикальная неопределенность... Ее “социологическое определение” – это “бесконечная сумма равнозначных индивидов 1+1+1”. Масса – это “восхитительный союз тех, кому нечего сказать и которые не говорят”» [2]. По мысли французского философа, масса – это «молчаливое большинство», сфера проявления которой симуляция в пространстве, где социальное уже отсутствует [2].

Чтение цитируемой работы Ж. Бодрийяра, как и произведений других авторов, кажется, дает основание для вывода, что постмодернизм есть рефлексия современного атомизированного, манипулируемого общества. Касаясь этого вопроса, И.А. Гобозов отмечает, что постмодернизм есть шаг назад в философской рефлексии [7, с. 15]. В самом деле, серьезный глубокий анализ современного кризисного мира и человека не является задачей этой философии. Да и та методология, которая применяется постмодернистами, не позволяла бы им решать подобную задачу, если бы даже ими она ставилась. Дистанцируясь от традиций классической философии, постмодернизм избегает целостного, системного анализа социальной реальности. Метод и стиль постмодернистов – фрагментарное описание действительности. В фокусе их внимания чаще всего оказываются маргинальные, а не социально значимые, сущностные тенденции общественной жизни, для изучения которых традиционно применяются рациональные методы познания. Скажем, предметом исследования постмодернистов оказывается отношение капитализма к шизофрении, бред шизофреника, объявленного всемирно-историческим [12, с. 35]. По признанию Ф. Гваттари, он «всегда был влюблен в шизофреников, увлекался ими». «Шизоидный дискурс» сформировал его как философа [12, с. 27–28]. Шизоанализ в центре внимания и Ж. Делёза, которому он противопоставляет психоанализ [12, с. 35]. Даже если не отрицать необходимости изучения указанных проблем, остается все же вопрос, а являются ли они

философскими проблемами? А ведь постмодернисты позиционируют себя в качестве философов.

По мнению Ж. Делёза, использование абстракций для исследования истоков и первоначал – это возврат к эпохе модерна и усугубление кризиса философии. Проблему первоначал философия давно преодолела. Сама рефлексия о вечном, по мысли автора, блокирует движение философии. «Философия, согласно Делёзу, не является коммуникацией, как не является она ни созерцанием, ни рефлексией: она представляет собой творчество, и даже революционное по своей природе, так как она постоянно создает новые концепты» [11, с. 177]. Философия – дисциплина, состоящая в творчестве концептов, а сам философ – творец [13, с. 32]. Чтобы соответствовать подлинным проблемам, творимые концепты должны быть необычными, странными, парадоксальными и не сводиться к простому мнению, сообщению, обсуждению [11, с. 178]. Трактовка концепта, даваемая Делёзом и Гваттари, безусловно, отвечает этим требованиям необычности и странности. «Концепт определяется как неразделимость конечного числа разнородных составляющих, пробегаемых некоторой точкой в состоянии абсолютного парения с бесконечной скоростью» [12, с. 32]. Постмодернизм довел до логического завершения заложенную позитивизмом и особенно неопозитивизмом (лингвистической философией) тенденцию освобождения философии от собственно философской проблематики, превратив язык в единственную реальность, с которой может иметь дело философ. Как пишет Делёз, великие философы являются великими стилистами. «Стиль в философии – это движение концепта… Стиль – это вклад в изменение языка, в модуляцию, а также в напряжение всего языка по отношению к внешнему» [11, с. 183]. По мнению автора, чтобы придать жизнь концептам, язык должен быть гетерогенным, лишенным равновесия, позволяющим из особенностей самого языка видеть сущность, о которой мы и не догадываемся. Движение концептов, как отмечает Делёз, не отличается последовательностью, их неправильные очертания не соответствуют друг другу, и как фрагментарные целые они не являются деталями целостной мозаики. Иначе говоря, движение концептов не подчиняется логике. «В философии все, – отмечает Делёз, – как в романе: здесь следует спрашивать, “что же будет?”, “что произошло?”. Только персонажами являются концепты…» [11, с. 183]. Поэтому чтение работ постмодернистов оставляет ощущение, что это поток сознания (такую же характеристику дает и сам Делёз), объективированного в наборе понятий, терминов, слов, не всегда оформленных в виде завершенных суждений, имеющих понятный смысл. К тому же в работах часто отсутствует единая логика повествования.

Поэтому было бы правильным сказать, что читаемые тексты – это поток «скачущего сознания», в котором трудно уловить идею работы. Даже для подготовленного читателя становится актуальным выявление смысла не только всей работы, но и ее фрагмента, который вследствие особенностей языка явно не выражен. Читая труды постмодернистов, невольно вспоминаются мудрые замечания академика Д.С. Лихачева. «…Язык научной работы, – писал известный

ученый, – не замечается читателем. Читатель должен замечать только мысль, но не язык, каким мысль выражена» [19, с. 356]. Но вот вопрос, можно ли считать творчество концептов постмодернистами образцом научной работы, если они фактически отрицают связь языка и мысли. Постмодернизм не признает классической референциальной теории знака, согласно которой знаку (понятию, термину, слову) в предметном мире соответствует денотат, а значение знака, выражающее отношение знака к обозначаемому предмету (денотату) в сознании субъекта, выступает как мысль или, иначе, как смысл знака [10, с. 55]. Отрицание обязательной связи языковых знаков с обозначаемым предметным миром лишает язык своей собственной сущности, ибо отрицаются основополагающие функции языка – экспрессивная, номинативная, коммуникативная. Язык превращается в систему графических знаков представленных в тексте.

Отрицание постмодернистами обязательной референции между знаком и предметом является основанием признавать полисемантичность знака и в целом текста. Истина объявляется устаревшим понятием прежней философии. Любая интерпретация текста, любая точка зрения становится равновероятной. Такая позиция объясняет особенность понимания постмодернистами познавательной функции философии. Творческая деятельность философа по созданию различных концептов вовсе не означает получения новых более глубоких или полных знаний о действительности. «В философии, – утверждает Ж. Делёз, – мы отказались от принципа “прогрессивного развития знаний”: один и тот же курс адресуется студентам как первого, так и любого другого года, студентам и не студентам, философам и не философам…» [11, с. 181]. Дело в том, что эта философия не прибавляет человеку новых знаний, не делает его мудрее. К подобному выводу приходят и российские поклонники постмодернизма. Так, одна из них после прочтения книги Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Что такое философия?» пишет: «Если бы меня спросили, хорошая ли это книга, я бы ответила, что, безусловно, хорошая. Но если бы меня спросили, знаю ли я теперь, что такое философия, или, по крайней мере, знаю ли в большей мере, чем раньше, я бы ответила, что знаю не в большей мере, чем раньше. В чем же тогда ценность предлагаемой книги знаменитых авторов “Капитализма и шизофрении”, разработавших столь привлекательный для многих отечественных философов и деятелей искусства шизоанализ? Пожалуй, основная ее ценность состоит в том, что эта книга производит впечатление современного философского сочинения, хотя написана она восемь лет назад в 1991 году и авторы ее умерли» [3, с. 4].

Несомненно, постмодернизм одно из современных течений философии, но, как отмечается в аналитике, это отнюдь не магистральное ее направление, а побочная нисходящая ее ветвь, выражающая кризисные тенденции мировой философии [10, с. 65]. Хотя постмодернисты отрицают рефлексивную функцию философии, было бы ошибкой не видеть связи между тем, что они пишут, и существующей социальной реальностью. Отрицание принципиальной разницы между ложью и истиной, симулятивной реальностью и самой социальной

действительностью не есть результат больной фантазии постмодернистов, а обыденность современной больной цивилизации. Ложь, тиражируемая в тысячах СМИ, распространяемая ведущими информационными агентствами и социальными сетями, выдается за бесспорную истину. Постановочные виртуальные преступления (отравления, убийства) однозначно трактуются как реальные события для санкционирования и оправдания планируемых реальных преступлений. «Настала эпоха убийств на основе симуляции всеобъемлющей эстетики симуляции, – отмечает Ж. Бодрийяр, – убийства алиби – аллегорического воскрешения смерти, которая служила лишь для того, чтобы санкционировать институт власти, не имеющей без этого ни субстанции, ни автономной реальности» [2, с. 50]. Поборники обмана и планируемых преступлений чаще всего выступают под личиной защитников правды, добра, справедливости. Пересмотр традиционных институтов брака и семьи, половой идентификации людей, граней между добром и злом, высоким искусством и тем, что искусством не является по определению, но называется таковым, это реальность современной западной цивилизации.

Значение постмодернизма заключается в том, что он заострил внимание на этих проблемах общественной жизни, являющихся симптомами глубокого кризиса современной капиталистической цивилизации. Однако отобразить посредством специфического языка кризисные тенденции социума – это даже не полдела. Ценность философии не только и не столько в этом, а в ее способности выявить причины возникновения в общественной жизни негативных тенденций и разработать способы их преодоления. На долю философии приходится также научное обоснование пути последующего движения общества. Это принципиально важно, поскольку люди сами делают свою историю. Но постмодернизм не в состоянии выполнить эти социально значимые функции философии, реализация которых была определяющим фактором ее возникновения и почти трехтысячелетнего существования. Философия, согласно постмодернистам, не может вывести общество из кризиса, ибо «хаосу жизни» нельзя навязать никакую теорию [37]. Общество есть сложная, постоянно изменяющаяся система, а представители этого течения не признают системного метода исследования, отрицают причинно-следственные связи, каузальность. Определяя свою цель как творчество концептов, постмодернизм занимается языковыми играми, редуцирует реальный мир к миру смыслов и превращает философию в «толкование толкований» [27]. Современный научный анализ кризисной социальной реальности заменяется интерпретациями текстов, а замысловатые рассуждения имитируют научную мыслительную деятельность. Но где могут быть использованы результаты такого творчества, если еще учесть, что, с точки зрения постмодернистов, знания лишены объективности? В этой связи вполне понятен вопрос профессора И.А. Гобозова – кому нужна такая философия?!

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 96 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Изд. дом «Постум», 2015. 240 с.
3. Бубенцова К. Философия как практика создания концептов // Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. С. 4–5.
4. Гильдебранд Д. фон. Что такое философия? СПб.: Алетейя, 1997. 373 с.
5. Главацкий М.Е. «Философский пароход»: год 1922-й. Историографические этюды. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 224 с.
6. Гобозов И.А. Глобализация и примитивизация общества // Философия и общество. 2009. № 2(54). С. 5–19.
7. Гобозов И.А. Интеллектуальный кризис общества // Философия и общество. 2010. № 3(59). С. 5–21.
8. Гобозов И.А. Куда катится философия?! От поиска истины к постмодернистскому трепу. М.: Издатель Савин С.А., 2005. 202 с.
9. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991. 480 с.
10. Губанов Н.И. Нищета философии постмодернизма // Философия и общество. 2007. № 1(45). С. 54–68.
11. Делёз Ж. О философии // Делёз Ж. Переговоры. 1972–1990. СПб.: Наука, 2004. С. 176–202.
12. Делёз Ж., Гваттари Ф. Беседа об «Анти-Эдипе» // Делёз Ж. Переговоры. 1972–1990. СПб.: Наука, 2004. С. 25–40.
13. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.
14. Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 53–57.
15. Каменский З.А. Философия как наука: классическая традиция и современные споры. М.: Наука, 1995. 175 с.
16. Капица С.П. Предисловие к переводу книги «Интеллектуальные уловки» Алана Сокала и Жана Брикмона // Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М.: Дом интеллект. книги, 2002. С. 6–8.
17. Лекторский В.А. Зачем нужна сегодня философия // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 140–143.
18. Лившиц Р.Л. Философский урок «Философского парохода» // Новые идеи в философии. 2020. Вып. 7(28). С. 207–216.
19. Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет. СПб.: Азбука, 2018. 448 с.
20. Малинов А.В., Троицкий С.А. Русская философия под запретом (к 90-летию «философского парохода») // Новое литературное обозрение. 2013. № 1(119). С. 53–66.

21. Мамардашвили М.К. Быть философом – это судьба // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. 2-е изд., изм. и доп. М.: Прогресс; Культура, 1992. С. 27–40.
22. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. 2-е изд., изм. и доп. М.: Прогресс; Культура, 1992. С. 14–26.
23. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1968. Т. 46, ч. 1. С. 3–510.
24. Межуев В.И. Философия в современной культуре // Философский журнал. 2008. № 1. С. 14–23.
25. Межуев В.И. Философия как идеология // Философский журнал. 2017. Т. 10, № 4. С. 171–180. DOI: https://doi.org/10.21146/2072-0726-2017-10-4-171-180
26. Миронов В.В. Философия и метаморфозы культуры. М.: Соврем. тетради, 2005. 424 с.
27. Момджян К.Х. Возвращаясь к поиску истин: еще раз о состоянии современной социальной философии // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 29–41. DOI: https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-2-29-41
28. Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2016. 128 с.
29. Мусаелян Л.А. К вопросу о научности философии // Новые идеи в философии: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2000. Вып. 9. С. 196–205.
30. Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. Т. 1: 1826–1857. М.: Гослитиздат, 1955. 543 с.
31. Никифоров А.Л. Является ли философия наукой? // Философские науки. 1989. № 6. С. 52–62.
32. Ойзерман Т.И. Проблемы историко-философской науки. 2-е изд. М.: Мысль, 1982. 301 с.
33. Отклики на статью А.Л. Никифорова «Является ли философия наукой?» // Философские науки. 1989. № 12. С. 69–79.
34. Отклики на статью А.Л. Никифорова «Является ли философия наукой?» // Философские науки. 1990. № 1. С. 82–87.
35. Отклики на статью А.Л. Никифорова «Является ли философия наукой?» // Философские науки. 1990. № 2. С. 64–71.
36. Отклики на статью А.Л. Никифорова «Является ли философия наукой?» // Философские науки. 1990. № 3. С. 102–110.
37. Ратников В.П. Постмодернизм: истоки, становление, сущность // Философия и общество. 2002. № 4(29). С. 120–132.
38. Рорти Р., Ваттимо Дж., Забала С. Каково будущее религии после метафизики? // Логос. 2008. № 4(67). С. 93–110.
39. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М.: Дом интеллект. книги, 2002. 248 с.
40. Фромм Э. Иметь или быть? // Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. М.: АСТ, 2000. С. 185–437.

КОМУ НУЖНА СЕГОДНЯ ЭТА ФИЛОСОФИЯ? СТАТЬЯ ВТОРАЯ. КАКАЯ ФИЛОСОФИЯ ОКАЗАЛАСЬ ВОСТРЕБОВАНА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ*

Если философия есть эпоха, выраженная в мыслях, то мировоззрение цивилизации, находящейся в кризисе, не может не быть в состоянии кризиса. О том, каковы особенности философии, находящейся в кризисе, говорилось в нашей первой статье. Цивилизация – это сообщества, их элиты, определенные типы социальных индивидов, сформировавшихся под влиянием потребительского общества и по дегуманизированным образовательным учебным программам образовательных учреждений. Какова связь модных современных философских течений, представляющих кризисные тенденции мировой философии, и интересов глобальных инациональных элит, определяющих экономическую и образовательную политику в мире и в нашей стране? Для вывода цивилизации из кризиса и поиска адекватных ответов на современные глобальные вызовы общество остро нуждается в философии, обладающей солидным эвристическим и гуманистическим потенциалом. Поэтому сегодня не может дискутироваться вопрос – преподавать философию в вузе или не преподавать. Проблема заключается в том, что цивилизация, находящаяся в кризисе, не может быть спасена философией, которая порождена этим кризисом и к тому же проникла во все сферы общественной жизни, в том числе и в образование. Помимо постмодернизма, который в последние тридцать лет стал чуть ли не повальным увлечением молодых российских преподавателей и исследователей, у нас в стране много сторонников учения Гуссерля, Хайдеггера и других западных мыслителей, представляющих неклассические течения в философии. В этой связи актуальным сегодня является вопрос, какую философию преподавать в вузе и как это сделать в то отведенное реформаторами от образования время, чтобы сформировать личность, которая обладала бы социальными качествами, позволяющими противостоять современным вызовам и угрозам.

Ключевые слова: философия, постмодернизм, глобализация, образование, коммерциализация, дегуманитаризация, дегуманизация, Парижская декларация ЮНЕСКО, преподавание философии, учебный процесс, социальные качества личности.

* Впервые опубликовано: Мусаелян Л.А. Кому нужна сегодня эта философия? Статья Вторая. Какая философия оказалась востребована в постсоветской России // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2022. – № 2. – С. 232-241. – DOI 10.17072/2078-7898/2022-2-232-241.

Введение

Постмодернизм как выражение кризисных тенденций мировой философии соответствовал интересам акторов неолиберальной глобализации, ввергших цивилизацию в глубокий многоаспектный кризис [8]. Далеко не случайно, что это течение философии стало модным увлечением интеллектуалов в США. Можно согласиться с точкой зрения А.В. Бузгалина, что постмодернизм – это социальный заказ глобального капитализма, оказавшегося в историческом тупике. Востребованность постмодернизма идеологами и акторами неолиберальной глобализации определялась тем, что эта парадигма блокировала возможность объективного, глубокого системного анализа общества, выявление за фасадом демократических институтов тоталитарной власти глобального капитала. Агрессивный антисциентизм, проводимый различными течениями постмодернизма, обосновывающий невозможность постижения человеческим разумом сущности вещей и способности изменения социальной реальности человеком, формировал тип бездеятельного, бессубъектного индивида [2].

Призыв к политике деидеологизации, исходивший в конце 70-х – начале 80-х гг. прошлого века от лидеров США и их союзников в Европе, несомненно, имел свои философские основания в воззрениях постмодернистов, резко негативно относящихся к любой идеологии. Деидеологизация способствовала разрушению одного из скрепов социально-политической системы, существовавшей в социалистических странах Восточной Европы. После развала Советского Союза и мировой социалистической системы, как отмечает А.В. Бузгалин, был расчищен путь для реверсивного хода истории в странах, которые должны были быть включены в сферу влияния глобального неолиберального капитала. Очевидно, что политика деидеологизации и формирование бессубъектных социальных индивидов были необходимыми условиями реализации этого проекта.

Философские реалии постсоветской России

В новой демократической России политическая элита поддержала политику деидеологизации. Официальное отрицание в Основном законе страны государственной идеологии создало в обществе мировоззренческий вакуум, который был тут же заменен религией и постмодернизмом. Причем публикации по указанной тематике, особенно в 90-х гг., имели агрессивно антимарксистский, антикоммунистический характер. Понятно, что подобная тональность этих публикаций получала поддержку со стороны властей. В результате, в то время как на Западе постмодернизм, став маргинальным течением в культуре, постепенно сходил со сцены, в России он получил широкое распространение практически во всех сферах общественной жизни [7].

Влияние постмодернистской парадигмы очевидно проявилось в системе образования, в которую были внедрены зарубежные, преимущественно англо-американские образовательные технологии. Фрагментация социальной реальности

и познавательного процесса – это методы постмодернистского мышления. Конкретным его воплощением является ЕГЭ, формирующий у школьника мозаичное сознание [10, с. 51]. Не избежала влияния постмодернизма и высшая школа России, где знаниевый подход к образованию был вытеснен компетентностным. Компетенции, безусловно, важны при решении конкретных задач. Однако необходимым условием формирования компетенций является наличие добротных знаний у студента [17]. А вот по поводу добротных знаний при существующих технологиях образования возникает большой вопрос. Из учебных программ были элиминированы единые для вузов стандарты содержания дисциплины. Иначе говоря, в современных образовательных стандартах отсутствуют программы со строго обозначенным содержанием и перечнем проблем, которые преподаватель должен проанализировать и довести до своих студентов, а студенты – их освоить. Это, как представляется обусловлено постмодернистским подходом к пониманию обучения. Постмодернизм, как уже отмечалось, отрицает соответствие знака и значения. Определяющим результатом обучения студентов является формирование у них определенных компетенций. Что же будет читать преподаватель: полный классический курс истории философии, или будет дан анализ двух работ Хайдеггера, или остановится на творчестве Делёза, – это зависит от субъективных предпочтений преподавателя. В принципе он может построить курс и на теоретическом осмыслении философских сказок Л. Кэрролла, лишь бы доказать, что требуемые компетенции у студентов формируются. При таком изучении философии у студентов возникает лишь смутное представление об этой дисциплине. Многообразие функций философии из-за отсутствия системных знаний оказывается непонятым и не освоенным. Может ли при таком изучении философии у студентов действительно сформироваться системное или критическое мышление? Сомнительно! Такой же результат дает, на наш взгляд, балльно-рейтинговая система обучения, фактически элиминировавшая из учебного процесса экзамены и предэкзаменационные консультации. Между тем подготовка студента к экзамену предполагает приведение в систему полученных знаний. Это требование обусловлено тем, что большинство дисциплин, которые изучают студенты в вузе, представляют собой целостную систему научных знаний. Кроме того, сам экзамен – это проверка не только уровня знаний студента, но и его способности системного мышления, что является непременным условием формирования творческой личности [4]. Как уже отмечалось, постмодернизм способствовал десубъективизации социальных индивидов и препятствовал формированию целостной научной картины общества, мира. Это в конечном счете блокирует возможность существенных преобразований в обществе. Возникает вопрос, в стране, которая уже тридцать лет находится в состоянии перманентных кризисов и все более отстает в своем экономическом, технологическом, социальном развитии от ведущих мировых держав, кто может быть заинтересован в господстве постмодернистской методологии в общественной жизни? Если возникновение постмодернизма в Европе и Америке – это социальный заказ

глобального неолиберального капитализма, то в России он вызван интересами неолиберальной элиты, находящейся под влиянием акторов глобального капитализма. Заметим, что именно российская элита была инициатором радикальных неолиберальных реформ в экономике, здравоохранении, образовании. Принцип экономической целесообразности, доминирующий в образовательной политике России, способствовал существенному сокращению объема часов, а то и элиминации из учебного процесса «нерентабельных» компонентов образовательных программ, имеющих человекотворческий потенциал. Это привело к дегуманитаризации и дегуманизации учебного процесса.

Было бы ошибкой видеть в этом исключительно торжество прагматизма. Как показал Л. Альтюссер, воспроизводство современного капиталистического общества происходит при активном участии политических, юридических, информационных и иных институтов, являющихся «идеологическими аппаратами государства» [1]. По мнению автора, в воспроизводстве конкретного типа общества особо важную роль играет система образования. Ни один из идеологических аппаратов государства не обладает такими возможностями влияния на формирующееся молодое поколение, как система образования. Начиная с детского сада, завершая школой и высшими учебными заведениями в течении восьми часов пять-шесть дней в неделю в его сознание вводятся практические навыки, нормы поведения, социальные ценности, «обернутые в фантики господствующей идеологии» [1]. После завершения учебы в школе или вузе происходит воспроизводство конкретного типа социальных индивидов, которые пополняют различные социальные страты, воспроизводя существующие производственные отношения, основанные на отношении господства и подчинения, отношений капиталистической эксплуатации [1].

В свете изложенного, оценивая существующую в России систему образования, можно сказать, что резкое сокращение в ходе реформ дисциплин, обладающих человекотворческим потенциалом, обусловлено отнюдь не только дефицитом средств у государства, но и потребностью новой элиты формировать определенного типа социального индивида, а именно человека-потребителя, частичного человека (einen Teilmenschen – Маркс). Очевидно, что философия, формирующая системное и критическое мышление, должна была попасть в число дисциплин, подвергнутых «оптимизации». Между тем выход из кризиса, в котором находится наше общество и современная цивилизация, диктует необходимость формирования целостного человека, обладающего гуманистическим мировоззрением. Идею о человеке, человеческой жизни, его правах и свободе как высшей ценности философия буквально выстрадала и вынесла за почти свое трехтысячелетнее существование. И эта идея вошла в Основной закон многих современных государств, в том числе и в Конституцию нашей страны. Гуманистическое мировоззрение – это оптика целостного человека, духовной личности, деятельное существование которой очеловечивает окружающую реальность, придавая ей человекоразмерность.

Духовность у нас в стране благодаря активной деятельности РПЦ стала преимущественно ассоциироваться с религиозностью. Отсюда и активно продвигаемая РПЦ идея преподавания в средней и высшей школе соответственно религии и теологии. Кроме того, время от времени выдвигаются и соображения замены преподавания философии теологией. Не отрицая определенного позитивного влияния религиозного мировоззрения на жизнь людей, представляется необходимым отметить, что религия и философия (даже религиозная) способствуют формированию у человека разных социальных качеств. Религия так или иначе формирует у социальных индивидов догматическое мышление, консерватизм, осторожность, смиренность, политическую терпимость, если конечно власть не проводит политику притеснения верующих и церкви. Философия, напротив, формируя у человека способность критического, доказательного мышления, создает «иммунитет» против догматизма, консерватизма, смиренности, суеверий и предрассудков [9]. Иначе, философия позволяет человеку освободиться от духовного рабства и превратиться в свободного полноценного человека [14, с. 125]. Между тем в последние годы увлечение преподавателей религией стало своеобразной модой, что, конечно, сказывается на самой философии и ее роли в общественной жизни. «…Когда философы, модничая вслед за идеологической толпой, объявляют себя верующими, они подрывают право на свое профессиональное существование» [5, с. 14]. С этим выводом В.А. Кутырева нельзя не согласиться. Несомненно, что в падении социального статуса философии у нас в стране в немалой степени виноваты сами философы, точнее те, кто позиционирует себя в качестве философов, но по существу не являются таковыми.

О востребованности философии в современную эпоху

Вернемся, однако, к вопросу, поставленному нами в качестве общего заглавия настоящей публикации. Еще в 1946 г. представители мирового сообщества в ЮНЕСКО, осознав высокую миссию философии по формированию гуманистического мировоззрения, свободного критического мышления и демократических идеалов, приняли программу развития философии в мире [3]. Международная организация исходила из того, что Вторая мировая война, унесшая почти сто миллионов человеческих жизней, была логическим завершением острой идеологической конфронтации в мире. В этой связи распространение в общественном сознании философских идей способствовало бы укреплению уважительного отношения к личности, человеку, нетерпимости к любым формам национализма и диктата силы. Словом, философия, разрабатывающая интеллектуальный инструментарий решения сложных проблем человечества и утверждающая в общественной жизни высокие социальные ценности, содействует установлению и поддержанию мира, что «является ключевой миссией Организации» [11]. ЮНЕСКО определило три важнейшие сферы философской деятельности, которые должны быть в центре его внимания. Таковыми были признаны: «философия

перед лицом глобальных проблем, преподавание философии в мире и развитие философских мыслей и философских исследований» [11].

Востребована ли философия в настоящее время? Несомненно. Это определяется теми глобальными вызовами, с которыми сталкивается сегодня человечество. В конце XX – начале XXI в. произошло наложение формационного, геополитического, антропологического кризисов, остро поставивших вопрос о самом существовании человечества при господствующем в мире способе производства, образе жизни и международных отношений [8]. Кроме того, возникновение и интенсивное развитие NBICS-технологий породили угрозы существованию человека и человеческого рода как биологического вида. При продолжении существующих тенденций в области био- и нанотехнологий исторический процесс может уже в обозримом будущем привести к потере человека. Исследователи пишут о приближении человечества к «рубежу невозврата» [6; 16; 18].

В этих условиях философия как критическая рефлексия эпохи и методология решения глобальных проблем, как мировоззрение и ядро гуманистической культуры становится все более востребованной. Соответственно, *в настоящее время вопрос заключается не в том, преподавать философию в вузах или нет, проблема в другом – какую философию и как преподавать.*

О преподавании философии

В постсоветскую эпоху в России помимо массового увлечения постмодернизмом, о чем говорилось выше, появилось много адептов философии Гуссерля, Хайдеггера и других западных мыслителей, представляющих неклассические философские течения. В последующие годы среди исследователей наметился повышенный интерес к реалистическим традициям в эпистемологии и философии науки [12]. Несмотря на годы активного шельмования марксизма, в стране сохранились и традиции марксистской философии. Словом, сегодня уже немыслим единый учебник по философии. Есть множество учебников и учебных пособий, отличающихся друг от друга по структуре курса, содержанию, методологии анализа и интерпретации узловых («вечных») философских проблем. Какой концепции философии из множества существующих в стране нужно отдать предпочтение для преподавания в вузе? Представляется той, которая обладает должным эвристическим потенциалом для глубокого осмысления и решения сложных проблем, с которыми сталкивается человечество и наша страна. Конечно, автор этих строк далек от мысли, что студенты, прослушав курс лекций по философии, будут готовы участвовать в поисках адекватных ответов на вызовы современности. Речь, прежде всего, идет о формировании у них современного научного мировоззрения как интеллектуальной основы понимания сложных проблем мира и страны, а также критического мышления для противостояния различным формам пропаганды, фашизма, национальной и религиозной нетерпимости, таящих угрозу целостному существованию нашего государства.

На какие базовые принципы должна опираться (включать в себя) преподаваемая философская концепция? Очевидно, что основополагающим принципом любого исследования, претендующего на научность, является объективность. Без объективности нет научности. Но объективность вытекает из материализма, понимаемого как отражение (трактовка) природных и социальных явлений такими, какими они есть на самом деле (Энгельс). Этот же принцип объективности требует рассматривать изучаемый предмет в его динамике, в его развитии. Кроме того, мир (как и социум) носит системный характер. Следовательно, предмет исследования должен рассматриваться как сложная система в его связи с другими явлениями, процессами. Глобальные проблемы так же, как и социальные проблемы, носят системный характер. Их нельзя анализировать и тем более решать изолированно. Если не перечислять далее все остальные требования к научному исследованию, то можно сказать, что таким требованиям, на наш взгляд, отвечает современная форма научного материализма.

В условиях отсутствия в стране единого образовательного стандарта по философии ответ на вопрос, как преподавать философию, зависит от разного понимания в нашем образовательном сообществе самой философии. Сегодня определяющим требованием к преподавателю является не содержание материала лекций, семинаров, а перечень обязательных компетенций, которые должны быть сформированы у студентов. Согласно эмпирическим обобщениям автора (возможно, и спорным), у нас сформировались два подхода к пониманию философии. В одном случае она сводится к истории философии. Как строится программа курса при таком понимании философии? В начале дается определение философии, показываются ее задачи и роль в общественной жизни. Далее, учитывая количество часов, выделяемых в настоящее время на эту дисциплину, и громадный объем материала, преподаватель вынужден бегло изложить философские воззрения мыслителей разных эпох. Понятно, при этом немаловажное значение будут иметь субъективные предпочтения преподавателя. В своих лекциях он может более или менее подробно проанализировать теоретические наработки одних мыслителей и вследствие того же фактора времени весьма поверхностно коснуться учений других, а третьих вовсе опустить, предложив студентам соответствующую литературу. При таком беглом изложении курса философии редко у кого из студентов возникает интерес к философской проблематике и сомнительно, что у них формируются требуемые компетенции.

У студентов возникает иллюзорное представление о философии как крайне абстрактной дисциплине, мало связанной с реальной жизнью и их будущей профессиональной деятельностью. Поэтому свою задачу они видят в том, чтобы побыстрее как-нибудь «столкнуть» этот предмет. Учитывая указанные сложности, некоторые преподаватели предпочитают не читать весь курс истории философии «галопом по европам», а остановиться лишь на некоторых видных мыслителях, проанализировав отдельные их труды. Такой метод преподавания предлагает В.М. Розин

[13]. После прочтения лекций, в которых анализируются труды нескольких философов, он предлагает своим студентам самим прочитать эти работы, а затем написать эссе, в котором они должны продемонстрировать особенности творческой деятельности авторов этих трудов.

По мнению В.М. Розина, цель обучения – «подвести студента к пониманию того, что делает философ, помочь ему сориентироваться в реальности философии, подобно тому, как туриста ориентировочно знакомят со страной, в которую он прибыл…» [13, с. 52]. Автор полагает, что вчерашним школьникам не под силу понять «предельные экзистенциальные проблемы человека». Поэтому изучение философии он низводит до уровня досуга, отдыха, а преподавателю отводится роль экскурсовода или аниматора. К сожалению,такое понимание цели, задач и методов преподавания философии (и не только философии) в настоящее время стало достаточно распространенным, что свидетельствует, на наш взгляд, о кризисе системы образования. Представляется, что в позиции В.М. Розина есть противоречие. Если студентам отказано в способности понять сложные вопросы бытия, реальности, познания, смысла жизни, добра и зла и т.д., как же они смогут проанализировать труды Платона, Аристотеля, Августина, Хайдеггера, даже если по ним уже и прочитана лекция. При таком подходе к преподаванию философии возникают сомнения в формировании у студентов необходимых компетенций. Понятно, что подобное фрагментарное изучение философии В.М. Розин предлагает не от хорошей жизни. Оно является вынужденной мерой после политики оптимизации высшего образования, проведенной реформаторами. Соглашаясь в целом с тональностью статьи В.М. Розина и его оценкой состояния российской системы образования, сложившейся в результате контрпродуктивной деятельности реформаторов, трудно признать удачным предложенный им фрагментарный метод изучения философии, при котором вне поля зрения преподавателя и студентов остается логика развития самой философии, а без этого, как представляется, трудно продемонстрировать те базовые функции философии, которые сделали возможным ее возникновение и почти трехтысячелетнее существование. Речь идет о мировоззренческой, критической, методологической, гуманистической функциях философии. Кроме того, философия есть ядро («квинтэссенция» – Маркс) культуры, которая понимается как синтетическая характеристика уровня развития человеческой сущности, проявляющаяся в деятельности человека и результатах этой деятельности. Очевидно, что при фрагментарном изучении философии ее культурологический аспект фактически выпадает или оказывается слабо выраженным.

Другой подход к пониманию философии можно условно назвать традиционным, включающим в содержание дисциплины три раздела: историю философии, онтологию и теорию познания, а также социальную философию. Поделимся собственным опытом преподавания философии, опирающегося на такой подход к пониманию дисциплины.

Заключение

Наш опыт преподавания философии в современных экстремальных условиях выглядит следующим образом: в рамках четырех кредитов и пятидесяти шести аудиторных часов, выделенных на философию, считаем необходимым ознакомить студентов с историей философии и освоить основные темы онтологии и теории познания и социальной философии.

В историко-философском введении на лекции дается характеристика философии как феномена культуры и мировоззрения, определяется ее предмет, задачи и функции. На основе краткого анализа основных теорий и воззрений крупных мыслителей разных исторических эпох показываются изменения в понимании предмета, задач и роли философии в обществе, демонстрируются достижения философской мысли каждой эпохи. Ввиду недостатка времени приходится рисовать картину исторического развития философии крупными мазками, без подробностей. Но все же это позволяет продемонстрировать связь развития философии с изменяющимися социально-экономическими и политическими обстоятельствами и новыми запросами общества. Показывается, что каждая новая эпоха в развитии философии (революция в философии) является интеллектуальной и духовной предпосылкой возникновения новой социальной реальности. На семинарах под руководством преподавателя студенты более подробно изучают философские учения эпохи, осваивая рекомендованную им для чтения учебную и научную литературу, в том числе труды (чаще фрагменты трудов) мыслителей, которых они изучают. Самостоятельная работа студентов контролируется преподавателем на семинарах и при прохождении ими контрольных точек, представляющих собой отчеты по пройденным темам.

Лекции при изучении онтологии и теории познания и социальной философии читаются иначе. Осуществляется более подробный и глубокий анализ тем с обязательной демонстрацией методологического значения изучаемого материала для понимания сложных проблем человечества и страны. Вопросы, раскрываемые на лекциях и обсуждаемые на семинарских занятиях, как правило, увязываются с профилем будущей профессиональной деятельности студентов.

Обязательная профилизация философии в вузе, как уже отмечалось, была рекомендована Парижской декларацией ЮНЕСКО (1995 г.), которую подписали и представители России. Многолетний опыт преподавания философии дает основание для вывода: лекция «цепляет» студентов, если анализируемый материал увязывается со сложными проблемами человеческого бытия и, особенно, с вопросами их будущей профессиональной деятельности. Профилизация активизирует внимание студентов к обсуждаемым философским проблемам, мотивирует их на глубокое «погружение» в философию как предмет, несомненно полезный и нужный.

Профилизация философии позволяет с большей вероятностью достичь успеха в формировании у студентов компетенций аналитического, критического

мышления, способности системного видения и решения проблем. Если же изложение материала на лекции идет на уровне абстрактной, оторванной от реальной действительности философской «зауми», интерес к философии у вчерашних школьников, как выразился В.М. Розин, пропадает. Да, современные студенты заметно отличаются даже от тех, кто учился пятнадцать-двадцать лет назад. Они тоже жертвы реформ и изменившихся социально-экономических реалий. Но это не значит, что необходимо максимально упростить и сократить излагаемый на лекциях материал и минимизировать требования. Хотелось бы ошибиться в своих наблюдениях, но именно такие тенденции дают о себе знать в последнее время в вузах, которые в постсоветской России превратились в соответствии с принципами ВТО в хозяйствующих субъектов, предоставляющих образовательные услуги.

Рыночная трактовка функций вуза способствовала искажению и примитивизации роли вуза и, особенно, его будущего продукта – студента, превратив его в заказчика услуг. Между тем учеба в вузе – это прежде всего напряженная систематическая работа, требующая немалых физических, умственных усилий, нацеленных на самосовершенствование и саморазвитие. Многие из нынешних студентов не обладают такой способностью к каждодневной самостоятельной работе. Эти навыки не без усилий приходится преподавателям вуза прививать вчерашним школьникам.

Для преподавателя учебный процесс в современных условиях стал более сложным и трудозатратным. Во-первых, распространение рыночных отношений на систему образования обернулось колоссальным ростом нагрузок. Принцип деятельности хозяйствующих субъектов в условиях рынка – минимум издержек, максимум прибыли. Из-за недостаточного финансирования руководители образовательных учреждений сокращают ставки на кафедрах, увеличивая нагрузку на оставшихся работников. Согласно экспертным оценкам, аудиторные нагрузки преподавателей в вузах России в 3–4 раза выше, чем у их зарубежных коллег [19]. Во-вторых, работа преподавателя усложнилась вследствие качественного изменения студенческой аудитории. Сегодня уже недостаточно прочитать содержательную, логически безупречно выстроенную лекцию, чтобы мотивировать студента на изучение философии. Анализ каждой темы на лекции должен осуществляться на основе применения хорошо продуманного дидактического инструментария, с тем чтобы, с одной стороны, продемонстрировать практическую значимость изучаемого теоретического материала, а с другой – способствовать формированию у студентов требуемых компетенций. Очевидно, чтобы достичь этого, в лекции должны быть применены методы продуктивного преподавания с привлечением студентов к философскому осмыслению проблем, существующих в сфере их будущей профессиональной деятельности. Но и это не все.

Нормальный учебный процесс включает в себя два взаимосвязанных компонента – обучение и воспитание. Коммерциализация системы образования способствовала элиминации из учебного процесса и деятельности преподавателя

функции воспитания. Это и понятно. Результаты нравственно-воспитательной деятельности, в отличие от профессиональных знаний, не монетизируются. Нравственные принципы поведения и убеждения выпускника российского вуза не повышают его конкурентоспособности на рынке, особенно за рубежом. Скорее, наоборот. Рынок, как справедливо подметил Дж. Сорос, аморален [15, с. 21]. Но учитывая, с какими вызовами в настоящее время столкнулась Россия, представляется, что важнейшей задачей преподавателя российских вузов является умение сформировать у своих студентов социально активных, ответственных, творческих личностей с развитым научным мировоззрением, выраженными чертами гуманизма и патриотизма. Возможно, эти суждения могут показаться излишне пафосными, но ведь речь идет о преподавании философии.

Список литературы

1. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html (дата обращения: 12.12.2021).
2. Бузгалин А.В. Постмодернизм устарел… (Закат неолиберализма чреват угрозой «протоимперии») // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 3–15.
3. Дианова В.М. Инициативы ЮНЕСКО в области совершенствования и развития философского образования // Философское образование. 2011. № 1(2). С. 63–71.
4. Карпов А.О. Знание, способное порождать новое знание // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 103–115. DOI: https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-5-103-115
5. Кутырев В.А. Любовь к мудрости на пороге нового века // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1998. № 3. С. 3–16.
6. Мариносян Х.Э. Электронная цивилизация как глобальная перспектива // Философские науки. 2016. № 6. С. 7–31.
7. Мнацаканян М.О. Постмодернизм: происхождение, природа и место в современной социологии. М.: Юнити-Дана, 2015. 335 с.
8. Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2016. 128 с.
9. Мусаелян Л.А. Россия в XXI веке: постиндустриальная цивилизация или эпоха средневековья? // Мусаелян Л.А. Актуальные проблемы социальной философии: сб. науч. тр. Пермь, 2014. С. 188–207.
10. Панфилова Т.В. Проявление постмодернизма в нашей жизни // Философия и общество. 2017. № 1. С. 48–60.
11. Парижская декларация по философии / Доклад Генерального директора о межсекторальной стратегии в области философии. UNESCO. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000138673_rus (дата обращения: 01.12.2021).

12. «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2017. № 1. С. 5–38.
13. Розин В.М. Преподавание философии: оптимизация – ликвидация или новый старт? // Философские науки. 2019. Т. 62, № 2. С. 42–57. DOI: https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-2-42-57
14. Соловьев В.С. Исторические дела философии // Вопросы философии. 1988. № 8. С. 118–125.
15. Сорос Дж. О глобализации. М.: Эксмо, 2004. 224 с.
16. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2004. 352 с.
17. Хеннер Е.К. Профессиональные знания и профессиональные компетенции в высшем образовании // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 2. С. 9–31. DOI: https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-2-9-31
18. Черникова И.В. Сохранение природы человека как глобальная проблема // Вопросы философии. 2016. № 9. С. 36–43.
19. Эрштейн Л.Б. Чрезмерные нагрузки преподавателей вузов как фактор разрушения высшего образования в России // Вестник Пермского национально-исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 2. С. 75–87. DOI: https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.2.6

НАСИЛИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РОССИИ: ПРИРОДА, ФАКТОРЫ, СУЩНОСТЬ*

Американизация всех сфер общественной жизни стала определяющим трендом в России с начала 90-х годов прошлого века. Подражание образу жизни американцев, моделям их поведения, ориентация на американские смысложизненные ценности – все это стало своеобразной модой, распространившейся среди немалой части российской молодёжи. Среди таких заимствований оказалась и опасная молодёжная субкультура «Колумбайн» («Скулшутинг»)**. После 2014 года число сторонников этого деструктивного движения в России резко возросло. Вооружённые нападения на учебные учреждения страны участились и стали повседневностью. Массовое убийство, совершенное в ПГНИУ 20 сентября 2021 года сторонником названного интернационального молодёжного движения, стал внешним поводом для социально-философского анализа причин участившихся вооружённых нападений на учебные учреждения страны. Предпринята попытка раскрыть природу такого рода правонарушений и осмыслить факторы, которые им благоприятствуют. Обоснована необходимость квалифицировать вооружённые нападения на учебные учреждения, сопровождаемые массовыми убийствами, как террористический акт.
Ключевые слова: американизация, «Колумбайн»**, вооружённое нападение на учебные учреждения, самореализация, справедливость, отчуждение, экзистенциальный кризис, мизантропия, терроризм

Событие, которое произошло 20 сентября 2021 г. в Пермском государственном национальном исследовательском университете, буквально потрясло образовательное и студенческое сообщество не только нашего университета, но и всей России. Благодаря СМИ и интернету о трагедии стало известно во всем мире. Автору этих строк в тот же день поступали звонки, в том числе и из-за рубежа, с вопросами о случившемся, о масштабах и причинах трагедии. Парадокс ситуации состоит в том, что массовое жестокое насилие, как правило, совершенно бессмысленное, вызывает планетарный резонанс, и этот последний выступает в качестве фактора, который провоцирует повторение трагедии. Глобализация человечества произошла прежде всего в виртуальной сфере. Видеоролик стрелка, одетого во все чёрное, с каской на голове и с оружием в руках, устроившего охоту на своих безоружных сверстников, облетел весь мир. Событие потрясло и шокировало общественность не только масштабом трагедии –

* Впервые опубликовано: Мусаелян Л.А. Насилие в современных образовательных учреждениях России: природа, факторы, сущность // Новые идеи в философии. – 2023. – № 12(33). – С. 51-69. – DOI 10.17072/2076-0590-2023-11-51-69.
** Запрещена в России как террористическое движение.

шесть убитых и более сорока пострадавших, – но и абсурдностью злодеяния. Собственно, зачем? Ради чего? Какие мотивы подвигли убийцу отнимать жизнь у молодых людей, ничего плохого ему не сделавших и даже его не знавших. Отдельный вопрос, требующий специального анализа: почему убийцей оказался несостоявшийся студент юридического факультета? Избранная им специальность предполагает, что по завершению учебы он должен стоять на страже закона и оберегать жизни людей и их мирный труд. Конечно, в роли убийцы мог оказаться студент с любого другого факультета и даже школьник. Это действительно так, но достоянием общественности стал ещё один интересный факт, связанный с расследованием трагических событий 20 сентября в Пермском университете. Другой студент юридического факультета, будучи дома, узнав о случившейся трагедии в его вузе, приехал в университет и дал показания следователям, что он был в числе пострадавших. Через суд он взыскал с родного вуза полмиллиона рублей. Однако более детальное расследование показало, что будущий юрист солгал. Позже он признал свою вину. Мошенника отчислили из университета. Однако не факт, что этот проходимец не поступит в другой вуз для получения юридического образования. Читатель может задать вопрос, что тут особенного, этот студент – продукт нашего общества, которое вот уже четвертое десятилетие движется по пути капитализма. А при этом общественном строе единственной мерой успеха являются деньги. Алчность более не считается пороком, она перешла в разряд добродетели. У наиболее продвинутых индивидов совесть отринута как пережиток «совка». Но может ли общество (в том числе и капиталистическое) позволить себе, чтобы подобные продвинутые личности стали судьями, прокурорами, следователями и определяли судьбу людей? В нашей стране юридическое образование является работающим каналом вертикальной мобильности, пополняющим властные структуры. А власть – это инструмент, который может быть употреблен как во благо, так и во зло. Количество уголовных дел, возбуждённых в последние годы против лиц с особым правовым статусом, заставляет задуматься над тем, не настала ли пора разработать особые правила приёма абитуриентов в юридические вузы. Конечно, это не решит проблему попадания во властные структуры мошенников и потенциальных оборотней в погонах, но позволит снизить ее остроту.

К сожалению, трагедия, разыгравшаяся 20 сентября 2021 года в Пермском университете, далеко не единственная. События подобного рода с нарастающей частотой стали происходить в России с 2014 года, когда десятиклассник московской школы, вооружившись винтовкой и карабином, убил учителя географии и взял в заложники одноклассников. В последующем резонансные преступления подобного же типа произошли в 2018 году в Керчи, а в 2021 в Казани. В Керчи в результате нападения студента на свой колледж погиб 21 человек и пострадало еще 67. Казанский стрелок убил 9 человек, число пострадавших – 32. В Серпухове в православной гимназии ученик во время молитвы взорвал бомбу – чудом никто не пострадал. Сам этот факт даёт повод усомниться в том, что

клерикализация образования – надежное средство снижения уровня насилия в учебных учреждениях. На необходимости такой клерикализации настаивает руководство РПЦ. Логика священнослужителей проста: религия ничему плохому не учит, следовательно, религиозное воспитание – лучший метод сформировать подрастающее поколение в духе отвращения к насилию. Увы, но эта логика не выдерживает критики. Школа тоже ничему плохому не учит, а трагедии в наших учебных заведениях случаются с пугающей регулярностью. Так, 26 сентября 2022 года в Ижевске в результате нападения на школу бывшего ученика этой школы погибли 17 человек (в том числе 11 детей). Серьёзно пострадали 22 человека (21 из них дети) [12; 24]. Похоже, что насилие и убийства в образовательных учреждениях России стало обыденным явлением, как в США. Ничего подобного и помыслить было невозможно в советские времена, когда церковь была полностью отделена и от государства, а школа – от церкви.

Известный советский и российский философ А. Зиновьев отмечал, что основная трудность в исследовании общественных процессов «состоит не в том, чтобы обнаружить какие-то сенсационные факты, собрать статистические данные или получить доступ к тщательно скрываемым тайнам государственной жизни, а в том, чтобы найти способ понимания повседневности» [19]. Ставшее повседневностью насилие в образовательных учреждениях нашей страны представляет серьёзную угрозу национальной безопасности. Согласно оценкам секретаря Совета безопасности Российской Федерации Н. Патрушева, в последние годы у нас наблюдается устойчивая тенденция возрастания сторонников деструктивных молодёжных субкультур, в том числе и той, к которой принадлежал пермский стрелок. В 2021 г. количество адептов этой последней насчитывало более 70 тыс. человек [17]. Учитывая, что с 2014 года случаи нападения на школы в стране участились, трудно освободиться от мысли, что это элемент гибридной войны, которую коллективный Запад ведёт против России [15]. В пользу такого вывода свидетельствует и следующий факт: в соседних государствах, например на Украине, подобные события не наблюдаются, хотя страна наводнена оружием. Объектом этой войны является население нашей страны, но прежде всего её молодёжь – наиболее креативная часть общества, от которой зависит будущее страны, государства. Цель гибридной войн десуверенизация и десубъективизация молодежи и как минимум разрушение традиционных духовных ценностей, формирующих мировоззрение молодого поколения, его гражданскую и национальную идентичность. Заметим, что к традиционным ценностям россиян отнесены, согласно официальным документам, жизнь, достоинство, права и свободы человека, милосердие, коллективизм и т.д. [28]. Разрушение национальных духовных ценностей является одним из условий возникновения и распространения в стране насилия в школах.

Насилие в образовательных учреждениях страны является сложным, многофакторным по своим каузальным основаниям феноменом. В аналитике уже предпринимали попытки специалистами различного профиля (психологами,

медиками, педагогами, юристами и др.) дать своё объяснение возникшей в молодежной среде опасной тенденции [27]. Если одни видят суть событий в психических проблемах и аномалиях, возникающих у подростков, то другие в доступности оружия и критически низкой организации охраны учебных учреждений. Подобные подходы к изучению проблемы, как отмечают исследователи, «пока не выливаются в общепринятые рекомендации и прогнозы» [27, с. 266]. Но это не является основанием сомневаться в необходимости таких исследований, проводимых разными специалистами, поскольку каждый резонансный случай насилия в учебных заведениях обладает рядом специфических черт. Понятно, что эти особенности должны изучаться психологами, медиками, педагогами, юристами и другими узкими специалистами. Но повторяющиеся в современных обществах акты массового насилия в школах и иных образовательных учреждениях имеют и черты сходства. Поэтому представляется, что для выяснения природы, сущности, факторов, обусловливающих подобные ужасные преступления, нужен социально-философский анализ проблемы.

Попытаемся разобраться в этом феномене молодёжной субкультуры. Представляется, что можно выделить как минимум три фактора, детерминирующих такого рода преступления у нас в стране. Это – геополитический, социально-экономический и технологический. Конечно, они взаимосвязаны. И в этом трудность решения проблемы. Глобализация, принявшая конце XX века форму американизации, способствовала заимствованию российской элитой американских институтов, названий государственных учреждений и зданий, в которых они находились, лексики, словом, стремлению к копированию американского образа жизни. Ускоренный пересмотр социальной, символической и информационной реальности, происходивший в России в 90-х годах прошлого века, был закономерным результатом контрреволюционного переворота, совершенного с помощью агентов влияния США в Советском Союзе. Стремление к подражанию США не было исключительно проявлением американофилии со стороны определенной части обуржуазившейся политической и интеллектуальной советской элиты. Заимствование американского образа жизни в большей степени было обусловлено влиянием извне, ибо тиражирование американской демократии, американского образа жизни в других странах, по признанию З. Бжезинского, давало возможность Америке осуществлять глобальное управление миром. Именно оно и было целью «нового мирового порядка», провозглашенного в начале 90-х президентом Дж. Бушем [4]. Существовали ли у Америки основания для подобных претензий? Несомненно. Колоссальные успехи, достигнутые США в конце XX века в экономической, финансовой, военной, научно-технической сферах, позволяли им при помощи инструментов «мягкой силы» создавать привлекательный образ этой страны в мире. К этому ещё необходимо добавить воздействие американской культуры, которое, по мнению того же З. Бжезинского, «несмотря на её некоторую примитивность» не имела себе равных по своей притягательности среди молодёжи всего мира [4]. Из этого следует, что глобализация в её

американской форме была не столько экономическим, идеологическим, культурологическим проектом, сколько проектом политическим. Дело не только в том, что преемник Советского Союза лишился суверенитета (известный факт – в 90-е годы кандидатуры на ключевые посты в правительство России согласовывались с Вашингтоном), но и в том, что американизация России была нацелена на разрушение культурного кода страны, элиминацию из общественной жизни сложившихся веками духовнонравственных ценностей. Нахрапистое внедрение рыночного фундаментализма во все сферы общественной жизни привело к изоляции регионов, к изоляции и деградации их экономической, социальной и культурной жизни, разрушению корпоративных связей, атомизации общества, девальвации коллективизма и сознания ответственности личности перед обществом. Масштабная клерикализация общества вовсе не привела к очищению его духовной атмосферы, как предполагается религиозно мыслящими людьми. Напротив, с крушением социализма и победой контрреволюции в обществе воцарился дух делячества, прагматизма, ничем не сдерживаемого индивидуализма. Очень быстро в нашей стране сформировался новый тип социального индивида homo economicus – человека, ориентированного исключительно на запросы рынка. Чтобы выжить в конкурентной среде, индивид, ориентированный на быстро меняющиеся потребности рынка, вынужден руководствоваться принципом «я такой, какой я вам нужен» [31, с. 361]. Поэтому у рыночно ориентированной личности (в том числе и многих политиков, которые раз в пять или шесть лет участвуют в публичных торгах) нет «самости», внутреннего стержня, чувства идентичности. «Кризис идентичности, – как отмечал Э. Фромм, – этот кризис современного общества – вызван тем фактом, что члены этого общества стали безликими инструментами <…>» [31, с. 368]. Атомизированное общество становится удобным объектом манипулирования, поскольку состоит из индивидов, ориентированных на рынок, на быстрое получение результата. Подобный образ жизни, как правило, формирует у человека манипулятивное сознание. «Разум в смысле понимания, – писал Э. Фромм, – является исключительно особенностью homo sapiens; манипулятивный же интеллект как инструмент практических целей присущ и животным, и человеку. Манипулятивный интеллект, лишенный разума, опасен, так как он заставляет людей действовать таким образом, что это с точки зрения разума, может оказаться губительным для них» [31, с. 369-370]. Парадоксальность сформировавшийся в России социальной реальности заключается в том, что неконтролируемый разумом манипулятивный интеллект является исключительно порождением современного общества, до предела рационализированного по канонам рынка. К сказанному следует добавить, что внедрение в ходе реформ западной модели образования, дающей выпускнику бакалавриата усеченные знания, позволяющие ему заниматься преимущественно «рецептурной» деятельностью, фактически ориентировано на формирование того же манипулятивного мышления. В атомизированном обществе («человейнике» по А. Зиновьеву), где деньги выступают высшей ценностью, а человек средством,

индивид с манипулятивным интеллектом ради денег легко приносит в жертву себе подобных. Это происходит не только в бизнесе, но и в политике, которая давно на Западе и относительно недавно у нас превратилась в деятельность по деланию денег (Г. Лассуэлл). Для понимания природы и причин анализируемого опасного явления необходимо отметить ещё одну особенность общественной жизни, возникшей в постсоветской России. Атомизация общества, дух индивидуализма и соперничества, охвативший страну, способствовали резкому сокращению радиуса доверия между людьми. Социологические исследования, проведённые среди школьников, свидетельствуют о том же: молодёжь не считает возможным доверять большинству людей [18, с. 56]. Социальная реальность сформировала тип молодых людей с гипертрофированными представлениями о собственном «я» и критически низком уровне ответственности перед другими, поскольку эти последние не есть «свои». К тому же круг «своих» тоже резко сузился, и те, которые по обыкновению должны считаться «своими» (скажем, члены семьи), нередко оказываются чужими. Доверие является условием и фактором социализации индивидов. Именно поэтому оно представляет «ключевой элемент социального капитала и источник формирования идентичности» [29, с. 126]. Слабо выраженная этническая самоидентификация коррелирует с низким уровнем доверия [29, с. 131]. Это касается как доверия людей друг к другу, так и их доверия к социальным и политическим институтам страны.

Имеет ли отношение рассматриваемые социальные феномены в постсоветской России к насилию в образовательных учреждениях нашей страны? Несомненно! Массовые убийства молодыми людьми своих сверстников в школах и вузах – симптом глубокого отчуждения индивидуальной сущности от родовой, расчеловечивания индивидов. Это отчуждение в предельной форме проявляется в обществе победившего неолиберального капитализма. Далеко не случайно то, что именно в условиях глобального неолиберального капитализма терроризм превратился в глобальную угрозу человечеству, а политика гегемона оказывается не чем иным, как проявлением государственного терроризма. Расчеловечивание человеческой сущности – это необходимое условие для превращения человека в зверя, способного совершить террористический акт. Массовое убийство в образовательных учреждениях есть феномен современного терроризма. В силу расчеловеченной собственной человеческой сущности террорист способен совершить массовое убийство, обрекая чаще всего самого себя на смерть не потому, что он не боится смерти, а потому, что не ценит человеческую жизнь, в том числе собственную. Противоречит ли такое отношение к человеческой жизни, установившейся в постсоветской России иерархии ценностей? Вопрос, кажется, риторический. Но зададимся другим вопросом, что стало высшей ценностью в современной России? Да то же, что давно считается высшей ценностью в демократической Америке. Деньги. «Здесь в Америке, – писали известные немецкие философы М. Хоркхаймер и Т. Адорно, жившие длительное время в США, – не существует никакого различия между самим человеком и его экономической

участью. Никто не является чем бы то ни было иным, кроме как своим состоянием, своим доходом, своим положением, своими шансами» [33, с. 259]. На экономическую ориентированность американцев в оценке человека указывает и Дж. Сорос. Во всех видах деятельности достижения людей измеряются «по количеству денег, которые они приносят, а не по реальным достоинствам» [26, с. 247]. Смысложизненные ценности американцев стали ценностями американизированного мира. Российские реформаторы являются прилежными учениками своих американских кураторов. Нелишне напомнить читателю, что в начале девяностых первый демократически избранный мэр Москвы Г. Попов обратился к россиянам с лозунгом Н. Бухарина: «Обогащайтесь кто как может!». Он же тогда предложил узаконить взятки чиновникам, чтобы те оперативно решали вопросы граждан. Идея известного экономиста народу не понравилась, чего, похоже, нельзя сказать о некоторых «слугах народа».

В обществе, построенном на принципах рыночного фундаментализма, где всё или почти все продается и покупается, статус человека определяется успешностью, а эта последняя определяется величиной капитала или властными полномочиями. В силу политизации капитала и капитализации власти эти разновидности успешных субъектов современного буржуазного общества часто меняются ролями, и иногда одно и то же лицо умудряется пребывать в двух ипостасях. Можно закрыть глаза и даже забыть, каким образом этот человек стал успешным, богатым, влиятельным. Важно то, что он сегодня успешен. Среди россиян в настоящее время немало таких, которые начинали с «нуля» и добились успеха благодаря своим способностям, трудолюбию, воле к достижению поставленной цели. Труд, особенно в сфере материального производства, у нас в обществе до последнего времени не был в почёте. Однако чтобы быть успешным в бизнесе и в любом другом деле, надо, во-первых, обладать определёнными способностями и, во-вторых, нужно, чтобы в стране существовали возможности для реализации этих способностей. Но если не выполняются эти условия, и особенно второе, если лифты вертикальной социальной мобильности не работают, то у молодёжи возникает разочарование и чувство несправедливости существующих порядков. Различные социологические исследования, проводимые у нас в стране последние десять и более лет, свидетельствуют о том, что в иерархии востребованных обществом ценностей социальная справедливость устойчиво занимает первое место [34]. Для большинства современной российской молодёжи жизнь в справедливом обществе так и остается нереализованной мечтой, что порождает негативное настроение, недовольство, озлобленность, немотивированную агрессию. Существование подобных настроений в обществе нельзя, вероятно, рассматривать в качестве главной причины, вызывающей кровавые преступления. Они, скорее, являются условием формирования мотивов к совершению общественно опасных деяний. Философский подход к анализу факторов, обусловливающих резонансные убийства в образовательных учреждениях, не может игнорировать

социально-экономические обстоятельства, способствующие возникновению мотивов подобных преступлений. О чем идёт речь?

В результате реформ девяностых произошло колоссальное социально-экономическое расслоение российского общества. Бедность и нищета большей части населения стала приметой нашей постсоветской эпохи. «Тучные» на нефтедоллары нулевые годы не улучшили ситуацию в стране. Напротив, пропасть между бедными и богатыми возросла. Так, если по официальной статистике в 2000-м году разница между 10 % самых богатых и 10 % самых бедных составляла 13,9 раза, то в уже в 2014 году этот показатель достиг величины 16,8 раза [13, с. 80]. По неофициальной статистике в 2013 (начало нового кризиса – Л. М) эта разница составляла уже 28-30 раз [13]. Возрастание имущественного неравенства – общемировая тенденция. Но в России в сравнении с другими крупными развитыми странами эта тенденция наиболее выражена. По экспертным оценкам, у нас 10 % населения владеет тремя четвертями всех богатств страны. Только российские миллиардеры (это несколько семей) владеют 30 % всех богатств страны. Вывезенные ими за границу средства равны богатству всего остального населения России [7, с. 9]. В условиях рынка вопиющее имущественное неравенство населения легко конвертируется в социальные, политические, правовые преимущества богатых слоев населения, представляющих её меньшую часть. Это блокирует лифты вертикальной социальной мобильности большей части народа. По данным социологических опросов, две трети населения не считают наше общество справедливым [13, с. 91]. Необходимо отметить, что подобные взгляд на существующую социальную реальность разделяют не только бедные и малоимущие, но и благополучные граждане, которые на практике сталкивались с неравенством перед законом [13, с. 91]. Это, конечно, порождает не только недоверие к политико-правовым институтам государства, но и отчуждение от них.

У российской бедности есть свои особенности, которые усиливают остроту переживания социальной несправедливости. Одной из таких особенностей является наличие в стране хронических бедных, находящихся в этом состоянии пять и более лет [13, с. 91]. Согласно аналитике, почти половина современных российских бедных принадлежат с детства к социальным низам [13, с. 114]. Их собственный жизненный опыт не дает основания видеть возможности у своих детей в перспективе вырваться из состояния бедности. При отсутствии работающих социальных лифтов оптимистические прогнозы для выходцев из социальных низов не имеют веских оснований. Для понимания особенностей существующей социальной реальности необходимо отметить, что среди российских бедных более половины составляют граждане, которые ещё недавно относились к благополучным [13, с. 114]. Существование среди неимущих «новых бедных» свидетельствует о том, что бедность в России есть постоянно воспроизводящийся феномен, обусловленный отсутствием стабильности и предсказуемости общественной жизни, наличием множества рисков для благополучных граждан оказаться среди неимущих и бедных. Это вполне объяснимо. После того как наша страна

интегрировалась в экономическое пространство глобального капитализма, все мировые кризисы, где бы они ни возникали, разрушительным эхом отзывались в России. Кризис на периферии глобального неолиберального капитализма в 1998 году обернулся у нас финансовым банкротством государства. Кризис в ядре мирэкономики через десять лет вызвал глубокое падение экономики и девальвацию рубля. Не успела Россия выйти из этого кризиса, как в 2013 году начался новый кризис, негативные последствия которого усилились санкционной политикой коллективного Запада в 2014 году.

В глобальную экономику интегрированы Германия, Китай, Финляндия, Франция и многие другие страны. Но череда мировых кризисов почему-то не затронула их, а если и сказалась, то без таких негативных последствий, как в России. Из этого напрашивается вывод о том, что нестабильность, непредсказуемость социально-экономической жизни, высокие риски, отсутствие в течение десятилетий достойных условий жизни у половины населения страны есть результат неэффективный политики власти, особенно финансово-экономического блока правительства [22]. Осознание этого факта при практической несменяемости властных элит порождает в обществе морально-психологическую атмосферу безысходности и различные формы социального отчуждения.

Важно отметить, что кризисы влияют на разные слои населения по-разному. Как свидетельствует аналитика, в России и в других странах во время кризиса богатые (особенно самые богатые) богатеют, в то время как люди среднего достатка и бедные чаще всего беднеют [2; 21]. Иначе говоря, процессы социальной мобильности у бедных и богатых россиян имеют противоположных характер. Словом, кризисы углубляют пропасть между бедными и богатыми, повышая степень царящей в обществе несправедливости.

При анализе социально-экономической ситуации в нашей стране нельзя не обратить внимание на то, что половина бедных в России – это люди, имеющие работу [8]. Учитывая, что в среднем пенсия россиян выше прожиточного минимума, пенсионеров по официальной статистике не относят к бедным. Для многих работающих (особенно в социальной сфере), борьба за выживание является тяжелой повседневностью. Ситуация усугубляется, если в семье есть дети. Как отмечают исследователи, основная часть российских бедных – это семья с детьми. Классическая бедная семья – это неполная семья с невысоким доходом, в которой несколько детей [9]. Тяжелая повседневность в таких семьях сказывается на смысложизненных установках и ценностных ориентациях как детей, так и взрослых. Для многих становится очевидным, что честный и упорный труд не гарантирует безбедного существования. Поэтому, прежде всего у работающих бедных гаснет мотивация к труду как к возможности достичь успехов в жизни. Труд есть базовая сущностная сила человека. Он является не только способом его существования, но и формой самовыражения и саморазвития как родового социального существа. Снижение и (тем более исчезновение) мотивации к труду означает расчеловечивание человеческой сущности социальных индивидов.

Для объяснения причин возникновения насилия в школах и вузах нашей страны необходимо также учитывать социально-психологическую атмосферу в обществе, сложившуюся в последние десятилетия. Нестабильность, вызванная сменяющимися в течение трёх десятилетий глубокими кризисами, породили у большей части населения России состояние тревоги, неопределённости, неуверенности в будущем. Несменяемость политической элиты и неизменность её социально-экономической политики не давала основания для исторического оптимизма всем, но особенно небогатым слоям населения. Для большей части работающего населения заработная плата является основным, а для некоторых слоев неимущих единственным источником дохода. Поэтому в условиях неопределённости перспектив, реальная возможность потери работы порождает тревоги и страхи не только у небогатой части населения. Опасения потери работы, согласно социологическим исследованиям, испытывает 42 % бедных и 32 % людей, не относящихся к категории бедных [13, с. 112]. Если же у работающих есть дети, эти страхи приобретают иррациональный, трудно контролируемый характер, порождая пессимизм, депрессию, резко негативное отношение к окружающей социальной реальности. Понятно, что подобная психологическая атмосфера в семье формирует определённое мировосприятие у детей.

Как отмечается в аналитике, в последние годы отношение россиян к бедным слоям населения заметно изменилось. Если раньше, ещё в конце девяностых, к бедным в обществе относились сочувственно, рассматривая их как жертв объективных обстоятельств (реформ), в настоящее время к ним относятся в лучшем случае безразлично или же усматривают причину их бедности (неуспешности – Л.М.) в личных качествах самих бедных (асоциальное поведение, пьянство, нежелание активно трудиться). Бедные, как отмечает М. Горшков, заслуживающие особого общественного внимания и отношения, все больше уходят для общества из актуальной повестки дня [13, с. 105]. Ощущая такое отношение к себе, они начинают стыдиться своего материального положения. Согласно опросам, 78 % российских граждан не признают своей бедности, хотя фактически относятся именно к бедным [8]. По другим данным, четыре пятых российских бедных не признают, что находится у «черты» и тем более за «чертой бедности» [13, с. 107]. Очевидно, что бедные слои населения пытаются скрыть свое плохое материальное положение, закрывают глаза на то, что они отличаются от успешных граждан страны. Отсюда парадоксальное, на первый взгляд, явление, подмеченное социологами в аналитике: стремление бедных и неимущих слоев населения к «престижному потреблению» в ущерб более значимым для социального роста потребностям. Этот феномен тоже вполне объясним. В обществе постмодерна потребление стало формой идентификации своего статуса в иерархической социальной структуре общества [5, с. 352]. Машина или модный дорогой телефон – это не просто средства передвижения и коммуникации, а материальные символы успешности человека. Бедные берут кредиты и покупают товары длительного пользования, стоимость и обслуживание которых не соответствует их

доходам. Непогашенные в свое время кредиты гасятся за счёт новых кредитов. Долги российских граждан перед банками на 1 мая 2023 г. перевалили за 30 триллионов рублей [3]. «Престижное потребление» загоняет бедных и неимущих граждан в долговую кабалу, усиливая их психологический дискомфорт, порождая чувство безысходности, недовольство, разочарование в смысле жизни, что, конечно, сказывается на умонастроении и поведении детей. Несомненно, было бы упрощением считать, что сложные социально-экономические проблемы, с которыми сталкиваются миллионы российских семей, являются исключительным фактором, которые толкают выходцев из этих семей на массовое убийство своих сверстников. Факт состоит в том, что среди молодых людей, совершивших вооруженные нападения на учебные учреждения, нет представителей богатых слоев общества, как, впрочем, и социального дна. Этот факт вполне объясним. Для совершения массового убийства необходимо огнестрельное оружие, боеприпасы. Кроме того, нужно иметь домашний компьютер, который позволяет месяцами находиться в виртуальном пространстве и постепенно дозревать до состояния, позволяющего принимать такое решение. У людей, живущих на уровне социального дна, материальная возможность совершения такого рода преступлений отсутствует. У богатых слоев общества нет мотива, который мог бы их толкнуть на такое нарушение закона.

Ускоряющий ритм жизни и осознание невозможности в существующих условиях самореализоваться, стать успешным, значимым в соответствии с господствующими в обществе смысложизненными ценностями и идеалами, порождает у молодёжи экзистенциальный вакуум, фрустрацией которого является скука, апатия [30, с. 308-309]. Заметим, что именно такой экзистенциальный кризис испытывал Чарлз Даккер, герой романа Стивена Кинга «Ярость», который совершает вооруженное нападение на школу. Этот литературный образ преступника был реализован в действительности Эриком Харрисом и Дилоном Клиболдом, учениками школы «Колумбайн» штата Колорадо, которые убили 13 и ранили более 20 человек, а затем застрелились сами. Затем благодаря многочисленным последователям подобного рода преступлений в США формируется молодёжная субкультура «Колумбайн»[**], получившая распространение и в России. Рискуем предположить, что для всех последователей этой молодёжной субкультуры (за исключением тех, у кого были психические отклонения) характерны переживания глубокого экзистенциального кризиса. В поисках выхода из него одни склоняются к употреблению алкоголя и наркотиков, другие находят выход в самоизоляции и ретризме (эскапизме).

Ретризм как форма ухода из существующей социальной реальности, как модель параллельного существования есть признание чужеродности существующего общества, невозможности в нём находиться, позитивно воспринимать нормы и принципы его жизнедеятельности. Как известно, подобный феномен впервые возник в семидесятых годах прошлого века в Японии и получил название «Хикикомори». Чрезвычайно высокие требования общества и семьи к

индивиду с самого раннего возраста вызывают у некоторых молодых людей отторжение существующих социальных норм и порождают стремление к самоизоляции от окружающей реальности. Хикикомори изолируются от общества в своих квартирах, проводя время за чтением книг, просмотром сериалов и компьютерными играми. Пищу своим великовозрастным чадам приносят пожилые родители, оставляя, как правило, средства пропитания у дверей. Достаточно высокий уровень жизни в Японии и ментальность японского общества трансформируют неприятие молодыми людьми существующей социальной реальности в подобную форма протеста, пассивную и по существу безобидную. Не таковы социальная реальность и культура в США и в России. Наиболее распространённой формой ретризма у молодых людей в нашей стране является уход в виртуальную реальность, которая обеспечивает параллельное существование. Ретризм фактически есть выражение отчуждения личности от общества. Подобное отчуждение есть разновидность отчуждения между индивидуальной и родовой сущностью человека. Как представляется, возникновение такого отчуждения является фактором и необходимым условием принятия в последующем рокового решения. Очевидно, что не всякое отчуждение порождает убийство себе подобных. Однако без отчуждения индивидуальной сущности от родовой (фактически расчеловечивания человеческой сущности) невозможен террористический акт, каким, является массовое убийство в учебных учреждениях. Но чтобы молодой человек «созрел» для подобного тяжкого преступления, ему необходимо пройти процесс окончательного расчеловечивания человеческой сущности. Это происходит в виртуальном пространстве, где большую часть своего времени проводит человек, решивший изолироваться от общества.

Для начала рассмотрим, как воздействует цифровая реальность на обычных школьников, для которых социальные сети – привычная среда обитания. Как свидетельствуют социологические исследования, в настоящее время школа, вопреки ожиданиям, не является ведущим агентом социализации учащихся: семьдесят один процент информации учащиеся одиннадцатого класса черпают из социальных сетей [18, с. 55]. Современное постмодернистское общество, как уже отмечалось, это общество «постправды», где часто ложь выдаётся за правду, зло за добро. Эта особенность современной цивилизации явно выражена в виртуальном пространстве. В результате, согласно некоторым исследованиям, шестьдесят девять процентов опрошенных учеников одиннадцатого класса и шестьдесят один процент пятиклассников убеждены, что доверять большинству людей у нас нельзя или скорее нельзя [18, с. 56]. Заметим, что доверие – важнейшая социальная ценность [29; 1], которая по мере своего формирования у древних людей обеспечивала им конкурентные преимущества в борьбе за существование в живой природе [32]. На вопрос, кто для тебя чужие, девятнадцать процентов учеников одиннадцатого класса назвали «тех, кто считает, что в России сейчас всё хорошо», а затем «чужие страны», «европейцы», «политические деятели», «олигархи» [18, с. 57]. Из опросов следует, что пятьдесят четыре процента

пятиклассников и шестьдесят девять процентов одиннадцатиклассников предпочли бы жить в зарубежных странах: США, Японии, Швейцарии и т.д. [18, с. 58]. Понятно, что подобные воззрения школьников возникли не столько из-за критического осмысления существующей социальной реальности, сколько под влиянием социальных сетей, где активно действуют ловцы неокрепших душ. Здесь речь идёт о влиянии цифровой реальности на молодых людей, которые не испытывают экзистенциального кризиса и не ушли в ретризм. Что же говорить о последствиях влияния социальных сетей на тех, кто находится в самоизоляции от общества? Тех, для кого виртуальная реальность является местом их постоянного пребывания? Исследований о негативном влиянии цифровой реальности на психику, сознание и, в целом, на интеллект человека в аналитике предостаточно [6; 10; 11; 23]. Между тем пятьдесят процентов респондентов, предпочитающих социальную изоляцию, считают социальные сети безопасным ресурсом коммуникации [30, с. 34]. Это и понятно, молодой человек удовлетворяет свою потребность в общении и самореализации, сидя у себя дома за компьютером в комфортной, предсказуемой и, как ему кажется, безопасной среде. Не испытывая давления со стороны общества, он посещает группы с деструктивным контентом, пропагандирующим насилие, порнографию, суицид, экстремизм и так далее. Опросы свидетельствует, что сорок три процента респондентов, просматривающих такие материалы, испытывают чувство радости и удовольствия [23, с. 35]. Это означает, что просмотр подобного контента повторится не раз. В результате, как отмечается в аналитике, меняется психика и сознание человека. Для молодого человека, находящегося в состоянии экзистенциального кризиса, понимание невозможности самореализации в обществе мотивирует его на поиск в цифровой реальности альтернативных способов самоутверждения, практикуемых молодыми людьми в других странах. Понимание того, что способы самоутверждения, доказательства своей значимости, рекомендуемые деструктивными группами в социальных сетях, противоречат традиционным и духовно-нравственным ценностям его родной страны, не является для молодого человека сдерживающим фактором. Причина принятия рискованного решения: негативный опыт социализации, отчужденность от общества, слабая эмоциональная связь со страной. Все расследования вооружённого нападения на учебные заведения, произошедшие в последние годы у нас в стране, показали, что преступники были поклонниками и последователями движения «Колумбайн»[**]. Они даже в одежде подражали тем американским школьникам, которые совершили массовое убийство в своей школе «Колумбайн» 20 апреля 1999 года, положив начало этому движению.

В начале февраля 2022 г. решением Верховного суда РФ это движение было признано террористическим и запрещено в нашей стране. Как уже отмечалось, с 2014 года коллективный Запад развернул гибридную войну против России. Важным её компонентом является информационно-психологическая агрессия, направленная, прежде всего, против российской молодёжи. Отсюда

и объяснимая активизация в социальных сетях деструктивных групп, нацеленных на вербовку молодых людей из нашей страны для совершения массовых убийств в учебных учреждениях. По данным Роскомнадзора, до февраля 2022 г. ежегодно в социальных сетях фиксировалось появление около трехсот сторонников движения «Колумбайн»** [20]. В последние годы особую активность по вербовке российской молодёжи в деструктивные группы проявляют спецслужбы Украины. Там же появилась новое деструктивное молодёжное движение «Маньяки. Культ убийц»**, также признанное в России террористическим. По данным ФСБ, с февраля 2022 г. по апрель 2023 г. в России предотвращено сто восемнадцать преступлений террористической направленности, исполнителями которых были стать подростки и молодые люди [15].

И последнее. Как квалифицировать преступление того типа, которое было совершено в Пермском университете 20 сентября 2021 года? Поскольку движение «Колумбайн»** признано Верховным судом РФ террористическим, постольку логичным является вывод, что его следует квалифицировать как террористический акт. Терроризм относится к числу так называемых «конвенционных» преступлений и рассматривается международным правовым сообществом как общественно опасное деяние. Директор ФСБ А. Бортников в одном из своих публичных выступлений также признал, что движение «Колумбайн»** представляет угрозу национальной безопасности страны, разрушает духовно-нравственные ценности российского общества [14]. Почему же при расследовании насилия в учебных учреждениях юристы не квалифицируют подобные преступления как террористические? По нашему мнению, существуют две причины, из-за которых подобные преступления квалифицируются не по статье 205 УК РФ (терроризм), а по статье 105 (п. 2) убийство. Причина первая. Среди правоведов не существуют единого подхода к определению терроризма [25]. Этот отсутствие единства в трактовке довольно очевидных вещей – прямой результат идеологической ангажированности юридической науки. Особенно наглядно та ангажированность проявляется в двойных стандартах, присущих многим западным странам при оценке явлений общественной жизни. Так, действия палестинской организации «Хамас» в секторе Газа оцениваются этими странами как безусловно террористические, а действия «Цахал» (израильской армии) как юридически безупречные.

Жанр статьи не дает нам возможности вдаваться в дискуссию по данной проблеме, заметим лишь, что терроризм имеет длительную историю. В различные эпохи менялись его формы, субъекты и объекты террора, идеология и мотивы и т.п. В эпоху глобализации и предельной атомизации общества оно чаще всего сталкивается с терроризмом, идеологически мотивированным религиозным экстремизмом и национализмом. И то, и другое – прямое порождение сформировавшегося глобального неолиберального капитализма. Национализм и его крайнее выражение шовинизм есть проявление этнического эгоизма, в основе которого – отчуждение индивидуальной человеческой сущности (проявляющейся в форме особенного) от родовой. Насилие в учебных заведениях имеет,

как было показано, такую же природу – отчуждение индивидуальной сущности от родовой. Оно как социальный феномен – следствие предельной атомизации общества, порождающей человека с мироощущением мизантропа, находящегося в состоянии экзистенциального кризиса.

Другая причина – чисто юридическая. Предельно строгое наказание за совершенный террористический акт – лишение свободы на срок от десяти до двадцати лет. В перечне деяний, подпадающих под терроризм (ст.205), в УК РФ отсутствует убийство. Предельно строгое наказание за убийство (ст.105 п. 2) УК РФ – смертная казнь или пожизненное лишение свободы. Но в реальной жизни террористические акты, как правило, сопровождаются преднамеренным убийством множества людей. Из этого, на наш взгляд, следует, что ст.205 УК РФ должна быть откорректирована. Соответственно планка наказания за преступления по этой статье должна быть повышена – до пожизненного лишения свободы. В дополнение можно заметить, что современный УК не вполне реалистично оценивает общественный вред терроризма. Практика показала, что террористические акты в учебных заведениях сеют страх, панику, создают неуверенность, порождают психические расстройства и не только у пострадавших или свидетелей преступления. По своим социальным последствиям это общественно опасное преступление, в отличие от убийства, даже если не погиб ни один человек. Преступление, подобное тому, что было совершено в нашем университете 20 сентября 2021 года, должно квалифицироваться как терроризм, как особо тяжкое преступление, создающее угрозу национальной безопасности.

Список литературы

1. Аузан Александр. Культурные коды экономики: как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: АСТ, 160 с.
2. Бауман З. Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 162 с.
3. Башлыкова Н., Алмакунова Р. Долга дорога: обязательства россиян перед банками превысили 30 трлн рублей. URL: https://iz.ru/1536846/natalia-bashlykova-roza-almakunova/dolga-doroga-obiazatelstva-rossiian-pered-bankami-prevysili-30-trln-rublei (дата обращения 22.10.2023)
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Государство Америка и его геополитические императивы). М.: Международные отношения, 1998. 112 с.
5. Бодрияр Ж. К критике политэкономии знака М.: Библион-Русская книга, 2003. 352 с.
6. Буданов В.Г. Новый цифровой жизненный техноуклад – перспективы и риски трансформаций антропосферы // Философские науки. 2016. № 6. С. 47–55.
7. Выжутович В. Надо ли бороться с неравенством? Российская газета. 30 янв. 2019.
8. Выжутович Валерий Выйти из бедности. Тема с экономистом Николаем Кульбакой // Российская газета 25 марта 2023 г.

9. Выжутович Валерий Нам мало платят? Тема с экономистом Алексеем Зубком // Российская газета неделя 5 июля 2023 г.
10. Гиренок Ф.И. Человек – это не цифра // Завтра.ру (2018, 23 июня). URL: https://zavtra.ru/blogs/uroki_digital_noj_filosofii (дата обращения 22.07.2023)
11. Гобозов И.А. Цифровизация общества и деинтеллектуализация человека // Философия и общество. 2021. № 3. С. 35–54.
12. Год после расстрела казанской школы: Галявиева оправдывают, учителя увольняются. URL: https://www.mk.ru/incident/2022/05/10/god-posle-rasstrela-kazanskoy-shkoly-galyavieva-opravdyvayut-uchitelya-uvolnyayutsya.html (дата обращения 07.09.2022)
13. Горшков Михаил «Есть такая профессия – общество изучать». Избранное. Статьи, интервью, биографические откровения. М.: Изд-во: Весь мир, 2020. 463 с.
14. Егоров И. Движение «Колумбайн» могут обвинить в терроризме // Российская газета 20 янв. 2022 г.
15. Егоров Иван Диверсанты молодеют // Российская газета. 12 апреля 2023 г.
16. Егоров Иван. Игры закончились // Российская газета. 20 января 2022 г.
17. Зайко Я.В., Зорин В.А., Луканина Е.В. Школа как агент политической социализации в современной России // Социум и власть. 2022. №2 (92). С. 53–63.
18. Зиновьев А. Зияющие высоты. URL: https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/133475-aleksandr-zinovev-ziyayushchie-vysoty.html (дата обращения 23.12.2022)
19. Козлова Н. Поклонникам насилия – вход закрыт // Российская газета. 3 февраля 2022 г.
20. Козырева П.М., Смирнов А.И. Масштабы и динамика социально-экономического неравенства в современной России // Социальные процессы в современной России. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/masshtaby-i-dinamika-sotsialno-ekonomicheskogo-neravenstva-v-sovremennoy-rossii (дата обращения 18.09.2021)
21. Кричевский И. «План Путина» провалил Центробанк. URL: https://www.klerk.ru/buh/articles/492283/ (дата обращения 13 апреля 2023)
22. Кувшинова А.А., Савченко И.А. К вопросу о негативном влиянии цифровой коммуникации на сознание индивидов // Философия и общество. 2022. № 2. С. 26-37
23. «Мам, мне страшно, нас расстреливают». URL: https://lenta.ru/articles/2022/09/27/izhschool/ (дата обращения 23.12.2022)
24. Полный курс уголовного права в 5 томах (под ред. Коробеева А.И.). Т 4. Преступление против общественной безопасности. Спб.: Изд-во Асланова «Юрид. Центр» Пресс, 2008. 674 с.
25. Сорос Дж. Открытое общество (реформируя глобальный капитализм). М.: 2001. 460 с.
26. Узлов Н.Д., Оконская Н.К., Внутских А.Ю. Скулшутинг: социально философский аспект проблемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Вып. 2, 2022. С. 264 -276.

27. Указ Президента Российской Федерации Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809
28. Федотова В.А. Доверие к власти и политическая активность российской молодежи: роль этнической самоидентификации // Общественные науки и современность. 2022. №2. С. 14-25.
29. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
30. Фромм Э. Иметь или быть? // Э. Фромм. Величие и ограниченность теории Фрейда. М.: АСТ, 2000. 449 с.
31. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синбад, 2018, Ч. 1. 512 с.
32. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения: философские фрагменты. М.: СПб.: 1997. 312 с.
33. Четверикова А. Макарошки по-русски // Российская газета. 27 декабря 2018.

ГЛАВА 2. О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ И ЗАДАЧАХ УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

К ВОПРОСУ ОБ ОТСУТСТВИИ В РОССИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ*

Введение: статья посвящена осмыслению конституционной формулы, официально отрицающей в России государственную идеологию. **Цель:** исследовать вопрос об отсутствии в России государственной идеологии «де-юре» и «де-факто»; выявить типологию современного российского общества, государства и права, причины отсутствия их сущностной характеристики в Основном законе страны и официального отрицания в нем государственной идеологии. **Методология:** базовые принципы научной философии – объективности, развития (историзма), всеобщей связи, детерминизма, противоречивости; общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. **Результаты:** Конституция РФ принималась в условиях глубокого социально-экономического, политического кризиса и раскола российской политической элиты на непримиримые группы, предлагавшие разные способы выхода страны из кризиса и разные исторические перспективы России. Новая либеральная элита, победившая своих оппонентов в политическом и силовом противостоянии, для придания задуманным реформам законности организовала написание в сжатые сроки и принятие нового Основного закона страны. Чтобы не отпугнуть население при принятии Конституции и проведении реформ, в результате которых должен был кардинально измениться тип общества, государства и права, либеральная элита в своих публичных заявлениях избегала идеологически и политически нагруженной лексики. Этот же подход был использован при написании Конституции. Основной закон страны писался и принимался после окончания «холодной войны», когда Россия оказалась на периферии мировой истории и превратилась в объект политики глобального неолиберального капитала. Указанные факторы определили характер, структуру, дизайн, содержание Конституции РФ. **Выводы:** Основной закон страны принимался в конкретных социально-экономических и геополитических условиях. Конституция позволила избежать губительной гражданской войны и провести экономические и социально-политические реформы, соответствующие интересам новой элиты России и их западных кураторов. В результате реформ Россия была введена в экономическое, политическое, культурное, а позже в образовательное пространство глобального неолиберального капитализма, управляемого из Вашингтона. Страна фактически потеряла суверенитет и субъектность.

* Впервые опубликовано: Мусаелян Л.А. К вопросу об отсутствии в России государственной идеологии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 55. – С. 6-21. – DOI 10.17072/1995-4190-2022-55-6-21.

Современная Россия, в отличие от России 90-х годов, перестала быть исключительно объектом глобального неолиберального капитала. В настоящее время она полноценный актор международных отношений и мировой политики. Как великая держава, Россия не может не иметь своей государственной идеологии, выражающей ее национальные интересы, фундаментальные потребности, смысложизненные ценности и геополитическую стратегию, определяющую ее исторические перспективы.
Ключевые слова: идеология; государство; государственная идеология; Конституция; Основной закон; реформы; право; российская нация; национальный интерес

Никакая идеология не может устанавливаться
в качестве государственной или обязательной
(Конституция РФ, п. 2 ст. 13)

Введение

Инициированные 15 января 2020 г. Президентом России поправки в Конституцию имели большой резонанс как у нас в стране, так и за рубежом. И не удивительно, что вопросы, связанные с поправками Основного закона страны, остаются в центре внимания российских правоведов, политологов, политиков. Тема настоящей статьи также навеяна Конституцией РФ, но несколько выпадает из общего дискурса. По нашему мнению, проблема, обсуждаемая в данной публикации, имеет экзистенциальное значение для будущего российского государства. В современных геополитических реалиях, когда против России развернута полномасштабная гибридная война, официальное отрицание в стране государственной идеологии изначально ослабляет позицию нашего государства в мире, ибо государственная идеология призвана консолидировать общество, укреплять единство страны. В действительности ситуация прямо противоположная. Отрицание государственной идеологии, с одной стороны, и отсутствие в Конституции РФ типологической характеристики современной России – с другой, порождает историческую и политическую дезориентацию общества. Трудности в определении места России в современном мире и прогнозировании ее будущего порождают у россиян тревожное состояние неопределенности в понимании как настоящего, так и будущего. Чередующиеся кризисы и увеличивающийся в течение тридцати лет отрыв в социально-экономическом, технологическом развитии России от ведущих государств мира, и даже тех, которые еще вчера находились на периферии мировой истории, усиливают социально-психологический дискомфорт и напряженность в обществе. В этом кроется немаловажная причина продолжающейся утечки из страны капиталов и, что особенно прискорбно, мозгов. Юристы, как правило, очень осторожны в своих общих выводах, но и они вынуждены признавать, что в стране «происходит медленное, но стабильное нарастание социальной напряженности в разных областях общественно-политической

жизни» [9, с. 129]. Учитывая глобальные вызовы России, Президент призвал граждан страны проявлять патриотизм и укреплять единство общества. Нет сомнения в том, что патриотизм может быть интегрирующим фактором общества. Но чувство патриотизма не может формироваться лишь на основе знания прошлых грандиозных свершений и исторических побед, на что большое внимание в последнее время обращает руководство страны. Здесь важно еще видение исторических целей, к которым ведет страну власть в результате эффективной внутренней и внешней политики. Всякие аналогии «хромают», но все же уместно сказать: у корабля никогда не будет попутного ветра, если ему не задан курс движения. В условиях сильного шторма такое судно рискует разбиться о скалы. Напротив, знание командой цели движения и умелое управление кораблем сплачивает команду, мотивирует ее на полную самоотдачу, поскольку она осознает, что от этого зависит не только своевременное прибытие в порт назначения, но и собственное спасение. В современных геополитических реалиях официальный отказ нашей страны от государственной идеологии, если выражаться предельно корректно, контрпродуктивен.

В последние годы немало российских исследователей и политиков выражали свою озабоченность по поводу отсутствия у России государственной идеологии [8; 13; 3]. Поэтому думалось, что в процессе изменений, вносимых в Конституцию РФ, пункт 2 статьи 13 будет элиминирован из Основного закона страны или, во всяком случае, откорректирован. Однако ожидания не оправдались, что побудило автора исследовать вопрос, почему в постсоветской России в условиях глобальной турбулентности отсутствует государственная идеология? Статьи Конституции не могут быть порождением случайностей. Убежденность в невозможности существования великой державы без государственной идеологии дает основание рассмотреть отрицание государственной идеологии в двух ипостасях: «де-юре» и «де-факто», т. е. статью Конституции и реальное состояние дел в этой области. Кроме того, представляется необходимым выяснить причину появления в Основном законе страны пункта 2 статьи 13. Также рассмотрим вопрос: что такое идеология и почему в современной России она должна быть разработана и официально провозглашена? Нельзя дать адекватный ответ без анализа тех исторических условий и конкретных социально-политических обстоятельств, которые обусловили необходимость принятия существующей Конституции.

Факторы, определившие идеологию, структуру, дизайн, содержание Основного закона страны

Настоящую Конституцию РФ, ее структуру, дизайн, содержание статей не понять вне контекста того экономического, социально-политического, нравственного кризиса, который имел место в нашей стране в начале 90-х годов прошлого века. Радикальные реформы, кардинально изменившие направление исторического движения России, типологию политико-правовых институтов, их социальную базу и т. д. были вызваны указанным кризисом. Фактором, оказавшим

определенное влияние на последующие общественно-политические процессы и в конечном счете на характер будущей Конституции страны, стал глубокий раскол новой политической элиты России. Ключевым в возникшем противоречии был вопрос о характере предстоящих реформ и темпах их осуществления, что и определило разное видение перспектив последующего исторического движения страны. Любая конституция выражает определенный исторический выбор. Часто этот выбор обусловлен политической борьбой, в которой одни выигрывают, а другие проигрывают [29, с. 167–169]. Президент и его ближайшее окружение (Е. Гайдар, А. Чубайс и др.) выступали за радикальную реформу экономики, которая понималась как быстрая приватизация прежде всего «лакомых кусков» государственной собственности, являющихся источниками иностранной валюты. Парламент страны, большинство которого составляли представители левых взглядов, был против такого варианта разгосударствления общенародной (согласно существовавшей тогда Конституции) собственности. Возникшее противоречие между Президентом и его единомышленниками, с одной стороны, и народными избранниками – с другой, было разрешено Б. Ельциным при помощи танковых пушек. Пролитая в октябре 1993 г. кровь свидетельствовала о том, что продолжение политического противостояния может привести к гражданской войне. Президент и его сторонники остро нуждались в новом Основном законе страны, который позволил бы им сохранить власть и умерить левую оппозицию, имеющую широкую социальную базу. Сторонники радикальных реформ не питали никаких иллюзий относительно политических взглядов новых избранников народа, поэтому новая Конституция должна была дать Президенту такие полномочия, которые позволили бы без особого труда довести до конца задуманные преобразования. Как известно, Конституция писалась в ускоренном темпе единомышленниками Президента при активной консультативной помощи зарубежных специалистов, что вполне объяснимо. Запад был заинтересован в сохранении власти Б. Ельциным, а не в возврате коммунистического режима. По оценкам некоторых западных исследователей в Основном законе России просматривается влияние французской, американской конституций, а также русского имперского правового наследия [22, с. 13–21; 26, с. 27–34]. Новая Конституция РФ вполне отвечала запросам либеральной элиты страны. Отсюда и политико-правовая асимметрия ветвей власти российского государства: практически неограниченные права Президента и фактически бесправный парламент. В этом, если обратиться к модной юридической лексике, заимствованной из англосаксонской правовой культуры [23; 26], одна из особенностей конституционного дизайна Основного закона России. Образно выражаясь, парламенту отводилась роль статиста в политическом спектакле, сюжет которого писался единомышленниками Б. Ельцина, представленными в Правительстве страны и Администрации Президента. Понятно, статисты не определяют ход спектакля, но без них политическое действие однозначно не состоится. Президент формально не входит в исполнительную власть, а стоит над ветвями государственной власти. Как гарант

Конституции, он обеспечивает согласование взаимодействия органов власти. Вопрос, каким образом гарант продавливал в парламенте принятие нужных для его единомышленников законов, оставим в стороне. Отметим лишь то, что отношение второго Президента страны с парламентом стало более цивилизованным. Задуманные реформы (в здравоохранении, образовании, ЖКХ и т. д.), базовые принципы которых были заложены в Конституции, осуществлялись при поддержке созданной властной политической элитой партии, которая уже много лет имеет в парламенте конституционное большинство. Поправки, внесенные в Конституцию РФ в 2020 г. по инициативе Президента, дали ряд полномочий парламенту, но все же властная асимметрия в политической системе государства существенно не изменилась. Она остается «суперпрезиденциалистской» [31; 28]. Однако изменилась система управления, что дает основание согласиться с выводом французского социолога М. Дюверже: «Различные политические режимы могут … функционировать в одних и тех же юридических рамках» [24, с. 21].

Почему принятие новой Конституции РФ вопреки заявлениям ее авторов не привело к консолидации российского общества

Как представляется, в такой стране, как Россия, с ее громадной территорией, полиэтническим и поликонфессиональным населением нужна сильная президентская власть, особенно если общество находится в состоянии глубокого кризиса. Но полномочия Президента не могут быть ремейком власти императора в дореволюционной России, ведь для вывода страны из кризиса Президент должен был опираться на народ, во всяком случае на большинство населения и его представителей в парламенте. Но как относился народ к реформам и реформаторам, показало голосование в 1993 г. при принятии новой Конституции России и президентских выборах 1996 г. С другой стороны, свое отношение к мнению народа властная политическая элита продемонстрировала во время подсчета голосов как при принятии Конституции, так и при избрании президентом Б. Ельцина. Это взаимное отчуждение элиты и народа, сопровождаемое идеологическим противостоянием и политическими скандалами во властных эшелонах, было одной из причин, объясняющих, почему Президенту при громадной концентрации власти, гарантированной ему Конституцией, не удалось вывести страну из кризиса. Более того, кризисные тенденции усиливались. Россия к концу девяностых годов была близка к тому, чтобы повторить судьбу Советского Союза. Можно назвать три причины, из-за которых Основной закон страны не стал фактором интеграции российского общества. На первый взгляд, они не имеют отношения к теме, обозначенной в заглавии данной статьи.

Старшее поколение помнит, как лидеры демократической России в борьбе с союзной властью демонстративно поддерживали сепаратистские националистические движения в союзных республиках. Но Президент России

не ограничивался этим. Он публично обещал российским национально-административным образованиям «столько свободы, сколько они проглотят». После развала СССР Татарстан и Башкортостан объявили о своем суверенитете. Помнится, суверенитет Татарстана тут же признала Турция. Суверенные республики в рамках суверенной России – это вопиющее нарушение Конституции. Конституциональный кризис фактически был создан искусственно в результате деструктивной политики либеральной элиты России. Кроме того, в борьбе с М. С. Горбачевым Б. Ельцин отдал распоряжение руководителям российских предприятий не подчиняться законам и постановлениям союзных органов. В результате «войны законов» экономика страны, находящаяся в кризисе, стала ускоренно деградировать. Инерция этих двух тенденций продолжалась достаточно долго и после принятия Конституции РФ. Третья причина была непосредственно связана с реализацией одной из базовых статей новой Конституции, которая определяла характер и законность проводимых экономических реформ. Но прежде следует сказать, что все действия, вся последовательность шагов либеральной политической элиты, которые привели к принятию новой Конституции страны, были однозначно идеологически и политически мотивированы. Соответственно, Основной закон страны, легитимирующий радикальные экономические реформы, выражал, прежде всего, интересы реформаторов и их сторонников. Поэтому он нес в себе мощную идеологическую компоненту. Такой вывод следует также из понимания природы Конституции РФ.

Любая новая конституция есть социальный концепт, опирающийся на некую идеологему. Она определяет, в конечном счете, базовые ценности, нормы, принципы жизнедеятельности общества, которые приходят на смену существующему. Словом, новая Конституция в некотором смысле представляет социальный идеал, соответствующий интересам, чаяниям, смысложизненным устремлениям определенных слоев населения, которых не удовлетворяет существующая социальная реальность. В этом социальном идеале есть базовые нормы, принципы, которые требуют своего обязательного воплощения в общественной жизни в настоящее время, в противном случае общество останется в прежнем состоянии. Но в Основном законе, как правило, оказываются и такие статьи, реализацию которых в силу ряда причин акторы реформ (или революции) не считают актуальными в данное время и переносят их выполнение на далекую перспективу. Это свидетельствует о том, что Конституция есть идеологический конструкт. Любая идеология, как справедливо отмечает Р. Л. Лившиц, «выполняет функцию стратегического целеполагания для социальных общностей (классов, государств, наций)» [10, с. 310]. Конституция есть результат такого целеполагания, как в реализованной, так и в нереализованной своей части. Чем-то другим, нейтральным к интересам, смысложизненным ценностям, установкам людей она не может быть по определению.

Обратимся к третьей причине, которая не только не консолидировала российское общество, но, напротив, усилила в нем разобщенность и конфликтогенность. Речь идет об одной из базовых статей Конституции РФ, реализация которой должна была привести к формированию экономической основы нового типа общества и государства в постсоветской России. Неолибералы, осуществляющие экономические реформы, менее всего думали о выполнении публичных обещаний – вывести страну из кризиса и превратить Россию в процветающее цивилизованное государство. Экономические реформы были инструментом решения политических задач. Их цель – в сжатые сроки разрушить базис социализма и придать необратимость движению России по капиталистическому пути. Ваучеры, залоговые аукционы, продажа за бесценок (в том числе иностранцам) крупных высокотехнологичных предприятий, передача секретных промышленных и военных технологий политическим оппонентам СССР – все это хорошо известные факты. По данным зарубежных экспертов ущерб, нанесенный реформаторами нашей стране в сфере промышленности, в два с половиной раза превышал ее материальные потери в годы Великой Отечественной войны [15, с. 175–176]. Как позже неоднократно цинично откровенничал в СМИ

А. Чубайс, каждое предприятие, проданное даже за копейки, каждый военный корабль, переданный иностранным государствам по цене металлолома, – это большой гвоздь, забитый в гроб социализма. Результат подобных реформ, имевших явно идеологическую и политическую мотивацию: закрытие и разорение тысяч предприятий, миллионы людей, лишенных работы и средств существования. В этой связи отношение абсолютного большинства населения страны к реформам и реформаторам во главе с Б. Ельциным было однозначное. Принятие Конституции 1993 г. уберегло Россию от губительной гражданской войны, но не устранило кризисных тенденций в обществе, которые к концу девяностых годов (особенно после дефолта 1998 г.) резко усилились. Разобщенность в обществе Конституция по определению не могла преодолеть, поскольку экономические реформы, если абстрагироваться от фактов масштабного мошенничества, расхищения государственной (общенародной, по прежней Конституции) собственности, по существу, претворяли в жизнь нормы (ст. 35, 36 и др.) Основного закона страны. Однако, по утверждению одного из авторов этого документа, С. Шахрая, «Конституция сформировала необходимую идеологическую базу для общественного согласия» [18, с. 38]. События девяностых и последующих годов не дают основания для подобного оптимистического вывода. Приведем мнение на этот счет известного российского правоведа, профессора С. Авакьяна: «К сожалению, именно в создании необходимой гармонии в обществе роль нашей конституции пока что исключительно скромная. Здесь (…) есть все основания сказать, что Конституция (закон) и практика расходятся» [1, с. 2]. Анализируя многие статьи Основного закона страны (ст. 7, 37, 40 и др.), С. Авакьян приходит к выводу, что некоторые нормы Конституции, особенно те, которые определяют социально-экономические права россиян, являются типичными фикциями,

поскольку ни текущее законодательство, ни практика ничего не делают для их реализации [1, с. 2]. Надо признать, что в последние годы власти России предпринимают определенные шаги в движении к социальному государству. Этому содействуют и поправки, внесенные в Конституцию. Но если сравнить социальные расходы нашего государства, в том числе на помощь населению в период пандемии, с идентичными расходами других капиталистических стран, то придется согласиться с мнением, что Основной закон РФ и существующая социальная реальность заметно расходятся [2; 6; 9]. Между тем новые конституции принимаются для того, чтобы способствовать росту общественного благосостояния, социальной активности граждан, нацеленных на удовлетворение своих материальных и духовных потребностей [27]. Собственно, все это обещали россиянам акторы реформ в начале 90-х годов прошлого века.

Как свидетельствует аналитика, примеров несовпадения декларируемых конституционных норм и существующей социальной реальности в мире достаточно [5, с. 344–370]. Является ли это случайностью? Думается, что нет. Как было показано выше, конституция – это модель желаемого общества, социальный идеал. И в этом смысле она выполняет идеологическую функцию. В ней есть элементы стратегического целеполагания господствующего класса (или элиты), которые выходят за пределы существующей социальной реальности.

Об отсутствии в России государственной идеологии де-юре и де-факто

Особым случаем несоблюдения декларируемых норм и социальной реальности является пункт 2 статьи 13 Конституции РФ, где отрицается наличие у нас в стране государственной идеологии.

В самом деле, если Конституция РФ есть базовый источник права для власти и народа, то указанная формула Основного закона означает одно из двух: или право вне идеологии, или государство не руководствуется Конституцией. Последнее однозначно отпадает в силу абсурдности вывода. Тогда следует признать, что право вообще и Конституция в частности находятся вне всякой идеологии. Неидеологическое право – это нонсенс не только с точки зрения философии, но и мировой истории. В СССР де-юре и де-факто существовала государственная идеология. Соответственно право во всех формах своего бытия было важнейшим компонентом идеологии и инструментом реализации идеологических установок во внутренней и внешней политике. Разве со сменой способа производства и политической системы общества право перестало выполнять эту роль? Отнюдь.

Как отмечает известный российский правовед В. М. Сырых, среди советских диссидентов не было ни одного юриста. Они были сторонниками строя и активными защитниками его идеологии. Сегодня же «благочестивые адепты марксисткой теории права бросают в предмет своего многолетнего обожания и поклонения не то что камни, а целые булыжники» [16, с. 17]. Проблема здесь не

в особенностях человеческого материала правоведов, а в том, что при любой власти право выполняет идеологическую функцию, а правоведы всегда были и остаются идеологами государства.

К этому можно добавить собственные наблюдения. В 2018 г. в стране широко отмечалось 25-летие принятия Конституции РФ. Очевидно, что подобные мероприятия не могут проходить спонтанно, без санкций «сверху». Автор этих строк также принимал участие в публичных мероприятиях, посвященных юбилею Основного закона России. В течение года нами не замечено ни одной публикации юриста, где бы присутствовала идея о необходимости внесения изменений в Конституцию.

«В далекой перспективе – да, а сейчас – нет необходимости, она доказала свою эффективность» – такова была публичная позиция российских правоведов. Спустя два года мнение правового сообщества кардинально изменилась. Спрашивается, в стране за полтора-два года произошли качественные изменения в экономической, социально-политической сферах, диктующие необходимость значительной корректировки многих статей Основного закона? Нет – в стране стагнация. Изменились намерения и точка зрения первого лица в государстве.

Итак, право и правовое сознание являются важным идеологическим инструментом государства, обеспечивающим воспроизводство общества. Как пишет Л. Альтюссер, в современных развитых государствах для воспроизводства конкретного способа производства применяются различные идеологические аппараты государства, к коим он относит образовательный (школьный), юридический, политический, информационный, религиозный и другие институты [4]. Понятна очевидная роль права в воспроизводстве конкретных производственных отношений. Но право наряду с другими идеологическими аппаратами государства формирует определенный тип социального индивида. Как отмечал Энгельс, межформационная трансформация общества от феодализма к капитализму сопровождалась вытеснением теологического мировоззрения юридическим. «Место догмы, божественного права заняло право человека, место церкви заняло государство» [20, с. 496]. Соответственно, борьба за права человека – это борьба буржуазии за власть. Возникновение «юридического мировоззрения» означало появление идеологии в современном смысле этого слова. Идеология воздействует на индивида и существует через социальных индивидов. Идеология, как пишет Л. Альтюссер, обращается к индивидам как субъектам. Поэтому с возникновением буржуазной идеологии, прежде всего юридической, формируется субъект права. «Категория субъекта, – отмечает Л. Альтюссер, – является конститутивной категорией всякой идеологии, какова бы ни была ее принадлежность» [4]. Отсюда разная ментальность и разное поведение социальных индивидов в Советском Союзе и современной России. Если прежде поиск справедливости завершался в кабинете высокопоставленных партийных начальников, то сегодня граждане России, отстаивая свои права, обращаются в суд, а иногда и в международный.

О типологии нашей Конституции, государства и права

Представляется необходимым остановиться еще на одном аспекте обсуждаемой проблемы – типологической характеристике Конституции постсоветской России.

Несмотря на внешнюю идеологическую и политическую нейтральность, Основной закон страны по своему дизайну, содержанию статей, характеризующих экономическую основу государства и структуру политической власти и т. д., является Конституцией капиталистического общества. Конституция любой страны неотделима от государства [12, с. 18–24]. Соответственно, это Конституция буржуазного государства. Как представляется, авторы Основного закона страны сознательно избегают сущностной (типологической) характеристики государства, ограничиваясь лишь указанием на организацию политической власти, являющейся формальной стороной в понимании государства. Более важной, по мнению авторитетных российских юристов, является содержательная сторона данной организации, а именно: чьим интересам она служит [11, с. 55]. Это выражает сущность государства и характеризует ее типологию. «Сущность государства, – отмечают Н. И. Матузов, А. В. Малько – есть наиболее характерное значимое в нем, что определяет его содержание, социальное назначение и функционирование» [11, с. 54].

Для сравнения обратимся к последней Конституции Советского Союза. В ней прямо указывается, какой тип общества и государства существует в СССР, каковы ее политическая и экономическая система, права общественных организаций и трудовых коллективов, обязательства государства по отношению к гражданам, принципы общественной жизни, цели развития общества и т. д. Автор этих строк избегает позитивной или негативной характеристики «брежневской» Конституции. Речь идет лишь о том, что конституционный дизайн и содержание статей этого документа дают основание для безошибочного вывода о типе (сущности) общества и государства, каким являлся Советский Союз. В Конституции РФ 1993 г. нет особой главы, в которой характеризовалась бы экономическая основа государства. Конечно, это не случайность. В главе 1 (Основы конституционного строя) в пункте 2 статьи 8 указывается, что в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. В пункте 2 статьи 9 сказано, что природные ресурсы (которые в Советском Союзе были государственной (общенародной) собственностью) могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. В условиях господства частной собственности государственная и иные формы собственности становятся разновидностью частной собственности и в качестве таковых присутствуют в рыночных отношениях. Отношения собственности являются главным элементом производственных отношений. При одинаковом уровне развития производительных сил они являются определяющим признаком типа общества. Любой грамотный россиянин

трудоспособного возраста на своем жизненном опыте без всякой идеологической «накачки» познал тип общества и государства, в котором он живет. Читая Конституцию страны, он не найдет там понятия, которое адекватно отражает существующую социально-экономическую и политическую реальность. Почему? Не услышит он и из уст нашей политической элиты определение типа того общества и государства, которым они руководят вот уже тридцать лет. Тоже загадка! Не знают, как называется эта общественно-экономическая формация, в которую вернулась Россия в 90-х годах после социализма?! Полагаем, знают, поскольку большинство из них получили юридическое, экономическое образование в престижных советских вузах и даже имеют научные степени. Между тем для отечественного правоведения формационный подход к объяснению типов государства и права является традиционным. Почему же и Основной закон страны, и ее политическая элита нарушают эту традицию?

В аналитике была предпринята попытка ответить на эти вопросы. По мнению одного известного московского юриста, формационный подход к конституционному развитию не позволяет выявить отличие социалистической конституционно-правовой доктрины от буржуазной, зато может вернуть нас «к примату идеологического сопровождения при анализе политико-правовых явлений» [5, с. 349]. С точки зрения автора, типы государств все менее могут определяться по формационному основанию, поскольку бывает так, что государства с различными политическими режимами и экономическими устоями имеют одинаковые конституционные конструкции и наоборот, у стран, имеющих близкий уровень социально-экономического развития, структуру экономики и политические режимы, разные конституционные модели [5, с. 349]. Поскольку позиция автора в определенной мере отражает распространенный среди либеральной интеллигенции абстрактный, якобы «деидеологизированный», «деполитизированный», «объективистский» подход, остановимся на приводимых аргументах.

Во-первых, если между социалистической и буржуазной конституциями (выделенными по формационному основанию) нет принципиального различия, а последняя Конституция РСФСР была написана всего лишь 15 лет назад, то зачем нужно было срочно писать в 1993 г. новую Конституцию России? Ответ на этот вопрос был дан ранее, в начале статьи. Напомним, Конституция позволяла легитимизировать намерение либеральной элиты посредством приватизации разрушить базис социализма и сделать необратимым движение России по капиталистическому пути.

Во-вторых, можно согласиться с автором в том, что типы государства некорректно связывать с формациями. Такой подход действительно является почти общепринятым среди российских правоведов. Между тем формация и цивилизация характеризуют не государство, не политическую систему и тем более не режим, а тип общества. Общество может быть буржуазным, но государство феодальным. Пример: Российская империя конца XIX – начала XX века (до Февральской революции) или современный Китай, который строит социализм

с китайской спецификой. Базис этой страны капиталистический (по количеству миллиардеров Китай, согласно данным «Forbs», устойчиво занимает второе место в мире после США), а власть в руках коммунистов. Какой тип государства в Поднебесной? Как уже отмечалось, ключевым в определении типа (сущности) государства является то, в руках какого класса (или социальной группы) находится политическая власть, чьи интересы она выражает. Вопрос: интересы какого класса (или социальной группы) выражала власть демократической России в 90-е годы? Представляется необходимым лишь отметить: в результате реформ в демократической России произошел беспрецедентный рост бедности населения, за тот же период в авторитарном режиме коммунистического Китая добились беспрецедентного сокращения бедности [15, с. 24]. Если характеризовать российское государство 90-х годов, то однозначно напрашивается определение Маркса – это организация политической власти экономически господствующего класса (точнее, узкой группы нарождающейся буржуазии).

В начале 1990-х российское государство, руководствуясь идеологией рыночного фундаментализма, ушло практически из всех сфер общественной жизни, кроме политической. В настоящее время оно так или иначе присутствует в них. Это позволяет власти в определенной мере учитывать интересы различных классов, слоев общества, принимать управленческие решения по преодолению значительных различий в уровне социально-экономического развития регионов, укреплению единства между этническими и конфессиональными сообществами страны. Как видится, наше российское государство, учитывая разнообразие функций, какие оно выполняет сегодня, мало отличается от современных буржуазных государств, которых реформаторы относили к цивилизованным. В этой связи Н. И. Матузов и А. В. Малько определяют государство как «организацию политической власти, содействующую преимущественному осуществлению конкретных классовых, общечеловеческих, религиозных, национальных и других интересов в пределах определенной территории» [11, с. 52]. Похоже, что происшедшие за последние двадцать лет изменения в части функций российского государства учитывают авторы приведенного выше определения. Но элиминировался ли при этом сущностный (типологический) признак нашего государства? Думается, что нет. Достаточно проанализировать политику власти в сфере труда и заработной платы, налогов и т. д. Об этом свидетельствует также офшоризация экономики России, благодаря которой бизнес (особенно крупный) на «законных» основаниях выводил (и продолжает выводить) из страны львиную долю национального дохода. На наш взгляд, авторы приведенного определения игнорируют собственное требование к пониманию сущности государства – «то, чьим интересам служит данная организация». Возникает вопрос: это организация политической власти всего общества или определенного класса? Формально – всего общества, а по существу? Авторы, отдавая дань либеральным традициям политической и идеологической нейтральности, уходят от этого вопроса. Правда, они же отмечают, что государство, отражающее интересы всего общества, не занимающее

однозначной классовой позиции, – это пока идеал, нежели реальность. По мнению ученых, таких государств сегодня в мире нет [11, с. 55–56].

В-третьих, относительно того, что в обществах с разными социально-экономическими устоями могут применяться одинаковые модели конституции, можно сказать следующее. Конституция – это Основной закон государства, которым должны руководствоваться и власти, и население страны. Она определяет модель общества. В 70-х годах прошлого века афганские революционеры, опираясь на помощь Советского Союза, попытались страну, где существовали трайболисткие и полуфеодальные отношения, направить в сторону социалистического развития. Что из этого вышло – известно. Позже США и их союзники решили силой экспортировать в Афганистан демократию как универсальную ценность глобального капитализма. Двадцатилетний опыт с треском провалился. Демократоры вынуждены были спешно покинуть Афганистан.

Итак, почему авторы Конституции России 1993 г. избегали давать сущностную характеристику государства и общества, в котором надлежало жить россиянам? Осторожничают в определении типологии государства и их современные идеологические адепты. Причин тому несколько. Первая – если бы они открыто, без двусмысленности, как это сделано в предшествующей Советской Конституции, определили типологию общества и государства, в котором надлежит жить россиянам, то проголосовавших за новый Основной закон страны было бы намного меньше, чем реально проголосовавших 12 декабря 1993 г. Истоки второй причины просматриваются в геополитических отношениях капиталистического Запада с социалистическим Востоком в последней четверти XX века, а также в кризисных тенденциях развития мировой философии в тот же период.

О геополитических факторах и философских основаниях официального отрицания в России государственной идеологии

В конце 70-х – начале 80-х годов прошлого столетия лидеры западных стран, и прежде всего США, обратились к своим восточным оппонентам с настойчивым призывом перейти к политике деидеологизации. Тонкий «политический слух» советского лидера, откликнувшегося на этот призыв, оказался одной из важных причин, определивших незавидный финал руководимого им государства и собственной политической карьеры. Инициатива западных политиков фундировалась на определенных философских основаниях. Таковыми являлись воззрения постмодернистов (Ш. Бодрийяр, Ф. Гваттари, Ж. Делез, Ж. Деррида и др.). Постмодернизм, как модное направление в западноевропейской культуре (архитектуре, лингвистики, психологии и т. д.), получил широкое распространение не только в европейских странах, но и в США. Он отличается демонстративным антисциентизмом, отрицанием способности человеческого разума познания сущности наблюдаемых процессов, возможности выявлять причинно-следственные связи, отличать истину от лжи и т. д. Большинство исследователей не без

оснований характеризуют постмодернизм как одну из кризисных тенденций в мировой философии [7, с. 54–68]. Представители этого течения резко негативно относятся к теоретическим знаниям и любой идеологии. По мнению профессора А. В. Бузгалина, возникновение постмодернизма – это ответ на социальный заказ глобального неолиберального капитализма, который оказался в историческом тупике. Эта парадигма блокировала возможность объективного глубокого системного анализа общества, выявления за фасадом демократических институтов элитарной власти глобального капитала [6, с. 4–6]. Деидеологизация способствовала разрушению одной из важных скреп социально-политической системы, существовавшей в социалистических странах Восточной Европы. Как отмечает А. В. Бузгалин, после развала Советского Союза и мировой социалистической системы был расчищен путь для реверсивного хода истории в странах, которые должны были быть включены в сферу влияния глобального неолиберального капитала [6, с. 11]. Очевидно, что деидеологизация была условием реализации этого проекта. Поэтому можно сказать, что политика деидеологизации есть результат реализации определенной идеологии, выражающей интересы акторов глобального неолиберального капитала. Заметим, что с возникновением монополярного мира акторы глобализации не преминули открыто заявить о своей идеологии, о своих ценностях, которые они активно навязывали человечеству. В основе этой политики взята идеологема богоизбранности американцев, универсальности американских ценностей, особой исторической миссии Америки распространять эти ценности по всему миру и определять правила поведения для всех народов[1].

Имперская гегемонистская идеология США поддерживалась практически всеми их союзниками. М. Тэтчер была убеждена, что «единственным заслуживающим доверия внешним миротворцем являются США, а не ООН…» [17, с. 276]. Как США и их союзники осуществляли эту миротворческую миссию последние 30 лет, хорошо известно. Страны, которые принимали правила поведения, навязанные миру акторами неолиберальной глобализации, Запад относил к цивилизованным. Те, которые сомневались в правомерности особой исторической миссии США или отвергали ее, относились к «ревизионистам» и «нецивилизованным». Напомним, что российская либеральная элита в начале 90-х годов не применяла идеологически и политически нагруженную терминологию в определении будущего российского общества. Она обещала привести россиян к цивилизации. Что же ожидало Россию на этом пути?! Как свидетельствует история последних десятилетий, «цивилизованный мир» – это страны, которые безропотно подчиняются воле США. Даже такие развитые государства, как Германия, Великобритания, Франция, Япония, обладают ограниченным суверенитетом и субъектностью. Это и понятно, на их территории размещены многочисленные военные базы США, их политическая элита, как правило, обучалась в Америке и

[1] Обама: США будут определять правила, остальные им следовать. Не наоборот. URL: https://regnum-ru.turbopages. org/regnum.ru/s/news/2127728.html.

находится под мощным ее влиянием. СМИ, по большей части, пишут то, что соответствует интересам мировой державы. Словом, идеология и внешнеполитическая стратегии этих, как и других, стран «цивилизованного мира» в конечном счете определяется Вашингтоном. Очевидно, что включение России в «цивилизацию», планируемое российскими либералами и их кураторами из-за океана, исключало возможность существования у нас собственной государственной идеологии. Подтверждение – выступление Б. Ельцина в 1992 г. в американском Конгрессе. Доклад однозначно свидетельствовал о том, что руководство демократической России согласно не признавать никакой иной идеологии, кроме идеологии Америки. Пафосное завершение речи российского руководителя не дает оснований сомневаться в этом. Полная версия выступления Президента России по понятным причинам длительное время не публиковалась у нас в СМИ. После появления записи в сетях реакция россиян была однозначной – это позор, предательство национальных интересов страны. В интеллектуальном багаже компрадорской буржуазии России отсутствует понятие «национальный интерес». Этот социальный феномен ей не известен. Личный «шкурный» интерес – определяющий мотив поведения и деятельности подобных людей, будь он политик, государственный чиновник или бизнесмен. Вспомним А. Козырева, давно обосновавшегося в США. Будучи министром иностранных дел России, он просил известного американского политика объяснить ему, в чем национальный интерес государства, которое он представляет!!! К сожалению, А. Козырев – это не уникальный индивид, а социальный феномен постсоветской России.

К изложенному необходимо добавить еще один известный факт из недавней истории нашей страны. В 90-е годы кандидатуры на ключевые должности в правительстве России в обязательном порядке согласовывались с Белым домом. Конечно, идеология, мировоззрение кандидатов должны были быть соответствующими. В этом, представляется, существо интересного парадокса России. Страна, имеющая несметные богатства и лучших, по версии американских экспертов, министров финансов (А. Чубайс (1997 г.), А. Кудрин (2010 г.) и лучшего руководителя ЦБ (Э. Набиуллина (2015 г.), находится в состоянии перманентного экономического кризиса с нищим и бедным населением.

Выводы

Автор данной статьи хорошо помнит публикации американских политических аналитиков начала нулевых годов. Запад тогда не видел Россию среди акторов мировой политики. Она представлялась как страна периферийного, маргинального капитализма, представлявшая интерес исключительно как источник сырья. Россия была объектом политики глобального капитала. Понятно, что страна с ограниченным суверенитетом и субъектностью могла обходиться без государственной идеологии. Она в ней не нуждалась.

Сложившаяся на сегодня геополитическая реальность свидетельствует о том, что наша страна не стала неотъемлемой частью того «цивилизованного

мира», куда в угоду своим западным кураторам ее затаскивали наши либералы. Начиная с нулевых, Россия постепенно вставала с колен, отстаивая с 2007 г. (речь В. В. Путина в Мюнхене) все более уверенно свое право на суверенитет и самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. В настоящее время Россия, не без оснований, позиционирует себя в мире как великая держава. Восстановление суверенитета и субъектности правопреемника СССР Запад воспринял как подрыв геополитической реальности, сформировавшейся в мире после их победы в «холодной войне» и, соответственно, как вызов западной демократии и западным ценностям. Россия, по убеждению многих западных политиков, – отсталая, нецивилизованная страна, которая не разделяет европейские демократические ценности, не уважает гражданские права, подвергает дискриминации гомосексуалистов, а также национальные меньшинства [21]. Исторически повторяющаяся геополитическая конфронтация западных стран с Россией в последние годы достигла критической величины. Немецкий политолог А. Рар пишет: «Идет подготовка населения Запада к мысли о легитимности интервенции против России на основании того, что “эти варвары” незаконно владеют ресурсами» [30]. В середине октября 2021 г. глава военного ведомства США объявил территории западных соседей России прифронтовой зоной войны против правопреемницы Советского Союза. Если Россия позиционирует себя в мире как великая держава, должна ли она иметь собственную государственную идеологию, выражающую ее национальные приоритеты во внутренней и внешней политике, ее геополитические задачи и цели или нет? Отсутствие такой идеологии де-юре означает, что Россия продолжает пребывать в статусе безликой страны, находящейся в сложившемся в годы монополярного мира векторе идеологии и политики мировой империи. В этом случае претензии коллективного Запада к России небезосновательны.

Что же такое идеология? В самом простом варианте это конструкт, разработанный философами, социологами, правоведами, историками и другими учеными, исследующими общество, закономерности его функционирования и развития. Иначе, идеология – это модель желаемого общества и мироустройства, которое создается в результате критического переосмысления существующей социальной реальности [19, с. 54]. Чтобы эта модель общества имела шанс быть реализованной, а не остаться вымыслом интеллектуалов, она должна фундироваться на знании глубинных, сущностных тенденций развития человечества. Словом, социальный идеал, выраженный в идеологии, должен находиться в векторе исторического процесса, быть закономерным результатом развития общества. Соответственно, механизм реализации такого социального идеала определяется логикой развития общества. Кроме того, идеология должна представлять собой результат объективного критического анализа конкретного социального организма, позволяющего выявить реальные возможности по претворению в жизнь заявленного социального идеала. Если реализация желаемой модели общества переносится (по разным причинам) за пределы видимого исторического горизонта, она не «цепляет» интересы людей, живущих здесь и сейчас,

не мотивирует их на активную деятельность по претворению в жизнь заявленного идеала. Идеология, оторванная от действительности, социальной практики, превращается в разновидность «иллюзорного», «ложного» (Маркс) сознания. Если модель желаемого общества и мироустройства выражает фундаментальные потребности людей, их жизненные устремлении и ценности, она может превратиться в мощную практическую силу, способную воплотить заявленную социальную реальность в действительность.

Можно согласиться с определением идеологии, данным В. Л. Акуловым: «Идеология – это система идей, ценностей и ценностных ориентаций, в которой находят свое выражение фундаментальные стратегические интересы социальных общностей: наций, классов, сословий и т. д.» [3]. По мнению некоторых современных исследователей, нормой демократического общества является идеологический плюрализм. «“Гибель идеологии”, – пишет Дж. Шварцмантель, – или преобладание какой-то одной либерально-демократической или какой-то другой – абсолютно нежелательны, поскольку это приведет к политической или социальной стагнации или социальной стагнации и “параличу”» [19, с. 54]. С этим трудно не согласиться, если учесть опыт нашей страны. Но как совместить идеологический плюрализм с отстаиваемой нами идеей единой государственной идеологии?

Российское общество представляет собой сложный социальный организм, включающий в себя различные классы, страты, этнические группы, конфессии и т.д. Каждая из общностей (особенно больших) имеет свои потребности, ценности, интересы, отражаемые, как правило, в их идеологиях. Нам уже приходилось писать об ошибочной политической практике, когда идеология отдельного класса или этнической группы возводилась в ранг государственной идеологии [14, с. 156–175]. В СССР длительное время стратегическое целеполагание мирового пролетариата трансформировалось в государственную идеологию, отодвинув на второй план национальные интересы страны, нанося им значительный урон. В государстве помимо интересов социальных групп существуют еще интересы более высокого порядка – национальные интересы. Современное понимание нации тесно связано с государством. Нация – это, прежде всего, политически саморганизованный народ, состоящий из множества социальных общностей, интегрирующий их фундаментальные потребности и интересы. В последние годы в России в научном сообществе и на официальном уровне утвердилась концепция гражданской нации. Согласно этой концепции, в нашей стране существует российская нация – «сообщество свободных равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием»[1]. Национальные проекты (2019–2024 гг.), принятые Правительством РФ, фактически свидетельствуют о том, что

[1] О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 19 дек. 2012 г. № 1666 (ред. от 06.12.2018) URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512.

указанная концепция стала основой для принятия управленческих решений российской власти. Но если на официальном уровне признается существование российской нации, то у нее должны быть национальные интересы и, соответственно, национально-государственная идеология, где этот интерес четко обозначен и строго обоснован. Государственная идеология должна также выражать фундаментальные потребности и ценности российской нации, ее смысложизненные устремления, представленные в геополитической стратегии государства, ее целях и задачах. Разработка и принятие государственной идеологии, выражающей национальные интересы страны, позволяет определить так называемые «красные линии», маркирующие границы зоны государственной безопасности, нарушать которые никому не дозволено. «Народ, не знающий своих подлинных национально-государственных интересов (а это осознание как раз и осуществляется в форме выработки национально-государственной идеологии), фатально обречен на небытие» [3]. Учитывая наш исторический опыт и современные реалии в мире, с этим выводом В. Л. Акулова трудно не согласиться.

Список литературы

1. Авакьян С. А. Конституция и Парламент: размышления по поводу юбилея // Российская Федерация сегодня. 2008. № 23. С. 2–19.
2. Авакьян С. А. Конституционализм и бюрократия публичной власти // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2014. № 1. С. 60–66.
3. Акулов В. Л. Что такое идеология и нужна ли она России? URL: https://vk.com/wall-5273_13426.
4. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. Т. 77, № 3. С. 14–58. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiy a-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html.
5. Барциц И. Н. Конституционный дизайн (о красоте и эстетике конституций) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 344–370. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-344-370.
6. Бузгалин А. В. Постмодернизм устарел… (Закат неолиберализма чреват угрозой «протоимперий») // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 4–6.
7. Гобозов И. А. Кому нужна такая философия?! От поиска истин к постмодернистскому трепу. М.: Либроком, 2015. 202 с.
8. Гурова Т. Приглашение к диалогу // Российская газета. 2019. 27 февр.
9. Добрынин Н. М. Новеллы Конституции России: настоящее и будущее. Работа над ошибками или на результат? // Государство и право. 2021. № 6. С. 124–135. DOI: 10.31857/ S102694520015035-9.
10. Лившиц Р. Л. Имитация науки. Полемические заметки. Воронеж: Изд. Дом ВГУ. 2021. 310 с.
11. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005. 640 с.
12. Минникес И. А., Парфенова Т. А. Зарубежная правовая доктрина о глобальной Конституции (Вопросы теории) // Академический юридический журнал. 2020. № 4 (82). С. 18–24.

13. Миронов С. Нужна ли государственная идеология? Нужна! // Российская газета. 2016. 13 дек.
14. Мусаелян Л. А. Об одной коллизии в международном праве и возможном способе ее разрешения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 2 (28). С. 156–175. DOI: 10.17072/1995-4190-2015-2-156-175.
15. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003. 304 с.
16. Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 1: Элементный состав. 2-е изд. М.: Юстицинформ, 2004. 560 с.
17. Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М.: Алыгана Паблишер, 2003. 276 с.
18. Шахрай С. М. О Конституции Российской Федерации (к 20-летию Основного закона страны) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2014. № 2. С. 35–43.
19. Шварцмантель Дж. Идеология и политика / пер. с англ. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2009. 312 с.
20. Энгельс Ф. Юридический социализм / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 21. С. 495–516.
21. Beck M. Plenarrede zur Ukraine. URL: http://marieluisebeck.de/artikel/13-03-2014/ plenarrede-zur-ukraine.
22. Butler W. Five Generations of Russian Constitutions: Russia as Part of the Western Legal Heritage // BRICS Law Journal. 2019. Vol. 6. Pp. 13–21. DOI: 10.21684/2412-2343-2019-6-3-13-21.
23. Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation? / Ed. by S. Choudry. Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. 474 p.
24. Duverger M. Eches au roi. Paris: A. Michel, 1978. 21 p.
25. Gelard P. Les specifics constitutionnelles Russes // L'etatet le droit d'estenouest: melangesofferts au professeur Michel Lesage. 2006. Pp. 27–34.
26. Ginzburg T., Huq A. Assessing Constitutional Performance. New York: Cambridge University Press, 2012. 442 p.
27. Laffont J.-J. Political Economy, Information and Incentives // European Economic Review. 1999. Vol. 43. Pp. 649–669.
28. Partlett W., Krasnov M. Russia's non-transformative constitutional founding // European Constitutional Law Review. 2019. Vol. 15, Issue 4. Pp. 644–667. DOI: 10.1017/S1574019619000403.
29. Pitkin H.F. The Idea of a Constitution // Journal of Legal Education. 1987. № 3(2). Pp. 167–169.
30. Rahr A. Deutschlands Ostpolitik hat die Balance verloren // Spiegel Ausland. URL: https://www.spiegel.de/politik/ausland/alexander-rahr-deutschlands-ostpolitik-hat-die-balance-verloren-a-889270.html.
31. Stykow P. The devil in the details: constitutional regime types in post-Soviet Eurasia // Post-Soviet Affairs. 2018. Vol. 35, Issue 2. Pp. 122–139. DOI: 10.1080/1060586X.2018.1553437.

О ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РОССИИ, РОССИЙСКОЙ ИДЕИ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ*

Двуглавый орел на гербе государства российского достаточно точно символизирует цивилизационную сложность России, ее глубокое отличие от своих соседей, влияние которых она испытывала в течение многих столетий. Государству, находящемуся на перепутье цивилизаций, испытывающему постоянные угрозы со всех сторон, жизненно важно было защитить свой суверенитет, что невозможно было сделать без сильной власти и внутреннего единства. Указанные политические идеалы символизируют на гербе России три короны, скипетр и держава. Очевидно, что и в настоящее время отстаивание этих политических ценностей является актуальным для российского государства. Географическое своеобразие России и определило возникновение в общественно-политической мысли страны исключительно российского феномена «русской идеи», авторы которой обосновывали перспективы развития страны. В статье анализируется предложенная В.В. Путиным (30.12.1999 г. «Независимая газета») «российская идея», призванная выполнить функции государственной идеологии, принятие которой он считал нецелесообразным. Показано, почему «российская идея», выдвинутая тогда будущим президентом страны, не оправдала надежд. Освещены основные причины внесения в Основной Закон страны статьи 13 п.2. Обосновывается мысль о том, что в силу возникших внешних и внутренних угроз принятие государственной идеологии, дающей видение исторической перспективы, укрепляющей единство и силу государства, является необходимостью.

Ключевые слова: цивилизация, российская идея, конституция, идеология, кризис, реформы, разобщенность.

Географическое расположение России определило потребность у её философов и писателей осмыслить цивилизационную специфику страны. Поэтому на протяжении нескольких столетий одной из основных тем русских мыслителей стала так называемая русская идея. Осознание сложной природы цивилизации России, включающей в себя как европейское, так и азиатское начало, породило проблему выбора исторического пути страны. Известный спор между западниками и славянофилами, начатый П.Я. Чаадаевым, не завершился до сих пор. С точки зрения Р. Рейгана и людей, сформировавшихся на основе западной культуры, Советский Союз был «случайной страницей в мировой истории». Фактически такой же точки зрения придерживаются российские реформаторы, в своем большинстве либералы, и их современные единомышленники. По их мнению, большевики, опираясь на

* Впервые опубликовано: Мусаелян Л.А. О цивилизационных особенностях России, Российской идеи и государственной идеологии // Новые идеи в философии. – 2025. – № 16(37). – С. 4–18. – DOI 10.17072/2076-0590-2025-16-4-18.

утопические идеи Маркса, совершили губительный для страны эксперимент, который привел к «выпадению страны из лона мировой цивилизации».

Однако, как показал исторический опыт, социалистический путь развития России более всего соответствовал её цивилизационным особенностям как евроазиатской державы. Он опирался, с одной стороны, на глубокие теоретические наработки выдающихся европейских мыслителей, а, с другой, на вековые исторические традиции России. Этот новый тип российской культуры соединял в себе единство «европеизма и патриархальности, индивидуальности и коллективизма» [14, с. 114]. Руководствуясь теорией марксизма, которая была провозглашена идеологией нового государства, большевики провозгласили социальные идеалы общества и определили вектор исторического движения страны, нацеленный на реализацию этих идеалов. Учитывая стартовые позиции государства, его успехи за два десятилетия свидетельствовали о принципиальной достижимости провозглашенных социальных идеалов. Среди причин победы Советского Союза в Великой Отечественной войне секретарь Совета безопасности Российской Федерации С.К. Шойгу отметил «единство власти и общества, веры народа в защищаемые идеалы» [17]. По его мнению, этот всенародный подвиг «был отнюдь не единовременным порывом фанатиков, ослепленных идеологией. Он стал проявлением настоящего патриотизма советского народа и результатом последовательного и целенаправленного патриотического воспитания граждан нашей общей Родины. Именно здесь, в сфере сознания, – указывал С.К. Шойгу, – нужно искать источники массовой самоотверженности, мужества, стойкости и героизма советских людей на фронте и в тылу» [17]. Ответ на сложный вопрос, почему государство, одержавшее победу в самой масштабной и кровопролитной в истории человечества войне, освободившее пол-Европы из фашистского варварства, а затем продемонстрировавшее в течение трёх десятилетий колоссальные успехи в экономике, образовании, науке, техническом прогрессе, к концу XX столетия перестало существовать как геополитический актор, – это тема отдельной статьи. Между тем полная реализация советского проекта позволила бы решить как минимум две задачи. Удалось бы преодолеть исторический раскол российского общества между западнической элитой, большей частью живущей в столицах империи и её крупных торговых и промышленных центрах, и остальным народом. Кроме того, на территории уникального евразийского государства возникла бы универсальная модель общества, представляющая собой альтернативу капиталистическому варианту глобализации. Крушение Советского Союза действительно было геополитической катастрофой, причем как в национальном, так и в мировом масштабе. В настоящее время, когда многие факты стали известны, можно со всей определённостью сделать вывод, что крушение Советского Союза явилось результатом основательно подготовленной и профессионально проведённой цветной революции по технологии, разработанной Дж.

Шарпом. Она была срежиссирована Западом, в первую очередь США, а реализована новой российской либеральной элитой, которая и пришла к власти в постсоветской России.

В Основном Законе Российской Федерации в статье 13 п. 1 признается идеологическое многообразие в стране, а в п. 2 указано: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [10, с. 10]. Парадоксальность этой нормы Основного Закона страны, предполагающей существование в современном мире государства без государственной идеологии, стало предметом теоретических дискуссий в среде философов, юристов, политологов, историков, политиков и всех прочих граждан страны, не безразличных к её судьбе [2; 1; 3; 4; 5; 13]. Формально одной из причин принятия этой статьи Конституции было желание идеологов реформ противопоставить «демократическую» Россию «тоталитарному» Советскому Союзу, где провозглашалась государственная идеология и, соответственно, государством утверждённая единая для всех истина. Справедливости ради надо признать, что эту самую истину от имени государства артикулировал далеко не всегда лучший её представитель во властных структурах. Весьма рельефно точка зрения неприятия государственной идеологии была выражена в программной предвыборной статье В.В. Путина 30 декабря 1999 года в «Независимой газете». В тот период он занимал пост Председателя Правительства Российской Федерации и был зарегистрирован в качестве кандидата в президенты страны на предстоящих выборах. Автор статьи отмечал, что он против принятия государственной идеологии в любой форме. По его мнению, только так можно обеспечить в обществе интеллектуальную свободу, плюрализм мнений. «В гражданском обществе не может быть принудительного согласия. Согласие может быть добровольным» – отмечал будущий президент [15].

С тех пор прошло более четверти века. Количество публикаций, авторы которых считали необходимым убрать п. 2 ст. 13 Конституции или его откорректировать, не уменьшилось, а увеличилось. Но, похоже, точка зрения В.В. Путина по этому вопросу имеет определяющее значение. Эту позицию также подтвердил один из лидеров «Единой России» РФ Дмитрий Медведев [12]. Такой же точки зрения придерживался до последнего времени Председатель Конституционного суда В. Зорькин. Известный правовед, признавая отдельные недостатки Конституции Российской Федерации, тем не менее считает предложения по реформе Конституции недальновидными и опасными [6; 8]. Между тем в Конституцию за прошедшие годы дважды вносились изменения. Последний раз в 2020-м году было внесено более 200 поправок в 41 статью основного закона страны. Однако поправки не коснулись 13 статьи.

Вернёмся, однако, к программной статье В.В. Путина 1999 года. Как указывалось выше, автор выдвигал в ней «российскую идею», которая должна объединять сложное в конфессиональном и этническом отношении население страны. Эта новая российская идея должна родиться как сплав универсальных,

общечеловеческих ценностей, возвышающихся над национальными, этническими, групповыми интересами с исконно российскими ценностями, к коим он относит: 1) патриотизм (чувство гордости своим отечеством, своей историей); 2) державность (Россия была и будет великой державой); 3) государственность (крепкое государство для россиян гарант порядка и главная движущая сила любых перемен); 4) социальная солидарность (в России тяготение к коллективным формам жизнедеятельности всегда доминировало над индивидуальным) [15]. Уже тогда у многих аналитиков возникло ощущение, что предложенная Председателем Правительства российская идея по своим базовым принципам напоминает известную триаду С. Уварова («Православие. Самодержавие. Народность»), выражавшую консервативные ценности политической культуры России. Учитывая происходящую в стране в последние десятилетия явно выраженную тенденцию к клерикализации общественной и политической жизни и политизацию религии, нет оснований отрицать правомерность такого допущения.

Существуют и иные трактовки причин отсутствия в Российской Федерации государственной идеологии, чем те, что обозначены в программной аналитической статье В.В. Путина. Другая распространенная версия связана с позицией постмодернистов, резко негативно относящихся ко всякой идеологии и вообще «большим нарративам». Как известно, в правящих кругах Запада и, прежде всего, в США, в 60-х–70-х годах прошлого века была принята на вооружение политика деидеологизации. По мнению адептов этого курса, отказ от идеологического противостояния Запада и Востока должен был способствовать изменению международной атмосферы, созданию условий для лучшего понимания сторон, интенсификации бы культурных контактов между гражданами капиталистических и социалистических стран. Эти идеи, в том числе обязательства соблюдать права человека, свободу передвижения, свободу информации содержались в третьей так называемой «гуманитарной корзине» заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанного главами 35 государств (01.08.1975 г.) в Хельсинки. Пункты «гуманитарной корзины» давали спецслужбам западных стран хорошую возможность активизировать подрывную работу на территории социалистических государств. Вскоре это действительно дало о себе знать в виде активизации деятельности диссидентов в социалистических странах, получающих финансовую, техническую, политическую поддержку из-за рубежа. Понимая это, советское руководство весьма сдержанно относилось к последовательному выполнению всех пунктов «третьей корзины». Политика в СССР, а затем и в других социалистических странах Европы по этому вопросу изменилась с приходом к власти М.С. Горбачёва. Молодой лидер КПСС принял предложенную Западом политику деидеологизации и объявил о «новом политическом мышлении». Духовные и идеологические скрепы государства стали разрушаться на глазах. Тщеславный и недалекий политик, идя на уступки Западу и по другим чувствительным для безопасности государства проблемам, подписал смертный приговор государству, которое он возглавлял.

Между тем ещё при президенте США Р. Рейгане началась политика реидеологизации. Запад усилил идеологическое, информационное вторжение в социалистические страны с целью переформатирования сознания населения. Делалось это путём внедрения в общественное сознание либеральных идей и ценностей современного капитализма. Активизировалась подрывная деятельность различных диссидентских организаций, этих предтеч современных НКО.

Весьма значительным фактором в углублении социально-экономического кризиса в стране и создании условий для осуществления цветной революции стал организованный США вместе с саудитами обвал цен на мировом рынке энергоносителей. Экспорт нефти и газа был для СССР основным источником валюты. Она была необходима для приобретения продовольствия и других товаров повседневного спроса. Заметим, в настоящее время США заняты тем же, пытаются перекрыть кислород у своего геополитического конкурента. Очевидно, что и тогда, и сейчас борьба Запада с нашей страной велась в сущности не по идеологическим, а геополитическим соображениям.

Важно отметить, что 1980 год в истории СССР оказался своеобразной реперной точкой. В соответствии с программными заявлениями прежнего политического руководства СССР этот год должен был стать годом завершения строительства коммунистического общества, о котором мечтали миллионы советских людей. В действительности восьмидесятые годы оказались временем нарастания кризисных тенденций. Немаловажное значение имел человеческий, субъективный фактор. Престарелое руководство страны не только забыло о нереализованном социальном идеале, но и не предприняло действенных мер по блокированию возникших кризисных тенденций. Подобная политика посеяла у населения не только сомнения в дееспособности руководства страны, но и вызвала разочарование в прежних идеалах. Коммунистический идеал стал восприниматься не как осуществимый проект, а как недостижимая мечта, как утопия.

В условиях нарастающих кризисных тенденций потеря обществом притягательных смысложизненных ценностей способствует погружению населения в состояние аномии, сопровождаемое ощущением неопределённости и тревоги. Аномия способствует дезориентации масс, что делает их легкой жертвой идеологических манипуляций. Люди из субъектов, активно созидающих собственную судьбу и историю, превращаются в объекты враждебных экспериментов.

Подобные изменения, произошедшие в общественном сознании страны, создавали для либеральной элиты России благоприятные условия для реализации своих замыслов. Существенную роль в победе контрреволюции сыграла при этом художественная и научная интеллигенция, весьма далекая от повседневных забот основной массы населения страны. Принято считать, что Б.Н. Ельцин пришёл к власти на плечах интеллигенции. И в этом есть большая доля истины. Но первыми, кого обманул президент демократической России, была интеллигенция.

Перед новой российской элитой, пришедшей к власти, стояла задача в краткий срок реализовать либеральный проект. Реформы – это не только приватизация государственной (общенародной) собственности, но и формирование общества, скроенного по лекалам либерализма, воспитание новых индивидов, принципиально отличающихся не только от «совков». Для этого нужно было создать в обществе мировоззренческий, идеологический, духовно-нравственный вакуум, который можно было легко заполнить другими смысложизненными ценностями, моралью, существовавшей в так называемых цивилизованных странах Запада. Поэтому новые власти России резко дистанцировались не только от «идеологии тоталитаризма», но и от исторических духовно-нравственных ценностей общества.

Таким образом, демонстративный отказ от государственной идеологии и традиционных духовных ценностей России стал условием реализации либерального социального проекта. Заметим, что в настоящее время коллективный Запад не маскирует свою идеологию, свои смысложизненные ценности и геополитические интересы. Этого теперь не скрывают и российские либералы, единомышленники реформаторов 90-х годов, по большей части уехавшие после начала СВО за рубеж. Из сказанного следует, что из отрицания провозглашения государственной идеологии в России «де-юре» вовсе не следует, что её нет «де-факто». Писаное право само по себе идеологично. Это вытекает как из сущностных причин возникновения права, так и из его природы. Отрицание необходимости государственной идеологии означает, что наше государство не опирается на Конституцию, а также что Основной Закон России не является для её граждан базовым правовым документом. И то, и другое – нонсенс.

В Конституции Советского Союза указывалось, какая в стране установлена государственная идеология, какой тип общества учрежден, какое государство организовано. В современном Основном Законе России граждане страны не найдут указания ни на то, ни на другое, ни на третье. Но любой человек, пробыв в России день-два, ответит на эти вопросы. Если бы в новой Конституции России было бы чётко прописано, какой тип общества и государства устанавливаются в стране, то учитывая политическую ситуацию, которая была в конце 1993 года в стране, результаты референдума вряд ли бы совпали с теми, о которых нам объявили. Примечательно и то, что высшие руководители России даже спустя тридцать лет после принятия Конституции избегают применять при характеристике своей страны идеологически и политически нагруженные понятия: капитализм, буржуазное государство. Это можно объяснить инерцией политического мышления элиты, которая в момент общественного перелома прибегала к политической и идеологической мимикрии, обещая россиянам привести их в «цивилизованный мир». Что представляет этот мир, мы теперь хорошо представляем.

В настоящее время ситуация в мире, да и в стране существенно отличается от той, которая существовала в декабре 1999 года. Тогда шла война на Кавказе и

существовала угроза отторжения этой территории от России. В наши дни опасность сепаратизма осталась позади, но зато приобрела реальность иная опасность, связанная с агрессией коллективного Запада против нашей страны. В настоящее время как никогда нужна консолидация, единение народов России, российской нации. Под российской нацией мы понимаем, прежде всего, политически самоорганизованные народы России. Однако непризнание существования в России государственной идеологии означает отрицание существования российской нации и национальных, т.е. государственных, интересов. Но президент России не раз своих публичных выступлениях говорил о том, что страна в противостоянии с Западом отстаивает национальные, государственные интересы России. И это действительно так. Что же мешает открыто заявить об этих национальных интересах, прямо сформулировав основные принципы государственной идеологии?

На переломных этапах истории, когда возникают экзистенциальные угрозы существованию государства, затрагивающие одновременно честь и достоинство его граждан, для них становятся актуальными ключевые вопросы, на которые призвана ответить идеология. Эти вопросы давно известны философии. Их достаточно полно и точно описал недавно Х.Э. Мариносян. Кто мы? Откуда мы? Куда мы идём? Что мы хотим? Какие ценности мы проповедуем? Какое наследие оставим грядущим поколениям? Ответы на некоторые из этих ключевых вопросов дает история страны. Поэтому необходимо отметить, что в последние годы по инициативе федеральных властей предпринимаются меры по формированию у населения, особенно у молодёжи, адекватных исторических знаний о прошлом нашей страны. Историческое сознание выполняет в настоящее время не только мировоззренческую, но в определённой мере и идеологическую функцию. В качестве государственных праздников отмечаются исторически значимые для государства события, которые произошли не только в середине XX, но и в начале XVII века. Эти реперные точки истории России дают возможность ответить на вопрос «Откуда мы?» и отчасти на вопрос «Кто мы?». Реализация Указа Президента «О сохранении и укреплении традиционных духовно-нравственных ценностей» (от 09.11.2022 № 809) также в определенной мере позволяет ответить на эти вопросы.

Не имея возможности в данной статье анализировать культурно-просветительскую политику властей, ставящую своей целью восстановить у населения, особенно у молодого поколения, адекватную картину истории страны и сохранить его культурно-исторический код, отметим, что выполнение этой задачи требует соблюдения баланса между светскими и религиозными, консервативными и прогрессистскими ценностями.

Радикальный разрыв с советской идеологией и советскими смысложизненными ценностями сопровождался третированием всякой научной теории. Отторгнутое мировоззрение и научная картина мира требовали замены, на которую можно было бы опереться. Такая замена нашлась в религии, которая была не в

фаворе в социалистическом обществе. Консервативное религиозное мировоззрение эпохи средневековья и церковь оказались, как ни странно, в конце XX – начале XXI вв. союзниками либералов, адептов западного образа жизни, основанного на безграничном индивидуализме, эгоизме, потребительстве. Либеральная идеология, превращенная, в новую религию, признает лишь одного, господина, которому надо преклоняться, – мамону. Несмотря на противоположность отстаиваемых ценностей, церковь, прежде всего РПЦ, охотно воспользовалась представленной государством возможностью. Не без поддержки властей идёт активная клерикализация общественной жизни. По каналам государственного телевидения в последнее время часто показываются видеоролики якобы с передовой СВО. Нам показывают, как во время боевых действий танкист (мусульманин), остановив танк, высунулся из смотрового люка механика-водителя, чтобы совершить намаз. Вот другая сцена: пехотинец в траншее в грохоте взрывов, при стрекоте автоматных очередей, видимо, от ужаса втянув голову в плечи, быстро крестится, другой, прежде чем бросить гранату в траншею противника, осеняет себя крестом. Почему эти военнослужащие обращаются к Богу – из-за страха? В подобных ситуациях, где потеря каждой секунды может обернуться потерей жизни, военнослужащий должен стрелять, чтобы ликвидировать противника и остаться живым, а не молиться.

Что рекламирует телевидение, какой смысл несут эти явно постановочные ролики зрителю? Только один: нужно уповать на помощь бога. Подобная неуместная пропаганда религии дискредитирует и армию России, и, если вдуматься, саму церковь. Можно восхищаться мужеством священников разных конфессий, которые присутствуют на передовой и психологически поддерживают военнослужащих, однако опыт русско-японской, первой мировой и Великой Отечественной войны свидетельствует о том, что побеждают не те, кто во время боя неистово крестятся и молятся, а те, у кого более совершенное оружие и военная техника, у кого налажено бесперебойное обеспечение, существует единство фронта и тыла, кто лучше обучен и, наконец, кто сознательно идёт на подвиги, защищая притягательные социальные идеалы. Достижение счастья на небе через самопожертвование – это цель религиозного фанатика. При таком поведении победа невозможна. Побеждает тот, кто движим патриотическими идеалами, кто сражается ради жизни своих близких, своего народа, государства. Иначе говоря, важным духовным фактором победы, как об этом писал Секретарь Совета безопасности Российской Федерации С. Шойгу, является идеология страны. Несомненно, восстановление исторической памяти, сохранение и защита национального культурного кода – необходимое условие российской цивилизационной самоидентификации в цивилизационном противостоянии с Западом. Однако общественное сознание России все ещё находится под влиянием неолиберальной идеологии. Особенно это касается молодого поколения. Внедрение в сознание современного населения России консервативных идей, неоправданно часто отождествляемых с религиозными представлениями средневековья, если и

даёт какой-то эффект, то ситуативный, но нашему государству нужно стратегическое преимущество в его борьбе с опасным и опытным противником. Более того, назойливое педалирование темы значимости исключительно консервативных ценностей может обернуться стратегическим поражением. В условиях турбулентности в мире нельзя двигаться вперёд, повернув голову назад. Нужен объективный взгляд на существующую в стране и в мире реальность и, самое главное, видение перспективы. Ведь в условиях глубокого глобального кризиса, как отмечалось ранее, ключевым для страны и каждого человека является ответ на вопрос: кто мы? И куда мы идём? В Конституции страны не указывается ни тип общества, ни тип государства, в котором мы живём сегодня. Однако без такой самоидентификации адекватная социально-политическая ориентация в современном мире весьма затруднительна, если вообще возможна. Но самое важное состоит в том, что в Основном Законе нет каких-то данных о векторе исторического движения России. Между тем, согласно динамической теории информации, в условиях бифуркации имеют преимущество в выживании те общества, которые обладают идеологией и цивилизационным проектом, позволяющим заглянуть в будущее [16]. Спасительная функция идеологии объясняется тем, что она включает в себя определённые представления о социальном идеале, то есть о желаемом будущем. Существование в идеологии притягательного достижимого социального идеала организует людей, сплачивает их, мотивируя их на активную деятельность, нацеленную, с одной стороны, на устранение существующих угроз, с другой, – на приближение этого желаемого будущего.

Идеология для государства нужна в настоящее времени не только из-за существования внешних угроз, но и для решения сложных внутренних проблем. В упоминавшейся программной статье В.В. Путина, в которой им была выдвинута «российская идея», отмечалось, что «плодотворная работа, в которой нуждается наше Отечество, невозможна в обществе, находящегося в состоянии раскола, внутренней разобщенности, … где основные социальные слои и политические силы придерживаются различных базовых ценностей и основополагающих идеологических ориентиров» [15]. С этим трудно не согласиться. Однако с тех пор ситуация в обществе если и изменилась, то в худшую сторону. «Российская идея» даже в период длительного президентства её автора не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Тренд, который был задан реформаторами в 90-х годах с целью формирования нового типа общества и новых социальных индивидов, усиливался. В результате к середине нулевых годов в России по модели западных стран, особенно США, сформировалось потребительское общество, состоящее из рыночно ориентированных индивидов – homo economicus. Как и в США, главным, если не единственным, критерием успеха человека в любой деятельности стало количество денег, которое она приносит. Деньги в таком обществе определяют успешность человека и его социальный статус. И это объяснимо, поскольку деньги при капитализме легко конвертируются в политические, правовые, социальные и другие возможности человека. Поэтому в таком обществе человек без

денег – никто. Погоня за деньгами и статусное потребление превратились в смысл жизни огромных масс людей. Деньги приобрели статус высшей ценности, сбросив с пьедестала человека. Фактически произошло расчеловечивание социальных индивидов. Это привело к изменению нравственной атмосферы в стране и криминализации общества. Впрочем, эти негативные тенденции дали о себе знать уже в 90-х годах. Отчуждение (а по попросту воровство) государственной (народной) собственности, демонстративные убийства среди белого дня ради денег, открытое мздоимство чиновников и работников правоохранительных органов – все эти деяния, совершавшиеся тридцать лет назад, продолжаются и в настоящее время, правда, в более «цивилизованных», точнее, изощрённых формах, подрывая устои государства. По авторитетному мнению В. Зорькина, в современных условиях, когда Россия находится в состоянии войны, коррупция и многие другие виды имущественных преступлений – это предательство. Ради денег коррупционер может предать всё и всех [7]. Ежедневные криминальные сводки свидетельствуют о том, что некоторые граждане России в расчете на вознаграждение по указанию спецслужб враждебного государства совершают террористические акты, убивают участников СВО, передают противнику секретную информацию. Нередко совершают такие преступления и подростки школьного возраста. Из-за участившихся фактов такого рода Государственная Дума недавно снизила возраст наступления уголовной ответственности подростков за совершение подобных преступлений, а также ужесточила наказание взрослым, вовлекающим молодёжь в противоправную деятельность. Однако сомнительно, что одними институциональными и нормативными изменениями в области права можно блокировать угрозу коррупции и справиться с нарастающим валом преступности [7]. Общество, состоящее в немалой своей части из расчеловеченных индивидов, обречено жить с такими язвами, чтобы от них избавиться, требуется радикальное изменение смысложизненных ценностей людей, которые сформировались в результате либеральных реформ.

В своих публичных выступлениях последних лет, как и в «Российской газете», В.В. Путин говорил о значении фактора единства для сохранения государственного суверенитета страны. Интегрирующим фактором, по его мнению, является патриотизм. Но может ли патриотизм сыграть эту роль при таком социально-экономическом расслоении общества, которое есть в России? Для абсолютного большинства населения реализация принципа справедливости остается неосуществимой мечтой. Но дело не только в этом.

В начале настоящей статьи отмечалось, что Россия была и остается сложной в цивилизационном плане страной. Развал Советского Союза обернулся в определённой степени цивилизационным расколом страны. Реформы, проведённые на основе либеральных идей, фактически закрепили это раскол. С началом СВО раскол в стране усилился, и он разделил людей на тех, кто поддерживает внешнюю политику президента, и остальную часть населения, по большей части молодых людей, являющихся продуктом проведённой реформаторами социальной

инженерии. Это, как правило, экономически успешные люди, сформировавшиеся на идеях либерализма. Они разделяют западные ценности и являются европилами. В противостоянии России с коллективным Западом могут ли эти люди стать патриотами и выступить против Запада? Вопрос риторический. С началом СВО многие из них уехали, оставшиеся затаились и выжидают, чем закончится это смертельное противостояние их Родины с коллективным Западом.

Раскол и разобщённость, существующие в нашем обществе, дают основание некоторым людям, входящим в политическую элиту страны, актуализировать проблему принятия государственной идеологии. Показательна в этом плане статья С.А. Караганова и Н.И. Малютина «Российская идея – мечта 21-го века». Авторы справедливо отмечают, что если у страны нет своего идейного стержня, то пространство её идей и духа освобождается для других [9]. По мысли авторов, Россия как цивилизация цивилизаций должна иметь свой идеологический и духовный стержень развития. Не желая нарушить запреты Конституции РФ на существование государственной идеологии, они прибегают к такому обозначению российского пути развития как «идея – мечта XXI века». В условиях, когда западный проект глобального либерального империализма зашёл в тупик, они считают, что важнейшей целью национальной политики государства должна стать защита человеческого в человеке. Авторы считают, что сохранение и развитие Человека в человеке будет способствовать приближению справедливого будущего [9, с. 111–112]. Нам импонируют эти мысли. Но какое общество они видят в перспективе в России? Их ответ – народный капитализм. Авторы не объясняют, что это такое. Между тем, о чем-то подобном в первой половине XIX в. писал Ж. Прудон в своей работе «Философия нищеты». Маркс в «Нищете философии» показал иллюзорность мечтаний французского мелкобуржуазного экономиста и философа. Развитие капитализма подтвердило точку зрения и прогнозы Маркса и показало несостоятельность воззрений Прудона. Современные российские авторы свои взгляды на то, что должно заменить государственную идеологию в России, определили как «мечта XXI века». «Мечта» согласно толковым словарям русского языка, означает некую реальность, созданную воображением, фантазией. Вероятно, к этому добавить нечего, характеризуя суть указанного проекта и вспоминая несбывшуюся мечту Ж. Прудона. Существующие в нашем обществе расчеловеченные социальные индивиды есть результат исторического отчуждения между родовой и индивидуальной сущностью человека. В условиях глобального неолиберального капитализма это отчуждение рельефно проявляется во всех сферах общественной жизни: производственной, политико-правовой, духовной. Значит, политика государства должна быть ориентирована на постепенное преодоление этого отчуждения. Это и будет означать сохранение и развитие Человеческого в человеке. Но как этого достичь? Для этого нужно определить вектор исторического движения России, направленного к высшей цели – построению справедливого

общества, где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [11]. Постепенная реализация этого принципа позволила бы не только преодолеть исторически возникшее отчуждение между индивидуальной и родовой человеческой сущностью, но и построить уникальное целостное евразийское государство.

Список литературы

1. Авакян С.А. Конституционализм и бюрократия публичной власти // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2014. № 1. С. 60–66.
2. Авакян С.А. Конституция и Парламент: размышления по поводу юбилея // Российская Федерация сегодня. 2008. № 23. С. 2–10.
3. Авакян С.А. О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. № 1. С. 3–21.
4. Акулов Вл. Что такое идеология и нужна ли она России? [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/@patria_public-13
5. Ершов Ю.Г. Идеологический миф в обществе сорванной вестернизации // Koinon. 2022. Т. 3. № 2. С. 9–25.
6. Зорькин В. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 10 октября.
7. Зорькин В. Коррупция – угроза цивилизации // Российская газета. 2025. 21 мая.
8. Зорькин В. Право России: альтернативы и риски в условиях глобального кризиса // Российская газета. 2022. 30 июня.
9. Караганов С.А., Малютин П.Н. Российская идея – мечта XXI века // Политические исследования. 2025. № 4. С. 107–109.
10. Конституция Российской Федерации с комментариями Конституционного суда: редакция 2021 года. – М.: Эксмо, 2021. – 128 с. – С. 10.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2. – М.: Изд во полит. лит ры, 1955. – С. 419–459.
12. Медведев Дм. 25 лет Конституции: баланс между свободой и ответственностью // Закон. 2018. С. 8–16.
13. Мусаелян Л.А. К вопросу об отсутствии в России государственной идеологии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 55. С. 6–21.
14. Пастухов В.Ю. Государство раскольников. Карма российской власти // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 114.
15. Путин В.В. Россия на рубеже тысячилетия / Политика // Независимая газета. Интернет версия. 1999. 30 декабря.
16. Чернавский Д.С. Синергетика и информация. Динамическая теория информации. – М.: Ленанд, 2021. – 304 с.
17. Шойгу С.К. Это наша Победа // Российская газета. 2025. 6 мая.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ*

В статье раскрывается смысл понятия «историческая эпоха» в его сопоставлении с понятием «общественно-экономическая формация». Дается содержательный анализ особенностей современной исторической эпохи. Показывается, что в настоящее время человечество столкнулось с глубоким глобальным кризисом, затронувшем все сферы общественной жизни. Особенность этого криза заключается в том, что он является результатом совпадения нескольких кризисных тенденций, которые усилились в конце XX – начале XXI в. Глубина и масштабность разразившихся кризисов дает основание для вывода о том, что человечество находится на переломном этапе своей истории. Переломный характер современной исторической эпохи раскрывается посредством анализа формационного кризиса неолиберального капитализма, геополитического кризиса современного мироустройства и кризиса международного права. В статье показывается, что и для России наступил переломный этап истории, в силу возникших экзистенциальных угроз ее суверенитету и государственности.
Ключевые слова: историческая эпоха, глобальный кризис, переломный этап истории, США, формационный кризис, геополитический кризис, международное право.

При описании исторического процесса помимо понятий «формация», «цивилизация», в науке используется еще и понятие «историческая эпоха», которое считается интуитивно ясным, хотя и не является таковым. Иногда это понятие применяется для обозначения конкретной формации. В этом контексте историческая эпоха и формация совпадают по своему значению. Скажем, мы говорим о буржуазной исторической эпохе. Но все же понятие «историческая эпоха» имеет другой смысл и другое методологическое значение при анализе исторического процесса. Если понятие «формация» выражает определённость, устойчивость общественной жизни, то историческая эпоха указывает на ее изменчивость и динамизм. Формация есть сущностная характеристика общества, исторического процесса. Историческая эпоха выражает исторический процесс со стороны его содержания. Теория общественно-экономических формаций в ее первоначальном классическом варианте не учитывает неравномерность, противоречивость исторического процесса. Историческая эпоха учитывает эти особенности в развитии человечества и выражает ведущую, наиболее значимую тенденцию на данном этапе истории. Неравномерность, противоречивость развития человечества в XX–XXI вв. определили особенности современной исторической эпохи, которые проанализируем ниже.

---

* Впервые опубликовано: Мусаелян Л.А. О некоторых особенностях современной исторической эпохи // Новые идеи в философии. – 2022. – № 10(31). – С. 19–28. – DOI 10.17072/2076-0590-2022-10-19-28.

Современную историческую эпоху можно определить как переломный этап истории. Особенность этого этапа заключается в том, что в конце XX – начале XXI века произошло наложение нескольких кризисов, свидетельствующих о глубоком системном кризисе современной цивилизации, затронувшем фактически все сферы общественной жизни. Параметры статьи не позволяют проанализировать все кризисы, которые определяют переломный этап истории [13]. Поэтому остановимся лишь на трех из них, которые имеют ключевое значение для понимания особенностей современной эпохи.

В настоящее время человечество столкнулось с формационным кризисом капитализма. Существование этого кризиса признают исследователи, придерживающиеся разных мировоззренческих и идеологических позиций [4; 5; 8; 7]. В XX веке капитализм испытал два кризиса – в начале и в середине столетия. Оба кризиса обернулись двумя мировыми войнами. Причем, в результате первого кризиса произошли социалистические революции в России, Германии, Венгрии. В России революция победила. Появилось первое в мире социалистическое государство, которое оказалось среди победителей во Второй мировой войне. Именно поэтому после войны возникла мировая система социализма. Третий кризис капитализма, который разразился в конце XX века и продолжается в настоящее время отличается от предыдущих тем что это кризис неолиберального капитализма, ставшего глобальным. Кроме того, он разразился в условиях, когда у человечества нет гарантированного будущего. Акторы международной политики знают об этой опасности, но меры, которые они принимают по спасению своих стран, по существу, углубляют эти кризисные тенденции, приближая человечество к точке невозврата. В конце двадцатого века неолиберальный капитализм «уткнулся» на географические границы и исчерпал внешние источники своего роста. Выход из положения капитал нашел в подстегивании военных технологий и искусственном поддержании завышенного потребительского спроса. Гонка вооружений требует их испытания, что порождает локальные и региональные войны, чреватые перерасти в международные, а то и мировую войну с неминуемой глобальной катастрофой. Политика постоянного «принуждения» к потреблению ведет к росту долгов домохозяйств и государств, что как показывают события (2008 г.) в США и в мире оборачивается финансово-экономическим кризисом. Жизнь в долг, за счет будущего делает проблематичным наступление самого этого будущего. Подобная политика со временем неминуемо приведет к коллапсу финансово – экономической системы глобального капитализма. Кроме того, потребительский образ жизни усиливает антропогенное давление на природу, что быстрыми темпами приближает человечество к экологической катастрофе, о чем предупреждали еще в прошлом веке ученые «Римского клуба».

Попытка перехода на «зеленую» энергетику, принятая западными странами в связи с глобальным потеплением, свидетельствует о том, что в преодолении экологического кризиса нет быстрых и легких решений. Представляется, что «зеленая» повестка Запада определялась не только экологическими соображениями, но и вуалированным намерением выдавить Россию из европейского рынка

углеводородов, чтобы лишить ее финансовых возможностей экономического и технологического прогресса. Сегодня эту геополитическую цель Запад уже и не скрывает. Блокируя поставки российского газа в Европу многие западные страны перешли на экологически «чистое» топливо – каменный уголь.

Наиболее значимым компонентом современного глобального кризиса, оказывающим существенное влияние на характер современной эпохи, является геополитический кризис. Он вызван ломкой мировой промышленной, экономической, технологической, военной архитектоники, которая сформировалась в конце двадцатого столетия. В последние тридцать лет центр мир-экономики и мир-истории перемещается из Северной Америки в юго-восточный регион Тихого океана. «В мире, – отмечал З. Бжезинский, – идет процесс децентрализации. Мощь, сила, влияние, неотвратимо смещаются с Запада на Восток» [2]. Монополярный мир постепенно сменяется многополярным. Вместо одного центра, которым видимо останется Запад во главе с англо-саксонскими государствами, возникнут, как видится, еще три. Один из них уже фактически определился. Это евразийская организация – ШОС, включающая девять государств (и более десяти кандидатов на вступление в это сообщество). В странах членах ШОС проживает на сегодня половина населения земного шара [11]. Есть основание полагать возникновение еще двух центров силы – один в Латинской Америке, другой в Африке. Можно сделать вывод что формирование многополярного мира происходит по цивилизационным основаниям. Объяснение этого феномена обостряющиеся межцивилизационные противоречия в мире, что предсказывал С. Хантингтон.

Как свидетельствует история, ни одна империя добровольно не сдавала своих позиций. В этом причина возросшей конфронтации между Западом и Востоком, возникновение зон напряженности вокруг Китая и локальных конфликтов у границ России. Политика США в отношении Китая сводится к сдерживанию его развития, поскольку они видят в нем экономического и технологического конкурента, а в перспективе и опасного военного противника. Отношение же к России определяется тем, что на сегодня она является единственной в мире державой, которая обладает военным потенциалом сдерживания силовой имперской политики Америки. Поэтому оценка США России как опасного военного противника, которого необходимо устранить или как минимум ослабить настолько, чтобы она перестала быть значимым суверенным субъектом в мировой политике. Поэтому США в течение трех десятилетий вопреки данным еще руководству Советского Союза обязательствам упорно продвигали структуры НАТО к границам России. Цель такого продвижения получить возможность нанесения обезоруживающего удара и одновременно создание эффективной системы ПРО, гарантирующей защиту от ответа России. Но еще в семидесятых годах прошлого столетия человечество, осознав тенденцию формирования глобального взаимосвязанного, взаимозависимого целостного мира, пришло к понимаю того, что безопасность должна быть всеобщей или никакой. Этот императив получил конкретное выражение в нормах международного права. Целенаправленно создавая экзистенциальную угрозу России, особенно в результате

военного освоения территории Украины, США и их союзники нарушили нормы международного права, в частности «принцип неделимости безопасности» [9].

Более десяти лет США и другие страны НАТО с нарастающей агрессивностью ведут гибридную войну с Россией. После начала специальной военной операции России по демилитаризации и денацификации Украины США вместе с союзниками стали фактически стороной конфликта. Учитывая количество стран, привлеченных США на борьбу с Россией и остроту этого противостояния некоторые аналитики не без оснований оценивают текущие события на Украине как третью мировую войну [17]. Для США наступил переломный этап истории: или она продолжит ослабевать и окончательно потеряет свое лидерство в мире, или сохранит архитектонику монополярного мира и усилит свою роль как мирового гегемона в двадцать первом веке. Россия тоже находится на переломном этапе своей истории. Она столкнулась с проблемой, сопоставимой с той, которую решал Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. В специальной военной операции Россия воюет не с Украиной, а с США и коллективным Западом (около пятидесяти стран), которые инструментализировали бывшую, наиболее успешную советскую республику, превратив ее в военного наемника для решения своих геополитических задач. Поражение России в этом противостоянии приведет к потере ее суверенитета и, возможно, государственности. Заключение мирного соглашения с милитаризированным нацистским, русофобским режимом будет означать лишь консервацию экзистенциальной угрозы для России, которая обернется новой более кровопролитной и масштабной войной чреватой обернуться мировой ядерной катастрофой. У нашей страны нет иного выбора кроме как добиться заявленных целей. Это будет способствовать дальнейшему ослаблению влияния США в мире и окончательной трансформации монополярного мира в многополярный. Одновременно завершится историческая эпоха господства неолиберального глобального капитализма.

Весьма значимым компонентом и, в то же время, фактором современного глобального кризиса является кризис международного права. Это проявляется в неспособности международного права адекватно и своевременно реагировать на современные вызовы и обеспечивать стабильный миропорядок. Кризис международного права рельефно выразился после возникновения монополярного мира, когда США вместе с союзниками объявили себя победителями в «холодной войне». Победители сочли правомерным пересмотреть миропорядок, который установился после Ялтинских и Потсдамских соглашений. Фактически именно это и подразумевал Дж. Буш-старший, объявив в начале 90-х о наступлении «нового мирового порядка». Это означало, что отныне отношения между народами и государствами регулируются правилами, которые будут писаться правительством США. С тех пор разрыв между потребностями правового регулирования усложняющихся международных проблем и существующим международным правом постоянно возрастал. По оценке известного российского правоведа и политика В. Зорькина этот разрыв в настоящее время приблизил человечество к краю безумия [10].

Кризис современного международного права проявляется прежде всего в правовом нигилизме, принявшем характер повседневности, недоговороспособности субъектов права, практике двойных стандартов, отрицании однородности и изотропности правового пространства и селективном применении норм международного права, подмене правовых принципов в международных отношениях квазиправовыми понятиями: «диктаторские режимы», «страны-изгои» и т.д. Наиболее опытным субъектом в нарушениях норм международного права являются США. По подсчетам автора этих строк США с конца пятидесятых годов четырнадцать раз осуществляли военное вторжение в суверенные государства на разных континентах земного шара, демонстративно нарушая основополагающие принципы международного права: суверенитета, территориальной целостности, неприменения силы, невмешательства во внутренние дела государств и т.д. [14]. Приблизительно такое же количество цветных революций они организовали за последние тридцать-сорок лет по всему миру с целью свержения законной власти и передачи ее своей креатуре. Подобная политика «транзита демократий» была реализована американцами почти во всех республиках Советского Союза, в том числе и в России [1; 16]. Наиболее драматичным и опасным по своим последствия оказалась «революция достоинства» на Украине в 2014 году. Конечно, мотивом государственного переворота, организованного США и их союзниками, было не освобождение украинского народа от «авторитарного, коррумпированного режима» В. Януковича, а геополитические интересы США.

Для придания законности своих действий США часто прибегают к инструментализации не только отдельных государств, но и международных институтов и организаций, призванных отстаивать принципы международного права. Подобная деятельность хотя и осуществляется непублично, тем не менее она приводит к снижению авторитета международных институтов и способствует девальвации международного права. Почему правительство западных стран потворствуют Америке в инструментализации своих государств? Потому что многие члены правительств этих стран является продуктом многолетней реализации инструментов «мягкой силы». Политическая элита Европы, особенно СМИ находятся не только под сильным влиянием, но и контролем США. Их оценка политики США совпадает с мнением американской элиты, уверовавшей в исключительную миссию Америки в мире. Показательна в этом плане точка зрения М. Тэтчер – авторитетного на Западе и у наших либералов английского политика. «Америка, – писала экс-премьер-министр, – это больше чем нация, государство или сверхдержава, именно в этом заключается ее идея, которая трансформировала и продолжает трансформировать всех нас. Америка уникальна своей мощью, богатством, мировоззрением» [19, с. 44]. Вывод европейского политика таков: «Единственным заслуживающим доверия внешним миротворцем являются Соединенные Штаты, а не ООН или Европейский Союз» [19, с. 276]. Тэтчер убеждена, что «ближайшие союзники Америки, особенно из англоязычного мира, должны рассматривать миссию Америки как основу для выработки своей собственной миссии» [19, с. 44]. Европейские политики почти всегда следовали этим рекомендациям «железной леди», поддерживая своего патрона

в устранении очередного «плохого парня» или осуществлении новой «цветной революции», невзирая на то, что такая деятельность является грубым нарушением норм международного права. И в собственной политике европейские государства, подражая «бастиону демократии» игнорировали международное право, тиражировали правовой нигилизм, превращая его в обыденное явление в международных отношениях. Достаточно вспомнить их санкции в отношении России (более 12 тыс. по оценке М. Мишустина) и других стран, отказ от выполнения подписанных ранее договоров и т.д.

Недоговороспособность, демонстрируемая большинством западных стран (в том числе их новым союзником – Украиной) является нарушением одного из базовых принципов международного права – pacta sunt servanda («договоры должны соблюдаться»). Он зафиксирован в уставе ООН, в Венской конвенции о праве международных договоров [6]. Почему США считают для себя возможным публично, но чаще без особой огласки нарушать подписанные договора и международные обязательства, скажем, «Конвенцию о запрещении, разработке, производстве и накоплении запасов биологического оружия и об их уничтожении». То же самое можно сказать и о Конвенции, касающейся химического оружия. США вопреки обязательствам не уничтожили полностью созданное химическое оружие якобы из-за недостатка средства. Причину отказа США от выполнения договорных обязательств объясняет Дж. Сорос. «Ни одно международное соглашение не является абсолютно надежным. Всегда есть вероятность того, что один из участников не выполнит его положения… Опасность обмана усугубляется тем, что другие участники менее демократичны и не так открыты как мы. Перед лицом подобной опасности мы также вынуждены идти на обман» [18, с. 164]. Итак, отказ США от выполнения взятых на себя обязательств вполне оправдан, поскольку светочу демократии и свободы приходится иметь дело с варварскими, ущербными народами, которым по определению нельзя доверять. К тому же подписанные соглашения ограничивают свободу действий Америки.

Между тем, договорная реальность есть важная форма бытия права, где абстрактные, правовые нормы обретают конкретное содержание, придавая устойчивость, предсказуемость международным отношениям [12]. Недоговороспособность есть опасная форма правого нигилизма, который сдерживает развитие международного права и конфликтогенность в мире, ведет к деградации современной цивилизации права. Спрашивается, почему Европа колыбель правовой цивилизации содействует разрушению цивилизации права. Ответ следует искать в особенностях военно-политической архитектоники в мире, которую умело выстраивали США во второй половине двадцатого века, но особенно активно после распада СССР. Как формировалась гегемония США в мире описывает З. Бжезинский. «Поскольку подражание американскому пути развитие постепенно пронизывает весь мир, это создает более благоприятные условия косвенной и *на вид консенсуальной американской гегемонии*. Как и в случае с внутренней американской системой, эта гегемония влечет за собой комплексную с труктуру взаимосвязанных институтов или процедур, предназначенных для

выработки консенсуса и незаметной асимметрии власти и влияния. Американское глобальное превосходство, таким образом подкрепляется сложной системой союзов и коалиций, которые буквально *окутывают весь мир*» (выделено мной – Л.М.) [3, с. 39–40]. Заметим, что это подражание Америке активно осуществлялось и в девяностые годы нашими либералами. Оно затронуло не только политическую лексику «сенатор», «импичмент», «спикер», «белый дом» (как же мы теперь без «белого дома»?), но и важные сферы общественной жизни (образование, здравоохранение), а также институты. Отметим также, что тогда на ключевые должности в правительстве России люди назначались исключительно после согласования с администрацией США. От негативных последствий такого подражания наша страна не избавилась до сих пор. Отечественные либералы с умилением вспоминают девяностые годы, когда Россия и Америка активно сотрудничали друг с другом. Как понимают в США сотрудничество объясняет Дж. Сорос. Америка «признает лишь одну форму сотрудничества, при которой США принимают решения, а остальные подчиняются им» [12, с. 86].

Можно выделить три фактора, вызывающие девальвацию права: доктринальный, цивилизационный и геополитический [15]. Представляется, что в настоящее время геополитический фактор играет ключевую роль в разрушении цивилизации международного права. Неуемное желание США сохранить во чтобы то не стало свою гегемонию в мире с использованием различных инструментов «жесткой силы» ведет к сползанию человечества к доисторическому пещерному праву силы. Институт, посредством которого США осуществляют свою имперскую роль в Европе – это НАТО. В последние годы в связи с перемещением центра мир-экономики и мир-истории в азиатский регион США распространили зону действия североатлантического блока в район Тихого океана. Вдобавок предпринимаются попытки создания здесь нового военно-политического блока, включающий помимо Америки ее союзников. Это будет азиатский аналог НАТО. Понятно, что новый военный альянс будет принимать на «демократической консенсусной» основе такие решения, которые продвигают интересы США в ее противостоянии с Китаем и Россией. Парадоксальность ситуации заключается в том, что государство, являющееся одним из активных основателей ООН и международного права, целенаправленно убивает свое детище. Между кризисом международного права и нарастающими политическими противоречиями существует корреляция. Разрушая систему международного права, США фактически способствуют углублению глобального кризиса современной цивилизации. Какова будет судьба международного права? Оно будет дальше разрушаться, чтобы освободить место «правилам», которые пишутся в Вашингтоне или же человечество будет пользоваться достижениями цивилизации? Представляется что ответ на этот вопрос зависит от результатов специальной военной операции России на Украине. Решая собственные национальные задачи, Россия одновременно выполняет цивилизаторскую функцию, ломает систему доминирования Запада в международных отношениях. Без этого невозможно сохранение и укрепление справедливого миропорядка как условия свободного развития народов. Звучит пафосно, но это так.

Список литературы

1. Баранец В., Гамов А. Тайны расстрела «Белого дома» // Комсомольская Правда. 3 окт. 2008.
2. Бжезинский З. Америка потеряла чувство меры в реальной политике // Комсомол. Правда. 13 февр. 2012 г.
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2009. 280 с.
4. Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. – М.: АСИ, 2015. – 288 с.
5. Бузгалин А., Колчанов А. Глобальный капитал. Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2007. – 512 с.
6. Венская конвенция о праве международных договоров. 23 мая 1993 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения 12.10.2022).
7. Главная книга о кризисе: сборник (ред.-сост. Бузгалин А.В.). – М.: Яуза Эксмо, 2009. – 256 с.
8. Гэмбл Э. Кризис без конца? Крах западного процветания. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2018. – 304 с.
9. Заключительный Акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. 01.августа 1975 г – URL: https://docs.cntd.ru/document/1901862 (дата обращения 12.10.2022).
10. Зорькин В. Кризис международного права: современный контекст // Российская газета. 20 июня 2014.
11. Какие страны входят в ШОС / www.bolshoyvopros.ru (дата обращения 29.10.2022).
12. Лихачев В. Два лица США // Российская Газета. 13 сент. 2013.
13. Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация. – Пермь: Перм. ун-т, 2016. – 128 с.
14. Мусаелян Л.А. Кризис международного права: цивилизационный и геополитический факторы // Вестник Пермского университета: Юридические науки. 2014. Вып. 4(26). С. 211–225.
15. Мусаелян Л.А. Об одной коллизии в международном праве и возможном способе ее разрешения // Вестник Пермского университета: Юридические науки. 2015. Вып. 2 (28). С. 156–175.
16. Мусаелян Л.А. Реформы 90-х и их экономические и политико-правовые последствия // Вестник Пермского ун-та: Юридические науки. 2018. Вып. 39. С 36–52.
17. Рубини заявил о начале третьей мировой войны. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/ news/2022/10/29/947984 (дата обращения 29.10.2022).
18. Сорос Дж. Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь. – М.: Коов, 2014. URL: https://coollib.com/b/46543/read (дата обращения 12.10.2022).
19. Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира. – М.: Алыгана паблишер, 2003. – 504 с.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В СВЕТЕ ОБНОВЛЕННОЙ «СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2025 ГОДА»*

Изменения, внесенные Указом Президента Российской Федерации от 6 декабря 2018 года в Стратегию российской государственной национальной политики, являются результатом значительной работы научного и экспертного сообщества по теоретическому углублению и содержательной корректировке базового документа, принятого 19 декабря 2012 года. В обновленной Стратегии госнацполитики вводятся новые понятия, определяются смысл и содержание ранее введенных и используемых терминов (государственная национальная политика Российской Федерации, российская нация, общероссийская гражданская идентичность, национально-культурные потребности и т.д.), уточняются принципы, приоритетные направления, задачи и цели госнацполитики. Обновленная Стратегия фундируется на Основном законе страны, учитывает опыт реализации госнацполитики на федеральном, региональном уровнях и органами местного самоуправления. Содержание анализируемого документа свидетельствует также о том, что цели и задачи обновленной Стратегии соотнесены с существующей геополитической обстановкой в мире и обусловлены его угрозами национальной безопасности России. Словом, обновленная Стратегия в силу своей конкретности и содержательности представляет добротную теоретическую и методологическую основу эффективной деятельности акторов разного уровня по укреплению межнационального единства страны. Для автора этих строк принципиально важным в анализируемом документе является увязка проблемы национальной безопасности государства с укреплением единства народов России. В этой связи в обновленной Стратегии отмечается, что в «сфере межнациональных, межэтнических и межрелигиозных отношений имеются проблемы, обусловленные появлением новых вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации» [19]. К числу таких проблем авторы документа относят: распространение международного терроризма и экстремизма, возникновение очагов межнациональной и религиозной розни, незаконную миграцию, социальное и имущественное неравенство населения и т.д. Как представляется, решение перечисленных в пункте 14 документа проблем по отдельности, изолированно друг от друга невозможно не только потому, что некоторые из них (терроризм, незаконная миграция и др.) носят глобальный характер и в силу своей природы не могут быть

---

* Впервые опубликовано: Мусаелян Л.А. Некоторые проблемы укрепления национальной безопасности России в свете обновленной «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Реализация стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на региональном уровне: подходы, субъекты, процессы, практики / под ред. Е.А. Малянова. – Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. – С. 8-21.

преодолены подобным образом, но и потому, что все указанные социальные коллизии взаимосвязаны друг с другом и их решение, как и в случае глобальных проблем, требует комплексного, системного подхода. В этом и сложность их разрешения. Однако трудность преодоления проблем, от которых зависит единство и сплоченность народов России, не может быть основанием для отказа от их решения или переноса их на далекую перспективу. Очевидно, что человечество в целом и Российская Федерация в особенности столкнулись с рядом серьезных вызовов и угроз, требующих адекватных и своевременных ответов на них, ибо от этого зависит национальная безопасность нашего государства. Поэтому прежде чем перейти к рассмотрению проблем, указанных в обновленной Стратегии, представляется необходимым кратко остановиться на этих вызовах.

Современную историческую эпоху можно определить как переломный этап в развитии человечества. Это определяется наложением формационного, цивилизационного, геополитического, мировоззренческого, международно-правового кризисов [см.: 16, с. 127]. Интенсивное развитие капитализма способствовало превращению исторического процесса во всемирно-исторический и формированию глобализационных процессов в мире. В результате капитализм приобрел планетарный характер. Наткнувшись на географические границы, капитал исчерпал внешние ресурсы своего роста, которые на протяжении многих веков играли определяющую роль в развитии капиталистических держав. Поиск внутренних ресурсов роста привел к формированию экономической модели, нацеленной на искусственное поддержание завышенного внутреннего спроса за счет массового кредитования населения. Следствием подобной политики стал рост выше критических показателей долгов домохозяйств и государств, обернувшийся очередным финансово-экономическим кризисом капитализма. Закладывание будущего для жизни в настоящем делает невозможным наступление этого будущего. Потребительский образ жизни, навязанный человечеству капитализмом, неминуемо приведет к экологической катастрофе, о чем предупреждали глубокие аналитические исследования ученых из «Римского клуба» еще в прошлом веке.

Современное общество сформировало человека-потребителя, человека экономического (homo economicus), способ существования которого находится в остром противоречии с его сущностью. Возник глубокий антропологический кризис, свидетельствующий о фатальной социальной болезни современного буржуазного общества [см.: 20, с. 448]. Если к этому добавить еще череду сменяющих друг друга в последние тридцать лет финансово-экономических кризисов, то есть веское основание говорить о системном формационном кризисе современного глобального капитализма. Но формационный кризис глобального капитализма – это одновременно и кризис цивилизационный, ибо современное человечество – это в основном буржуазная цивилизация. Родиной буржуазного способа производства является Европа. Поэтому кризис буржуазной цивилизации является одновременно и кризисом европейской (христианской) цивилизации.

Этот кризис не только формационный – социально-экономический и политический, но и собственно цивилизационно-культурный. Это проявляется в элиминации из общественной жизни европейских стран важнейших идентификационных признаков европейской цивилизации. Наблюдающаяся в последние двадцать лет активная эрозия традиционных семейных, этнонациональных, религиозных ценностей ставит под вопрос сохранение в среднесрочной перспективе европейской цивилизации как самобытной культурной целостности. Проблема заключается еще в том, что сомнительные с точки зрения общечеловеческих интересов и здравого смысла ценности элита западных стран не только считает единственно правильными, но и, опираясь на мощные военно-политические, экономические структуры и СМИ, пытается агрессивно навязать другим народам.

Глобализация капитала привела к формированию монополярного американизированного мира с особой политической, финансовой, экономической, технологической и культурной архитектоникой. Однако в начале XXI века центр мир-истории стал перемещаться в азиатско-тихоокеанский регион. «…В мире, – отмечал З. Бжезинский, – идет процесс децентрализации. Мощь, сила, влияние неотвратимо смещаются с Запада на Восток» [2]. Указанный процесс сопровождается перестройкой сложившейся в конце XX века архитектоники. Монополярный мир постепенно вытесняется многополярным. Складывающаяся в результате этих геополитических изменений ситуация, как признавал З. Бжезинский, получается «куда более неспокойной и сложной, чем была до этого» [2]. О наступлении более опасного для человечества периода истории, чем «холодная война», предсказывал и академик Г. Арбатов [см.: 1, с. 135].

Как свидетельствует история, крупнейшие империи никогда добровольно не сдавали свои позиции. США вместе со своими союзниками, используя различные инструменты «жесткой» и «мягкой» силы, пытаются блокировать происходящие в мире изменения, что является дополнительным фактором, усиливающим рост политической, военной напряженности, экономической и социальной нестабильности, непредсказуемости в мире. Словом, глобальный геополитический кризис – еще одна ипостась современной исторической переходной эпохи. Для полноты картины следует добавить, что уже в конце XX века в состоянии кризиса оказались международные институты и международное право, призванные регулировать международные отношения, обеспечивать экономическую и военно-политическую стабильность в мире, безопасное сосуществование государств. Свидетельство тому, как уже отмечалось, череда финансово-экономических кризисов, сотрясающих в последние четверть века мировую экономику [см.: 8, с. 304], торговые войны, противоправные экономические санкции, умножающиеся локальные конфликты, имеющие потенциал перерастания в международные и даже мировую войну. Правовой нигилизм и двойные стандарты в международных отношениях стали обычным явлением внешней политики ведущих держав мира. В этих условиях в последнее десятилетие значительно возросла активность глобальных структур, действующих в непубличной сфере. Их деятельность

осуществляется в странах и регионах, попавших в зону стратегических интересов крупных западных государств. Конечная цель глобальных структур – дестабилизация социально-политической обстановки в отдельных странах и регионах, свержение существующих политических режимов, проводящих независимую, а потому неугодную для крупных и финансово-промышленных групп политику.

Россия, находясь на стыке двух континентов, занимая важное геополитическое положение, обладая почти сорока процентами всех разведанных жизненно важных природных ресурсов мира, объявлена зоной стратегических интересов США. Руководство Российской Федерации в последние десять-двенадцать лет пытается проводить независимую от ведущей мировой державы политику и наталкивается на жесткое давление западных стран. Начиная с 2014 года, после подготовленного Западом и проведенного вооруженного государственного переворота на Украине, против России фактически ведется неприкрытая гибридная война. Через финансовую, информационную, политическую поддержку различных НКО активизируется деятельность несистемной оппозиции, которая нацелена на дестабилизацию социально-политической обстановки в обществе и проведение очередной цветной революции, последствием которой, как это было в других странах, может быть не просто смена власти, но и очередной распад государства. Словом, существуют опасные вызовы и серьезные угрозы существованию Российской Федерации как целостного, многонационального и поликонфессионального государства.

Как свидетельствует наша история, полиэтнический состав страны в годы Великой Отечественной войны оказался фактором силы и победы. И как ни старалось руководство гитлеровской Германии вбить клин между народами Советского Союза, найти себе союзников среди них, ничего из этого не вышло. Изучить этот положительный опыт СССР в связи с приближающимся 75-летием Великой Победы представляется очень важным при современной геополитической обстановке в мире. В то же время сложный национальный состав страны в условиях системного кризиса конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века оказался фактором слабости государства. Центробежные тенденции оказались сильнее центростремительных, страна развалилась. Этот негативный опыт также требует дальнейшего осмысления. В свете изложенного вполне понятна увязка в обновленной Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации проблемы сохранения и укрепления единства полиэтнического народа России с проблемой национальной безопасности страны. Ниже попытаемся остановиться на некоторых проблемах нашего общества, решение которых является необходимым условием укрепления единства российской нации и потому затрагивает национальную безопасность государства.

Среди проблем, представляющих потенциальную угрозу безопасности страны, в обновленной Стратегии фигурирует «социальное и имущественное неравенство населения, сложности в обеспечении равных возможностей для социального продвижения и доступа к важнейшим общественным благам,

региональная экономическая дифференциация» [18]. Экономические и социальные проблемы современной России являются инерцией катастрофических по своим последствиям реформ 90-х годов. Напомним, что в результате деятельности реформаторов произошла деиндустриализация России и страна из промышленного гиганта превратилась в экспортера сырья: нефти, газа, леса, металла. По оценке Нобелевского лауреата, экономиста Дж. Стиглица, ущерб, понесенный Россией в сфере материального производства от реформ, превзошел почти в 2,5 раза потери во время Великой Отечественной войны [см.: 17, с. 175–176]. По степени массового обнищания и социального расслоения Россия в конце 90-х годов оказалась сравнима со странами Латинской Америки, имеющими полуфеодальное прошлое [см.: 17, с. 165, 188.]. С начала нулевых годов социально-экономическая ситуация в стране стала постепенно улучшаться, но кризисы 2008–2009 гг. и 2013–2014 гг. приостановили эти позитивные тенденции. Заметим, что, несмотря на некоторое оживление экономики в 2018–2019 гг., страна все еще не вышла из кризиса, начавшегося в 2013 году до украинских событий и западных экономических санкций. В результате кризисов произошло заметное снижение реальных доходов россиян. Мониторинг социального самочувствия населения, проводимый учеными Высшей школы экономики, свидетельствует, что реальные располагаемые доходы граждан за последние годы сократились на 12,7 %, пенсии в реальном выражении уменьшились на 7,7 %. Уменьшилось и потребление населения, поскольку произошло подорожание продовольственных товаров на 24,8 %, непродовольственных на 24,3 %. Опросы социологов также показали, что 27 % россиян не способны оплачивать услуги ЖКХ, у 18 % нет денег на лекарства, 13 % не в состоянии погасить кредиты [см.: 5]. В настоящее время, по официальным данным, 15 % населения (22 млн. человек) имеет доход ниже прожиточного минимума [см.: 5]. В действительности число бедных, по оценке аналитиков, значительно больше в силу явно заниженной величины прожиточного минимума. Конечно, бедность населения современной России несравнима с тем, что было в 90-е годы, когда тысячами закрывались предприятия, десятки миллионов людей оставались без средств к существованию, а здравоохранение и образование оказались почти в «состоянии комы». Но резкое социальное расслоение общества, возникшее тогда, продолжало существовать и усиливаться все последующие годы, порождая у населения раздражение и объяснимое чувство несправедливости. Согласно официальной статистике, в России разрыв между десятью процентами самых бедных и десятью процентами самых богатых составляет 15-кратную величину. По международным экспертным оценкам, если децильный коэффициент достигает 7, то это уже критично для общества. Превышение этого показателя может обернуться социальными беспорядками и политической дестабилизацией страны. Необходимо отметить, что возрастание имущественного неравенства в последние десятилетия является общемировой тенденцией. Однако Россия входит в число лидеров стран, где эта тенденция выражена наиболее рельефно. По экспертным оценкам, у нас 10 % населения владеет тремя четвертями

всех богатств страны. Если взять только миллиардеров (это несколько семей), то они владеют 30 % всех богатств страны. Объем средств, вывезенных из России этими людьми, равен богатству, которым владеет все остальное население страны [см.: 4, с. 9.]. В демократическом государстве в рыночных условиях колоссальное имущественное неравенство порождает неравенство социальное и политическое, поскольку экономические ресурсы легко конвертируются в социальные и политические преимущества богатых слоев населения. Это приводит к блокированию лифтов вертикальной социальной мобильности большей части населения страны. Осознание отсутствия позитивных перспектив приводит к эмиграции из страны молодых высококвалифицированных работников, с одной стороны, а с другой, к возрастанию среди оставшегося населения негативных настроений, недовольства, озлобленности и агрессии. Разные социологические измерения общественного мнения свидетельствуют о том, что в последнее время среди иерархии ценностей социальная справедливость занимает первое место [см.: 21]. Отсюда и возросшая ностальгия у немалой части россиян по Советскому Союзу, где, по их мнению, было больше справедливости, чем в современной России [см.: 4]. Существующая в стране длительное время бедность значительной части населения формирует у нее особую субкультуру бедности. У взрослого трудоспособного населения возрастают иждивенческие настроения [см.: 4], а у молодежи исчезают социально высокие достижительные цели. Она становится питательной базой криминальных группировок или, того хуже, легкой добычей радикальных молодежных движений, которые, как свидетельствует опыт других стран, могут стать ударной силой разрушения государства. Словом, бедность – это угроза национальной безопасности страны. Поэтому задача уменьшения вдвое бедности в стране, поставленная Президентом России, является проблемой не только социально-экономической, но и политической.

Крупные государства редко отличаются однородностью социальноэкономического развития своих территорий. Существует множество факторов, определяющих неоднородность социально-экономического развития территорий крупных стран. Это неравномерность распределения населения и природных богатств, различие природных и климатических условий, степень отдаленности от технополисов и логистических центров и т.д. Неоднородность социально-экономического развития регионов была у нас в стране и в дореформенную эпоху. Реформы 90-х резко усилили эти различия. В результате реформ произошло масштабное расширение ареалов бедности и депрессивного экономического развития территорий, сопровождаемое депопуляцией регионов и, в конечном итоге, страны. Этот процесс почти повсеместно затронул сельские районы, а также территории к Востоку от Урала, северные регионы, зоны нечерноземного центра и европейской части России. Одновременно происходило ослабление механизмов межрегионального взаимодействия. В результате всех этих процессов к середине нулевых годов в стране разрыв между наиболее и наименее экономически обеспеченными регионами по показателю подушевого регионального продукта

составлял 60-кратную величину, по объему инвестиций на душу населения – 150 раз, по уровню потребления – 30 раз, по уровню безработицы – 24 раза и т.д. [13, с. 6.] По мнению академика Д.С. Львова, подобные различия между отдельными странами Евросоюза ниже в 10 и более раз. Это дает основание ученому сделать вывод о том, что европейские страны имеют больше признаков единой страны, «чем отдельные регионы в границах единой России» [13, с. 6.]. За прошедшие годы произошли определенные изменения в этой области, особенно это касается развития восточных регионов страны. Однако нельзя сказать, что проблема принципиально решена и диспропорции в социально-экономическом развитии регионов страны исчезли или уменьшились. По экспертным оценкам, в настоящее время треть ВВП России создается в Москве и Санкт-Петербурге [11]. Крупные российские компании работают по всей стране, но штаб-квартиры многих из них находятся в столице, куда и стягиваются финансовые ресурсы, обеспечивая москвичам по сравнению с населением провинций более высокий уровень жизни[1]. Так, в 1-м полугодии 2019 года средняя номинальная зарплата по стране составляла 46210 рублей, в Москве же она была почти в 2 раза больше – 91,4 тыс. рублей. В Ивановской и Тамбовской области люди зарабатывали лишь 26,4 и 27,5 тыс. рублей соответственно. Самая низкая зарплата в стране – в Северо-Кавказском округе в Карачаево-Черкесии, 26,1 тыс. рублей [7].

Несправедливость проявляется, прежде всего, в том, что люди за один и тот же труд в разных регионах получают разное вознаграждение. В 2017 году средняя заработная плата у школьного учителя в Москве составляла 67 тыс. рублей, в то время как в Псковской области за ту же работу учитель получал 20,3 тыс. рублей. Может быть, жизнь в регионах дешевле, чем в столице? Не совсем. В Пскове цены дешевле на 26 копеек, а в Тамбовской области на 32 копейки (!) [14].

Можно предположить, что различия в уровне жизни россиян, живущих в разных регионах, обусловлены тем, что нарушаются единые для страны нормы оплаты труда, и, чтобы восстановить социальную справедливость, необходимо следить за соблюдением принятых норм. Но такой вывод является результатом упрощенного, поверхностного подхода. В качестве примера можно привести норму оснащенности одного учебного места по стране. Она составляет, согласно министру развития Дальнего Востока и Арктики А. Козлову, 178 тыс. рублей [12]. Но указанная сумма в Москве и Магадане (или Чукотке) это совершенно разные деньги и разные учебные места.

Существенные различия между регионами России есть и по уровню безработицы. В первой половине 2019 года она в среднем по стране составляла 4,1 %

[1] Штаб-квартиры многих российских компаний находятся также в офшорах, офшоризация российского бизнеса в 90-х годах дала возможность хозяйствующим субъектам посредством монетизации добываемых ресурсов вывозить из страны на законных основаниях в ущерб интересам российского народа его природные богатства.

трудоспособного населения. Уровень безработицы по России даже по международным нормам невысокий. Но в Тыве безработица достигает 11,6 %, в Ингушетии 26 %, а в Москве и Санкт-Петербурге этот показатель составляет 1,3 % и 1,4 % соответственно [7]. Разница по безработице и в целом по уровню жизни между столицами и северокавказской республикой огромная. Большая часть безработных – это молодежь. Куда она в силу этих обстоятельств вынуждена устремиться? Вопрос риторический. Какова будет реакция коренных москвичей – предсказать нетрудно. Недовольное ворчание «понаехали тут» будет самой безобидной реакцией. Заметим, что среди «понаехавших» будет немало граждан из ближнего зарубежья. Средняя зарплата в Москве более 3 раз выше, чем на Украине, почти в 8 раз больше, чем в Узбекистане. Разрыв с Таджикистаном и Киргизией еще больше [15]. «Этнические конфликты, – отмечал Э. Геллнер, – бывают более острыми, когда культурные различия, определяющие и порождающие современные нации, являются также знаками, подтверждающими либо экономическое благополучие, либо отсталость. Всеобщее преуспевание, по крайней мере, ведет к большей степени терпимости, разумеется, не гарантируя ее» [6, с. 19]. Согласно исследователям РАНХиГС, разрыв в доходах между богатыми и бедными регионами в первом полугодии 2019 года возрастал, росли и долги последних [10]. Трагическая история Советского Союза свидетельствует о том, что затя-нувшееся социально-экономическое неблагополучие в полиэтнической, поли-конфессиональной стране таит в себе опасность возникновения и обострения этнонациональных конфликтов и фрагментации страны. Следует отметить, что события на Украине, особенно воссоединение Крыма, с одной стороны, и необъявленная «гибридная война» Запада против нашей страны, с другой, способствовали сплочению многонационального народа России и снижению уровня ксенофобии и этнофобии в нашем обществе. Плохо скрываемая недоброжелательность обывателя к выходцам с Кавказа, средней Азии и другим «понаехавшим» сменилась ненавистью к появившемуся, как в годы «холодной войны», реальному образу врага в лице коллективного Запада во главе с США и защищаемых ими украинских ультранационалистов. Под данным фонда «Общественное мнение», если в апреле 2012 года 37 % опрошенных россиян считали, что многонациональность приносит России больше вреда, чем пользы, и столько же придерживались противоположной точки зрения, то в конце 2018 года 50 % опрошенных многонациональность считали полезной и лишь 21 % оценивали это негативно [3]. Число сторонников законодательного закрепления особых прав русских с 2015 по 2018 год снизилось с 31 % до 21 % [3].

Объективности ради следует признать, что драматические события в соседней стране нельзя рассматривать как фактор, однозначно способствующий укреплению единства российского народа. Небольшая, но достаточно крикливая и влиятельная часть либеральной интеллигенции в оценке событий на Украине и внешней политики России встала на сторону Запада и украинских национали-

стов. Как это ни парадоксально, произошел раскол и среди русских националистов. Некоторые из них даже уехали в соседнюю страну и влились в военные формирования украинских националистов, воюющих по большей части против гражданского русскоязычного населения самопровозглашенных республик, отстаивающих свое право на сохранение национальной идентичности и своих смысложизненных ценностей. Патриотизм – это чувство любви к родине, деятельное выражение преданности ей. Но родина – это определенная страна, территория и люди, проживающие на ней. Патриотизм – это любовь к территории страны или к людям, проживающим на этой территории? Представляется, что по большей части все-таки это любовь и позитивное деятельное отношение к людям, имеющим общие с вами признаки самоидентификации: язык, традиции, менталитет, вера, самосознание и т.д. Надо признать, что патриотизм любого национализма, независимо от этнической окраски, носит чаще всего показной характер, имеет мало общего с подлинным патриотизмом. Но в данном случае, когда русский националист пытается продемонстрировать свои патриотические чувства на деле и едет в другую страну, чтобы не защищать, а убивать мирных русских, отстаивающих свое право оставаться русскими, это за гранью понимания. Что бы они ни заявляли – это враги России и русского народа.

Идеология наших неолибералов и националистов, кажется, противоположна. Но формы проявления их «патриотизма» практически совпадают по своим существенным последствиям. Как показывает исторический опыт, их борьба не столько против конкретной власти, о чем они заявляют, сколько против государства, против единства собственной страны.

Вернемся, однако, к проблеме неоднородности социально-экономического развития России. Нерешенность этой проблемы на протяжении длительного времени является причиной массового оттока образованной молодежи из регионов в столицу и крупные мегаполисы страны, что еще более обостряет указанную проблему и порождает условия для нарастания центробежных тенденций и сепаратистских настроений. Кроме того, точечное, фрагментарное развитие громадной территории страны, нестабильность и неопределенность перспектив, селективное право и слаборазвитые институты ограничивают возможность самореализации молодых, талантливых людей и подвигает их на эмиграцию за рубеж. Вот уже более 30 лет Россия «истекает» во внешний мир мозгами. Это, конечно, негативно сказывается на качестве рабочей силы, на потенциале развития страны, и, конечно, национальной безопасности. Социологические исследования, проведенные в 2019 году, свидетельствуют о том, что в стране вновь нарастает ксенофобия и этнофобия. Согласно данным «Левада-центра», доля тех, кто хотел бы ограничить проживание в России какой-то иной этнической группы, поднялась с 54 до 71 %. В настоящее время каждый второй россиянин поддерживает лозунг «Россия для русских» [3]. Это тревожный сигнал для полиэтнического и поликонфессионального общества. В чем причина роста латентной общественной напряженности? Во-первых, эйфория по поводу воссоединения

Крыма с Россией уже прошла. Во-вторых, если раньше осознание внешней угрозы сплачивало население России, большая часть которых испытывает патриотические чувства к своей родине, и потому блокировалось превращение существующих социально-экономических, культурных различий между различными социальными группами в противоречие между ними, то в настоящее время образ общего внешнего врага в оптике общественного мнения заметно потускнел, поскольку накопилась усталость от внешней политической проблематики, постоянно присутствующей в СМИ на протяжении многих лет. В большей степени эта усталость вызвана чрезмерной пропагандистской активностью журналистов, работающих в государственных СМИ. В течение пяти лет изо дня в день, с утра до вечера, СМИ фокусировали внимание россиян на агрессивной русофобской политике Запада и особенно событий на Украине. Как заметил один известный российский режиссер, посмотрев российское телевидение, создается ощущение, что вокруг Россию окружает исключительно Украина. Педалируя политические и социально-экономические проблемы соседней страны, наши журналисты и политологи почему-то игнорировали накопившиеся проблемы собственной страны. Между тем последние пять лет в связи с новой волной экономического кризиса происходило снижение реальных доходов населения, если в 2014–2015 годах в силу резкого обострения международной обстановки народ на это не обращал особого внимания, то в 2019 году накопившиеся социально-экономические проблемы дают о себе знать в настроениях людей. Становится все более очевидной критическая связь социально-экономической ситуации в стране с государственной безопасностью.

В истории человечества всегда, а в настоящее время особенно, идет жесткая борьба между государствами за выживание, за лидирующие позиции в мире. Здесь чаще всего политические акторы руководствуются принципом, сформулированным одним известным немецким философом: «слабого толкни». Давление на Россию, покуда она экономически слабая, покуда у нее есть внутренние проблемы, угрожающие ее целостности, будет возрастать. Как отмечают политические аналитики, «в отношении России будет вестись война за десубъективизацию, то есть превращение нашей страны из субъекта мировой политики в объект, которым можно управлять в своих целях. Если не добиться экономического роста и восстановления научно-технического потенциала, достаточного для укрепления обороноспособности в последующее десятилетие, не получится даже немного ослабить давление. Но наступающая эпоха перемен также означает, что Россия получает шанс вернуть себе статус особой цивилизации, ответственной за судьбу мира» [11]. Можно согласиться с тем, что для современной России социально-экономическое развитие территорий является не только фактором укрепления единства страны и ее национальной безопасности, но и обеспечения геополитической стабильности в мире. В определенной мере эта идея присутствует в обновленной «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Это дает основание полагать,

что в последние годы у руководства нашей страны произошло осознание острой необходимости ускоренного развития регионов России. Прежде всего речь идет о территориях, расположенных к Востоку от Урала. Громадные малозаселенные просторы с несметными природными богатствами будоражат геополитические аппетиты многих крупных держав, особенно США. Достаточно вспомнить политический проект («Четырнадцать пунктов») президента Вудро Вильсона, принятый в начале прошлого века и идеи З. Бжезинского, изложенные им в конце XX столетия в книге «Великая шахматная доска». Заметим, что план В. Вильсона по расчленению России большей частью уже реализовался. В условиях существования реальных внешних угроз, плохо освоенные, недостаточно развитые территории России, если оставить их в нынешнем состоянии, могут стать одним из факторов очередного раскола страны. Но если эти территории активно осваивать, развивать и заселять, они могут стать локомотивом мощного рывка России в будущее. Учитывая природные ресурсы регионов к востоку от Урала, можно сказать, что здесь основной потенциал будущего страны. Очевидно, что экономическое, технологическое, социальное развитие территорий, укрепление их взаимосвязи и взаимозависимости скрепляет единство, целостность страны. Словом, при современной геополитической обстановке в мире более или менее гомогенное социально-экономическое развитие территорий является материальной основой сохранения целостности государства. И чем выше уровень подобного развития регионов, тем выше гарантия сохранения единства и целостности страны. Сильные регионы – это сильная Россия. Сказанное касается и Пермского края, который является типичным индустриально-аграрным регионом России, имеющим большой потенциал развития. Согласно одного из авторов «Новой экономической географии» П. Кругмана, конкурентные преимущества территории определяются факторами первой и второй природы [9]. К первым относятся богатство природных ресурсов, выгодное географическое положение и т.д. Факторы второй природы – это агломерационный эффект, высокий уровень развития человеческого капитала, хорошая институциональная сфера и т.д. Перспективное развитие Пермского края видится через развитие факторов второй природы, как это произошло в Москве и Московской области, Татарстане и других субъектах России. Подобное развитие нашего региона качественно изменит его экономическое пространство, приостановит отток образованной креативной молодежи, уменьшит потребность в неквалифицированной рабочей силе. Последнее приведет к сокращению иммиграции, одного из факторов обострения межэтнических отношений.

В последние годы руководство страны принимает определенные меры по развитию регионов России, особенно стратегически значимых. Для полноценного освоения и развития Сибири и Дальнего Востока и привлечения сюда инвестиций и технологий ежегодно во Владивостоке проводится международный экономический форум. Уже несколько лет действуют программы «Дальневосточный гектар». В этом году по инициативе Президента страны установлена

двухпроцентная кредитная ставка на жилищную ипотеку для жителей Дальнего Востока. Эти меры призваны приостановить отток населения, особенно молодежи, из этого региона и привлечь туда на постоянное жительство россиян из других районов страны.

Развитие территорий к востоку от Урала имеет и важное геополитическое значение. В конце XX – начале XXI века наметилась тенденция смещения центра мир-экономики и мир-истории с Нового света в азиатский регион Тихого океана. Чтобы не отстать от современных исторических тенденций и войти в ядро мир-экономики и мир-истории, России необходимо развивать территории, граничащие с крупными державами этого региона.

Важное значение в деле укрепления единства народов, скрепления целостности страны и повышения ее безопасности имеет задача реализации национальных проектов стратегического развития страны, определенная Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. Программа проектов по 12 направлениям (2019–2024 гг.) охватывает практически все сферы общественной жизни и призвана существенно изменить ситуацию в здравоохранении, образовании, науке, культуре, материальном производстве, финансовой системе и т.д. Важно отметить, что национальные проекты охватывают и Пермский край. При успешной реализации этих программ изменится экономический и оборонный потенциал государства и, что особенно важно в конечном счете, безопасность россиян и условия их жизни. На реализацию национальных проектов запланировано более 25 триллионов рублей. Но, похоже, в их реализации уже возникли трудности. По экспертным оценкам, из запланированных на этот год денег на стратегическое развитие не будет освоено 1 триллион рублей. Низкие темпы реализации национальных проектов означают давление на рост экономики России в целом, а темпы роста у нас и так уже давно ниже среднемировых. Хотелось бы надеяться, что судьба национальных проектов не будет такой же, какова была участь «Стратегии-2020». Не будем приводить целевые показатели этого плана, учитывая политическую значимость намеченных Президентом России программ социально-экономического развития страны. Председатель Правительства Российской Федерации Д.А. Медведев на одном из заседаний кабинета министров в октябре 2019 г. пригрозил уголовным преследованием чиновникам, по вине которых будет сорвано выполнение национальных проектов. Хотелось бы надеяться, что дело до этого не дойдет. Важно отметить, что эти проекты называются не региональными, не федеральными, хотя и нацелены на развитие и регионов, и федерации в целом, а национальными. И это не случайно, поскольку их выполнение является важнейшим фактором обеспечения национальной безопасности России.

Список литературы

1. Арбатов Г. Нам грозит более опасный период эпохи, чем холодная война // Россия в глобальной политике. Т.6, № 1. Январь-февраль 2008. С. 135.
2. Бжезинский З. Америка потеряла чувство меры в реальной политике // Комсомольская правда. 2012. 13 февраля. URL: https://www.ugra.kp.ru/daily/25829/2805033/ (дата обращения: 01.03.2020).
3. Выжутович В. Другие, чужие // Российская газета. 2019. 11 октября.
4. Выжутович В. Надо ли бороться с неравенством? // Российская газета. 30 января 2019.
5. Выжутович В. От зарплаты до зарплаты // Российская газета. 31 мая 2019.
6. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс. 1991.
7. Гусенко М. Зарплаты медленно, но растут // Российская газета. 11 сентября 2019.
8. Гэмбл Э. Кризис без конца? Крах западного процветания. М.: Изд. дом ВШЭ, 2018. С. 304
9. Зубаревич Н. Социально-экономическое развитие регионов России к 2020 г. URL: http://Russia-2020.org/ru2010/08/23/soc-ec-development-of-rus.regions/ (дата обращения: 15.04.2020)
10. Зубков И. Разрыв в доходах богатых и бедных регионов растет // Российская газета 11 сентября 2019.
11. Ильинский А., Лосев А. Восточный поворот // Российская газета. 2019. 16 октября.
12. Козлов А. Восточный экспресс // Российская газета. 2019. 10 октября.
13. Львов Д.С. Россия: рамки реальности и контуры будущего // Журнал экономической теории. 2007. №1.
14. Миркин Я. Недооцененный труд рождает нищету в головах // Российская газета. 8 сентября 2017.
15. Миркин Я. Странствующее население // Российская газета. 2019. 22 октября.
16. Мусаелян Л. А. Исторический процесс и глобализация. Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2016. С. 127.
17. Стиглиц Дж. Ю. Глобализация: тревожные тенденции / пер. с англ. Г.Г. Пирогова. М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003. С. 175-176.
18. Указ Президента от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: base.garant (дата обращения: 01.03.2020).
19. Указ Президента Российской Федерации от 6 декабря 2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666». URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 01.03.2020).
20. Фромм Э. Иметь или быть? // Величие и ограниченность теории Фрейда. М., 2000. С. 448.
21. Четверикова А. Макарошки по-русски // Российская газета. 27 декабря 2018.

ГЛАВА 3. О ПРОБЛЕМАХ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАВДА: СОДЕРЖАНИЕ И СУЩНОСТЬ КОНЦЕПТА*

Право одно из важнейших достижений человеческой цивилизации, которое на протяжении всей своей истории было в фокусе философии. Подобное внимание к праву со стороны философии обусловлено не только чрезвычайной значимостью этого вида человеческой деятельности для жизни социума, но и тем, что в праве наиболее рельефно проявляются эвристические возможности философии как метатеории науки. Фактически все фундаментальные проблемы права (свобода, ответственность, справедливость и т.д.) в своей ценностной основе являются философскими проблемами и их решение связано с решением основных философских вопросов. Именно поэтому право по своему духу философично. К числу подобных фундаментальных проблем относится проблема истины и правды. В различных мировоззрениях и в разных исторических эпохах эти вопросы люди воспринимали как важные, смысложизнеопределяющие. Тому свидетельство мировосприятие древних греков. Согласно греческой мифологии, дочь Зевса богиня Дикэ – защитница правды и враг обмана находится на Олимпе рядом с богиней Фемидой. Она следит за тем, чтобы судьи не нарушали законы, дабы торжествовало правосудие [18, с. 15]. В этой легенде необходимо отметить два момента: во-первых, понимание древними греками невозможности осуществления правосудия без правды (истины); во-вторых, высокий ценностный статус правды. Её представляет не просто богиня, а дочь главного бога Греции – Зевса, олицетворяющего справедливость. Очевидно, что уже на заре цивилизации человечество пришло к пониманию взаимосвязи правды, правосудия (права) и справедливости. Отсюда и известная юридическая формула правосудия: «Говорить всю правду и только правду и ничего кроме правды».

Правда (истина) имеет чрезвычайно высокий ценностный статус и в религиозном мировоззрении. Идея утверждения правды как справедливого суда проводится во многих разделах Ветхого Завета, являющегося священным писанием иудаизма и христианства. «Не делайте неправды на суде; не будь лицеприятен к нищему и не угождай лицу великого; по правде суди ближнего твоего» – наставляет Бог [Левит. 19; 15]. Но эти, как и многие другие актуальные на сегодняшний день принципы правосудия, уже тогда нарушались людьми. Поэтому недоволен Бог судейством: «Вы между тем суд превращаете в яд и плод правды в горечь» [Амос. 6; 12]. Возмущается Творец и плохим правотворчеством властей, издающих несправедливые законы, ущемляющие права бедных.

В христианстве правда, наряду с мужеством, воздержанием, разумом, рассматривается как одна из четырёх апостольских добродетелей, несопоставимых

---

* Впервые опубликовано: Мусаелян Л.А. Юридическая правда: содержание и сущность концепта // Философия и общество. – 2011. – № 2(62). – С. 77–104.

ни с какими материальными благами. Вспомним библейский сюжет из Евангелии, где дьявол искушал И. Христа, предлагая камни превратить в хлеба, символизирующие материальные богатства. «Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом единым будет жить человек, но вечным словом исходящим из уст Божиих» [Матфей. 5; 10]. Но слово, исходящее из уст Божиих, есть истина. Человек, живущий по истине и ради истины, есть праведник, ибо живёт он по Божьему установлению и для Бога, ибо истина и есть Бог. Познать истину, значит постичь Бога. Поэтому «блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» [Матфей. 5; 10]. Иначе, в религиозном (христианском) мировоззрении правда (истина) имеет смысложизненное значение. Заметим, что в религиозном сознании, как и в обыденной жизни, правда и истина рассматриваются как синонимы.

В научной, публицистической и художественной литературе достаточно давно утвердилось мнение о существовании у русского народа особой правовой ментальности, основанной на правде как высшей смысложизненной ценности. «Русский народ, – писал известный философ права Н.Н. Алексеев, – имеет какую-то свою собственную интуицию политического мира отличную от воззрений западных народов и в то же время не вполне сходную с воззрениями народов чисто восточных» [3, с. 69]. «Русский человек с величайшим подъёмом ищет “правды” и хочет государство своё построить как “государство правды”» [3, с. 83]. Подобных воззрений придерживались С.Н. Булгаков, И.А. Ильин и другие известные русские религиозные мыслители. Эти идеи получили признание и последующее развитие у некоторых современных российских политиков. «От начала российской истории, – пишут Г. Райков и В. Гальченко, – от “Русской правды” Ярослава Мудрого до “Русской правды” декабриста Пестеля, до нравственных прозрений Толстого и совестного гения Достоевского, до плеяды блестящих отечественных мыслителей XIX и XX веков Россия вдохновлялась идеалом “государства правды”» [24, с. 10]. Государство правды – это идеал правового строя, «при котором правда, которой располагает человек перед людьми и Богом, определяет смысл, содержание и применение закона» [24, с. 10]. По мнению авторов, эта особенность русского народа и определяет конфронтацию его правовой интуиции и правового сознания с буквой современного российского либерального закона. Указанная коллизия проявляется и в том, что большинство оправдательных приговоров, вынесенных судом присяжных, оспариваются прокуратурой, а каждый третий вердикт отменяется судом высшей инстанции. Словом, правда, а не право, справедливость, а не закон являются основополагающими принципами жизнедеятельности россиян.

Изложенная точка зрения энергично отстаивается и высшими иерархами Русской православной церкви. Так, в телевизионном выступлении от 22 ноября 2003 г. будущий патриарх Московский и всея Руси Кирилл утверждал, что для россиян правда, а не право является определяющим мотивом поступков. С ним солидаризируется и лидер КПРФ Г.И. Зюганов. По мнению последнего, правда

и справедливость являются смысложизнеопределяющими ценностями русского человека [26, с. 10]. Таким образом, и правые и левые, богословы и атеисты единодушно признают в качестве национальных особенностей русских их мотивационную ориентацию на правду и справедливость, которые, как правило, противопоставляются праву и закону. Отсюда можно сделать вывод, что правовой нигилизм также является национальной особенностью россиян. Необходимо отметить, что подобные взгляды существуют и среди западных учёных. Так, согласно С. Хантингтону, отмеченные ментальные особенности россиян являются признаками восточной цивилизации, для которой такие ценности как конституционализм, права человека, верховенство закона, отделение церкви от государства имеют очень низкий статус [30].

В приведённых воззрениях нас интересует прежде всего три момента: во-первых, действительно ли мотивированность на правду есть исключительно российская черта, если это так, то чем это объяснить; во-вторых, что такое правда, в-третьих, правомерно ли противопоставление правды и права.

Что касается мотивированности русского человека на правду, необходимо заметить, что сторонники этой точки зрения особо не утруждают себя доказательствами в справедливости данного тезиса, кроме ссылок на произведения русских писателей и древнерусские юридические источники (Русская правда). Но можно ли считать объективным доказательством фрагментарные философко-публицистические размышления Ф.М. Достоевского? Они, на наш взгляд, сами требуют глубокого обоснования и объяснения. Не только у россиян, но и у многих других народов древние юридические источники права также назывались правдами. Так, в V–VII вв. существовала Салическая правда франков, в VI–VII вв. – Бургундская и Вестготская правды (Этельбберта, Инэ, Альфреда), в XIII в. – Полесская правда и т.д. Соответственно, не только в русском, но и многих других языках словам правда, право, справедливость придаётся одинаковое значение [32]. С чем это связано? Нельзя не заметить, что все перечисленные юридические источники как и Правда Ярослава Мудрого, Правда Ярославичей и другие документы, входящие в свод древнерусского права, относятся к эпохе Средневековья. Церковь тогда была крупнейшим собственником, а духовенство единственно образованным классом. «Отсюда, – отмечает Ф. Энгельс, – само собой вытекало, что человеческая догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия – всё содержание этих наук приводилось в соответствии с учением церкви» [33, с. 495]. Библия, в которой правда являлась ключевым понятием в объяснении справедливого суда, была базовым источником правопонимания. Произошедшие в XVII-XVIII вв. в Европе буржуазные революции привели к секуляризации общественной жизни. «Место догмы, божественного права заняло право человека, место церкви заняло государство» [33, с. 496]. На смену теологического приходит светское, юридическое мировоззрение, ядром которого являлось буржуазное право. Однако буржуазия, как отмечал Энгельс, в борьбе с дворянством ещё достаточно

долго использует теологическую аргументацию, что получает отражение в лексике, в том числе юридической [33, с. 496-497].

В России живучесть в общественном сознании библейских сентенций на право обусловлено особенностями её истории. Общеизвестно, что формирование древнерусского этноса и государства произошло относительно поздно и почти совпало с принятием христианства. Вскоре после крещения Руси происходит раскол христианства, который не преодолён до сих пор. Бесспорно то, что в годы лихолетья Русская православная церковь выполняла консолидирующую, мобилизирующую роль в обществе. Но, с другой стороны, она не допускала проникновения в Россию иной, особенно западной культуры, которая после раскола христианства рассматривалась как враждебная. Выполняя эту свою охранительную функцию, она консервировала отставание России от её развитых соседей и противилась великим новациям, особенно если они перенимались от Запада. Именно это обстоятельство побудило реформатора Петра I упразднить патриаршество, что означало огосударствление церкви и лишение её политической самостоятельности. Тысячелетняя духовная власть Русской православной церкви и деспотический монархический строй, конечно, сдерживали развитие общества, но не могли его остановить. Реформы Петра I способствовали развитию в России светского права, которое всё же во многом происходило под заметным влиянием западноевропейской философии и юриспруденции. Как это происходило, описывает Н.М. Коркунов: «…нам приходилось начинать с усвоения плодов чужой работы, и нам, прежде всего надо было подняться до уровня иноземной науки… Тем не менее, в каких-нибудь полтораста лет мы почти успели наверстать отделявшую нас от западных юристов разницу в шесть с лишком столетий» [17, с. 233]. В этих словах известного русского юриста ключ к разгадке «особой правовой интуиции, правового менталитета» русского человека. Путь, который западные страны прошли за шестьсот лет, Россия с несопоставимым с ними уровнем грамотности населения «проскакала» в четыре раза быстрее. Конечно, в условиях жёсткого деспотического режима, духовного господства церкви и существовавшего тогда состояния правовой культуры русскому человеку было больше резона уповать на торжество [библейской] правды и божественной справедливости, нежели на силу права и закона.

Понятие правды в силу своей неопределённости, кажется, не может применяться юристами в теоретических работах, где требуется чёткость, конкретность, точность используемых терминов, дефиниций. Тем не менее, в трудах Н.А. Алексеева, И.А. Ильина, Б.Н. Чичерина и других русских правоведов этот термин используется в сочетании с понятием право, закон, справедливость. Объяснить это можно двумя причинами. Во-первых, инерцией предшествующего теологического мышления. Во-вторых, отражением существующей социальной реальности, влиянием обыденного сознания на теоретическое.

В советскую эпоху понятие «правда», насколько нам известно, не использовалось в юридической научной литературе. Интерес к этой теме возник в конце

80-х гг. прошлого века у философов, а в начале этого столетия у определённой части политической элиты. Но если первых интересовал гносеологический контекст проблемы, то вторых политико-правовой. Катастрофические последствия экономических реформ 90-х гг., обнищание народа, криминализация всех сфер общественной жизни вызвали у большинства населения разочарование в западных ценностях, которыми были мотивированы действия реформаторов. В обществе оказались востребованы идеи славянофилов и русских юристов, писавших о самобытности, отличном от Запада историческом пути России и особой правовой ментальности русского человека. Не без основания критически оценивая существующую правовую систему России, сторонники подобных воззрений считают необходимым её реформировать в соответствии с устоявшимся многовековым укладом национального правового сознания.

Так, по мнению уже упомянутых Г.И. Райкова и В.В. Гальченко, реформа «должна начаться с изменения 18-й статьи Конституции, в которой должно быть записано “Правда и совесть (а не права и свободы) человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов…” Не свободы, а правда венчает закон» [24, с. 10]. С точки зрения этих российских политиков изменение 18-ой статьи Конституции «будет иметь самые радикальные последствия для всего нашего правового строя» [24, с. 10]. С этим выводом трудно спорить. Совесть понятие этическое, правда – философско-публицистическое с неопределённым содержанием (если судить по публикациям дореволюционных юристов и современных политиков) и категориальным статусом. К чему придёт Россия, если в её основном законе заменить конкретные юридические понятия, за которыми стоят чёткие обязательства государства по отношению к своим гражданам, пафосными декларациями, которые по определению никогда не могут быть реализованы государством? Такие «улучшения» Конституции вряд ли пошли ей на пользу, она, как известно, не страдает отсутствием декларативности [1].

Учитывая то, что правда, справедливость во многих публикациях сакрализируются, можно сказать, что подобная реформа была бы возвратом к феодальному праву. Сакрализация гипотетических особенностей национального правового сознания выводит обсуждаемую проблему за рамки серьёзного научного дискурса. Наша позиция станет более понятной в свете известной мысли Ф.М. Достоевского: «Если бы мне сказали, что Христос вне истины,.. то мне хотелось бы остаться с Христом, нежели с истиной» [8, с. 176]. Для учёного с научным, а не религиозным мировоззрением истина безальтернативна, она является важнейшим мотивом его познавательной деятельности.

Возвращаясь к вопросу о существовании у русских особых рационально не объяснимых признаков, правовой ментальности, представляется, что серьёзных оснований для такого вывода нет. В настоящее время у россиян (независимо от их этнической принадлежности) есть опасно низкий уровень правовой культуры, что не объясняется ни цивилизационными, ни тем более сакральными

факторами, а вполне земными конкретно-историческими, социально-экономическими причинами. Всякие размышления о том, что идеал России «государство правды», что наш «Бог в правде, а не в силе», что русский человек мотивирован исключительно на правду, справедливость и т.д. – есть политическое лицемерие, к которому одни прибегают для того, сохранить и укрепить духовную, а другие политическую власть. Далеко не случайно то, что подобные идеи стали всё чаще появляться в период глубочайшего кризиса, когда пришло осознание отсутствия эффективного руководства обществом и всё большего отставания России от стран идущих в авангарде исторического процесса. В США и Западной Европе (особенно в скандинавских странах), где никто не кичится своей мотивированностью на правду и справедливость, высшие должностные лица уличённые в публичной лжи отстраняются от власти или добровольно уходят в отставку. Трудно припомнить нечто подобное из истории России и вовсе не потому, что у нас не лгут. Если бы в России существовала такая традиция (а она должна была бы быть при мотивированности россиян на правду и справедливость), то в стране по всей вертикали власти установилась бы политическая чехарда. Сакральное отношение россиян к власти, культивируемое церковью и самой властью, позволяет представителям последней руководствоваться в области морали и права известным принципом: «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку». «Где мораль утверждается на теологии, – писал Л. Фейербах, – а право – на божьих постановлениях, там можно оправдать и обосновать самые безнравственные, несправедливые и позорные вещи» [29, с. 312].

Перейдём теперь к понятию правды. «Закон, – отмечает К.А. Неволин, – по существу своему есть вообще правда. Она или выражает её требование, или устанавливает меры для использования сих требований на самом деле» [22, с. 20]. О связи закона и правды писал также и Б.Н. Чичерин [31, с. 1-2]. Осознавая неопределённость понятия правды, русские юристы полагали, что уяснение смысла этого термина является компетенцией философии. «Точным и твёрдым образом существо правды может быть определено только в философии…», – констатирует К.А. Неволин [22, с. 1-2]. Такой же точки зрения придерживался и Б.Н. Чичерин [31, с. 1-2].

Что же такое правда и как она связана с правом? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть соотношение понятий истина и правда. Понятие правда широко используется в философской, политической, экономической и иных формах публицистики, в искусстве, эстетическом сознании («художественная правда») и, конечно, в повседневной жизни. При этом слово «правда» считается интуитивно ясным по своему смыслу и, как правило, ассоциируется с истиной. Истина, как и противоположное ей понятие – ложь применяется в философии, естествознании, юриспруденции, публицистике, реже в обыденной жизни. Несмотря на близость и схожесть этих понятий истина и правда даже чисто в гносеологическом аспекте, на наш взгляд, не тождественны. Под истиной в философии понимают такие знания, в которых адекватно отражается познаваемая

действительность. Целью познавательной деятельности ученого является постижение истины, но не правды. Чем же отличается правда от истины? Согласно О.И. Грибаковой, правда жизни есть истина, которая трансформировалась в практической деятельности людей. Истина, по мнению автора, как нечто глубинное, должное не реализуется во всей своей полноте в индивидуальном существовании. Правда жизни, претендуя на полноту отражения, удерживает лишь кажимость, видимость явлений, процессов. Поэтому она выступает как превращённая форма истины [7]. Фактически соотношение истины и правды О.И. Грибакова сводит к сущности и явлению. Для такого подхода есть определённые основания, поскольку всякое теоретическое знание, получая своё практическое воплощение, проявляется в повседневной жизни людей и отражается в их обыденном сознании. Но всё же подобную трактовку соотношения истины и правды трудно назвать корректной. Как будет показано ниже даже в гносеологическом контексте соотношение правды и истины не может быть сведено к явлению и сущности. Кроме того, автор рассматривает лишь правду жизни, тогда как нас интересует правда как таковая. Такая же точка зрения относительно истины и правды у И.А. Гобозова и Н.Б. Зазаевой. «На наш взгляд, – пишут они, – следует различать понятия истины и правды. Конечно, оба понятия отражают объективную действительность, но отражают по-своему. Истинное отражение связано с сущностью, а правдивое – с явлением. Истина отвечает на вопрос “Почему?”, а правда – “Как?” Истина – это процесс, причём процесс длительный, в некоторых случаях даже бесконечный, а правда – факт. С нашей точки зрения, юридические науки занимаются не установлением истины, а установлением правды. И не случайно следователь задаёт вопрос обвиняемому в духе “как?”, а не “почему?”» [6, с. 15]. На наш взгляд, в позиции авторов много спорных моментов. Оставляя в стороне вопрос о соотношении истины и правды как сущности и явления, необходимо отметить, что истина действительно может быть бесконечным процессом, если под ней понимать абсолютную истину как полное, исчерпывающее, точное знание о мире в целом. Но это является проблематикой философии, а не юриспруденции. Науки чаще всего имеют дело с истиной конкретной – знаниями, являющимися адекватным отражением конкретного процесса, явления бесконечного мира. И в этом контексте истина может быть отражением конкретного события, факта, например, начала Великой Отечественной войны, или совершения террористического акта. В то же время и в праве познание истины может оказаться длительным процессом. Так, скажем, для раскрытия заказных убийств порой и одного года оказывается мало. По крупицам, усилиями многих людей собирается информация, чтобы раскрыть истину, кто заказчик, кто исполнитель, каковы мотивы преступления. Трудно согласиться и с тем, что юридические науки занимаются поиском правды, а не истины. «В теории права, – отмечает В.М. Сырых, – категория истины применима ко всем видам знаний, в том числе к научным фактам, правовым понятиям, теориям» [27, с. 316]. Это действительно так, ибо любая наука, занятая идеальным освоением действительности, озадачена

получением истинных знаний. Что касается работы следователя, то это деятельность практическая и он (следователь) задаёт подобный вопрос «как?» для того, чтобы выявить, скажем, противоречия в показаниях подозреваемого или уяснить подлинную картину совершения преступления, одним словом, раскрыть истину, а не правду, если правду не сводить к истине, что чаще всего и делается на уровне обыденного сознания. Сказанное вовсе не означает, что автор этих строк отрицает правомерность применения понятия правды в праве. К этому вопросу придётся вернуться чуть позже, но прежде необходимо выяснить, в чём же различие правды от истины.

Любая правда основана на истине, включает в себя истину, но не сводится к ней, ибо имеет ещё форму убеждений, уверенности, веры [9, с. 53]. Чем обусловлена присутствующая в правде убеждённость, уверенность и даже твёрдая оценка? Правда заключается не в просто в знании истины, т.е. констатации факта, но и в умении видеть его в цепи событий, тесной связи с обстоятельствами, породившими данный факт, и следствиями, которые он вызвал или вызовет. Иначе, правда основана не только на знании истины, но и на понимании как значимого знания. Знания приобретают значимый характер только тогда, когда есть их понимание, т.е. человек знает все обстоятельства обусловившие данное событие и особенно те последствия, которые оно в свою очередь вызвало или вызовет. Такое понимание придаёт знаниям (правде), с одной стороны, форму убеждённости, уверенности, с другой, позволяет человеку комментировать, интерпретировать знания. Стало быть, знание и понимание не одно и то же, последнее есть нечто большее, чем просто знание, оно предполагает возможность интерпретации имеющихся знаний. Это различие станет очевидным, если вспомнить примеры «слепого» заучивания, зубрёжки, запоминания материала некоторыми студентами без понимания существа дела. Понимание значимости знаний позволяет человеку давать оценку событийному факту. Поэтому правда помимо собственно знания истины, понимания, убежденности, уверенности несёт в себе аксиологическую (оценочную) компоненту. Но оценки определяются системой ценностей существующей в обществе, в котором прошёл социализацию и живёт индивид. Поэтому оценки относительно одного и того же события могут быть различными в разных обществах, соответственно и правда будет разная, хотя истина одна. Так, правда относительно событий в августе 2008 г. в Южной Осетии, в России и на Западе (особенно в США) у каждого своя. Различие касается интерпретации, комментирования, объяснения причины и соответственно оценок этих событий. От всего этого зависит конечный вывод кто виновник военного конфликта и гибели людей и кто должен нести ответственность за это. Тоже самое можно сказать относительно уголовного дела, возбуждённого против руководителей «Юкоса». На Западе и в России (официальной) разная правда по делу М. Ходорковского и П. Лебедева. Но даже в одном и том же обществе относительно одних и тех же событий может быть разная правда. «Мера человеческой оценки, – пишет Л. Фейербах, – вырабатывается в зависимости от сословной

принадлежности и различных степеней богатства и бедности» [28, с. 464]. Утверждая, что у разных социальных групп своя правда, не впадаем ли мы в гносеологическо-аксиологический релятивизм? Очевидно нет, если учитывать, что правда означает не только истинное, правильное, верное, но и должное, справедливое. Правда является должным, справедливым, если оценочная в ней компонента соответствует высшим ценностям, соответствующим идеалам человечности [10, с. 17]. Справедливость – это понятие о должном, обусловленное пониманием сущности человека и его неотъемлемых правах [25]. Как нравственно-правовое понятие справедливость содержит в себе требование соответствия между правами и обязанностями индивидов, их трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием. Нарушение указанного соответствия оценивается как несправедливость. Соответствие между деянием и воздаянием может быть нормой в обществе, где человек признаётся высшей ценностью, мерилом и критерием оценки поступков людей, деятельности социальных институтов. Интересы, требующие нарушение этого соответствия, как отмечает Д. Ролз, не имеют ценности и не являются основанием для попрания справедливости [25, с. 41]. Справедливость не может быть «предметом политического торга и калькуляцией социальных интересов» [25, с. 38]. В таком обществе торжество правды означает торжество справедливости и наоборот. Поскольку в основе правды лежит истина, то безусловно прав Д.И. Дубровский, который отмечает, что истина и справедливость выступают двумя взаимообуславливающими ипостасями правды [10, с. 17]. Правда, включающая оценки на основе понимания человека как высшей ценности, даёт основание относиться к истине как важнейшей добродетели познавательной деятельности человека, а справедливости как первой добродетели общественных институтов.

Противоположностью истины является ложь, контрарным понятием правды выступает обман (неправда). Обман может проявляться в самых разных формах: как откровенная ложь, как полуправда и т.д., анализ которых не входит в нашу задачу [9]. Если правда обусловливает справедливость, то обман напротив порождает несправедливость, особенно когда речь идёт о намеренной лжи. Последняя, в отличие от правды, основана на низших ценностях. Такие добродетели как истина, справедливость, совесть, достоинство, честь для транслятора обмана не являются определяющими. Лжеца обыкновенно называют бесчестным человеком. Это означает, что у него нет чувства человеческой чести, он не в состоянии осознавать общественную значимость своих поступков, не способен нести ответственность за них (говорить правду), что свидетельствует также об отсутствии человеческого достоинства. Как видим обман противоречит не только высшим ценностям – истине, справедливости, но и основополагающим нормам морали. Поэтому обман представляет безнравственную форму защиты собственных или групповых интересов [9, с. 6].

На переходных этапах истории, в периоды глубочайших социальных кризисов, сопровождающихся нравственно-духовной деградацией общества,

происходит резкое падение ценности человека и человеческой жизни. Человек из цели и высшей ценности общественной жизни превращается в средство. В этих условиях для немалой, причём социально-активной части населения, приоритетными оказываются не высшие, а низшие ценности. Намеренная ложь становится обыденным явлением общественной жизни. Поскольку трансляторы обмана чаще всего выступают как рьяные поборники истины и справедливости, в обществе происходит эрозия представлений о высших социальных ценностях. Излишне говорить, что там, где обман становится обыденным явлением, не может быть свободы, ибо свобода, прежде всего, предполагает возможность выбора. «Человек, "живущий во лжи", полный заблуждений относительно себя и окружающих не может быть свободным» [23, с. 6]. Но свобода есть «субстанция права» (Гегель), а право нормативная форма бытия свободы. Поэтому там, где нет свободных индивидов, там и нет субъектов права, реально действующих правовых норм и отношений соответственно нет и справедливости как компонента правды. В этой связи можно сказать, что привыкание и примирение с обманом деформирует не только нравственные, но и правовые механизмы социальной саморегуляции. Общество теряет управляемость и входит в социально-политический штопор, из которого только два выхода: потеря государственности или чрезвычайные меры. Таким образом, правда, даже в своём публицистическом контексте, оказывается завязана с правом.

Возникает вопрос, существует ли правда в самом праве, можно ли говорить о юридической правде, каково её содержание и сущность? Представляется, что на первую часть вопроса следует ответить однозначно положительно. Содержание, точнее структура юридической правды, во многом схожа со структурой правды публицистической, о которой говорилось выше. Как и любая правда правда юридическая связана с истиной. Последняя есть результат познавательной деятельности осуществляемой в правоприменительной практике в соответствии с установленными законом специальными требованиями (формами). Разумеется, истина является также результатом познавательной деятельности учёных-юристов. Однако эта юридическая деятельность нами здесь не будет рассматриваться, поскольку она, как и любое научное познание, ставит своей целью постижение истины, а не правды. Познание в правоприменительной сфере нацелено не на выявление социальных закономерностей, а на изучение конкретных юридических фактов, обстоятельств в связи с необходимостью применения правовых норм [2, с. 528]. Иначе говоря, данная познавательная деятельность имеет локальный предмет исследования и решает ограниченные задачи. Это даёт основание говорить, что её результатом является конкретная истина. В философии под конкретной истиной понимается знание, полученное на основе познания определённой (конкретной) области бесконечного мира и отражающее конкретно-исторический уровень развития науки и общественно-исторической практики. В юриспруденции, насколько нам известно, понятие конкретной истины не применяется. Чаще используется словосочетание истина по делу, истина

факта [12; 13; 2]. Необходимо отметить, что осознание методологического значения философского учения об истине для решения правовых проблем среди учёных-юристов произошло достаточно давно ещё в 50-60х гг. прошлого века. Об этом свидетельствует признание в юриспруденции в качестве общеобязательного требования правоприменительной деятельности принципа объективной истины. «Истина в юридическом деле, – указывает С.С. Алексеев, – должна быть полной, точной, действительной, т.е. объективной истиной в строгом философском значении этого слова…» [2, с. 532]. Объективная истина в строгом философском смысле означает такое содержание наших знаний, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества [2, с. 533]. Игнорирование и тем более сознательное нарушение принципа объективной истины ведёт к субъективизму, что, конечно, не может не сказаться на справедливости решения правоприменительного органа. Несомненно, принцип объективности истины является важнейшим требованием правоприменения, но является ли он необходимым и одновременно достаточным? Этот вопрос возникает, поскольку в гносеологии помимо конкретной и объективной выделяют ещё истину относительную и, как уже отмечалось, истину абсолютную. Все эти виды истин характеризуют одно и то же знание, но в разных аспектах. Оценка знаний как объективной истины обусловлена применением принципа материализма к познавательному процессу и представляет характеристику знаний со стороны их онтологических оснований. Содержание наших знаний определяется предметом познания и поэтому объективная истина носит парадоксальный характер. Хотя она и существует в сознании человека, тем не менее не зависит от самого человека, его сознания. Знание как результат идеального освоения действительности носит интенциальный характер и поэтому истина всегда конкретна (является истиной факта, истиной по делу), что указывает на предметность, определённость содержания наших знаний как отражения обособленно существующих предметов, событий. Относительная и абсолютная истины характеризуют знания со стороны их полноты, всесторонности, точности, степени адекватности. Между всеми этими видами истин существует сложная диалектическая связь, которая не всегда одинаково трактуется даже философами. Возможно, именно это обстоятельство было одной из причин возникновения среди юристов дискуссии о применимости философских понятий к правовой практике. «В литературе, посвящённой процессуальному праву, – пишет С.С. Алексеев, – идёт спор о природе объективной истины, устанавливаемой по юридическим делам. В самом деле, какова истина, если рассматривать её с позиций общефилософского значения об абсолютной и относительной истинах?» [2, с. 534]. «Если признавать истину в юридических делах абсолютной, – отмечает учёный, – то это не только противоречит её характеру (…), но и лишает какого-либо смысла существования системы обжалования и опротестования юрисдикционных решений, требует от них того чего они не могут дать, да и не должны давать. Вместе с тем если считать истину в юридических делах относительной, то это явно подрывает авторитет

юрисдикционных решений, даёт основания предположить, что истина в юридических делах может быть неточной, приблизительной» [2, с. 533]. В своих размышлениях по поводу относительности истины в юридических делах автор, конечно, прав. Решение суда наверняка будет опротестовано (даже по формальным основаниям), ибо не были учтены все обстоятельства дела, иначе суд опирался на неполные, неточные знания. Однако трудно согласиться с С.С. Алексеевым в том, что если суд оперирует абсолютной истиной, исчезает возможность опротестования юрисдикционных решений, ибо в конечном итоге мотивом протеста или кассационной жалобы является не природа истины по делу, а несправедливость самого приговора. Суд может располагать полной, точной, исчерпывающей информацией по делу, но вынести спорное решение, поскольку, как нам видится, подобные решения зависят от многих факторов и не всегда субъективных. Стороны, участвующие в правовом процессе (обвинение, защита, судья), конечно, опираются на истину по делу, но руководствуются, на наш взгляд, юридической правдой, которая у субъектов права может быть разной (скажем, у прокурора и адвоката). Обнаружив неразрешимое противоречие при применении абсолютной и относительной истины в юридических делах, С.С. Алексеев считает неоправданным использование этих категорий в правоприменительной практике. Учёный присоединяется к точке зрения Ю.К. Осипова, согласно которой «в вопросе о характере истины в судебном процессе практически важно не то является ли она абсолютной или относительной (такая постановка вопроса в данном случае практически вряд ли уместна), а то, что она является объективной истиной, т.е. представляет собой соответствие выводов суда содержащихся в приговоре или решений действительности» [2, с. 534]. Прежде всего уместно отметить, что приговор суда нельзя оценивать в аспекте его истинности или ложности, он может быть справедливым или несправедливым [27, с. 324–327]. Конечно, познание в правоприменительной деятельности отличается от теоретического научного познания, тем не менее необходимость применения в юридических делах понятия относительной и абсолютной истины не вызывает сомнений, поскольку различные виды истин, как уже отмечалось, характеризуют разные аспекты полученных знаний. Истина факта (убийство, ограбление, мошенничество и т.д.), несмотря на свою объективность, может и не быть полным, исчерпывающим знанием по юридическому делу, которое могло бы быть основанием для совершения правосудия. Для этого она должна стать истиной абсолютной.

Понятие абсолютной истины, на наш взгляд, имеет два смысла. Первый, предельно широкий философский означает полное, исчерпывающее, точное знание о мире в целом. Понятно, что эта истина есть бесконечный процесс приближения к этому знанию. Второй смысл – это полное, исчерпывающее, точное знание о конкретном предмете, событии, юридическом факте. Юридическая истина по делу есть всегда конкретная истина и в силу своей конкретности она вначале выступает как относительная истина, т.е. как неполное, неточное знание о событии. В последующем в результате работы органов дознания, следствия и самого

суда эта истина из относительной должна превратиться в абсолютную и представлять исчерпывающее, полное, точное знание события (скажем, обстоятельств совершения преступления, мотивов и т.д.). Решение суда должно опираться на истину абсолютную и, конечно, объективную. Если руководствоваться принципом неисчерпаемости («электрон также неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна…» [20, с. 277], то не только знания о мире, но и о любом конкретном предмете, не могут признаваться абсолютно полными, точными, исчерпывающими, раз и навсегда данными и неизменными. Это, конечно, так. Но в правовом познании необходимо различать знания значимые и не значимые для понимания сущности данного юридического дела и соответствующей правовой квалификации деяния. Если, например, все пострадавшие хорошо знают мошенника, для суда малозначима информация о цвете его ботинок или галстука. Зато принципиально важно знание о используемых им «схемах» осуществления афер, масштабах ущерба и т.д. Подобная информация имеет конечный характер и позволяет получить полное, точное, исчерпывающее знание по существу дела.

Как известно, правовое познание состоит из двух структурных компонентов: исследования фактических обстоятельств дела и осмысления правовых предписаний, образующих юридическую основу применения толкования. В единстве они образуют интеллектуальную основу правоприменения. Для сторон правового процесса эта интеллектуальная основа правоприменения как по своему содержанию, так и по характеру оказывается юридической правдой. Почему? Вспомним. Что правда помимо истины факта включает в себя знание всех обстоятельств, которые способствовали возникновению данного факта и тех последствий, которые вызвали это событие. Такое всестороннее знание даёт возможность интерпретировать данное событие, что свидетельствует о понимании сущности происшедшего факта и его значимости. То же самое можно сказать относительно правового познания, которое включает в себя установление юридического факта противоправного деяния (непосредственное познание) и исследование всех обстоятельств, при которых произошло данное преступление (опосредованное познание). Получение самого исчерпывающего знания по юридическому делу (выявление преступника, мотивов его деяния, конкретных данных о способе совершения преступления, свидетелей, прямых и косвенных улик, последствий для потерпевшего и т.д.) даёт понимание сущности исследуемого противоправного деяния и позволяет интерпретировать его как с позиций чисто человеческих (неправовых), так и с правовых. Постижение полной, исчерпывающей информации по юридическому делу позволяет субъекту права как транслятору истины придать этим своим знаниям эмоционально-оценочную компоненту убеждённости во владении правдой. Но в правде вообще и юридической правде в особенности важна не столько субъективно-эмоциональная, сколько аксиологическая (в праве – институционально-оценочная) компонента. Очевидно, что не всякое жизненное событие превращается в юридическое дело, а лишь то, которое нуждается в правовом регулировании, получает соответствующую

институциональную оценку и становится предметом юридических действий со стороны правоприменительных органов. Поэтому важной стороной деятельности правоприменительного органа является познание и выбор правовых норм, на базе которых даётся оценка расследуемого жизненного случая и устанавливается, таким образом, юридическая основа дела. Определяя правовую квалификацию расследуемого дела, правоприменительный орган стремится найти точную юридическую форму выражения воли законодателя. Поскольку в идеале в юридической оценке расследуемого дела адекватно отражается воля законодателя и в определённой мере всего общества, она не [должна] носит[ь] субъективный характер. Поэтому формально юридическая правда отнюдь не «отсебятина» (в том смысле, что у каждого своя собственная правда), а объективно обусловленный правовой феномен. В идеале по своему содержанию она представляет полное, исчерпывающее, объективно-истинное знание обстоятельств дела, её правовую интерпретацию и оценку. Кроме того, как уже отмечалось, в правде, в том числе и юридической, есть чувственно-эмоциональная компонента, проявляющаяся в уверенности, убеждённости субъекта права в своей правоте, что именно такая интерпретация и оценка расследуемого жизненного случая является правильной и лишь она может быть основанием справедливого решения. Представляется, что эта компонента юридической правды не играет существенной роли при принятии решения правоприменительным органом. Однако её значение может сильно возрасти, если вердикт выносят присяжные заседатели. К сказанному можно было бы ещё добавить, что юридическая правда, которой оперирует человек, представляющий правоприменительный орган, и его собственное понимание правды («правды жизни») как частного лица, могут не только не совпадать, но и находиться в коллизии друг с другом. Очевидно, что и правда коллегии присяжных заседателей далеко не всегда может совпадать с юридической правдой правоприменительных органов. В этом, как нам представляется, одна из причин того, что вердикты суда присяжных достаточно часто оспариваются прокуратурой и судом высшей инстанции.

Юридическое познание есть чрезвычайно сложный рефлексивный процесс, где расширение знания об обстоятельствах дела требует более глубокого осмысления правовых норм и актов, а анализ правовых норм делает необходимым снова обращаться к фактам. Это означает, что юридическая правда, которая формируется при правовой квалификации жизненного случая на начальных этапах его расследования, может существенно отличаться от правды, выявленной на заключительном этапе деятельности правоприменительных органов. Иначе, юридическая правда процессуальна, она может меняться во времени. Но как ни парадоксально, даже в одно и то же время при единстве предмета в этом случае решение правоприменительного органа будет свидетельствовать о торжестве закона и справедливости. Однако современное позитивное право, как подметил Д. Ролз, независимо от национально-государственной своей формы несёт в себе потенциальные возможности принятия правоприменительными органами решений

далёких от справедливости. К факторам, порождающим подобные результаты учёный относит, «расплывчатость законов в общем и широкую сферу дозволенных их интерпретаций, процедурное несовершенство уголовного суда, когда даже формальное следование закону может привести к судебной ошибке; чрезвычайная усложнённость юридических норм, правил затрудняющих понимание их смысла и точное выполнение требуемых предписаний» [25, с. 65, 86, 212]. На несовершенство российского законодательства, нередко порождающего из-за этого произвол, указывает Председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин [15, с. 13]. По оценкам экспертов ежегодно принимаются тысячи законов, однако каждый седьмой закон содержит серьёзные ошибки [34, с. 6]. Резко критически оценивается учёными-юристами существующий УПК РФ, который по ряду своих положений не только не отвечает международным требованиям к подобного рода документам, но и существенно уступает по качеству аналогичным кодексам ряда республик СНГ [10]. Несовершенство законов при определённых условиях может негативно сказаться на расследовании как обстоятельств дела, так и определении его юридической основы, что, конечно, влияет на содержание и характер юридической правды, которой оперируют правоприменительные органы. Формально суд руководствуется юридической правдой, но в такой правде может отсутствовать объективно обусловленное содержание и адекватная правовая оценка – обязательные условия справедливого решения. В действительности под формой юридической правды может скрываться правовая ошибка (неправда) определяющая неправедное решение суда.

Позитивное право есть постоянно изменяющаяся сложная система и она по определению не может быть идеально совершенной. Поэтому частота совершаемых юридических и судебных ошибок, их характер зависит от знания, опыта, интуиции, нравственности тех, кто применяет это важнейшее достижение цивилизации. «Как бы хороши не были правила деятельности, – писал А.Ф. Кони, – они могут потерять свою силу и значение в неопытных, грубых или недобросовестных руках. Чем больше оттенков в своём практическом применении допускают эти правила, тем грубее касаются они личности и участия человека, тем более важным интересам общественной жизни они служат, тем серьёзнее представляется вопрос в чьи руки отдаётся применение этих правил и при каких условиях» [16, с. 34-35]. «Законы важны не тем, что они написаны на бумаге, – отмечал В.И. Ленин, – но тем, кто их проводит…» [19, с. 110].

Люди, в чьих руках находятся законы, могут совершать две разновидности юридических ошибок. Первая, когда в их действиях нет умысла в совершении произвола. В процессе юридического познания допускается непроизвольная ошибка, которая воспринимается правоприменительными органами как правда, а затем на основе такой юридической правды выносится неправедное решение. В философии неумышленно допущенная ошибка (знания, в которых неточно отражается, неадекватно интерпретируется сущность познаваемого предмета), но принимаемая за истину, называется заблуждением. Правда, если она основана не

на истине, а на ошибке (заблуждении), строго говоря, есть неправда. Применительно к праву подобный феномен, вероятно, может быть назван правовым заблуждением, которое отождествляется правоприменительными органами с юридической правдой. Понятно, что такие ошибки свидетельствуют о низком профессионализме правоприменительных органов. В этом, на наш взгляд, ещё одна из причин того, почему множество оправдательных приговоров выносимых судами присяжных у нас в стране обжалуются и пересматриваются в судах высших инстанций. Согласно некоторым исследованиям, 70 % дознавателей органов внутренних дел РФ не имеют высшего юридического образования [11]. Но не лучше обстоит дело и у большинства из тех, кто такое образование имеет. Согласно А.А. Фурсенко, из 700 тыс. ежегодно выпускаемых юристов лишь 7–10 % имеют надлежащую квалификацию [14, с. 2].

Другая разновидность юридических ошибок те, которые совершаются умышленно. Сознательно допущенная ошибка с целью введения кого-либо в заблуждение есть обман, ложь. Обман оказывается тем успешнее, чем выше авторитет транслятора лжи. В праве авторитет законодателя, государства даёт возможность человеку представляющего правоприменительный орган довольно легко под личиной юридической правды провести ложь (неправду) и совершить произвол, несправедливость. Согласно председателю Следственного комитета при прокуратуре РФ А.И. Бастрыкину, только за шесть месяцев 2008 г. были возбуждены уголовные дела против 95 следователей, 13 прокуроров, 18 судей, 72 адвокатов [4, с. 7]. Поскольку несправедливость творится от имени закона и государства, в обществе возникает недоверие к этим институтам призванных бороться с произволом. Теряется вера людей в торжество правды и справедливости. Правовой нигилизм постепенно становится обыденным явлением на всех ступенях социальной пирамиды, усиливая произвол и беззаконие. Происходит эрозия высших социальных ценностей. Право и мораль перестают быть социальными регуляторами жизнедеятельности людей, возникает опасность существованию самого государства. На эти негативные тенденции, возникшие у нас в стране, указывает председатель комитета Госдумы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству П.В. Крашенинников: «…уважение к закону, духу закона, правосудию не стало высшей ценностью ни для чиновников, ни для элит, ни для народа. И это обстоятельство начинает сильно тормозить развитие страны, усугубляет кризисные явления (…), лишает страну перспектив» [14, с. 2]. Таким образом, фальсификация юридической правды оказывается крайне негативным явлением для общества не только потому, что допускает произвол в отношении конкретных людей, но и по своим социальным последствиям.

Что можно предпринять, чтобы минимизировать неумышленную и умышленную фальсификацию юридической правды? Представляется, что в нашей стране решение этой задачи находится не только и не столько в сфере экономической, сколько в социально-духовной. Очевидно, что истоки низкого

профессионализма людей, занятых правотворческой, правоохранительной и правоприменительной деятельностью, надо искать в сложившейся системе образования, находящейся в глубоком кризисе. Реформы 90х гг., прошедшие на основе идей рыночного фундаментализма, радикально изменили социальные ценности, идеалы общества, дегуманизировали социальную реальность. Коммерциализация и клиентизация системы образования превратили ВУЗы в образовательные учреждения по предоставлению образовательных услуг. Озадаченные выживанием и реагируя на ажиотажный спрос ВУЗы стали в массовом порядке готовить юристов, хотя многие из них не имеют для этого ни материальной, ни особенно интеллектуальной базы. Понятно, что образование в них носит преимущественно имитационный, символический характер. Сегодня в стране юридическим специальностям готовят 1165 ВУЗов и только 52 из них профильные [14, с. 2]. Планируемая министерством образования и науки, а также Ассоциацией юристов России государственная и общественная аккредитация юридических ВУЗов и факультетов с опубликованием их рейтингов, возможно, уменьшит количество инкубаторов, выращивающих псевдоюристов. Это, наверняка, скажется на качестве подготовки юристов, но всё же представляется, что указанные мероприятия являются лишь паллиативом. Дело в том, что коммерциализация образования основательно изменила сущность этой важнейшей сферы деятельности. Рынок, особенно если он дикий, работает по принципу – максимум прибыли при минимуме издержек. Это не могло не сказаться на интеллектуальных затратах как тех кто учится, так и тех кто учит. Образование не только приобрело имитационный характер, но и лишилось своей важнейшей воспитательной компоненты. Оно дегуманизировалось [21]. Выдавая «на гора» сотни тысяч юристов [5, с. 8], ВУЗы мало заботились о том, чтобы будущий обладатель диплома был порядочным человеком и достойным гражданином. Между тем, именно эта нравственная компонента личности правоведа имеет важное значение для предотвращения умышленной фальсификации юридической правды, честного выполнения своих профессиональных обязанностей. Следует согласиться с П.В. Крашенинниковым в том, что без мотивированности на торжество правды, права, справедливости теряет смысл профессия юриста [14]. Такие же идеи высказывает Д. Ролз [25, с. 65]. Люди не позволят педофилу работать в образовательном учреждении, будь у него хоть десять дипломов самых престижных педагогических институтов. Почему же они доверяют свою судьбу человеку с дипломом юриста, невзирая на его нравственные качества? Не будет преувеличением сказать, что некоторые идеи Платона сегодня чрезвычайно актуальны. Юридическое образование должно сопровождаться формированием личности, обладающей обязательными для будущей правовой деятельности нравственными качествами, – правдивость, честность, совестливость, сострадание, патриотизм и т.д., без которых невозможно самоограничение, саморегуляция индивидов, наделённых властью. Поэтому, как нам кажется, требуется радикальное изменение идеологии и политики российского образования вообще, юридического в особенности.

Наконец, ещё одним барьером на пути юридических ошибок и фальсифицированной правды может быть транспарентость всей системы российского права, позволяющего контролировать её работу со стороны гражданского общества. Суды присяжных есть шаг в этом направлении. Но чтобы подобные меры давали должный эффект, нужно существенное повышение правовой культуры общества, поскольку, как было показано, юридическая правда далеко не всегда совпадает с правдой жизни.

Список литературы

1. Авакьян С. Конституция и Парламент: размышления по поводу юбилея // Российская Федерация сегодня. 2008. № 23.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2008.
3. Алексеев С.С. Русский народ и государство. М., 1998.
4. Богданов Вл. Коррупция по списку // Российская газета. 8 августа 2008г.
5. В настоящее время в России порядка полутора миллиона зарегистрированных юристов, столько же незарегистрированных // Российская газета. Неделя. 23-29 апреля 2009 г.
6. Гобозов И.А., Зазаева Н.Б. Философия права составная часть социальной философии // Философия общества. 2008. № 1.
7. Грибакова О.И. Понятие «истины» и «правды жизни» в контексте формирования мировоззренческой культуры студентов // Вопросы общественных наук. Киев. 1992. № 50.
8. Достоевский Ф.М. Н.Д. Фонвизиной // Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 1.
9. Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. М., 1994.
10. Дубровский Д.И. Полуправда: её природа и социальные функции // Философские науки. 1990. № 11.
11. Еникеев З.Д. Совершенство законов и эффективность их принятия как высшее условие борьбы с преступностью // http://Kalinovsky-K.narod.ru(b)uba20042.enikeev.htm.
12. Закомлестов А.Ф. Судебная этика. СПб., 2002.
13. Закомлестов А.Ф. Юридическая философия. СПб., 2003.
14. Законный брак // Российская газета. 17 апреля 2009 г.
15. Зорькин В.Д. Стандарт справедливости // Российская газета. 8 мая 2007г.
16. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Собр. соч. В 8 т. М., 1967. Т. 4.
17. Коркунов Н.М. История философии права. СПб., 1908.
18. Кун Н.А. Легенда и мифы Древней Греции. М., 1998.
19. Ленин В.И. Доклад на собрании большевиков // Полн. собр. соч. Т. 31.
20. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18.
21. Мусаелян Л.А. Болонский процесс и повышение качества образования // Университет в системе непрерывно образования: Материалы Международной научно-методической конференции. Пермь, 2008.

22. Неволин К.А. Энциклопедия законоведения // Полн. собр. соч. СПб., 1857. Т. 1.
23. Псевдонаучные знания в современной культуре (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2001. № 6.
24. Райков Г.И., Гальченко В.В. Свобода для человека или человек для свободы // Независимая газета. 13 мая 2003 г.
25. Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск. 1995.
26. Семь шагов Г. Зюганова // Российская газета. 13 февраля 2009 г.
27. Сырых В.М. Элементный состав // Логические основания общей теории права. М., 2004. Т. 1.
28. Фейербах Л. История философии. М., 1967. Т 1.
29. Фейербах Л. Сущность христианства // Избранные философские произведения. В 2 т. М., 1955. Т. 2.
30. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
31. Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1900.
32. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право. Введение в теорию. Красноярск. 2004.
33. Энгельс Ф. Юридический социализм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21.
34. Ямшанов Б. Ошибки в законе // Российская газета. 7 декабря 2007 г.

РЕФОРМЫ 90-х И ИХ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ*

Введение: в статье исследуется влияние реформ 90-х на состояние экономики и политико-правовой системы современной России. **Цели:** проанализировать подлинные мотивы и логику деятельности реформаторов и выявить факторы, обусловливающие возникновение и накопление современных жизненно важных проблем России. **Методологической основой** работы являются принципы материалистической философии, диалектики (развития, всеобщей связи, противоречивости, детерминизма), общенаучные методы анализа и синтеза. **Результаты:** негативные последствия реформ – перманентные экономические кризисы и неэффективные политико-правовые институты управления были предопределены характером и способом осуществления реформ, которые диктовались экономическими и политическими интересами реформаторов и их зарубежных кураторов. Реформы вызвали алиенацию в экономической и политико-правовой сферах общества. В экономике произошло отчуждение собственности от собственника, в политике − народа от власти и власти от народа, в праве – правоприменителей от права. Реформы, как они осуществлялись, были вуалированным, а в ряде случаев демонстративным проявлением правового нигилизма. В итоге Россия в базисе приобрела паразитарную форму олигархического капитализма, мотивированного на вывоз капитала, а в надстройке при формальном существовании многопартийности возникла однопартийная политическая система, фундированная на авторитете лидера. При такой конструкции резко возрастает значение субъективного случайного фактора в общественной жизни, усиливаются риски политической дестабилизации и распада государства. **Выводы:** реформы отбросили страну на полупериферию мир-истории. Для адекватного ответа на современные вызовы, с которыми сталкивается Россия, необходима самодостаточная высокотехнологичная экономика, устойчивая, эффективно функционирующая политико-правовая система, взаимное доверие власти и народа как условие консолидации общества. Для этого нужна иная идеология, чем та, которой придерживаются современные единомышленники реформаторов во властных структурах.

Ключевые слова: реформы; неолиберализм; приватизация; негативные последствия; кризис; отчуждение; политико-правовая система; правовой нигилизм

* Впервые опубликовано: Мусаелян Л.А. Реформы 90-х и их экономические и политико-правовые последствия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – № 39. – С. 36–52. – DOI 10.17072/1995-4190-2018-39-36-52.

Введение

При всей важности политико-правовых институтов в жизни современного социума они тем не менее не являются самодостаточными. Их существование и развитие, как писал один немецкий юрист, «коренятся в материальных жизненных отношениях», которые он назвал базисом государства и права [25, с. 6]. Однако последние (надстройка) не только зависят от экономики, но имеют относительную самостоятельность и, более того, активно влияют на свою основу. Надстройка может содействовать развитию экономики и других сфер общественной жизни, но может превратиться в деструктивный фактор, способствующий углублению кризисных явлений в базисе, а в конечном счете, и самой надстройки [43; 44]. Взаимовлияние экономики и политико-правовых институтов давно стало предметом исследования ученых, в том числе и юристов, как у нас в стране, так и за рубежом [40].

Реформы 90-х и факторы, определившие их негативные последствия

Современное состояние экономики и права в нашей стране характеризуется экспертным сообществом как кризисное [14; 37]. Этот кризис в значительной степени является следствием реформ 90-х. Значение последних выходит далеко за рамки их конкретно-исторических негативных последствий, поскольку они кардинально изменили вектор исторического движения России, типологию политико-правовых институтов, их социальную базу, субъектность, принципы управления всеми сферами общественной жизни. В результате реформ страна открылась миру и постепенно интегрировалась в глобальное экономическое, финансовое, информационное, образовательное и правовое пространство. В то же время вследствие реформ произошел опасный рост финансовой, технологической, продовольственной, лекарственной зависимости России от мирового рынка. Экономические кризисы, периодически происходящие в различных регионах мир-капитализма, опустошительным эхом стали отзываться в России. Конечно, при открытости миру нестабильность на глобальных рынках не может не влиять на национальную экономику любого государства. Однако если принять во внимание тот факт, что два последних мировых кризиса 1998−1999 гг. и 2008−2009 гг. не имели таких последствий, как в России, в КНР, ФРГ, Швеции и других странах, также интегрированных в глобальную экономику, то напрашивается вывод, что причины периодически повторяющихся у нас спадов следует искать в институтах управления страны. Укоренившаяся уже много лет в России практика ручного управления, когда главным автором эффективного решения экономических, социальных, политико-правовых проблем даже в регионах является Президент, указывает на критически низкую эффективность политико-правовых институтов. Между тем, демократия – это правление закона, а не правление человека [10, с. 14]. Если называть вещи своими именами, то можно говорить о кризисе политико-правовых институтов страны.

Значимым фактором, негативно влияющим на состояние экономики страны и в конечном счете на ее политико-правовые институты, является такой компонент надстройки, как идеология российской элиты. Об особенностях постсоветской элиты, которая формировалась в 90-е годы, писалось и пишется много как отечественными, так и зарубежными исследователями [36]. Здесь уместно воспроизвести точку зрения двух авторитетных американских ученых, лауреатов Нобелевской премии по экономике М. Кастельса и Дж. Стиглица. Оба хорошо знали идеологию и технологию проводимых в России реформ, мировоззрение и профессиональные качества реформаторов. «Экономика потерпела крушение, – отмечает М. Кастельс, – вследствие спекулятивных маневров номенклатуры ради собственной выгоды, вследствие безответственных рекомендаций о введении абстрактной политики свободного рынка со стороны Международного валютного фонда, некоторых западных советников и политически неопытных экономистов. Все это привело к невыносимым страданиям народа. Криминальная экономика выросла до пропорций невиданных в крупной индустриальной стране, связываясь с мировой криминальной экономикой и становясь фундаментальным фактором, с которым нужно считаться как в России, так и на международной арене» [15, с. 490].

По мнению Дж. Стиглица, идеология неолиберализма с ее макроэкономической стратегией «Вашингтонского консенсуса», реализованная в России в 90-е годы, обернулась экономическим упадком, массовым обнищанием населения, критическим социальным расслоением общества. Если в 1989 г. только 2 % россиян жили в бедности, то к концу 1998 г. таких было уже 23,8 % (при критерии 2 дол. в день). Если же взять критерий существования менее 4 дол. в день, то бедные составляли более 40 % населения [35 с. 187]. «Россия, – заключает американский ученый, – обрела самое худшее из всех возможных состояний общества – колоссальный упадок сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства» [35, с. 188]. И это, как отмечает Дж. Стиглиц, происходило во всех странах, где США удавалось навязать идеологию рыночного фундаментализма. В тех же странах, где не прислушивались к советникам из МВФ и Уолл-стрита, ситуация, как показывает ученый, оказывалась совершенно иной. В этой связи Дж. Стиглиц сравнивает модернизацию в Китае и реформы в России. В Китае программа модернизации разрабатывалась собственными силами. В результате «если в 1990 г. ВВП КНР составил 60 % от российского, то к концу XX в. соотношение стало обратным. В то время как в России произошел беспрецедентный рост бедности, в Китае беспрецедентное сокращение бедности» (на 150 млн человек. – Л. М.) [35, с. 24]. По авторитетному мнению американского экономиста, такие совершенно разные последствия реформ в Китае и России вполне закономерны, ибо «программа либерализма не была программой роста, она создавала условия для деградации, шло обдирание активов и вывоз капитала» [35, с. 176].

Негативные последствия реализуемой идеологии усугублялись еще субъективными особенностями самих российских реформаторов. Как отмечает Дж. Стиглиц, США сделали ставку на лидеров России, которые оказались или некомпетентными, или коррумпированными или одновременно и тем, и другим [35, с. 224].

В начале нулевых годов новый Президент России публично дистанцировался от реформаторов 90-х, исповедующих рыночный фундаментализм. Тем не менее правительство страны, состоящее преимущественно из либералов, продолжало применять исключительно монетаристские методы управления экономикой. В результате Россия, не успев выйти из одного кризиса, погружалась в другой. Если продолжить сравнение экономического развития России и Китая за последние шестнадцать лет, то очевидно еще большее отставание нашей страны. Так, если в конце 90-х ВВП Китая превышал ВВП России на 40 %, то уже в 2015 г. превосходство экономики Поднебесной над экономикой своего северного соседа по этому показателю стало почти девятикратным. В абсолютных цифрах эти показатели составляли 10,8 трлн дол. – 2-е место в мире и 1,23 трлн дол. – 12-е место [49]. С 1990 по 2014 г. российский экспорт высокотехнологичной продукции (ВТП) вырос по объему в 4,5 раза (до 9,8 млрд дол.), а китайский – в 130 раз (558,6 млрд дол.). По оценкам Всемирного банка, в 2014 г. доля КНР в мировом экспорте ВТП составила 26 % против 7,3 % у США. Доля России за эти годы не изменилась и составила меньше полпроцента (0,46 %). Иначе говоря, Китай поставляет на мировой рынок ВТП в 57 раз больше, чем Россия [52]. Успехи Китая являются результатом активной инвестиционной политики. В 2015 г. банковские кредиты предприятиям достигли 18,8 трлн дол. (170 % ВВП) при ключевой ставке Центробанка 2,25 % и средней ставке коммерческих банков 4,4 % [61]. Для сравнения – ключевая ставка российского ЦБ в 2015 г. составляла в начале года 17 %, в конце – 11 %, в коммерческих банках проценты по кредитам были намного выше [34]. Санкции, с одной стороны, кредитная политика, с другой – душили экономику России. Важно отметить также, что за более чем тридцать лет реформ даже в период мировых кризисов (1997–1998, 2008–2009) Китай показывал стабильно высокие темпы экономического роста, чего нельзя сказать о России. Сравнение результатов реформ в России и Китае дает основание для однозначного вывода об эвристическом потенциале неолиберальной идеологии и качестве сложившейся системы управления в нашей стране.

Далеко не случайно, как отмечают многие исследователи, автор китайских реформ Дэн Сяопин был противником преобразований страны на основе идеологии либерализма [45; 47; 50].

О некоторых причинах правового нигилизма в России

Реформы 90-х не только способствовали формированию специфической социально-экономической реальности, но и оказали существенное влияние на общественное сознание вообще и правовое в особенности. Реформаторы,

мотивированные на быстрое разрушение базиса социализма, предполагаемое ранее разгосударствление собственности свели к ускоренной ее распродаже за бесценок людям, стоящим близко к власти. Можно сказать, что отчуждение собственности от собственника в пользу корпоративно-властных структур была сущностной стороной перехода страны от «советского тоталитаризма» к «свободной демократической России». И это стало значимым фактором распространения правовой алиенации в России. Отчуждение в сфере права проявилось прежде всего в отношениях власти и народа. И здесь мы вынуждены снова обратиться к свидетельству Дж. Стиглица. «…Часть российских рыночных реформаторов (как и их западные вдохновители и советники) не очень верили в демократию и не слишком были заинтересованы в ней, опасаясь, что если доверить выбор российскому народу, то он может сделать “неправильный” выбор, иными словами, выбрать не их модель» [35, с. 168]. Демонстративное пренебрежение мнением и интересами народа, исключение его из процесса законотворчества свидетельствовало об отчуждении власти от народа, субъекта права от объекта.

Политико-правовое отчуждение является двусторонним процессом. Если при законотворчестве не учитываются интересы народа, а сам народ отстранен от правотворчества, т. е. «гарантированной возможности реализовывать свои потенции-притязания в социально значимой форме, со значимым для социума результатом, тогда неизбежно отчуждение народа не только от власти, но и от права» [10, с. 17]. В этом случае народу нет дела ни до государства, ни до права, у него отпадает всякое желание участвовать в политико-правовых процессах и влиять на них. Отсюда и возникновение социальной апатии, абсентизма, ставшими обыденностью современной России [20].

Отчуждение субъекта права от объекта, с одной стороны, правоприменителя от субъекта законотворчества – с другой, есть выражение острого алиенационного противоречия, которое является значимым фактором массового сознательного уклонения граждан от исполнения норм права, регулирующих жизнедеятельность индивидов в обществе. Так, в 2014 г. было зарегистрировано 2 166 399 преступлений, а в 2015 г. – 2 352 098. По экспертным оценкам, цифры реальной преступности в разы отличаются от регистрируемых [19].

Правовой нигилизм в России – сложное многофакторное явление, обусловленное цивилизационными и историческими особенностями становления и развития русского государства, сопоставимо с западными странами правовой культурой населения и т. д. Однако на сегодняшний день существенными причинами высокого уровня правонарушений в стране, согласно аналитике, являются отчуждение между массовым правоприменителем и существующим в стране правом, а также перманентно повторяющимися с 90-х гг. экономическими кризисами. Алиенационное противоречие порождает правовой нигилизм не только внизу, но и вверху во властных структурах разного уровня. Люди, по своему статусу призванные разрабатывать законы общественной жизни, следить за тем, чтобы они строго выполнялись, нередко сами нарушают их. Невольно

вспоминается известная мысль Маркса: «Буржуа относится к установлениям своего режима, как еврей к закону: он обходит их, поскольку это удается сделать в каждом отдельном случае, но хочет, чтобы все другие их соблюдали» [28, с. 168].

Правовой нигилизм и формирование паразитарного олигархического капитализма

Сами реформы в той форме, в которой они проводились в 90-х гг. новыми властями России, были ничем иным как вуалированным, а в ряде случаев открытым проявлением правового нигилизма. «Приватизация, проведенная посредством залоговых аукционов, – отмечает Дж. Стиглиц, – была политически незаконной. Олигархи не имели законных прав собственности и поэтому поспешно выводили из России деньги» [35, с. 194]. Понятно, точка зрения российских либералов на события тех лет иная. Однако оценка правового экспертного сообщества нашей страны совпадает с точкой зрения американского ученого. Приватизация, отмечают аналитики, носила неправовой характер не только «из-за нарушения действующего законодательства, но прежде всего из-за неправового характера самого законодательства» [10, с. 18]. Неправовой характер приватизации породил нелегитимную собственность, а она, в свою очередь, мощную мотивацию к вывозу капитала. Словом, неправовая приватизация (иначе, правовой нигилизм) способствовала возникновению паразитарной формы использования ресурсов [10, с. 18]. У немалой части собственников и чиновников России сформировалась психология временщиков, не думающих ни о перспективах своего бизнеса, ни о будущем своей страны.

Об этом свидетельствует недопустимо низкая инновационная активность российских компаний. Так, если в 2009 г. инвестиции в НИОКР только у одной GM составляли 9 млрд дол., то совокупные траты крупных российский компаний на эти цели равнялись 800 млн дол. [31]. Как отмечают исследователи, ни у государства, ни у бизнеса нет внутреннего интереса к инновациям и модернизациям. В рейтинге по мировому инновационному индексу Россия в 2013 г. занимала 64-е место из 132 стран [18, с. 9]. Начавшийся в 2014 г. новый экономический кризис и санкции Запада, понятно, не способствовали улучшению ситуации в сфере инновационной деятельности. Если в 2016 г. в США инвестиции в НИОКР составляли 456,9 млрд дол., в КНР – 336,5 млрд дол., то в России – 40,7 млрд дол. [60]. При несопоставимых тратах на НИОКР эффективность работы российского инновационного фонда была в 112 раз ниже американской [31]. В немалой степени низкая эффективность инновационных и модернизационных программ обусловлена высоким уровнем коррупции [7; 38]. Выводя деньги из страны, российский бизнес следует примеру своего правительства, где, как уже отмечалось, ключевые посты продолжают занимать неолибералы. Согласно публичным заявлениям экс-министра финансов А. Кудрина, государство с 2000 по 2008 г. выручило от экспорта углеводородов 1 трлн дол., из которых почти половина – незапланированные доходы от повышения цены на нефть. «Нефтедолларовый дождь»

позволял провести реиндустриализацию России, и если не догнать технологически развитые страны, то во всяком случае существенно сократить отставание от них. Однако правительство, слепо следуя рекомендациям МВФ, вело «стерилизацию» полученных денег, вкладывая их в ценные бумаги США и европейские банки. Выводя деньги за проданные природные богатства страны, российское правительство вместе с олигархами фактически инвестировало экономику геополитических противников России вместо того, чтобы выводить собственную из глубокого кризиса. Даже в настоящее время, когда США фактически объявили экономическую войну России, последняя держит у геополитического противника почти 109 млрд дол. [56]. Надо признать, что истоки этой довольно странной формы патриотизма берут начало в 90-х гг. В результате реализации такой политики в последние пятнадцать лет в стране не только не была создана инновационная конкурентноспособная экономика, соответствующая статусу России как великой державы, но и произошла дальнейшая деградация базисной сферы общественной жизни [7]. Для сравнения – Китай за годы реформ из технологически отсталой страны превратился в крупного экспортера информационно-технологической продукции (39 % мирового рынка) [60].

Справедливости ради следует отметить, что в последнее время у руководства страны возникло осознание необходимости корректировки проводимого курса. Откровенно враждебная антироссийская политика, проводимая в последние три года США и их союзниками, принятые ими в нарушение международного права экономические санкции, нацеленные как в годы «холодной войны» на превращение России в технологическое гетто, кажется, отрезвили российскую политическую элиту [29]. В ответ на политику финансового и технологического удушения России властями была провозглашена политика импортозамещения, объявлены контрсанкции, увеличена финансовая помощь аграрному и фрагментарно некоторым другим секторам реальной экономики. Однако проблемы, накопившиеся за 20-25 лет в экономике страны, не могут быть преодолены принятием паллиативных мер. Но смогут ли люди, исповедующие неолиберальную идеологию, «выдернуть» Россию из той глубокой колеи, ведущей на периферию мир-истории, куда загнали их единомышленники в начале 90-х гг., – большой вопрос.

Точно так же возникает вопрос по поводу политики бизнес-сообщества. Может ли «компрадорская буржуазия», сформировавшаяся в 90-х гг., изменить свою ментальность, увязать будущее свое и своих детей с Россией? Вопрос риторический. Так, если в разгар кризиса в 2015 г. ВВП страны уменьшился на 3,7 %, то прибыль предприятий возросла в 1,5 раза по сравнению с относительно благополучным 2014 г., когда нефть стоила более 100 дол. за баррель. По отдельным секторам экономики прибыль возросла от 4 до 17 раз [41, с. 164]. Финансовое процветание компаний в условиях кризиса и падения производства эксперты объяснили бесконтрольным вздуванием цен предприятиями, в том числе государственными, на товары и услуги. Несмотря на резкий рост прибыли и накоплений у предприятий и банков, инвестиции в основой капитал в 2015 г. упали на

8,4 % [41, с. 164]. Полученные средства предприятия использовали в спекулятивных операциях. Прибыль компаний от такой деятельности в 2015 г. возросла в 9 раз [41, с. 164]. По сложившейся с 90-х гг. традиции деньги бизнес-сообщество выводило из страны. По данным Счетной палаты, с 2013 по 2015 г., т. е. с начала и в разгар последнего экономического кризиса, из страны через фиктивные экспортно-импортные сделки было незаконно вывезено 1,2 трлн руб. [12]. Повышение цен на товары и услуги при попустительстве государства, а также деятельность ЦБ по удешевлению рубля с целью активизации экспорта способствовали росту инфляции, снижению реальной заработной платы и повышению уровня бедности населения. Фактически основную тяжесть кризиса власть перекладывает на население. Насколько такая политика государства согласуется со статьей 7 Конституции страны, признающей Российскую Федерацию социальным государством, это большой вопрос.

Реформы и их влияние на политико-правовые институты страны

Реформы 90-х гг. вызвали не только алиенацию в сфере права, но и деформацию всей системы политико-правовых отношений в постсоветской России [23]. Здесь уместно отметить два момента. Разгосударствление собственности в той форме, в какой оно было проведено, не могло произойти при сильных государственных институтах и эффективно работающих правоохранительных органах. Поэтому агрессивная кампания, поднятая в СМИ, по дискредитации государственных учреждений, вооруженных сил, правоохранительных органов страны явилась необходимым условием развала Советского Союза, а затем и отчуждения собственности у собственника. Очернение политико-правовых институтов привело к массовому исходу из этих учреждений честных, профессионально подготовленных работников. Тому способствовала и унизительная заработная плата. На их место пришли случайные, малопригодные по своим профессиональным и морально-психологическим качествам люди. Осуществлялся не отбор, а набор работников, среди которых оказывались потенциальные оборотни в погонах – люди прямо или опосредованно связанные с криминальными кругами. Словом, реформы 90-х привели к существенному изменению качественного состава работников, занятых в политикоправовых (особенно правовых) институтах страны. Злоупотребление служебным положением, коррупция, преступления стали нередким явлением в российских правоохранительных учреждениях. С целью очищения милиции от оборотней различных мастей и повышения эффективности ее работы в 2009–2011 гг. по инициативе Президента страны была проведена реформа МВД, которая обошлась бюджету в 2 млрд руб. [32]. Однако события последних лет дают основание считать, что наиболее значительные результаты реформ выразились в основном в сфере семантики [42]. Частота громких скандалов и арестов далеко не рядовых сотрудников полиции с изъятием у них баснословного количества денег и ценностей указывает на то, что

болезнь, приобретенная правоохранительными органами в 90-е гг., имеет хронический характер и не может быть купирована косметическими процедурами.

Право, как, впрочем, и преступления, т. е. борьба отдельных индивидов против утвержденных государством господствующих отношений, не возникают из чистого произвола. Они, в конечном счете, определяются существующим базисом и обусловленным им уровнем развития культуры общества [27, с. 19; 28, с. 322–323]. Поэтому кризис правовых институтов сигнализирует о системном кризисе общества в целом, всех сфер общественной жизни. Заметную лепту в изменение качественного состава правоохранительных органов (и не только их) внесла также реформа образования, предпринятая в 90-е гг.

Преобразования в образовании и науке, как видится автору этих строк, были скоррелированы с целями реформ в экономике. Такая корреляция не была случайной, поскольку обе реформы были продиктованы одной и той же идеологией неолиберализма. С этих позиций образовательные учреждения – это субъекты экономической деятельности, которые в условиях рынка вынуждены жестко придерживаться принципа – минимум издержек, максимум прибыли. Следование этому принципу привело к дегуманизации, дегуманитаризации образовательного процесса, существенному сокращению в нем теоретических дисциплин, являющихся фундаментом качественной профессиональной деятельности. Результаты реформ не замедлили сказаться на уровне российского образования, в том числе и юридического. К концу нулевых годов, согласно тогдашнему руководителю минобрнауки А. А. Фурсенко, из 700 тыс. ежегодно выпускаемых юристов лишь 7–10 % имели надлежащую квалификацию [9].

Реформы российского образования сопровождались не только дегуманитаризацией и дегуманизацией учебного процесса, но и элиминацией из него воспитательного, культурологического и мировоззренческого компонентов. По авторитетному мнению В. Зорькина, исключение задач воспитания из системы образования и превращение ее в сферу образовательных услуг способствовало разрушению общекультурной моральной нормативности, исчезновению в массовом сознании постсоветских стран притягательного образа будущего и, в конечном счете, создало благодатную социальную базу для вербовщиков терроризма, показывающих молодежи «подлинный смысл жизни», который она не находит в окружающей социальной реальности [11]. Реформы 90-х радикально изменили смысложизненные ценности, установки, образ мысли и жизни людей. Деньги превратились в высшую ценность, а погоня за ними и их накопление в смысл жизни. Коллективизм, подвижничество, солидарность были постепенно вытеснены индивидуализмом, эгоизмом, подозрительностью и агрессией в отношениях между людьми. Можно сказать, что в результате реформ фактически произошло изменение цивилизационного кода России.

Современная новая социальная реальность формирует у молодых россиян новые смысложизненные ценности, установки и мотивы служебной деятельности. Поэтому среди выпускников российских вузов есть немало таких, которые поступают на работу в правоохранительные, правоприменительные органы и во

властные структуры, имея принципиально иную служебную мотивацию, нежели таможенник П. Верещагин из известного советского фильма «Белое солнце пустыни». Если успешность и значимость человека определяются количеством денег, которыми он владеет, то у него возникает мотив рассматривать государственную службу как властный ресурс, дающий возможность повысить свое благосостояние и социальную значимость. Незаконное обогащение на государственной службе понимается как экономическая рента за работу на государство. Ему, в отличие от таможенника Верещагина, за державу не обидно, ведь каждый обогащается как может. Понятно, что чем выше статус работника, тем больше получаемая рента. Поэтому карьерный рост приобрел четко выраженную экономическую мотивацию. Профессионализм как фактор вертикальной мобильности все более вытесняется протекционизмом, обусловленным родственными или корпоративными связями, а то и практикой купли должностей.

Очевидно, что капитализация бюрократии невозможна без сращивания интересов определенной части бизнес-сообщества и представителей властных структур. Поэтому капитализация бюрократии дополняется бюрократизацией капитала [10, с. 18]. Это проявляется не только в возрастающем влиянии капитала на власть, но и активном привлечении представителей бизнес-сообщества в управленческие институты [2; 17]. Принято почему-то считать, что успешный бизнесмен обязательно должен быть эффективным чиновником.

Между тем мотивы деятельности предпринимателя и «слуги народа» различны, если не диаметрально противоположны. Первый, преследуя собственные интересы, озабочен повышением своего благосостояния. Второй обязан прежде всего руководствоваться интересами народа и обеспечивать условия для его благополучного существования. Критерии определения эффективности деятельности бизнесмена и чиновника тоже различны. Если предприниматель руководствуется принципом: минимум издержек и максимум прибыли, то применение этого рыночного подхода при управлении, скажем, системой здравоохранения и образования, как показывает российский опыт, контрпродуктивно. Бизнесмену, поступившему на государственную службу, сложно перестроиться и отказаться от привычных принципов и мотивов деятельности. Резонансные уголовные дела, возбуждаемые в последние годы против чиновников различного ранга, свидетельствуют о том, что вчерашний бизнесмен, став главой города или субъекта Федерации, продолжает заниматься привычным делом – зарабатывать деньги. Выбор между уважением закона и быстрым обогащением не всегда делается в пользу права. А если на кону большие деньги, как показал Маркс, даже осознание неотвратимости сурового наказания не останавливает буржуа от преступления [26, с. 770]. Подобный выбор в немалой степени обусловлен и сложившейся в стране нравственной атмосферой, о чем говорилось выше. Капитализация бюрократии и бюрократизация капитала являются одной из причин снижения профессионализма и качества работы управленческих структур. Но в то же время такое сращивание дает политической элите и ее партии конкурентные

преимущества во время выборов. Давно подмечено, что привлекать голоса избирателей через работодателей более выгодно, чем напрямую их покупать [48].

Как было показано, реформы привели к преобразованию базиса, а это, в свою очередь, способствовало изменению надстройки. Однако, если вспомнить научную методологию исследования политико-правовых институтов, надстройка не только зависит от базиса, но имеет относительную самостоятельность и активно влияет на базис.

Необходимо отметить, что экономическим реформам предшествовали драматические события сентября-октября 1993 г., закончившиеся расстрелом Верховного Совета РСФСР. Как справедливо отмечал А. Ципко, разгон парламента не был «конфликтом внутри народа, а представлял разборку правящих слоев между собой. Ельцин и Гайдар хотели немедленных и тотальных реформ, включая приватизацию “нефтянки”: Парламент был за постепенные реформы» [3]. Но дело не только в этом. Расстрел парламента был логическим продолжением Беловежских соглашений (08.12.1991), положивших начало ликвидации СССР. Этот документ, инициированный российской либеральной политической элитой и подписанный руководителями трех советских республик, объявлял о прекращении существования Советского Союза как субъекта международного права и геополитической реальности. Фактически это означало государственный переворот. Соглашение было ратифицировано Верховным Советом России, но трижды отклонено VI Съездом народных депутатов, что не позволяло ему обрести юридическую силу. Возникшее противоречие между Президентом и его близким окружением, с одной стороны, и народными избранниками – с другой, было разрешено Ельциным расстрелом парламента из танковых пушек. Спустя много лет, когда дым танковых орудий и информационный туман рассеялись, стали известны многие факты. Во время тех событий погибли сто пятьдесят и были ранены около четырехсот человек. Обнаружилось также, что в драматических событиях конца сентября – начала октября 1993 г. в Москве неявно участвовала и третья сторона. Хорошо известно, что «санкцию» на расстрел своего парламента российский Президент получил из Вашингтона. Это и объясняет, почему мировые «демократические» СМИ почти ничего не писали о недемократических действиях российских демократов. Кроме того, во время взятия российского Белого дома, как и во время «цветных революций», действовали неизвестные снайперы, стрелявшие и с крыши американского посольства. Могли ли вооруженные люди попасть на крышу посольства без ведома американцев – вопрос риторический. Стрельба велась как по военнослужащим, так и по защитникам парламента [3]. Очевидно, целью организаторов первой цветной революции в России было разжигание большой кровопролитной гражданской войны.

И, наконец, еще один симптоматичный факт. После подписания Беловежских соглашений Б. Ельцин сразу проинформировал (логичнее сказать, доложил) об этом Д. Бушу. Это означает, что свою деятельность по демонтажу существующей политической системы (затем и базиса) страны новая политическая элита

России согласовывала со своими заокеанскими кураторами. Впрочем, точно так же ведет себя борющаяся за власть современная несистемная оппозиция России.

Вернемся, однако, к событиям начала октября 1993 г. Оценивая их, А. Ципко отмечает:

«Россия была единственной страной Восточной Европы, которая достигла цели (перехода от социализма к капитализму. – Л. М.) путем крови» [3]. Как известно, Президент категорически отказался извиняться перед народом за пролитую кровь. «С тех пор как Ельцин в 1993 году расстрелял парламент, – указывает А. Ципко, – пролегла пропасть между народом и властью. Отношение к власти у народа сложилось такое, будто она к нему никакого отношения не имеет» [3]. Это и понятно, ведь отношение самой власти к народу было демонстративно безразличным, что проявлялось не только в 1991, 1993 гг., но и на президентских выборах 1996 г., когда благодаря фальсификации итогов голосования на выборах Б. Ельцин продлил еще на один срок свои президентские полномочия.

Особенности политической системы современной России

События начала 90-х гг. свидетельствуют о том, что первые исторические значимые для судьбы страны действия новой российской политической элиты выходили далеко за пределы правового поля и общественно-политического консенсуса. Это породило взаимное отчуждение народа и власти, что, в свою очередь, определило особенности Основного закона страны и формирующейся политической системы.

Существовавшее обоюдостороннее отчуждение между властной либеральной элитой и народом не давало особых оснований полагать, что в новом парламенте большинство получат сторонники Президента. Основной закон страны писали идейные и политические сторонники Ельцина. Отсюда фактически неограниченные полномочия Президента и почти бесправный парламент. Для противостояния оппозиции Б. Ельцин и его окружение нуждались в мощной политико-правовой дубинке, и они ее получили. Очевидно, что властная политико-правовая асимметрия имеет мало общего с демократией, но зато она гарантировала сохранность власти Б. Ельцина и, надо признать, способствовала установлению в стране относительной политической стабильности. Созданную политическую конструкцию Г. Хейл называет «президенциальной». Она облегчает «патрону» удерживать власть и согласовывать интересы различных элитных групп в рамках авторитарной конституции. Последствия «патронализма» – коррупция, низкий социальный капитал, неуважение права, непотизм [51]. С выводами американского исследователя трудно не согласиться.

Вероятно, не без влияния зарубежных советников в Основной закон страны был внесен принцип приоритета прав человека. Как отмечает В. В. Лапаева, этот человекоцентристский принцип не подкреплен конкретной юридической догматикой, которая носит системоцентристский характер [21, с. 148; 22]. То же самое можно сказать относительно провозглашения Конституцией России

социальным государством. Декларативный характер конституционных норм, которые затрагивают жизненные интересы абсолютного большинства населения, отражает подлинное отношение либеральной элиты и ее идеологов к народу. И спустя много лет после принятия Конституции эксперты отмечают, что «материальный, психологический, организационный фундамент равноправия, реализации прав и свобод не корреспондирует конституционным положениям» [1, с. 2]. Это означает, что возникший еще в начале 90-х гг. раскол общества не преодолен. Как заключает известный российский конституционист, «в создании необходимой гармонии в обществе роль нашей Конституции пока что исключительно скромна» [1, с. 2].

В условиях существования взаимного отчуждения между большей частью социума и властью последней предстояло осуществить очень чувствительные для населения реформы в экономике, здравоохранении, образовании, ЖКХ и т. д. Проведение этих реформ было невозможно без существования в представительных органах страны собственных или идеологически близких к новой власти политических партий. Но традиционный метод продвижения своих партий во власть в существующих политических реалиях не гарантировал успеха. Поэтому в постсоветскую эпоху партии власти стали создаваться и продвигаться в парламент страны «сверху». В этой связи, как отмечают исследователи, российские партии, организованные элитой, «призванные представлять интересы социума во власти, оказались властеобразованными, а не властеобразующими структурами. Выражают не столько интересы общества в системе госвласти, сколько интересы власти в обществе» [10, с. 18].

Реформы способствовали обнищанию населения, росту численности протестного электората, возрастанию левых настроений в обществе. Это, как продемонстрировали результаты президентских выборов 1996 г., могло привести к завоеванию большинства мест в парламенте оппозиционными партиями. Чтобы исключить такой ход событий, накануне избирательных кампаний также «сверху» «сколачиваются» разнообразные постмодернистские партии-предприятия, партии-фантомы, представляющие преимущественно самих себя [4]. Количество и активность таких партий в период выборов резко возрастают. Создание этих политических симулякров, как представляется, преследует две цели. Создать видимость существования политической конкуренции и реального выбора у электората. Но главная их задача – блокирование всякой возможности получения в парламенте политически значимого количества мест той партии, которая в случае прихода к власти радикально изменит внутреннюю социально-экономическую политику правительства. Для решения указанной задачи «партии-головастики» занимаются фрагментацией электорального поля политической оппозиции, раскалывают ее ряды, дезориентируют избирателей (через гиперактивность партий-клонов) и т. д. В результате подобной деятельности постмодернистских партий, перманентной корректировки (в зависимости от политической ситуации) закона о выборах и партиях, использования административного

ресурса политической элите страны удается в течение многих лет обеспечить партии власти абсолютное большинство в Государственной думе. Это позволяет властвующей политической (и экономической) элите без трудных переговоров и согласований проводить через парламент любые законопроекты, которые готовятся в администрации Президента и правительства.

В свете изложенного можно сделать вывод, что политическая система современной России формально многопартийна, но фактически монопартийна. В условиях капитализма и существующего социально-экономического расслоения общества однопартийная система – нонсенс. Она свидетельствует о наличии противоречия между базисом и надстройкой. Но противоречие это внешнее, формальное. Сформировавшаяся надстройка есть выражение особенностей существующего базиса, возникшего в ходе реформ 90-х гг. «В результате "кавалерийской атаки" на общественную и государственную собственность, – отмечает А. Фролов, – российское общество получило олигархический маргиналитет, представляющий торгово-спекулятивную (по классификации М. Вебера) или паразитарную (М. Мусин) форму капитализма и абсолютно лишенный мотивации к реальной экономике и производству» [39, с. 81]. По мысли автора, социальной базой, властвующей в стране, политической надстройки является привилегированное сословие, существующее вне общего для России правового измерения, которое в сфере бизнеса занято производством «псевдоэкономических химер, связанных с манипуляцией акциями, ценными бумагами, биржевой игрой и "распилом" остающейся в руках государства собственности» [39, с. 81].

Опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что в своей массе россияне характеризуют сложившийся в стране строй как «олигархический капитализм», а две трети опрошенных считают, что проводимая государством политика не отвечает интересам большинства населения [6; 13].

Одной из особенностей современной политической системы является всеобщая безответственность. Ни правительство, ни Государственная дума, ни Президент, ни депутаты ответственности перед избирателями не несут. Народ фактически лишен каналов влияния на власть. И это одна из причин низкой эффективности управленческих институтов.

Правительство не зависит от избирателей. Государственная дума за деятельность правительства ответственности не несет, ибо не она его формирует, это прерогатива Президента. Президент и правительство при утверждении принимаемых решений опираются в парламенте на «Единую Россию». Но основатель и до недавнего времени председатель этой партии не является ее членом. Это политическое «ноу-хау» позволяло высшему представителю законодательной и исполнительной власти в зависимости от политической ситуации дистанцироваться от своего «политического детища», почти безоговорочно поддерживающего курс правительства.

Депутаты Государственной думы также мало зависят от избирателей, разве что во время выборов, да и то лишь отчасти [30]. Переход от пропорциональной

системы выборов к смешанной радикально не изменил эту ситуацию. Согласно современной Конституции РФ, у избирателя нет права на отзыв депутата. Во всех конституциях СССР и РСФСР такая норма существовала [33, с. 375]. Отсутствие зависимости депутата от избравшего его населения, как отмечал известный правовед В. М. Гессен, предполагает недееспособность народа и отрицание народного суверенитета [5, с. 141]. Недоверие авторов Основного закона страны к его населению отражает отчужденное отношение российской политической элиты к своему народу, возникшее в начале 90-х гг. Сохранение этого недоверия в настоящее время играет деструктивную роль. Проблема отношений депутата и избирателей, как отмечал В.П. Реутов, была предметом рассмотрения Конституционного суда РФ, который в своем постановлении от 12 апреля № 9-П указал, что депутаты должны руководствоваться Конституцией РФ и своей совестью [33, с. 375]. Однако в обществе, где все продается и покупается, совесть уже давно стала дефицитным и очень ликвидным товаром. Поэтому нередко среди депутатов (всех уровней) появляются люди, которые свою депутатскую деятельность рассматривают исключительно как коммерческий проект. Отсутствие зависимости депутатов от избирателей оказывается фактором, негативно влияющим на качественный состав депутатского корпуса. Отсюда постоянно фиксируемый социологами высокий уровень недоверия населения к Совету Федерации, Госдуме, политическим партиям [6; 8].

В сложившейся политической системе России особое место занимает Президент страны. Это определяется, во-первых, чрезвычайно широкими его полномочиями, гарантированными Конституцией РФ; во-вторых, личными качествами В. В. Путина, которые разительно отличают нынешнего лидера России от его непосредственных предшественников, а также современных политических деятелей. Абсолютное большинство россиян положительно оценивают его деятельность, ассоциируя ее преимущественно с внешней политикой страны. Для большинства граждан России В. В. Путин успешный политик мирового уровня, последовательно отстаивающий национальные интересы нашего государства на международной арене. Похоже, что такое понимание народом роли руководителя страны является национальной традицией. «Царь.., − отмечает Г. Киссинджер, − рисовался олицетворением борьбы России против врагов, окружающих ее со всех сторон» [55]. Кроме того, для многих россиян Президент – последняя надежда в противостоянии с произволом чиновников и «беспределом» работодателей. В этой своей деятельности он защитник традиционных русских ценностей – правды и справедливости, свойств, которыми народ наделял императора. Если ориентироваться на подконтрольные государству СМИ, фигура Президента в глазах многих россиян приобрела почти сакральный характер. Не без помощи СМИ в общественном сознании народа отсутствует понимание того, что Президент – это высшее должностное лицо и исполнительной власти. Он назначает председателя правительства, ключевых министров, руководителя ЦБ, своих советников и потому в равной мере с правительством несет ответственность за проводимую

неолиберальную политику. Сохраняющийся в течение многих лет высокий рейтинг В. В. Путина дает некоторое основание сравнивать его с Р. Рейганом, которого многие американские эксперты называли «тефлоновым», поскольку никакие скандалы не отражались на его имидже. Перманентные кризисы и резонансные уголовные дела, возбуждаемые против губернаторов, высокопоставленных чиновников в правительстве и государственных корпорациях, не только не сказываются негативно на авторитете российского Президента, но, кажется, способствуют повышению его рейтинга как непреклонного борца с коррупцией.

Постмодернистские партии, создаваемые сверху, отличаются тем, что в них лидер заменяет политическую программу, символ, бренд партии. Происходит персонализация политики. Имидж руководителя партии становится средством политической конкуренции. Провал социалистов Франции во время последних президентских и парламентских выборов был предопределен имиджем лидера этой партии и страны – Ф. Олланда. Напротив, неожиданная для многих победа «Единой России» в выборах в Госдуму в 2016 году в период пика экономического кризиса была обусловлена высоким уровнем доверия избирателей к председателю этой партии, Президенту России В. В. Путину.

Особенность сложившейся политической системы России заключается в том, что она носит моноцентрический и персоналистический характер. Она напоминает, образно говоря, пирамиду, стоящую на своей вершине – острие. Вся эта властная вертикаль была создана Президентом страны в начале нулевых с целью предотвращения распада России. В основании этой пирамиды стоит Президент. Поэтому политическую систему России, несмотря на ее многопартийный характер, ассоциируют (особенно за рубежом) с В. В. Путиным (путинский режим). Заметим, что никто в мире не станет отождествлять политическую систему США или ФРГ с конкретным президентом или канцлером. Нормальная политическая система – это устойчивая конструкция, которая опирается на широкое основание пирамиды. Лидеры, находясь на вершине пирамиды, могут меняться, но устойчивая политическая система обеспечивает стабильность в государстве. Очевидно, этого нельзя сказать, когда политическая пирамида «стоит» на вершине [53; 59].

Моноцентрический, персоналистический, патримониальный характер политической власти усиливает значение субъективного фактора в истории страны. Десятки, а то и сотни миллионов людей становятся заложниками случайности – личных качеств руководителя. По мнению многих экспертов, персоналистический характер власти был одним из субъективных факторов развала Советского Союза. «Чудовищная концентрация власти в руках одного лица и нелепая система “престолонаследия” не позволяли рассчитывать на устойчивое благополучное развитие, – пишет доктор исторических наук, генерал-лейтенант СВР Н. Леонов. – Оставалось уповать на то, что по случайности страну возглавит здравомыслящий, волевой политик, имеющий ясный план развития» [24, с. 20]. А какова гарантия того, что после волевого и грамотного В. В. Путина не придет

к власти человек с качествами М. Горбачева или Б. Ельцина? Существующая система политического отбора лидеров таких гарантий не дает.

Персоналистический характер современных партий способствует медиации политики. Как отмечает М. Кастельс, в настоящее время «самой эффективной формой идеологической борьбы становятся нападки на человека. Клевета и сплетни становятся важнейшим искусством в политике, ведь негативные сообщения в пять раз эффективнее позитивного» [16, с. 64]. В этой связи понятно, почему развернутая на Западе в последние годы политическая, идеологическая, информационная война против России сфокусирована на очернении и демонизации ее Президента. Вот откровение одного западного

«доброжелателя» России: «Мы на Западе не можем долго терпеть долгосрочные последствия глубоко враждебной путинской государственности – хотя бы потому, что тот, кто сменит Путина, может проводить еще более националистическую воинственную политику» [54; 57]. Как отмечает известный немецкий политолог А. Рар, «…в западных медиа я вижу новую демонизацию России. Идет подготовка населения Запада к мысли о легитимности интервенции против России на основании того, что “эти варвары” незаконно владеют ресурсами» [58]. Россия, по мысли западных идеологов, страна варваров, поскольку она не разделяет европейские ценности, не уважает гражданские права, подвергает дискриминации гомосексуалистов, национальные меньшинства и т. д. [46]. Антироссийская кампания на Западе сфокусирована прежде всего на В. В. Путина, потому что политическую пирамиду государственности легче всего свалить, убрав ее основание.

Очевидно, что такие проекты не возникают на пустом месте. Патримониальная политическая система уязвима от непубличной деятельности международных акторов, специализирующихся на «транзите демократии» в государства с «авторитарными режимами». А условия для подготовки «цветной революции» при помощи внутренней оппозиции в стране существуют: затянувшийся глубокий экономический кризис, понизивший уровень жизни населения; запредельное для такой богатой страны как Россия социальное расслоение общества, кричащая социальная несправедливость, коррупция, неразвитые демократические институты и т. д. Судя по публичным выступлениям Президента и лидеров партии власти, политическая элита осознает такую опасность. Но будут ли приняты адекватные меры, соответствующие этим вызовам, – посмотрим.

Выводы

Сложившаяся в России в нулевые годы политическая система решила важные для страны конкретно-исторические задачи. Она предотвратила развал государства, стабилизировала в определенной мере социально-политическую ситуацию в обществе, восстановила политический суверенитет. Но нельзя добиться полноценного суверенитета и независимости государства, не принимая действенных мер по преодолению критической экономической, финансовой и

особенно технологической зависимости от геополитических оппонентов. Не будь этой зависимости, Запад не стал бы принимать масштабные экономические санкции против нашей страны в силу их бессмысленности.

Семнадцать лет нахождения у власти нынешней политической элиты – достаточно большой срок для того, чтобы провести реиндустриализацию страны и создать высокотехнологичную экономику. Опыт других государств подтверждает такую возможность. Этого не произошло потому, что властвующая политическая элита и поддерживающая ее бюрократия выражают интересы тонкого слоя общества, экономическое благополучие и мировоззрение которого сформировались в результате реформ 90-х. Эта небольшая часть общества заинтересована в сохранении олигархического капитализма и существующей политики правительства.

В настоящее время Россия сталкивается с новыми и более опасными вызовами, для адекватного ответа на которые необходима иная экономика, иные, более эффективные, институты управления, иные смысложизненные ценности, фокусом которых является человек, а не деньги.

Список литературы

1. Авакьян С. Конституция и Парламент: размышления по поводу юбилея // Российская Федерация сегодня. 2008. № 23. С. 2–3, 16–19.
2. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Изд-во «Логос», 2004. 288 с.
3. Баранец В., Гамов А. Тайны расстрела «Белого дома» // Комсомольская правда. 2008. 3 окт. URL: https://www.perm.kp.ru/daily/24 174/385092/ (дата обращения: 12.12.2008).
4. Галутвина О. К. Партии и власть // Свободная мысль XXI. 2004. № 9. С. 77–86.
5. Гессен В. М. Основы конституционного права. Пг.: Изд. юрид. кн. склада «Право», 1918. 445 с.
6. Добрынина Е. Как по-русски будет счастье // Российская газета. 2017. 7 июля.
7. Егоров И. Сыграл на инструментах // Российская газета. 2017. 3 марта.
8. Емельяненко Вл. Собственная гордость // Российская газета. 2017. 29 марта.
9. Законный брак // Российская газета. 2009. 17 апр.
10. Зеленко Б. И. О правовой демократии в РФ, власти и социуме // Вопросы философии. 2013. № 10. URL: http://vphil.ru/index.php? id=834&option=com_content&task=view (дата обращения: 30.12.2013).
11. Зорькин В. Праворазрушители // Российская газета. 2017. 27 апр.
12. Зыкова Т. По большому счету // Российская газета. 2017. 25 янв.
13. Иванов В. Н. Приватизация: итоги и перспективы // СоцИс. 2007. № 6. С. 48–60.
14. Ивантер В. Вот новый разворот // Российская газета. 2016. 30 нояб.

15. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
16. Кастельс М. Новые индивидуальные масс-медиа // Свободная мысль XXI. 2006. № 5. С. 62–67.
17. Крауч К. Постдемократия. М.: Изд. дом Гос. ун-та – ВШЭ, 2010. 192 с.
18. Кудров В. М. Выход из кризиса и инновационная модель экономики // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 5–15.
19. Кунина А. Н., Рубанцова Т. А. Проблема преодоления правового нигилизма // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань, 2016. С. 16–17. URL: https://moluch.ru/conf/law/archive/ 181/10095/ (дата обращения: 22.07.2016).
20. Лавренов С. Я. Отчуждение как политико-правовое явление // Вестник Академии права и управления. 2013. № 30. С. 26–33.
21. Лапаева В. В. Постсоветская теория права: философские основания и их юридико-догматическая конкретизация // Проблемы постсоветской теории и философии права: сб. ст. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 146–179.
22. Лапаева В. В. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции // Вопросы философии. 2010. № 5. URL: http://vphil.ru/index.php?id=136&option=com_content&task=view (дата обращения: 01.09.2010).
23. Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М.: Рос. акад. правосудия, 2012. С. 315–322.
24. Леонов Н. «Перестройка»: четверть века спустя // Свободная мысль. 2016. № 3. С. 17–34.
25. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. Т. 13. С. 5–9.
26. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1960. Т. 23. 907 с.
27. Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1961. Т. 19. С. 9–32.
28. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. М.: Партиздат, 1934. Т. 3. С. 7–544.
29. Мусаелян Л. А. Исторический процесс и глобализация. Пермь, 2016. 128 с.
30. Мусаелян Л. А. О цветных революциях, глобальном кризисе демократии и политической системе современной России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 3(17). С. 33–44.
31. Примаков Е. Стимул к переменам // Российская газета. 2010. 8 апр.
32. Провал медведевской реформы МВД. Кто за это ответит? // Красноярское время. URL: http://krasvremya.ru/proval-medvedevskoj-reformy-mvd-kto-za-eto-otvetit/ (дата обращения: 12.03.2017).
33. Реутов В. П. Население и его представители во власти: эволюция отношений (историко-правовой аспект) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 4(34). С. 366–378. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-34-366-378.

34. Ставка рефинансирования ЦБ РФ на сегодня и за все годы (с 1992 по 2017). URL: https://bankirsha.com/all-rates-of-refunding-of-the-central-bank-with-1992.html (дата обращения: 12.03.2017).
35. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Нац. обществ. науч. фонд, 2003. 304 с.
36. США и конституционный переворот в России 1993 года. URL: http://alumni.mgimo.ru/page/adaptive/id331360/blog/3057451/?ssoRedirect=true (дата обращения: 10.06.2017).
37. Сырых В. М. Российские правоведы на перепутье: материалистический рационализм или субъективный идеализм // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 75–89.
38. Успехи и провалы «Роснано»: в чем обвиняли руководство компании. URL: http://www.aif.ru/dontknows/actual/1321673 (дата обращения: 25.07.2017).
39. Фролов А. С. Либерально-рыночный экстремизм. О стратегии развития внешнего образования в современной России // Свободная мысль. 2016. № 3. С. 71–84.
40. Хабриева Т. Я., Лукъянова В. Ю. Право и экономическая деятельность // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 5–21.
41. Холодков В. М. Структурные реформы в России и китайский опыт // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 5(38). С. 161–190.
42. Чернобель Г. Т. Идеологическая константность права // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 5–15.
43. Энгельс Ф. Письмо Й. Блоху. 21–22 сент. 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 394–395.
44. Энгельс Ф Письмо К. Шмидту. 27 окт. 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 416–421.
45. Baum R. Burring Mao: Chinese Politics in the Age of Deng Xiaoping. Princeton: Princeton University Press, 1994. 528 p.
46. Beck M. Plenarrede zur Ukraine. URL: http://marieluisebeck.de/artikel/13-03-2014/plenarre-de-zur-ukraine (дата обращения: 31.07.2014).
47. Evans R. Deng Xiaoping and the Making of Modern China. Penguin Books, 1995. 384 p.
48. Frye T, Ora J, Szakonyi D. Hitting Them with Carrots: Voter Intimidation and Vote Buying in Russia. Date Written: December 17. 2016. // URL: https://ssrn.com/abstract=2705075 (дата обращения: 05.05.2017).
49. GDP at market prices (current US$). Worldbank website. URL: http://data.worldbank. org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/countries/1W?display=default (дата обращения: 11.05.2016).
50. Goldman M. Sowing the Seeds of Democracy in China: Political Reform in the Deng Xiaoping Era. Cambridge: Harvard University Press, 1994. IX+426 p.
51. Hale H. E. 25 Years After the USSR: What's Gone Wrong? // Journal of Democracy. July 2016, Vol. 27, № 3. Pp. 24–35.

52. High-technology exports. Worldbank website. URL: http://data.worldbank.org/indicator/TX. VAL.TECH.CD/countries/1W?display=default (дата обращения: 10.05.2016).
53. Hinz L. Russland-Beauftragten Erler im Interview: “Putin hat einen nationalen Rauschzustand erzeugt“ // FOCUS-Online. 28.02.2015. URL: http://www.focus.de/politik/ausland/ukraine-krise/interview-mit-dem-russland-beauf-tragten-erler-von-den-knienaufstehen-putin-hat-einen-nationalen-rauschzustand-erzeugt_id_450 8784.html (дата обращения: 17.04.2016).
54. Kettle M. Russia is a hostile power, but this is not a new cold war // The Guerdian. 24 April 2014. URL: http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/apr/24/russia-hostile-cold-warukraine-putin-new-strategy (дата обращения: 21.05.2016).
55. Kissinger H. World order: Reflections on the Character of Nations and the Course of Histori. Washington: Penguin Press HC, 2014. 432 p. URL: https://www.amazon.com/World-OrderReflections-Character-Nations-ebook/ dp/B00M QA5OO4 (дата обращения: 30.12.2014).
56. Major Foreieyn Holders of Treasuru securities. URL: ticdata.tzeasuzu.gov/Publish/mth.txt (дата обращения: 26.06.2017).
57. Onyszkiewisz J. Putin’s Russia: an empire that wants to be a civilization // European Leadership Network. 2 March 2015. URL: http://www.euro-peanleadershipnetwork.org/putins-russia-an-em-pire-that-wants-to-be-a-civilization_ 2480.html (дата обращения: 10.05.2016).
58. Rahr A. Deutschlands Ostpolitik hat die Balance verloren // Spiegel-Online – Politik. 18.03.2013. URL: http://www.spiegel.de/politik/ausland/alexander-rahr-deutschlands-ostpolitik-hat-die-balance-verloren-a-889270.html (дата обращения: 21.07.2014).
59. Schockenhoff: Russland ist auf Gasexporte angewiesen // Deutschlandfunk. 16.06.2014. URL: http://www.deutschlandfunk.de/gasstreit-ukraine-russland-schockenhoffrussland-ist-auf.694.de.html?dram:article_id=289230 (дата обращения: 16.05.2016).
60. Science and Engineering Indicators 2016 // The National Science Foundation, NSF. URL: http://www.nsf.gov/statistics/2016/nsb20161/#/digest (дата обращения: 24.05.2016).
61. The World Factbook // CIA website. // URL: https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/ja.html (дата обращения: 04.05.2016).

ДЕВАЛЬВАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА. СТАТЬЯ ПЕРВАЯ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА И ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ*

Важным аспектом кризиса современной цивилизации является кризис международного права, который выражается в неспособности последнего адекватно реагировать на современные вызовы и обеспечивать стабильный миропорядок. Противоречие между нарастающими проблемами человечества, требующее неотложного решения, и состоянием международного права оказывается одной из причин углубления кризиса современной цивилизации. В статье дается феноменологический анализ кризиса международного права, показывается, что демонстративное нарушение общепризнанных принципов международного права и практика двойных стандартов в применении норм международного права во внешней политике ведущих держав мира становится все более распростаненным явлением. По мнению автора, возникновению и распространению антиправовой культуры в международных отношениях в немалой степени способствуют доктринальные факторы: отсутствие четко прописанного механизма реализации общепризнанных принципов международного права, коллизии между этими принципами, пробелы в праве.
Ключевые слова: кризис цивилизации; кризис международного права; правовой нигилизм; двойные стандарты; девальвация права; принципы права; права человека; суверенитет; разрушение цивилизации права.

На наших глазах радикально изменяются политические, социальные институты, смысложизненные ценности и установки, ставящие под сомнение даже в среднесрочной перспективе нормальное воспроизводство человеческого общества. И это наряду с доставшимся от XX в. тяжелым наследием глобальных угроз: термоядерной (возможно, и несанкционированной), мировой войны, экономической катастрофы, голода и др. Учитывая, что аккумулятивный характер развития свойственен не только обществу в целом, но и угрожающим его существованию глобальным проблемам, человечество при сохранении существующих процессов может ускоренными темпами подойти к своему эпилогу. Словом, тенденции развития человечества сигнализируют об отсутствии у него гарантированного будущего. Это дает основание для вывода о том, что современная цивилизация находится в состоянии глубокого кризиса. Как представляется,

* Впервые опубликовано: Мусаелян Л.А. Девальвация международного права. Статья первая: феноменология и доктринальные факторы возникновения правового нигилизма и двойных стандартов в международных отношениях // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2014. – № 4(20). – С. 5–13.

указанный кризис проявляется в трех аспектах: кризисе традиционно применяемых средств и методов решения возникающих проблем, кризис международных институтов, призванных регулировать межгосударственные отношения и иные мировые проблемы, а также кризисе пути развития цивилизации [14]. Существенной стороной кризиса цивилизации является кризис современного международного права, затрагивающий все три указанных аспекта мирового кризиса. «Нынешнее содержание международного права и механизм его реализации, – отмечает В. Зорькин, – явно отстают от требований времени, не позволяя своевременно и адекватно отвечать на главные вызовы и риски, поддерживать стабильный глобальный миропорядок и устойчивое развитие» [6, с. 17]. Противоречие между возникающими опасными вызовами и способностью международного права адекватно реагировать на них способствует нарастанию в мире конфликтогенного потенциала. В этой связи современное состояние международного права оказывается одним из существенных факторов, углубляющим кризис цивилизации. «Разрыв между потребностями адекватного правового регулирования усложняющихся международных отношений и существующим международным правом, – пишет В. Зорькин, – нарастает опасным образом». И этот растущий разрыв, по мнению российского правоведа и политика, быстро приближает современную цивилизацию к краю бездны [7, с. 1, 8]. С подобным выводом трудно не согласиться.

В чем конкретно выражается кризис современного международного права? Это – распространение правового нигилизма, применение в правовой практике двойных стандартов, подмена правовых принципов в международных отношениях квазиправовыми понятиями, такими как «страны-изгои», «диктаторские режимы» и др. Кризис международного права является своеобразным катализатором ускорения и углубления глобального кризиса цивилизации. Это определяется не только особой ролью права как важнейшего регулятора общественной жизни социума, но и тем, что основными субъектами антиправовой культуры в международных отношениях являются ведущие державы – главные акторы мировой политики. Подобная практика приводит к девальвации международного права и падению престижа международных институтов, призванных регулировать международные отношения и обеспечивать устойчивый миропорядок. Прежде чем перейти к анализу причин, способствующих девальвации международного права, необходимо рассмотреть конкретные факты, свидетельствующие о тревожных тенденциях, возникших в последние два десятилетия в политике ведущих мировых держав. В своем выступлении 4 сентября 2013 г. в Швеции президент США заявил, что применение Б. Асадом химического оружия является нарушением норм международного права, затрагивает наши национальные интересы, а потому мы не можем молча смотреть на то, что происходит в Сирии. Поскольку тогда не было никаких фактов, доказывающих, что именно правительственные войска применили химическое оружие, для многих аналитиков было ясно, что целью этого, как и многих других заявлений лета и осени 2013 г.

лауреата Нобелевской премии мира, было обоснование правомерности осуществления заведомо неправомерного действия – нанесения ракетно-бомбового удара против Сирии без санкций Совета Безопасности ООН. С правовой точки зрения военные действия США могли быть оправданы, если бы они велись с целью обороны. Но ведь Сирия не нападала на Америку. В своих выступлениях того времени Б. Обама утверждал, что действия Б. Асада наносят ущерб национальным интересам США. Но каким образом события в Сирии угрожают безопасности Америки, находящейся в противоположной части планеты. Скорее наоборот, Б. Асад защищал Америку: ведь в боевой костяк сирийской оппозиции входили исламские фундаменталисты, в том числе отряды «Аль-Каиды» и «ИГИЛ». Тем не менее воинственные заявления американского президента сирийцы (и не только они) восприняли как реальную угрозу агрессии против их страны. События в Афганистане, Ираке, Ливии, Югославии давали основание полагать, что в случае США ни международное право, ни международные институты не могут гарантировать безопасность Сирии. Не успев до конца разрешить сирийскую проблему, человечество оказалось втянуто в новый еще более опасный рукотворный кризис на Украине. Государственный переворот, сопровождавшийся убийствами, погромами, перешел в еще более острую фазу – гражданской войны. Для непредвзятого наблюдателя не могло не вызывать удивление вседозволенность и запредельный цинизм, которые демонстрировали высокопоставленные чиновники США и ЕС во время украинского кризиса. Речь идет не только об их выступлениях в Киеве на Майдане с открытой поддержкой оппозиции (возможно ли такое в США, Великобритании или Франции?), но и о публичном признании того, сколько миллиардов долларов и евро было потрачено ими на «свободный выбор» Украины. Еще при действующем президенте Украины, легитимность которого признали США и их союзники, помощник Госсекретаря Америки В. Нуланд определяла, кто должен войти в состав будущего правительства, а кто нет, будто речь идет не о большом суверенном европейском государстве, а о протекторате империи. Подобное федеральная власть США не позволяет себе даже в отношении своих штатов. И как только был совершен государственный переворот, Запад признал легитимность новой власти. Очевидно, что США вместе со своими союзниками по НАТО реализовали в Украине новый вариант цветной революции, грубо нарушив один из основополагающих принципов международного права: невмешательство во внутренние и внешние дела государства. «Ни одно государство или группа государств, – отмечается в Декларации о принципах международного права, – не имеет право вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела любого другого государства». И далее: «Ни одно государство не должно также организовывать, разжигать, финансировать, подстрекать или допускать подрывную или вооруженную деятельность, направленную на насильственное свержение строя другого государства, равно как и способствовать ей, а также вмешиваться во внутреннюю борьбу в другом государстве» [5]. Помимо нарушения

указанного принципа на Украине нарушались и продолжают нарушаться и другие общепризнанные нормы международного права: суверенное равенство всех членов ООН, добросовестное выполнение обязательств по международному праву и, особенно, уважение прав человека. В своей совокупности принципы международного права представляют хартию прав и обязанностей государств и в качестве таковой служат критерием правомерного поведения субъектов международных отношений [12, с. 296]. Согласно экспертным оценкам США сегодня является наиболее опытным субъектом по нарушению юридических обязательств, подрыву фундаментальных начал миропорядка, глобальным ускорителем роста международно-правового нигилизма [10, с. 5]. Для таких выводов есть веские основания. За последние полвека США не один раз грубо нарушали основополагающие нормы международного права: суверенитет, неприменение силы, невмешательство во внутренние дела, добросовестное выполнение обязательств, принятых в соответствии с Уставом ООН. Вот лишь некоторые факты. 1958 г. – военная интервенция в Ливан, 1965 г. – в Доминиканскую республику, 1965–1973 гг. – во Вьетнам, 1980 – Иран, 1983 – Гренаду, 1986 – Ливию, 1989 – Панаму, 1991 – Ирак, 1993 – Сомали, 1995 – Югославию (против боснийских сербов), 1999 – Югославию (против Сербии), 2001 – Афганистан, 2003 – Ирак, 2011 – Ливию. К этому списку следует добавить череду «цветных революций» (а фактически государственных переворотов), осуществленных США в ряде стран. События в феврале 2014 г. на Украине – конкретный пример такого переворота. Негативные последствия такой политики трудно переоценить, ибо субъектом правового нигилизма здесь выступает государство, являющееся одним из основателей ООН и имеющего высокий статус постоянного члена Совета Безопасности. «…Драматичность ситуации, – пишет известный правовед Е.А. Лукашева, – состоит в том, что демократическое государство практически разрушило систему международной безопасности, которая была институционально представлена ООН, ее органами, международно-правовыми документами, призванных организовать мировой миропорядок…» [11, с. 27].

Подрыву цивилизованных международных отношений и доверия между государствами способствует также практика двойных стандартов в применении норм международного права, проводимая Западом в последние четверть века. Конкретный пример подобной политики – отношение к референдуму в Крыму, который США и страны Евросоюза в один голос признали нелегитимным. Основание – Конституция Украины, которая не предполагает проведения плебисцита на отдельной ее территории. А разве Конституция этой страны разрешает государственный переворот? Между тем новую власть, установившуюся в результате этого переворота, вопреки Конституции Украины и нормам международного права Запад признал легитимной. Если вы признаете легитимной новую власть, которая путем вооруженного переворота фактически вывела страну за пределы правового пространства, то не можете не признавать результаты референдума в Крыму. Если же вы признаете Конституцию Украины, то нелегитимным следует

признать не только референдумы, но и новую власть. Третьего не дано. Заметим, что референдум был реакцией народа Крыма на политику новых властей Украины. С точки зрения некоторых правоведов, принцип целостности государства как норма международного права имеет большую юридическую силу по сравнению с принципом самоопределения народов [12, с. 316–319]. Но это касается демократических государств, где соблюдаются права человека и этнических меньшинств. Между тем новые власти Украины сделали русофобию и юдофобию основным мотивом своей внутренней и внешней политики, а насилие и массовый террор – единственным инструментом общения с политическими оппонентами. Это побудило народ Крыма сделать свой выбор, опираясь на норму международного права.

Еще пример. В марте 2013 г. на Фолклендах был проведен референдум о статусе этих островов. Премьер-министр Великобритании Д. Камерон призвал Аргентину, которая также претендует на эту территорию, находящуюся вблизи ее границ, уважать волеизъявление народа (чуть более полутора тысяч избирателей. – Л.М.). А вот волю почти двух миллионов крымчан власти Англии и других стран Запада не считают возможным уважать. «Если референдум проводит Крым, – говорила в этой связи президент Аргентины Кристина Фернандес де Киршнер, – то это неправильно, но если это делают фолклендцы, то все хорошо. Такая позиция не выдерживает никакой критики» [22, с. 8].

Подход западных стран к референдуму в Крыму, а до этого в Южной Осетии и Абхазии, дал основание многим аналитикам вспомнить события в Югославии в 1999 г. Тогда страны НАТО вмешались в гражданскую войну на стороне косовских албанцев и помогли им отделиться (без всякого референдума) от Сербии, аргументируя это тем, что там разразилась гуманитарная катастрофа и существовала опасность геноцида. Здесь возникает два вопроса. Во-первых, почему такой подход не применим к Южной Осетии, Абхазии, Нагорному Карабаху, а сегодня – к Крыму и особенно к юго-восточным регионам Украины, где налицо все признаки гуманитарной катастрофы и геноцида? Во-вторых, можно ли отстаивать принципы международного права неправовыми методами, грубо попирая международное право. Ведь Совет Безопасности ООН не давал санкцию НАТО на проведение военной операции в Югославии. Кроме того, при бомбардировках городов и сел Сербии и Хорватии коалиция стран НАТО использовала запрещенное оружие: кассетные бомбы, снаряды и авиабомбы со стержнем из обедненного урана, вызывающее в длительной перспективе резкий рост онкологический заболеваний у гражданского населения. Заметим, что по примеру и при молчаливом согласии своих западных кураторов нынешняя власть Украины также использует в карательных операциях запрещенные виды оружия: кассетные и фосфорные бомбы, газы.

Известно с какой настойчивостью западные страны требовали наказания в соответствии с нормами международного права сербских политиков и военных за преступления во время гражданской войны в Югославии. Для этих целей был

создан Международный трибунал в Гааге. Однако под предлогом защиты своих военнослужащих США отказались признавать юрисдикцию постоянно действующего независимого Международного уголовного суда, созданного в 1998 г. для расследования военных и других серьезных преступлении. Более того, США заставили некоторых своих союзников подписать двусторонние соглашения об освобождении от ответственности американских граждан. Как язвительно подметил подобную позицию Дж. Сорос, «жизнь американца оценивается у нас совсем по другому, чем жизнь иностранца (однако за рубежом люди не видят причин для такого различия)» [20, с. 35].

Говоря о практике двойных стандартов Запада, нельзя не упомянуть об избирательном применении карательных функций международных правоприменительных учреждений. Несмотря на то, что во время межэтнических конфликтов на территории бывшей Югославии преступления совершали обе стороны, перед Международным трибуналом в Гааге предстали исключительно сербы – более ста шестидесяти человек военных и политиков. По свидетельству Главного прокурора Международного трибунала Карлы дель Понте, ее неоднократные попытки провести расследование в местах массовых расстрелов сербов, а также их похищения албанцами с целью торговли органами блокировались миссией ООН в Косово, которая состояла из представителей западных стран [18].

Представляется важным отметить еще одну тенденцию последнего десятилетия, свидетельствующую о глубоком кризисе современной буржуазной демократии и международного права. События в Египте, Ливии, Сирии, а теперь и на Украине свидетельствуют о том, что США для достижения своих геополитических целей стали применять новую «гибридную технологию» проведения цветных революций. Помимо ресурса спланированных широких акций гражданского неповиновения применялись хорошо организованные и обученные боевые отряды религиозных фундаменталистов, националистов и откровенных фашистов. Последние, скрываясь за спинами лидеров так называемой демократической оппозиции и протестного движения, выполняли функцию тарана свержения власти в той или иной стране. Причем если лидеры политической оппозиции публично позиционируют себя в качестве активных сторонников западных демократических ценностей, то вовлеченные в «революционный процесс» ударные силы религиозных и политических радикалов для свержения власти прибегают к погромам, убийствам, массовому террору и другим актам устрашения, несовместимым с демократическими ценностями политической конкуренции. Так, после событий 11 сентября 2001 г. США объявили «Аль-Каиду» врагом номер один Америки и в категорической форме потребовали от всех государств присоединиться к их антитеррористической войне («Кто не с нами, тот против нас!»). Но события на севере Африки и Ближнем Востоке свидетельствуют о том, что США и их союзники стали союзником этой ведущей террористической организации. Известно, что национализм и фашизм – откровенные враги демократии. Однако «свободный демократический выбор» Украины осуществляется при помощи

националистических и откровенно фашистских организаций, сеющих страх, хаос и смерть в стране. Принципиально важно, что процессы в Украине управляются США и их европейскими союзниками. Эти и другие факты указывают на то, что США для решения своих геополитических задач, пренебрегая всякими правилами приличия, прибегают к инструментализации экстремистских религиозных и политических движений. Такая стыковка западной политической элиты с террористическими и радикальными организациями свидетельствует о глубоком кризисе современной западной демократии [15, 16].

Кроме того, технология «гибридных цветных революций», практикуемая Америкой, свидетельствует о том, что во внешней политике этого государства нравственный и правовой цинизм становятся обыденным явлением. Под правовым цинизмом понимается крайняя форма правового нигилизма, проявляющегося в демонстративном нарушении не только норм международного права, но и общепринятых в цивилизованном мире обычаев и правил поведения и свидетельствующего о критически низком уровне правовой культуры.

В последние четверть века глобализация приобрела форму американизации. Как мировая империя, позиционирующая себя в качестве образца демократии, Америка «цивилизирует» мир по своему образу и подобию. Создавая военно-политические блоки, экономические и политические союзы, США через втянутые в эти организации государства превращает практику правового нигилизма и двойных стандартов в глобальный феномен. «…Мир стал свидетелем того, – отмечает Е.Т. Байльдинов, – что не только известные постоянные члены Совета Безопасности, но и некоторые обычные члены ООН позволяют себе не замечать существование международного права, когда им это становится выгодным» [2, с. 91]. «Действия США и Великобритании, – пишет Е.А. Лукашева, – свидетельство пренебрежения международным правом, своими партнерами по ООН и Совету Безопасности ООН. А это грозный симптом утверждения права сильного, ‘‘кулачного’’ права, которое как показывает опыт развития человечества, имеет тенденцию к расширению.., охватывая все большее число стран» [11, с. 27]. Другими словами, происходит девальвация международного права и сползание человечества к пещерному праву силы. Каковы причины этого феномена?

Как представляется, факторы, обусловливающие девальвацию международного права и низкую эффективность регулятивных возможностей ООН и его институтов, можно условно разделить на три группы: доктринальные, цивилизационные и геополитические. К доктринальным следует отнести состояние современного международного права. «Дух основных принципов международного права, – пишет В. Зорькин, – сформулированных в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права 1970 года и Хельсинском заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года, до сих пор не обеспечен буквой точных и последовательных нормативно-правовых установлений» [6, с. 17]. По мнению автора, отсутствие ясно заявленных норм реализации этих принципов позволяет отдельным государствам и международным органам

принимать решения и действовать «исходя из политико-идеологических пристрастий и прагматических конъюнктурных интересов» [6, с. 17].

Еще одной доктринальной проблемой, решение которой имеет важное значение для цивилизованного выхода из периодически возникающих острых кризисов в разных регионах и странах являются коллизии между нормами международного права [19]. Речь идет о противоречии между принципами уважения прав человека и невмешательством во внутренние дела государства; между правом на самоопределение народов и территориальной целостностью государств. Эти принципы являются универсальными и общеобязательными и в качестве таковых относятся к императивному праву (jus cogens). Коллизия между общепризнанными принципами международного права (ОПМП) является благодатной почвой для «подверствывания» (В.В. Путин) Западом того или иного варианта решения международных проблем под свои интересы. В одном случае, выражая озабоченность в связи с соблюдением прав человека, ведущие страны западного альянса без санкций Совета Безопасности ООН начинают полномасштабную военную операцию против суверенного государства, грубо нарушая принципы невмешательства; в другом – руководствуясь принципом невмешательства, закрывают глаза на то, что не вполне легитимная власть, используя всю военную мощь государства, осуществляет массовые убийства мирного населения, выступающего в защиту собственных прав. Очевидно, что для минимизации субъективизма в трактовке норм международного права и повышения его эффективности необходимо преодолеть существующие в нем коллизий. Это стало бы важным вкладом в дело преодоления кризиса современного международного права и ООН. В силу практической и теоретической значимости указанной проблемы представляется необходимым остановиться на этом подробнее. Из существующих коллизий, как нам представляется, особо дискуссионным и крайне политизированным является противоречие между принципом равноправия и принципом самоопределения народов и целостности государства. Именно при реализации этих принципов, по авторитетному мнению И.И. Лукашука, встречаются многочисленные злоупотребления [12, с. 316]. При бесспорной политической значимости преодоления указанной коллизии это, на наш взгляд, имело бы еще и важное методологическое значение, поскольку давало бы ключ к разрешению других противоречий между нормами международного права. Сложность разрешения обозначенной проблемы заключается в том, что между принципами международного права нет какого-либо формального соподчинения, свидетельствующего об их иерархическом характере [12, с. 298]. Следует заметить, что в юридической литературе развернулась дискуссия по проблеме соотношения понятий «нормы» и «принципы права», «основные» и «общепризнанные принципы международного права» и др. [17]. В ходе дискуссии фактически обсуждается вопрос об иерархии в системе норм международного права. Не вдаваясь в детали спора, следует отметить, что большинство ученых основные и общепризнанные принципы международного права рассматривают как тождественные. По их мнению,

эти нормы обладают универсальными источниками, признаются подавляющим большинством государств, носят императивный характер, что и «определяет их особое место в иерархии международно-правовых норм как норм “jus cogens”» [3, с. 64]. В этой связи исследователи считают, что основные принципы являются «фундаментом всей системы международного права» [4, с. 30–33; 8, с. 16–17]. Соотношение между нормами и принципами права есть отношение родовых и видовых понятий [9, с. 2–3]. Поэтому, если есть определенная иерархия норм международного права, то должна быть и иерархия его основных принципов. В противном случае противоречивость, зыбкость «самого фундамента» делает неустойчивым, нежизнеспособным все здание международного права. Как справедливо подметил Е.Т. Байльдинов, необходимо «либо признать неравнозначность ОПМП между собой и тогда выстроить соответствующую иерархию между ними, в дальнейшем укрепляя на этой основе ООН, либо стать свидетелем постепенной утраты современным международным правом своих правовых характеристик» [2, с. 91]. По мнению автора, признание иерархической связи между основными принципами международного права означает начало процесса формирования нового международного права, «способного обеспечить более безопасный, более гармоничный и более справедливый миропорядок» [2, с. 92]. Но какая идея должна быть положена в основу создаваемой новой теории международного права? Нам представляется, что таковой является идея человекоразмерности права. В самом деле, важнейшим достижением почти трехтысячелетнего развития философии явилось признание человека, его права и свободы высшей ценностью. Но без юридического обеспечения эта идея оставалась бы абстрактной философской формулой, а не жизненным принципом современной цивилизации, условием ее выживания и развития. Осознание человечеством необходимости правового обеспечения указанных положений отличает современный гуманизм от его прототипов прошлых эпох. В свете изложенного представляется правильным предложение Е.Т. Байльдинова считать принципы уважения прав и свобод человека в качестве основополагающего элемента международного права, а остальные – как производные от него [2, с. 39]. В этом случае коллизия между принципами международного права разрешается, поскольку право оказывается не просто набором равнозначных норм, а иерархической системой взаимосвязанных принципов, в основе которых – принцип уважения прав и свобод человека. В Декларации о принципах международного права 1970 г. указывается, что при «истолковании и применении изложенных выше принципов последние являются взаимосвязанными, и каждый принцип должен рассматриваться в свете других» [5]. Иначе говоря, система принципов международного права носит координированный характер, их содержание «представляет единое целое и должно рассматриваться в комплексе» [12, с. 297]. Но в то же время особый статус принципа уважения прав человека дает основание считать эту систему субординированной. «Принцип уважения прав человека, – пишет И.И. Лукашук, – занимает центральное положение в праве государств. Он – главный, общий принцип

демократического государства и обладает абсолютной императивной силой. Ни один закон не может ему противоречить» [12, с. 305]. Особый статус этого принципа определяет обязательство современных демократических государств обеспечивать права и свободы человека как внутри страны, так и в отношениях с внешним миром. «Пакт о правах человека, – отмечает И.И. Лукашук, – закрепил связь права народа на самоопределение с правами человека» [12, с. 316]. И если нарушаются права народа (этнических меньшинств), то тем самым нарушаются и права человека. «Люди изначально равны, следовательно, каждый вправе получать образование на родном языке, развивать свою культуру, соблюдать традиции и требовать удовлетворения этих потребностей от государства. Этнические права – неотъемлемая часть прав человека» [21, с. 42, 43] (курсив мой. – Л.М.). Разумеется, права отдельного человека не могут противопоставляться правам всего общества, точно так же, как права национальных меньшинств – правам всего остального населения и интересам государства. Демократия, в отличие от авторитаризма и тоталитаризма, – форма правления, которая гармонизирует права национальных меньшинств с правами человека и на этой основе с правами всего населения. Подобная гармонизация означает отсутствие в государстве селективной политики по обеспечению прав человека в отношении этнических меньшинств и титульного населения. Такая политика создает условия для мира и стабильности в обществе. Поэтому обеспечение прав человека и национальных меньшинств отвечает интересам государства, способствует сохранению и укреплению его целостности. В таком обществе призывы националистов к отделению вряд ли найдут отклик среди населения. Напротив, принцип сохранения целостности государства получит безоговорочную поддержку. Если же государство осуществляет дискриминационную политику по этническому, языковому, религиозному признаку, более того – поддерживает или само осуществляет массовые репрессии людей, то право народов на самоопределение имеет большую юридическую силу, нежели принцип целостности государства; внешнее вмешательство во внутренние дела государства в этом случае не только допустимо, но и необходимо.

К проблемам современного международного права следует отнести и его пробельность. Глобализация вызвала к жизни новых субъектов экономической и политической деятельности. Речь идет о МВФ, ВБ, ВТО и, особенно, транснациональных компаниях (ТНК), активность которых в последние четверть века резко возросла. По своим финансовым возможностям и влиянию на международные отношения ТНК превосходят многие государства. Но если государства являются субъектами международного права, то ТНК таковыми не являются. В силу большой зависимости национальных политических элит от крупного капитала, а иногда их полного единства, деятельность промышленно-финансовых и финансовых транснациональных групп плохо контролируется государством. Более того, деятельность ТНК чаще всего проходит вне публичной сферы, которая в силу отсутствия там конкуренции оказывается более эффективной, чем

публичная деятельность в правовом поле. Неконтролируемая деятельность крупных финансово-промышленных групп – причина возникновения в различных регионах земного шара кризисных явлений, локальных конфликтов, таящих угрозу стабильности и безопасности в мире. В свете изложенного к неотложным задачам совершенствования международного права следует отнести и разработку норм, регулирующих растущую активность новых субъектов экономической и политической жизни человечества.

Список литературы

1. Алексанян А.А. Реализация права народов на самоопределение в контексте принципа территориальной целостности государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 4(22). С. 63–67.
2. Байльдинов Е.Т. Новое международное право: к вопросу о сущности // Московский журнал международного права. 2013. № 2. С. 90–101.
3. Барнашов А.М. Общепризнанные принципы и нормы международного права и их взаимодействие с нормами российского законодательства // Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия. Материалы Всерос. совещания / под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кобышева. М., 2004. С. 62–69.
4. Бабай А.Н., Тимошенко В.С. Общепризнанные принципы и нормы международного права как составная часть российской правовой системы // Международное публичное и частное право. 2006. № 6. С. 30–33.
5. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 18.08.2014).
6. Зорькин В. Кризис международного права: современный контекст // Рос. газ. 2014. 20 июня.
7. Зорькин В. Цивилизация права // Рос. газ. 2014. 13 марта.
8. Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. 269 с.
9. Кузнецова О.А. Соотношение понятий общепризнанных принципов и норм международного права // Международное публичное и частное право. 2009. № 3. С. 2–3.
10. Лихачев В. Два лица США // Рос. газ. 2013. 13 сент.
11. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. М.: Норма, 2009. 384 с.
12. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник. М.: Волтерс Клувер, 2010. 432 с.
13. Малеев Ю.Н. Неизвестные, но общепризнанные // Международное право. 2005. № 1(2). С. 5–20.

14. Мусаелян Л.А. Кризис современной цивилизации и его антропологических оснований // Новые идеи в философии: в 2 т. Пермь, 2014. Вып. 1(22). Т. 1. С. 69–80.
15. Мусаелян Л.А. Кризис цивилизации и демократия // Вестник Прикамского социального института. Гуманитарное образование. 2013. № 6. С. 4–12.
16. Мусаелян Л.А. О цветных революциях, глобальном кризисе демократии и политической системе современной России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 3(17). С. 33–44.
17. Нефедова Ю.Ю. Основные доктринальнее подходы к определению «общепризнанности» норм международного права и их значение для гражданско-правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 1(22). С. 145–155.
18. Понте дель Карла. Справедливость в бывшей Югославии. URL: http://www.newstude.ru (дата обращения: 24.08.2014).
19. Проблемы гуманитарной интервенции и защиты граждан за рубежом: материалы Круглого стола // Международная жизнь. 2009. № 7. С. 16–33.
20. Сорос Дж. Мыльный пузырь американского превосходства. М.: Koob, 2008. 192 с.
21. Хакимов Т.С. Об основах асимметричности Российской Федерации // Федерализм в России. Казань, 2001. С. 266–272.
22. Хроника, мнение, комментарии // Рос. газ. 2014. 21 марта.

ДЕВАЛЬВАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА. СТАТЬЯ ВТОРАЯ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ, ФОРМАЦИОННЫЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КРИЗИСА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА*

В статье продолжен анализ кризиса международного права, который, по мнению автора, является важным аспектом кризиса современной цивилизации. В предыдущей статье рассматривались доктринальные факторы кризиса, в данной – цивилизационные, формационные и геополитические. Они играют определяющую роль в разрушении международного права. Согласно автору, особенности становления и развития капитализма в США, а также статус этого государства в современном мире способствовали формированию политического и правового мышления американцев, отличного от народов континентальной Европы. В условиях биполярного мира склонность политической элиты США решать сложные проблемы простыми силовыми методами сдерживалась Советским Союзом. Развал СССР имел негативные последствия для международного права. Правовой нигилизм, практика двойных стандартов стали обычным явлением в условиях монополярного мира.

Неравномерность исторического процесса способствует смещению центра мир-истории с Нового Света в Азию. Этот процесс породил геополитический кризис. США, невзирая на международные институты и международное право, пытаются всеми доступными средствами блокировать центробежные тенденции и вернуть человечество к монополярному миру. Подобная активность ведет к разрушению цивилизации права и возврату человечества к пещерному праву силы.

Ключевые слова: кризис международного права, общепризнанные принципы международного права, государственный суверенитет, правовой нигилизм, девальвация международного права, мировая инерция, цветные революции, геополитический кризис, право силы.

Рассмотренные в предыдущей статье [15] доктринальные факторы девальвации международного права сами по себе не вызывают в обязательном порядке правовой нигилизм, двойные стандарты и другие феномены антиправовой культуры, но формируются условия, при которых происходит сознательное или неосознанное нарушение норм международного права. Поэтому эти факторы можно условно отнести к кондициональным. Для минимизации их негативного влияния на международные отношения необходимо совершенствовать

* Впервые опубликовано: Мусаелян Л.А. Девальвация международного права. Статья вторая: Цивилизационные, формационные и геополитические факторы кризиса международного права // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2015. – № 1(21). – С. 16-25.

международное право. Международное право, как и любое национальное право, тесно связано с изменяющейся социальной реальностью и предполагает постоянное развитие [12]. В этой связи предложение В. Зорькина о необходимости созыва Всемирного совещания по международному праву, на котором ученые-юристы разработали и приняли бы новые нормы для конкретной реализации общепризнанных принципов международного права; преодоление его пробельности и других изъянов, является, безусловно, своевременной и конструктивной задачей [7]. Совершенствование и развитие международного права есть непременное условие существования цивилизации права.

Помимо доктринальных необходимо выделить еще цивилизационные и геополитические факторы кризиса международного права. Они являются наиболее опасными вызовами существованию современной цивилизации права. Поэтому есть все основания относить их к каузальным факторам кризиса международного права. Угроза разрушения цивилизации права является, на наш взгляд, новой глобальной проблемой и для ее устранения требуются коллективные усилия всего человечества.

Анализ каузальных факторов кризиса международного права начнем с их цивилизационной компоненты. Правовые системы различных народов и эпох, отмечал Энгельс, представляют собой отражение соответствующих экономических отношений [23, с. 274]. В этой связи американская правовая система и правовое мышление заметно отличаются от права и правового сознания стран континентальной Европы, несмотря на их общие теоретические истоки [16]. Это различие обусловлено особенностями развития капитализма в США. Свой первый шаг за пределы континентальной Европы буржуазная цивилизация сделала на Британские острова. Переход через Ла-Манш сопровождался заметным уменьшением ее культурно-гуманистического потенциала. Капитал приобретает более высокую эффективность там, где отсутствуют всякие сдерживающие факторы его эффективной деятельности. Капитализм здесь получает второе дыхание, а сама Великобритания превращается в XIX в. в ведущую державу мира. Но этот экономический и политический прогресс в немалой степени был достигнут за счет нравственного и гуманистического регресса. Чем выше прибыль, тем меньше влияние морали и права на деятельность капитала. Об этом свидетельствует известный английский публицист XIX в. Т. Дж. Даннинг. «Капитал, – писал Даннинг, – боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому» [24, с. 770]. К сказанному следует добавить, что именно Англии принадлежит «ноу-

хау» в создании и использовании на оккупированных территориях концентрационных лагерей.

Свой второй шаг буржуазная цивилизация сделала в Америку на территорию, где напрочь отсутствовали культурные традиции Европы, сдерживающие гиперактивность капитала. Для совершения этого прыжка капитализм еще раз «сбросил вес», оставив на материке «левые» теории, принципы, традиции, заточенные на идею справедливости и сыгравшие немалую роль в формировании европейской политико-правовой системы. О том, что в Америку буржуазная цивилизация ворвалась «налегке», без весомого гуманистического потенциала, свидетельствует судьба коренного населения этого континента, а также то, что потомки американских переселенцев первыми в мире применили атомное оружие. «В Северную Америку пришла не Европа со своей культурой, – пишет В. Пернацкий, – а Великобритания, принесшая к тому же только ту часть своей и европейской культуры, которая была востребована открывающимся Новым Светом. Этой частью был в первую очередь рационализм, оторванный от европейского гуманизма. Позже этот рационализм, пересаженный на американскую почву, мутирует в прагматизм – философский эквивалент американского менталитета» [19, с. 126].

Капитализм, освобожденный от «гуманистических пут», развивался в Америке, по свидетельству Маркса, исполинскими шагами [13, с. 783]. Порождением этого капитализма и его интеллектуальным выражением стала философия прагматизма (Ч. Пирс, У. Джемс, Дж. Дьюи), которая, на наш взгляд, является теоретической основой американской политико-правовой системы. Прагматизм не рассматривает содержание знаний в их отношении к объективной реальности. Характер знаний представители этой философии определяют по их значению для субъекта. Знания истинны, если они полезны для решения данной проблемы в конкретной жизненной ситуации [4, с. 19]. Стало быть, если истина – это то, что полезно, то неполезное не есть истина. Отождествление истины с успехом, пользой, выгодой не может не сказаться на понимании права, законности, справедливости [9, 22]. Согласно распространенным в Америке теориям юридического реализма (М. Каплан, К. Ллевелин, Дж. Фрэнк) и политически объективированному подходу (М. Макдугал и др.) право не есть система абстрактных общеобязательных норм, а процесс принятия судебных и властных решений, принимаемых в конкретных ситуациях [8, 15]. При принятии решений определяющее значение имеет социальный контекст проблемы, а в международном праве – экономические и политические интересы США, а не общепризнанные правовые нормы. Анализируя основополагающие принципы внешнеполитического курса Америки, Дж. Сорос пишет: «…Международные отношения строятся на основе силы, а не закона: сила доминирует, а закон признает то, что доминирует … Международное законодательство придает легитимность достигнутому с помощью силы» [22, с. 18, 66]. Отождествление истины с пользой, выгодой фактически означает элиминацию института объективной истины из права. И это далеко не

случайность. В общественной жизни Америки и ее международной политике кроется глубокий конфликт между интересами ее политической элиты и объективной истиной. «…Расхождение между представлениями и реальным состоянием дел ненормально углубилось, – признает один из ярких представителей американской элиты Дж. Сорос. – Такое может произойти в результате самоуглубляющегося процесса, который набирает силу годами» [22, с. 172]. Это противоречие, о котором мировая общественность узнает post factum после организации очередной цветной революции или военного вторжения в ту или иную страну с целью свержения законной власти, свидетельствует о том, что в иерархии социальных ценностей США объективная истина если и присутствует, то имеет очень низкий статус. Это признает известный американский публицист Патрик Смит. Анализируя подход США к событиям на Украине, Смит характеризует его как «иррациональность, облачившаяся в одежды высококлассной рациональности. А иррациональные умы, – заключает публицист, – не обладают способностью выносить суждения» [21]. Неспособность адекватного отражения социальной реальности определяет неспособность адекватной правовой квалификации происходящих событий.

В странах континентальной Европы, где придерживаются романо-германской семьи правовых систем, отношение к истинным знаниям, к истине юридического факта, насколько нам известно, другое. В немалой степени это вызвано тем, что здесь философия прагматизма не имеет такого влияния, как в Англии и США. Однако в оценке международных событий и их правовой квалификации и в странах континентальной Европы произошли изменения. Это вызвано не столько сближением англосаксонской и романо-германской правовых систем, сколько глобализацией, принявшей форму американизации.

Значительным фактором аберрации политического и правового мышления американской элиты является ее предельная идеологизированность. В основе этой идеологии лежат две идеи – мирового лидерства США и рыночного фундаментализма. После крушения СССР и возникновения монополярного мира эта идеология «социального дарвинизма» (Дж. Сорос) усилиями неоконсерваторов превратилась в новую религию американского истеблишмента. Согласно ей международные отношения – это борьба за существование государств, в которой выживает сильнейший. Лидерство Америки в экономике, финансах и других сферах общественной истории может обеспечиваться ее бесспорным военным превосходством над всеми другими странами. Иначе говоря, мощь «Макдоннелл-Дуглас» – определяющий фактор экономической экспансии «МакДоналдс» в мире. Смысл указанной идеологии «социального дарвинизма» раскрывает Дж. Сорос: «Раз мы сильнее других, то, значит, умнее их, а право всегда на нашей стороне» [22, с. 25]. Поэтому США, пользуясь правом сильного, обязаны блокировать любые потенциальные угрозы своему лидерству и военному превосходству. Отсюда их особое отношение к международному праву и международным отношениям. США присваивают себе право нанесения превентивных ударов по странам, чья политика с

их точки зрения таит угрозу американским национальным интересам, что квалифицируется как угроза международному миру и стабильности.

Очевидно, что нанесение упреждающих ударов, практикуемое США, противоречит общепризнанным принципам: неприменения силы, суверенитета, невмешательства и другим нормам международного права. Разъясняя американскую позицию относительно указанного противоречия, Сорос отмечает, что для США существуют две разновидности суверенитета: один их собственный, имеющий приоритет перед международными договорами и обязательствами, другой – для всех остальных стран, которым, добавим мы, можно в случае необходимости пренебречь [22]. Финансист критикует администрацию Дж. Буша-младшего за подобное отношение к международному праву и чрезмерное применение военной силы при решении международных проблем. Однако считать, что правовой нигилизм, двойные стандарты, злоупотребление своим военным превосходством есть исключительно стиль политики 43-го президента США, на наш взгляд, явная передержка. Послужной список 44-го президента-демократа по части нарушений общепризнанных принципов и норм международного права ничуть не меньше его предшественника-республиканца. Это и применение силы, угроза ее применения, демонстративное вмешательство во внутренние дела государств, организация государственных переворотов и введение различных санкций против стран, рискнувших проводить самостоятельную внешнюю политику. Парадоксальность ситуации заключается в том, что за нынешним резким обострением международных отношений и фактическим возобновлением холодной войны, чреватой перерастанием в горячую, стоит президент США – лауреат Нобелевской премии мира. Вот уж действительно оруэлловская реальность: мир – это война, правда – это ложь. Заметим, что первый чернокожий президент США, считавшийся до своего избрания юристом-интеллектуалом, нарушил и внутреннее законодательство, предоставив финансовую и техническую помощь новым властям Украины. Однако инициации процедуры импичмента президента со стороны республиканцев не последовала. Это и понятно: в выборе между истиной и пользой, правом и политической целесообразностью у американской элиты существует консенсус. Конечно, нельзя отрицать наличие персональных особенностей в стиле управления американских президентов или различия между республиканцами и демократами во внутренней политике, но во внешней политике, в их отношении к международному праву и международным соглашениям больше сходств, нежели различий. Поэтому Дж. Сорос, критикуя стиль правления Дж. Буша-младшего, фактически изобличает изъяны американской внешней политики, рельефно проявившиеся в эпоху монополярного мира.

Многолетнее американское превосходство над другими странами и возникновение монополярного мира способствовали укоренению в общественном сознании американцев негативного отношения к международным институтам и соглашениям, ибо они мешают США использовать свою силу – определяющий инструмент внешней политики. «Администрация Буша, – отмечает Дж. Сорос, –

признает лишь одну форму сотрудничества, при которой США принимают решения, а остальные подчиняются им» [22, с. 86]. Заметим, что такой подход был характерен отнюдь не только для Буша-младшего, но и для Б. Клинтона, Дж. Буша-старшего. Наблюдая за тем, с какой поспешностью страны ЕС выполняют директивы, поступающие из Вашингтона, и принимают экономические санкции против России в ущерб собственным интересам, создается впечатление, что это не суверенные государства, а протекторат США. Между тем любые санкции, если они принимаются в обход СБ ООН, противоправны. Если даже в этих санкциях вынужденно принимают участие более двух десятков стран, они не теряют свой антиправовой характер. Данное обстоятельство означает лишь то, что правовой нигилизм благодаря усилиям США превращается в международное явление. В результате почти три наиболее развитых континента земного шара выпадают из правового пространства, что и дает основание В. Зорькину писать о разрушении «цивилизации права». Глобализация в ее американской форме проявления имеет, таким образом, еще один недостаточно исследованный аспект: превращение правового нигилизма и практики двойных стандартов в глобальное мировое явление. Цивилизация, основывающаяся на силе права, постепенно опускается до варварства, опирающееся на пещерное право силы. Чрезмерная податливость канцлера Германии диктату президента США может, конечно, удивить, если не учитывать, что в этой стране размещено более 300 военных баз США. А с военными базами приходит политическое и экономическое влияние, отмечает американский публицист Чалмерс Джонсон [6]. Еще в начале «нулевых» годов США имели более 730 баз в 130 странах в стратегически важных точках земного шара с числом военнослужащих более 250 тыс. чел. [6]. Глобальное военное присутствие является основой политической, экономической, финансовой, культурной гегемонии Америки в мире. Глобализация, как представляется, есть современная форма тоталитаризма, которая еще слабо изучена. Глобализированный по образу и подобию США мир несет в себе все основные признаки тоталитарного общества. Это претензия на монополию одного политического, экономического, финансового, технологического центра, одной идеологии (основанной на идее превосходства военной силы и рыночного фундаментализма), превращенной в религию, предельная милитаризация страны, преследование и уничтожение политических оппонентов («плохих парней»), тотальный контроль населения. В прошлом ни одно государство не имело такой возможности контролировать подданных, какую сегодня имеют США. К тому же если раньше тоталитарные государства осуществляли контроль собственных подданных, то США не удовлетворяются этим, они контролируют миллиарды людей по всему миру, тем самым грубо и демонстративно нарушая права человека во всем мире. Разумеется, чтобы преследовать и уничтожать политических оппонентов («плохих парней»), право является помехой. Тоталитарная власть не нуждается в праве, а если и опирается в редких случаях на право, то исключительно в своих

интересах – как на инструмент устрашения и устранения своих политических оппонентов (пример тому Гаагский трибунал). Как стало известно, в последнее время среди тех, кого спецслужбы США прослушивают и контролируют, – руководители государств-союзников США по НАТО, поддерживающих Америку в ее силовых операциях и организуемых ею экономических санкциях. Как представляется, сам факт подобной прослушки не является случайностью. Он вполне укладывается в национальные традиции США, а именно в их отношения к другим государствам и подписанным с ними соглашениям. Для пояснения своей мысли обратимся снова к Дж. Соросу. «В международных отношениях участвуют суверенные государства, действующие исходя из собственных интересов. Можно ли доверять им свою безопасность? – вопрошает он. – Ни одно международное соглашение не является абсолютно надежным. Всегда есть вероятность того, что один из участников не выполнит его положения… Опасность обмана усугубляется тем, что другие участники менее демократичны и не так открыты как мы. Перед лицом подобной опасности мы также вынуждены идти на обман» [22, с. 164]. Итак, поскольку бастиону свободы и демократии приходится иметь дело с ущербными, варварскими народами и странами, которым нельзя доверять по определению, США имеют право на обман, на отказ от подписанных соглашений, тем более что эти соглашения ограничивают их свободу действий. Поскольку США в глазах самих американцев и многих их союзников являются образцом демократии, достойным подражания, то такое поведение тиражируется в политике многих других государств, порождая новый феномен «недоговороспособности», о котором в последнее время не раз говорил министр иностранных дел России С. Лавров. В качестве примера можно привести судьбу подписанного 21 февраля 2014 г. в Киеве соглашения о путях мирного разрешения политического кризиса на Украине. Если тогдашний президент страны выполнил требования оппозиции и вывел силовые структуры из столицы, то оппозиция, управляемая США и поддерживаемая Западом, грубо нарушила взятые на себя обязательства и, воспользовавшись ситуацией, перешла к силовому захвату власти. Министры иностранных дел «веймарской тройки», подписавшие этот документ со стороны Евросоюза как гаранты выполнения оппозицией взятых на себя обязательств (создание правительства народного доверия, разоружение боевиков, реформа конституции и т.д.), фактически поддержали действия путчистов по свержению законно избранного президента. Такая же участь постигла и Женевские договоренности. Активное подключение стран Евросоюза к санкциям против России свидетельствует не только о несамостоятельности этих стран, но и о безответственности, ненадежности их как партнеров, нарушивших подписанные соглашения о научно-техническом, экономическом, торговом сотрудничестве со своим восточным соседом. Феномен «недоговороспособности», демонстрируемый многими западными странами, можно характеризовать как нарушение одной из базовых норм международного права – принципа добросовестного выполнения международных обязательств – pacta sunt servanda («договоры должны соблюдаться»). Это один из

основных общепризнанных принципов международного права, без соблюдения которого невозможны предсказуемые цивилизованные отношения между народами. Он зафиксирован в уставе ООН, Венской конвенции о праве международных договоров и ряде других документов, являющихся источниками международного права. «Каждый действующий договор, – указывается в ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров (1969 г.), – обязателен для его участников и должен ими добровольно выполняться» [5].

«Недоговороспособность» есть характеристика субъектов права, перманентно нарушающих указанное требование. Поэтому «недоговороспособность» есть разновидность правового нигилизма, причем не менее опасного, чем иные открытые его формы. Договорная реальность есть важная форма бытия права, где абстрактные правовые нормы наполняются конкретным содержанием, придавая определенность, устойчивость, предсказуемость международным отношениям [11]. Правовой нигилизм в этой сфере сдерживает развитие социума и международного права, усиливает подозрительность, конфликтогенность, напряженность в мире, ведет к деградации современной цивилизации права. Возникает вопрос, почему Европа – колыбель правовой цивилизации – оказывает содействие США в разрушении цивилизации права. Ответ на этот вопрос кроется в особенностях военно-политической архитектоники мира и Европы, являющейся результатом глобальной стратегии США по установлению своей гегемонии в Европе и в мире. Эта стратегия активно проводилась в жизнь сразу после Второй мировой войны и особенно усилилась после распада Советского Союза. Как создавалась существующая архитектоника мира, описывает один из мэтров американской политики З. Бжезинский: «Поскольку подражание американскому пути развития постепенно пронизывает весь мир, это создает более благоприятные условия косвенной и на вид консенсуальной американской гегемонии. Как и в случае с внутренней американской системой, эта гегемония влечет за собой комплексную структуру взаимосвязанных институтов и процедур, предназначенных для выработки консенсуса и незаметной асимметрии власти и влияния. Американское глобальное превосходство, таким образом, подкрепляется сложной системой союзов и коалиций, которые буквально окутывают весь мир» [2, с. 39–40]. Институт, через который США осуществляет свою гегемонию в Европе (и уже не только в Европе), это военно-политический союз НАТО. Не находя должного понимания в ООН, США не раз предпринимали попытки (особенно во времена Дж. Буша-младшего) подменить эту международную организацию Североатлантическим союзом, сфера действия которого после развала Варшавского договора и СССР вышла далеко за границы, установленные уставом этой организации. Идея превосходства силы над правом является определяющим принципом внешней политики созданного США военно-политического союза. НАТО для Запада и, особенно, США – инструмент силовой политики. События в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии, а сегодня и в Украине свидетельствуют о том, что этот реликт «холодной войны» является значимым фактором разрушения цивилизации права.

Несмотря на то что западноевропейская властная политическая элита в своей основной массе вынуждена подчиняться гегемонии США, тем не менее политико-правовой менталитет европейцев и американцев существенно отличаются друг от друга. Как замечает один из известных американских неоконсерваторов Роберт Каган, европейцы предпочитают сотрудничество, а американцы – силовые операции. «Американцы представляют Марс, а европейцы – Венеру» [25, с. 85]. Несмотря на то что северная Америка и Европа относятся к одной западной цивилизации, указанные различия можно условно отнести к межцивилизационным особенностям Европы и Америки. Как было уже показано, развитие капитализма в Новом Свете имело свою специфику, что и определило особенности мировоззрения и правового мышления американцев.

Немалое значение в формировании особенностей политико-правовой ментальности любой страны имеет уровень исторической фундаментальности ее культуры. По сравнению с Китаем, Индией или Италией, США не имеют продолжительной истории. Это, как отмечает известный исследователь американской истории Макс Лернер, накладывает отпечаток на национальный характер американцев. «…В отличие от народов Европы и Азии, где каждый камень дышит историей, американцы – это вообще народ без прошлого. Жить без истории – значит первым делом обходиться без традиций и преданий, без сложных мотивировок и тонких нюансов духа» [10]. Отсюда и проявляющаяся во внешней политике США демонстративная агрессивность, правовой нигилизм и цинизм, селективное отношение к международному праву и обычаю. Принято считать, что мораль редко присутствует в политике. США чаще других государств дают основания для подобного вывода.

Кризис международного права способствует нарастанию кризиса цивилизации. Однако существует и обратная связь. Кризис цивилизации в свою очередь вызывает рост правового нигилизма и распространение практики двойных стандартов. Особенность кризиса современной цивилизации заключается в том, что он является наложением глобального геополитического кризиса на кризис формационный. От разрешения этого кризиса, конечно, зависит будущее человечества, но в еще большей степени судьба Америки, ибо оба эти кризиса центрированы на ней – мировой империи и наиболее развитой стране капитализма.

Как уже отмечалось, капитализм, совершив прыжок из Европы в Америку, получил в своем развитии второе дыхание. В результате США в начале XX в. вошли в число великих держав, а к концу столетия превратились в мирового лидера и центр глобализации. В конце нулевых годов стало очевидно, глобализация капитализма в ее американской форме наткнулась на географические границы. Внешние источники развития капитализма оказались практически исчерпаны. Это означает, что сработал закон Монтескье, согласно которому имперские экспансии имеют свои географические пределы, достигнув которые ядро империи начинает слабеть [14]. Ослабление ядра мир-капитализма стало происходить потому, что были исчерпаны также и внутренние ресурсы развития, основанные на искусственном стимулировании спроса (потребления). Политика рыночного

фундаментализма, которую США как новую религию усиленно навязывали по всему миру, обернулась для ядра мир-капитализма критическим государственным долгом, растущим дефицитом торгового баланса с экономическим и политическим конкурентом, ставшим крупнейшим кредитором, ростом социального неравенства и безработицы. Отсюда и критика этой политики даже со стороны такого адепта американского гегемонизма, как Дж. Сорос. Согласно экспертным оценкам грубое вмешательство США во внутренние дела Украины, организация там государственного переворота и создание в центре Европы очага кризиса было продиктовано стремлением экономической и политической элиты Америки вывести свою страну из кризиса, привязав рынки европейских стран к своей экономике [20]. Это – план Маршалла наоборот, поскольку европейские страны и Украина в ущерб себе вынуждены вытаскивать из кризиса американскую экономику.

Анализируя проявление глобального кризиса в Америке, З. Бжезинский выделяет шесть поводов для беспокойства относительно сохранения лидирующей роли США в мире. Во-первых, это растущий из года в год государственный долг, грозящий стать непосильным для экономики. Во-вторых, это устаревшая финансовая система, которая может привести к финансовому краху, подобного тем, какие погубили великие державы прошлого (Древний Рим, Великобритания XIX в.). В-третьих, усиление социального неравенства. США, согласно автору, являются самой несправедливой из крупных развитых стран. В-четвертых, упадок национальной инфраструктуры. В-пятых, очень слабые знания американцев об остальном мире. Не только американские обыватели, но и лица, принимающие серьезные решения, плохо знают географию, мировую историю, слабо разбираются в актуальных мировых событиях. Налицо кризис американской системы образования. В-шестых, буксующая политическая система, ее сильная зависимость от денежных мешков [3]. По мнению З. Бжезинского, если США не пересмотрят концепцию глобальной роли «Богом избранного гегемона в мировой политике», то их ждет такой же системный кризис, который погубил СССР.

Системный кризис капитализма и неравномерность исторического процесса способствуют смещению центра мир-истории. Изменение мировой архитектоники в свою очередь вызывает геополитический кризис современной цивилизации. Этот кризис оказался еще одним фактором, усилившим разрушительные тенденции в области международного права. После Второй мировой войны США превратились в ведущую экономическую и военную державу мира. Однако СССР и созданный им в противовес НАТО Варшавский договор существенно сдерживали реализацию глобальной стратегии США силовыми методами. В этой связи развал СССР помимо всего прочего имел негативные юридические последствия для международного права. С возникновением монополярного мира предпринимаются попытки ревизии Вестфальских соглашений и элиминации из международного права принципа национального суверенитета. «Принципы суверенитета необходимо пересмотреть», – пишет Дж. Сорос. Установив, что суверенитет принадлежит народу, «мы можем вмешаться в национальное государство и защитить права людей» [22, с. 103]. Как защищают права

людей США и их союзники, хорошо уяснили сербы, население Ирака, Ливии, Сирии, Афганистана и многих других стран. Параллельно с попытками устранения принципа суверенитета из международного права предпринята «атака» на понятие «нация» с целью его устранения из политической и научной лексики [17]. Это и понятно: невозможно отрицание суверенитета без отрицания нации. В начале XXI в. все более очевидными становятся признаки очередного смещения центра мир-истории с Нового Света в регион Азии. Это сопровождается изменением сложившейся в годы «холодной войны» и, особенно, монополярного мира финансовой, экономической, промышленной, политической архитектоники мира, порождающей очаги напряженности и локальных конфликтов. «В мире, – отмечает З. Бжезинский, – идет процесс децентрализации. Мощь, сила, влияние неотвратимо смещаются с Запада на Восток» [1]. Автор глубоко сожалеет о том, что Америка не воспользовалась уникальной возможностью, возникшей после развала Советского Союза, «начать переделывать мир, а в результате получилась ситуация куда более неспокойная и сложная, чем была до этого» [1]. На наш взгляд, З. Бжезинский явно лукавит, когда говорит о том, что США не воспользовались возможностью переделки мира. Доктрины «Нового мирового порядка» Дж. Буша, продолженная его сыном, и «Расчистка площадей» Б. Клинтона как раз были нацелены на радикальную перестройку мироустройства. В результате и возник глобальный монополярный мир. Но в начале нулевых годов стали появляться признаки действия закона Монтескье. Сформировавшаяся в конце XX в. мировая империя медленно, нехотя, сопротивляясь, стала сдавать свои позиции. Череда «цветных революций», происшедших в арабских странах, государственный переворот в Украине – это попытка США переформатировать складывающуюся новую архитектонику мира, блокировать всеми доступными средствами тенденции, ведущие к постамериканской эпохе. Противодействовать объективным историческим процессам неимоверно сложно. Отсюда, с одной стороны, неизбежное нарушение норм международного права, призванного обеспечить стабильность мира и развитие социума, с другой, поиск союзников среди различных маргинальных движений, обладающих мощной энергетикой, способной радикально изменить политическую и социально-экономическую ситуацию в отдельных странах и регионах. Такая возможность используется США для блокирования центробежных тенденций, разваливающих монополярный мир. Инструментализация Америкой националистических, откровенно фашистских, религиозно-экстремистских организаций для своих геополитических целей тоже имеет свои юридические последствия. Целые страны и регионы вырываются из правового пространства и погружаются в варварство, где господствует право силы. Понятно, что там, где перестает действовать право, останавливается развитие. Эти страны и регионы отбрасываются на десятки лет назад. Но то же можно сказать относительно человечества в целом. Деградация, разрушение цивилизации права могут отбросить человечество к стадии варварства. Для современной цивилизации это будет катастрофа. И здесь не важно, под каким флагом это будет проводиться – под звездно-полосатым США или черным знаменем исламских джихадистов.

Список литературы

1. Бжезинский З. Америка потеряла чувство меры во внешней политике. URL: http://www.kp.ru/daily/25829/2805033/ (дата обращения: 20.02.2012).
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Междунар. отношения, 2009. 280 с.
3. Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М.: АСТ: Астрель, 2013. 288 с. URL: http://mexalib.com/view/69169 (дата обращения: 10.09.2014).
4. Богомолов А.С. Буржуазная философия США XX века. М.: Мысль, 1974. 343 с.
5. Венская конвенция о праве международных договоров 23 мая 1969 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 27.09.2014).
6. Джонсон Ч. Американская империя военных баз во всем мире «Норт Стар Компас». URL: http://www.anti-nato.com/lib/amerikanskaya-imperiya-voennyh-baz-vo-vsem-mire.html (дата обращения: 27.09.2014).
7. Зорькин В. Кризис международного права: современный контекст // Рос. газ. 2014. 20 июня.
8. История политических и правовых учений / под ред. д. юрид. н., проф. О.Э. Лейста. М., 1999. URL: http://www.kursach.com/biblio/0030006/000.htm (дата обращения: 10.09.2014).
9. Калинина Е.Ю. Легитимация насилия: истина и справедливость в праве // Вестник Московского института государственного управления и права. 2013. № 3. С. 43–48.
10. Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мыслей в Соединенных штатах сегодня: в 2 т. М., 1992. Т. 1. URL: http://www.twirpx.com/file/238480/ (дата обращения: 18.09.2014).
11. Лихачев В. Парламент России и международные договоры // Стратегия России. 2014. № 4(124). С. 31–46.
12. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник. М.: Волтерс Клувер, 2010. 432 с.
13. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. 907 с.
14. Мигранян А. Конец России // Свободная мысль. 2012. № 7–8. С. 155–165.
15. Мусаелян Л.А. Девальвация международного права. Статья первая: Феноменология и доктринальные факторы возникновения правового нигилизма и двойных стандартов в международных отношениях // Вестник Пермского университета. Философия. Социология. Психология. 2014. Вып. 4(20). С. 5–13.
16. Мусаелян Л.А. К проблеме введения в уголовное производство института установления объективной истины по делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 2(24). С. 218–228.
17. Мусаелян Л.А. Национальный вопрос в России: опыт прошлого и некоторые аспекты его современного политико-правового решения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Вып. 4(10). С. 32–48.

18. Мусаелян Л.А. Юридическая правда: содержание и сущность концепта // Философия и общество. 2011. № 2. С. 77–104
19. Пернацкий В.И. Философия политики и права: учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2013. 224 с.
20. Примаков Е. Украина: тяжелое сегодня и сложное завтра // Рос. газ. 2014. 8 сент.
21. Смит П. Россия как темная сторона луны URL: http://inosmi.ru/world/20140519/220397309.html (дата обращения: 01.09.2014).
22. Сорос Дж. Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь. М.: Koob, 2014. 192 с.
23. Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 18. С. 203–284.
24. Dunning T.J. Trades Unions and Strikes. London. 1860. P. 35–36 (цит. по: Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23).
25. Kagan R. Of paradise and Power: America and Evrope in the new world Order. N.Y., 2003 (цит. по: Сорос Дж. Мыльный пузырь американского превосходства…).

ОБ ОДНОЙ КОЛЛИЗИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И ВОЗМОЖНОМ СПОСОБЕ ЕЕ РАЗРЕШЕНИЯ*

Введение: Кризис современного международного права является выражением и одновременно значимым фактором углубления кризиса современной цивилизации. Пробельность международного права и, особенно, коллизии между его общезначимыми принципами обусловливают его девальвацию и снижение эффективности этого важнейшего института цивилизации. **Цель:** выявить способ разрешения коллизии между общепризнанными принципами права народов на самоопределение и территориальной целостностью государства. Выяснить, кто выступает субъектом права на самоопределение в настоящее время. **Методологической основой** исследования являются философские принципы материализма, диалектики (развития, всеобщей связи, детерминизма, противоречивости, конкретности подхода); общенаучные методы анализа и синтеза. **Результаты:** способом преодоления коллизий в современном международном праве является создание координированной и субординированной системы правовых принципов. Это было бы значимым шагом на пути разработки нового более эффективного международного права. **Выводы:** решение поставленной задачи предполагает сущностный анализ природы права и правоотношений, что позволит, с одной стороны, раскрыть глубинные онтологические основания правового нигилизма и иных феноменов антиправовой культуры, с другой, выявить алгоритм субординации общезначимых принципов международного права и, таким образом, преодолеть коллизии между ними. Концептуальной основой анализа и решения обозначенных проблем является идея человекоразмерности права, а базовым исходным принципом, над которым надстраиваются другие нормы международного права, – признание человека, его прав и свобод высшей ценностью. Право народов на самоопределение как и права человека относятся к категории неотчуждаемых прав. Противопоставление принципов территориальной целостности и права народов на самоопределение некорректно, ибо при нарушении прав человека принцип самоопределения имеет большую юридическую силу. Отождествление субъекта права на самоопределение исключительно с нацией не является приемлемым. На практике подобный подход ведет к политике построения «чистого» национального государства, сопровождаемой масштабными этническими чистками и актами геноцида.

Ключевые слова: кризис международного права; общепризнанные принципы международного права; равноправие народов; право народов на самоопределение; территориальная целостность; субъект права на самоопределение; нация; национализм; геноцид; внутреннее и внешнее самоопределение.

---

* Впервые опубликовано: Мусаелян Л.А. Об одной коллизии в международном праве и возможном способе ее разрешения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – № 2(28). – С. 156-175.

Введение

Современная цивилизация находится в состоянии глубокого системного кризиса [29]. Важным аспектом этого кризиса является кризис современного международного права, что проявляется в его неспособности своевременно и адекватно реагировать на опасные вызовы человечеству. «Разрыв между потребностями адекватного правового регулирования усложняющихся международных отношений и существующим международным правом, – отмечает В. Зорькин, – нарастает опасным образом» [16]. Этот растущий разрыв оказывается одним из существенных факторов углубления кризиса цивилизации и приближения ее к краю бездны. Феноменологически кризис международного права проявляется в распространении правового нигилизма, практике двойных стандартов и других феноменов антиправовой культуры, которые ведут к девальвации международного права и падению престижа международных институтов, призванных обеспечивать устойчивый миропорядок.

Факторы, вызывающие девальвацию международного права и снижения эффективности регулятивных возможностей ООН, можно условно разделить на каузальные и кондициональные. К первым следует отнести формационные, цивилизационные и геополитические факторы кризиса международного права. Угроза разрушения цивилизации права является, на наш взгляд, новой глобальной проблемой, и для ее устранения требуются коллективные усилия всего человечества. Подробно об этих угрозах нам приходилось уже писать [28], что избавляет нас от необходимости останавливаться на этом в данной статье. Ко вторым следует отнести доктринальные факторы, обусловленные состоянием современного международного права. Сами по себе они не вызывают в обязательном порядке правовой нигилизм и иные феномены антиправовой культуры, но оказываются условием, которое делает возможные сознательное или неосознанное нарушение норм международного права. К подобным доктринальным факторам, обусловливающим правовой нигилизм, можно отнести: отсутствие в современном международном праве конкретного механизма реализации общепризнанных принципов; пробельность и коллизии в международном праве. Оно, как и любое национальное право, тесно связано с изменяющейся социальной реальностью и должно быть адекватно ее вызовам. Совершенствование, развитие международного права – постоянная величина для существования цивилизации права. В этой связи предложение В. Зорькина о необходимости созыва Всемирного Совещания по международному праву, на котором ученые-юристы разрабатывали бы и применяли новые нормы для конкретной реализации общепризнанных принципов международного права, преодоления пробельности и других его изъянов, является своевременным и конструктивным [16].

Коллизии в международном праве и проблема координации и субординации его основных принципов

Как свидетельствует история последних тридцати-сорока лет, из указанных выше доктринальных факторов наибольший девальвационный потенциал заложен в нерешенности проблемы коллизий между нормами международного права [1; 3; 25]. Речь идет о противоречии между принципами уважения прав человека и невмешательством во внутренние дела государства, правом на самоопределение народов и территориальной целостностью государства. Эти принципы являются универсальными и общеобязательными и в качестве таковых относятся к императивному праву (jus cogens). Коллизия между общепризнанными принципами международного права (ОПМП) является благодатной почвой для «подвёрствывания» (Путин В.В.) западными странами того или иного варианта решения международных проблем под свои интересы. В одном случае, выражая озабоченность по соблюдению прав человека, ведущие страны атлантического альянса без санкций Совета Безопасности ООН начинают полномасштабную военную операцию против суверенного государства, грубо нарушая принципы невмешательства, в другом, руководствуясь принципом невмешательства, закрывают глаза на то, что не вполне легитимная власть, используя всю военную мощь государства, осуществляет массовые убийства мирного населения, выступающего в защиту собственных прав. Очевидно, что для минимизации субъективизма и двойных стандартов в применении норм международного права необходимо устранение коллизий в нем. Это было бы значимым шагом на пути преодоления кризиса международного права и повышения его эффективности. Как представляется, из существующих коллизий крайне политизированным и дискуссионным является противоречие между принципами равноправия и самоопределения народов и целостности государств. Достаточно вспомнить события вокруг Нагорного Карабаха, Приднестровья, Южной Осетии, Абхазии, Косово, Крыма. Стороны, вовлеченные в конфликты, в равной степени апеллируют к международному праву. Одни – на право народов на самоопределение, другие ссылаются на принципы территориальной целостности государства. Первых обвиняют в сепаратизме, вторых – в авторитаризме, тоталитаризме. По мнению авторитетных ученых, именно при реализации этих принципов встречаются многочисленные злоупотребления [24, с. 316]. На наш взгляд, преодоление указанной коллизии имело бы не только бесспорное политическое, но и важное методологическое значение, ибо могло бы дать ключ к разрешению других противоречий между нормами международного права. Поэтому представляется необходимым остановиться именно на этой проблеме.

Сложность разрешения обозначенной задачи заключается в том, что между принципами международного права нет какого-либо формального соподчинения, свидетельствующего об их иерархическом характере и разных

юридических силах. Необходимо отметить, что в научной юридической литературе развернулась дискуссия по соотношению понятий «нормы» и «принципы» права, «основные» и «общепризнанные» принципы международного права [34]. Обсуждается также вопрос о юридической силе общепризнанных принципов и норм международного права и основных законов государств [21; 22]. В дискуссиях фактически обсуждается вопрос об иерархии в системе норм международного права. Не вдаваясь в детали спора, следует отметить, что большинство ученых основные и общепризнанные принципы международного права рассматривают как тождественные. По их мнению, эти нормы обладают универсальными источниками, признаются подавляющим большинством государств, носят императивный характер, что и «определяет их особое место в иерархии международно-правовых норм как норм jus cogens» [5, с. 64]. В этой связи исследователи считают, что основные принципы являются «фундаментом всей системы международного права» [7; 19, с. 7, 16–17]. По мнению О.А. Кузнецовой, соотношение между нормами и принципами права есть отношение родовых и видовых понятий [20]. Но если существует определенная иерархия между нормами международного права, то она должна быть и между его основными принципами. В противном случае противоречивость, зыбкость «самого фундамента» делает неустойчивым, нежизнеспособным само здание международного права. Как справедливо подметил Е.Г. Байльдинов, необходимо «либо признать неравнозначность общепризнанных принципов международного права между собой и тогда выстроить соответствующую иерархию между ними, в дальнейшем укрепляя на этой основе ООН, либо стать свидетелем постепенной утраты современным международным правом своих правовых характеристик» [4, с. 91]. По мнению автора, признание иерархической связи между основными принципами международного права означает начало процесса формирования нового международного права, «способного обеспечить более безопасный, более гармоничный и более справедливый миропорядок» [4, с. 92]. Но какая идея должна быть положена в основу создаваемой новой теории международного права? Фактически это вопрос о концепции правопонимания. Множество существующих теорий правопонимания опираются на разные научные идеи, которые, с одной стороны, выражают смысл концепции, а с другой – объединяют входящие в нее элементы в целостную теоретическую систему. Можно в этой связи согласиться с В.С. Нерсесянцем в том, что «понятие (идея. – Л.М.) права – это сжатая юридическая теория», а «юридическая теория – это развернутое понятие права» [33, с. 27]. Отвечая на поставленный выше вопрос, какая научная идея должна быть положена в основу создаваемой новой теории международного права, представляется, что такой идеей должна быть человекоразмерность права.

Антропологические основания права и правовых отношений

Насколько нам известно, антропологическая концепция права непопулярна среди ученых-юристов. За исключением редких специальных исследований [43] об этом подходе мало что можно узнать в современных учебниках по праву, написанных известными российскими юристами. Но общезначимость, как учит философия, не есть критерий истины. Не претендуя на бесспорность своей точки зрения, полагаем необходимым отметить следующее. Если присмотреться к обществу, в котором живет человек, мы обнаружим, что в нем нет ничего, что не было бы результатом реализации человеческих сущностных сил [30]. Это касается всех феноменов общественной жизни, в том числе таких важных институтов человеческой цивилизации, как государство и право. Разные концепции правопонимания отличаются друг от друга разным подходом в объяснении содержания правовых отношений и в этом контексте разным пониманием источника права. Источник права рассматривается в данном случае не в юридическом, а в философском смысле как основа, носитель, причина возникновения феномена. Право же, согласно ученым, выступает как форма, обусловленная определенным содержанием [40, с. 26]. Понятно, что последнее у правоведов, придерживающихся разных мировоззренческих позиций, будет разной. У одних (В.М. Сырых, Л.С. Явич и др.), руководствующихся материалистической идеологией, в качестве содержания права выступают экономические отношения; у других (Л.И. Петражицкий, Г. Тард, З. Фрейд), с противоположным мировоззрением, – феномены человеческой психики, сознания; у третьих (Р. Паунд, Д. Фрэнк, К. Ллевелин), опирающихся на философию прагматизма, – судебные решения и действия правительства. Что общего в разных концепциях права? Различное содержание, обусловливающее правовую форму, оказывается, в конечном счете, результатом реализации определенных сущностных сил человека. И даже теологическая концепция, усматривающая в качестве источника права предписания творца, не выходит за рамки указанного подхода независимо от того, дается ли богословская трактовка бога как носителя всех (человеческих) совершенств (Р. Луллий), или материалистическая – как отчужденное бытие родовой сущности человека (Л. Фейербах, К. Маркс).

Анализируя точку зрения одного из отечественных правоведов, который выводил право из экономических отношений, С.С. Алексеев резонно замечает, «что ”спонтанно рождаемое право” во всех случаях приобретает значение юридического феномена только тогда, когда освящено государственной властью, санкционировано ею, так или иначе выражено в письменных актах – нормативного или индивидуального характера» [2, с. 43]. Оставляя в стороне сложную проблему происхождения права, отметим, что, после того как спонтанно

возникающее право санкционируется и освящается государством, оно приобретает юридическое значение [2, с. 43]. Это приводит к изменению статуса и сущности права. Приняв нормативное выражение, право выходит за рамки индивидуальных решений конкретных дел. Теперь оно выступает как всеобщая воля и всеобщий регулятор общественных отношений. И в этой своей роли право оказывается юридическим выражением универсальной родовой сущности человека, ибо регулируемые правом общественные отношения являются результатом реализации различных человеческих сущностных сил. И чем более развита человеческая сущность, тем более разносторонней оказывается человеческая деятельность, тем более развитым должно быть право, регулирующее эту деятельность.

Право лишь формально представляет всеобщую волю общества. В действительности это воля господствующего класса, возведенная в закон [26, с. 443]. В этом своем качестве право есть юридическое выражение отчужденного бытия универсальной родовой сущности человека. Исторический процесс есть выражение развития отчужденной родовой и индивидуальной сущности [31]. Отчужденное бытие родовой и индивидуальной сущности человека является антропологическим основанием правового нигилизма как в национальном так и в международном праве.

Право, как отмечалось, является формой, обусловленной содержанием. Форма в философии понимается не только как способ выражения содержания, но и как структура – относительно устойчивая связь между элементами. Если элементами общества являются социальные индивиды и группы, то «связующим общество ’’клеем’’ строго равномерно распределенным между составляющими общество индивидами Право» [36, с. 168]. Правовые нормы представляют диалектическое единство свободы и необходимости. Право гарантирует свободу индивидов, создает условия реализации и развития сущностных сил. С другой стороны, право как нормативная модель поведения ограничивает свободу индивидов, блокируя превращение свободы во вседозволенность, ущемляющей свободу других и фактор разрушающий общество. В этом контексте право создает относительно устойчивую систему отношений, при которой возможно успешное функционирование и развитие общества (человеческого рода) как целостной системы. Словом, эффективно функционирующее право является условием и фактором развития индивидуальной и родовой сущности человека. Важнейшим достижением почти трехтысячелетнего развития философии явилось признание человека, его права и свободы высшей ценностью. Но без юридического обеспечения эта идея оставалась бы абстрактной философской формулой, а не жизненным принципом современной цивилизации, условием ее выживания и развития. Осознание человечеством необходимости правового обеспечения указанных принципов отличает современный гуманизм от его прототипов прошлых эпох.

Права человека и право народов на самоопределение

В мировом сообществе сложилось представление о международных стандартах прав человека, признание и соблюдение которых является обязательным для современных демократических государств [39, с. 3]. Требования этих международных норм получили отражение в конституциях многих государств и в их правотворческой деятельности. Это касается и нашей страны. В свете изложенного представляется правильным предложение Е.Т. Байльдинова считать принцип уважения прав и свобод человека основополагающим элементом международного права, а остальные производными от него [4, с. 39]. В этом случае коллизия между принципами международного права исчезает, поскольку они оказываются не просто набором равнозначных норм, а иерархической системой взаимосвязанных принципов, в основе которых находится принцип уважения прав и свобод человека. В Декларации о принципах международного права 1970 г. указывается, что при «истолковании и применении изложенных выше принципов последние являются взаимосвязанными, и каждый принцип должен рассматриваться в свете других» [11]. Иначе говоря, система принципов международного права носит координированный характер, их содержание «представляет единое целое и должно рассматриваться в комплексе» [24, с. 297]. Но в то же время особый статус принципа уважения прав человека дает основания считать эту систему субординированной. «Принцип уважения прав человека, – пишет И.И. Лукашук, – занимает центральное положение в праве государств. Он главный, общий принцип демократического государства и обладает абсолютной императивной силой. Ни один закон не может ему противоречить» [24, с. 305]. Как уже отмечалось, особый статус этого принципа определяет обязательство современных демократических государств обеспечивать права и свободы человека как внутри страны, так и в отношениях с внешним миром. «Пакт о правах человека, – отмечает И.И. Лукашук, – закрепил связь права народа на самоопределение с правами человека» [24, с. 306]. Поэтому в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 637 от 16 декабря 1952 г. утверждалось, что «право народов на самоопределение является предпосылкой для пользования всеми основными правами человека» [8]. И если нарушаются права народа, то нарушаются и права человека. Несколько позже в Декларации о принципах международного права (1970) право на самоопределение приобретало большую содержательность и вариативность реализации. Согласно этому документу, право на самоопределение может реализовываться в создании суверенного и независимого государства, свободном присоединении к независимому государству или объединении с ним, установлении другого политического статуса, свободно определенного соответствующим народом. Из этого следует, что принцип самоопределения вовсе не означает обязательное отделение народа в качестве самостоятельного государства из существующей социально-политической целостности. В Декларации утверждается также, что при истолковании и применении сформулированных там

взаимосвязанных принципов каждый из них должен рассматриваться в свете других. В этом контексте следует отметить, что принцип самоопределения в основополагающих источниках международного права связан с принципом равноправия народов и суверенного равенства государств. Последние являются юридическим выражением обоснованного философией и обществознанием идеи единства человеческого рода. Осознание единства рода человеческого дало основание ведущим акторам мировой политики сформулировать в Уставе ООН и других значимых источниках международного права принцип равноправия народов и суверенного равенства государств. «Исходя из принципа равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, – отмечается в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975), – все люди всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают свой статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, национальное, социальное и культурное развитие» [14]. Участники Совещания признали всеобщее значение и уважение принципа «равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой» [14]. Необходимо отметить, что указанные принципы (равноправия и свободного самоопределения народов) были приняты и введены в Устав ООН в 1945 г, когда еще треть населения земного шара находилась в колониальной зависимости. Подобная геополитическая ситуация таила в себе угрозу возникновения новых кровопролитных войн и конфликтов. Нужно было создать правовую основу для освобождения народов от колониального ига. В этой связи по инициативе СССР в 1960 г. на Генеральной ассамблее ООН была принята Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Позже по предложению Франции, Федеративной Республики Германии и некоторых других западных стран право на самоопределение стали относить ко всем народам без всяких ограничений и условий [42]. Это получило отражение в Декларации о принципах международного права, Заключительном акте Совещания ОБСЕ и ряде других международно-правовых документах.

Проблема субъекта права на самоопределение и современность

Геополитическая реальность с середины XX века существенно изменилась. Разрушилась мировая колониальная система, народы которой и являлись субъектами права на самоопределение. В новых условиях определение субъекта права на самоопределение переходит в семантическую плоскость. Кого теперь считать народом: нацию, этническую группу, национальные меньшинства, население всей страны или части ее территории? Ни в Уставе ООН, ни в Декларации о принципах международного права, ни в других документах, где говорится о праве на самоопределение, не дается дефиниция «народ». Но, как свидетельствует тяжелый опыт Югославии, Советского Союза, а теперь уже и Украины, решение этой проблемы имеет далеко не семантическое значение.

Проблема определения понятия «народ» обсуждалась на конференции в Сан-Франциско (1951 г.). Опираясь на разъяснения Секретариата конференции относительно прошедшей дискуссии, английский эксперт П. Торнбери определяет народ как «группу людей, которые могут составлять (или не составлять) государство или нацию» [45, p. 9]. Близкую позицию в понимании дефиниции «народа» занимает А. Риго Середа и некоторые другие авторы [18]. Анализ существующих в литературе точек зрения не входит в задачу данной статьи. Поэтому представляется необходимым отметить, что широкую трактовку понятия народа, данную П. Торнбери и другими исследователями, трудно признать удачной. При таком подходе народ отождествляется с нацией, а нация ассоциируется с государством. Отождествление нации и государства характерно для западной (англо-американской) традиции. Об этом свидетельствуют и названия международных учреждений: «Лига наций», «Организация Объединенных Наций». В таком контексте международные отношения имеют смысл межгосударственных отношений. При подобной (широкой) трактовке понятия народа субъектом права самоопределения выступает нация, а государство представляет нацию, реализовавшую свое право на самоопределение. Под влиянием видных представителей европейского революционного движения (К. Каутский, О. Бауэр и др.) такая же точка зрения сформировалась и у лидеров российских большевиков. Как известно, в начале еще прошлого века В.И. Ленин отстаивал равноправие народов и право наций на самоопределение. Поскольку речь идет об истории нашей страны, представляется необходимым кратко остановиться на позиции вождя российского пролетариата, которая в немалой степени и определила национальную политику основанного им государства.

Право наций на самоопределение: теория и политика большевиков

В полемической работе «О праве наций на самоопределение» (1914) В.И. Ленин призывает своих оппонентов, отвергающих принцип самоопределения наций, не играть «в юридические дефиниции», а разбирать историко-экономические условия зарождения и развития национально-демократических движений. В этом контексте автор выделяет в европейском национальном движении две эпохи. Первая (1789-1871 гг.) характеризуется пробуждением национальных движений, обусловленных возникновением и развитием капитализма. Она завершается формированием буржуазных наций и возникновением в результате их политического самоопределения национальных государств. Во второй эпохе – зрелого, развитого капитализма – «отсутствуют массовые буржуазно-демократические движения». Лозунг о праве наций на самоопределение здесь не актуален, поскольку это право уже реализовано. В качестве примера В.И. Ленин приводит Западную Европу, представляющую, по его мнению, «сложившуюся систему буржуазных по общему правилу при этом национально единых государств». В эту эпоху в силу развития и интернационализации капитала происходит

не отделение, а сближение, перемешивание наций. Согласно В.И. Ленину, теперь уже на первый план выходит «антагонизм интернационально слитого капитала с интернациональным рабочим движением». Первая эпоха связана с крахом феодализма и абсолютизма, вторая – капитализма [23]. Вторая эпоха в истории национального демократического движения – канун мировой социалистической революции. Через год В.И. Ленин откорректировал вывод о грядущей мировой революции предположением о возможности социалистической революции в отдельно взятой стране. Так или иначе, идея революционной целесообразности определила позицию В.И. Ленина и его соратников в понимании субъекта права самоопределения и способа решения национальных проблем, как в России, так и в соседних с ней странах, где происходили буржуазные революции. Опираясь на авторитет К. Каутского, В.И. Ленин полагал, что «пестрые в национальном отношении государства» являются «ненормальными, недоразвитыми» по критериям развитого капитализма Западной Европы. И коль скоро интенсивное развитие капитализма является фактором, приближающим мировую социалистическую революцию, святой долг революционера содействовать этому. Отсюда и отстаивание права наций на самоопределение и создание чисто национальных государств как наилучшего условия развития капитализма в России и ее национальных окраинах. «…Для всего цивилизованного (выделено мной. – Л.М.) мира – типичным, нормальным для капиталистического периода является национальное государство», «…под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства» [23, с. 259]. В этом процессе важную роль В.И. Ленин отводит возникновению единого государственного языка, который является не просто средством общения людей разных групп, но и условием развития товарного производства и интеграции населения на единой территории. «…Необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе» [23, с. 258].

Как представляется, идеи В.И. Ленина и его партийных соратников относительно права наций на самоопределение могли быть безболезненно реализованы лишь в странах, где существуют обособленные, гомогенные по этническому и конфессиональному составу территории. Но такие территории были редкостью даже в феодальных империях хотя бы потому, что для интеграции и эффективного управления захваченными (или присоединенными) территориями империя была вынуждена заселять их представителями титульной нации государства. Возможность существования моноэтнических территорий внутри политических государств еще больше сужается с возникновением и развитием капитализма. Логика развития капитала диктует расширение и интенсификацию экономических, социально-культурных связей между отдельными регионами. Это способствует дисперсии обособленных групп населения и усложнению этноконфессиональной структуры территорий государства. При полиэтническом составе

населения территорий отстаивание права одной (титульной) нации на самоопределение (т.е. создание чистого национального государства) не могло не обернуться ущемлением прав других народов, проживающих на этой территории. И не удивительно, что политика, основанная на подобном понимании права народов на самоопределение, обернулась кровавыми этническими чистками в прошлом столетии в Турции, Азербайджане, Грузии, Боснии и Герцеговине, Хорватии, Руанде, Заире, Косово и некоторых других странах. Одной из причин разыгрывавшейся кровавой драмы на Украине является политика националистов, захвативших год назад власть в стране, построения этнически чистого государства с одним украинским государственным языком. Жестоко подавляя выступления национальных меньшинств, отстаивающих свои права, новая украинская власть почти дословно повторяет В.И. Ленина, заявляя о своем стремлении построить европейское цивилизованное государство. Опьяненная националистическим угаром украинская молодежь рушит памятники В.И. Ленину, не зная того факта, что эти требования задолго до их идеологического кумира Ст. Бандеры отстаивал вождь мирового пролетариата. Украинские националисты с остервенением уничтожают все памятники и символы советской эпохи. Между тем они должны беречь и лелеять их, ибо благодаря советским руководителям историческая Украина приросла большими территориями на юге, юго-востоке, западе и превратилась в крупное по европейским меркам государство. К этому следует еще добавить, что соратники В.И. Ленина, верные идеям вождя, активно проводили на всей территории республики украинизацию ее населения [37, с. 48–49], которое, по свидетельству Л. Троцкого, состояло преимущественно из великороссов, евреев, поляков и лишь в небольшой степени украинцев [41, с. 45].

На моноэтнических территориях национализм в определенной мере может выполнять продуктивную роль. Он может консолидировать население, что является условием его политической самоорганизации. И в этом контексте, как это не покажется парадоксальным, позиция лидеров большевиков по обсуждаемому вопросу близка взглядам современных конструктивистов Э. Геллнера, Б. Андерсона и др. Напомним, что, согласно последним не нация порождает национализм, а национализм способствует возникновению нации и национального государства. Но в действительности моноэтнические общества – это большая редкость. В полиэтнических же территориях национализм оказывается деструктивным фактором. В сложных по этническому составу обществах национализм ставит своей конечной целью получение данной нацией монопольного права на особые политические, экономические, социальные и прочие привилегии. Для обоснования правомерности своих претензий националисты прибегают к историческому мифотворчеству, доказывая свою исключительность и превосходство над другими народами, с которыми они проживают [15]. Поскольку такая самооценка и претензии не находят должного понимания со стороны других этнических групп, то национализм, как правило, переходит в свою крайнюю форму – шовинизм, идеологию и политику национальной нетерпимости. Как свидетельствует

история, в конечном счете реализация проекта чистого национального государства приводит или к ассимиляции титульной государственнообразующей нацией национальных меньшинств, или к их изгнанию с данной территории, даже если и они являются коренным народом, или же к их физическому уничтожению. Чаще всего жестокие, устрашающие способы физического уничтожения позволяют без труда осуществить изгнание уцелевших. Незначительная часть национальных меньшинств ассимилируется. Словом, опасность национализма в полиэтнических, поликонфессиональных территориях заключается в том, что он легко может перейти в шовинизм, а затем и в акты геноцида.

Геноцид армян в Турции и геополитические интересы лидеров советской России

Понятие геноцида впервые было введено в политико-правовую лексику в 1943 г. польским юристом Рафаэлем Лемкиным после осмысления им массовой резни армян в Турции в 1915–1922 гг. Статус международно-правового понятия термин «геноцид» приобрел в декабре 1948 г. (Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него). Согласно международному праву, геноцид квалифицируется как тягчайшее преступление против человечества. Поскольку движению турецких националистов, одержимых идеей построения чистого национального государства, симпатизировали лидеры российских большевиков, представляется необходимым остановиться на их отношении к событиям, происходившим в Турции. Целесообразность краткого анализа тех событий определяется еще и тем, что в этом году исполняется сто лет трагедии геноцида армян, проживавших на территории Турции.

Легкость, с которой большевики захватили власть в России, а также революции в Германии, Венгрии укрепили их уверенность в неизбежности мировой революции и убежденность в том, что националистические движения в феодально-деспотических странах, преследующие создание этнически чистых буржуазных государств, являются их союзниками. Отсюда прагматичный, если не сказать циничный, подход лидеров большевиков к кровавым этническим чисткам в начале прошлого века в Турции. Массовое уничтожение и изгнание с родных мест армянского населения, начатое в конце XIX в. Абдул Гамидом II, с особым неистовством было продолжено в 1915– 1918 гг. младотурками, а затем кемалистами (1918-1922 гг.). За все эти годы было уничтожено более двух миллионов армян. Помимо армян было убито более миллиона греков. В ходе этнических чисток пострадали также болгары, ассирийцы и другие нетюркские народы [10]. Помимо заявления об осуждении актов геноцида (1915 г.) большевики в декабре 1917 г. приняли Декрет о «Турецкой Армении», согласно которому Совнарком советской России признавал право «армян Турецкой Армении на свободное самоопределение вплоть до полной независимости» [12]. Этот документ свидетельствовал о приверженности руководителей советской России принципу равноправия народов и о некоторой близости их подхода к решению армянского

вопроса подходу стран Антанты. Последние намеревались на территории побежденной Турции создать самостоятельное армянское государство. Турция, участвовавшая в Первой мировой войне на стороне Германии, признала свое поражение (1918 г.) и подписала Севрский договор (1920 г.), согласно которому обязалась выдать державам-победительницам виновных в геноциде армян, признать Армению самостоятельным государством, границы которой по согласию сторон было доверено определить В. Вильсону. Возглавлявший в то время националистическое движение в Турции Мустафа Кемаль не признал Севрский договор и с удвоенной энергией продолжил дело, начатое младотурками. Одновременно будущий «отец турецкой нации» обратился к В.И. Ленину с предложением установления дипломатических отношений и просьбой оказания помощи для борьбы за независимость Турции. Вождь мирового пролетариата не мог не откликнуться на инициативу «пламенного борца» с империализмом. Для поддержания «революционной энергии» анатолийских мусульман им была оказана безвозмездная помощь оружием, боеприпасами, материалами, деньгами (10 млн рублей золотом). Первая партия оружия, боеприпасов и двести килограмм золота в слитках поступила в распоряжение генерала Карабекира, командующего Восточной армией в Нахичевани, воевавшего против армянских ополченцев. Объемы военной и материальной помощи турецким националистам, начавшейся летом 1920 г., постоянно увеличивались. Им помогали вплоть до 1922 г. Кемалисты «умело» распорядились полученным оружием. Уничтожив сотни тысяч армян и греков в Турции, они приступили к решению «армянского вопроса» в Восточной Армении на территории бывшей Российской империи. В то время как власти Советской России оказывали безвозмездную щедрую помощь «турецким товарищам», боровшимся с империализмом Антанты, в самой России миллионы людей страдали и умирали от голода [10].

В марте 1921 г. Москва подписала с кемалистами советско-турецкий договор о «дружбе и братстве», который подвел международно-правовой итог завоеванию и разделу Республики Армения между РСФСР, Азербайджанской ССР и Турцией. Заметим, что лидеры большевиков подписали договор, определивший северо-восточную границу Турции с тремя закавказскими республиками без их участия, хотя формально они считались самостоятельными государствами. Кроме того, договор был заключен не с официально признанным правительством (султана) Турции, а представителями Кемаля, который будет избран президентом страны лишь в 1923 г.

В силу сказанного этот договор не был законным, не имел юридической силы. Тем не менее он был положен в основу Карского договора (октябрь 1921 г.), который был на этот раз подписан и представителями трех советских закавказских республик. Оставляя в стороне юридическую сторону подписанных с Турцией соглашений, зададимся вопросом, как В.И. Ленин и его соратники согласились на альянс с кемалистами, на совести которых сотни тысяч погубленных жизней, и, более того, оказывали им помощь в осуществлении их

людоедской политики. Предоставляя помощь, советское руководство, насколько известно, не требовало от турок гарантий, что это оружие будет использовано исключительно для освобождения страны от оккупационных войск Антанты, а не для этнических чисток. Руководители большевиков считали себя подлинными и последовательными марксистами. Но фокусом учения Маркса является человек, а гуманизм – определяющий мотив марксизма [27]. Как совместить базовую гуманистическую идею философии Маркса о человеке как высшей ценности с политикой большевиков? Они, конечно, не совместимы. Политика большевиков определялась революционной целесообразностью. Национальный вопрос, с их точки зрения, нельзя рассматривать «вне связи с грядущей пролетарской революцией» [38, с. 56]. Чтобы выиграть войну с империализмом Европы и Америки, писал И.В. Сталин, необходимо революционизировать тыл противника, т.е. «неполноправные нации и колонии с их сырьем, топливом, продовольствием, громадными запасами человеческого материала»; «Поэтому победу мировой пролетарской революции можно считать обеспеченной лишь в том случае, если пролетариат сумеет сочетать свою собственную революционную борьбу с освободительным движением трудовых масс неполноправных наций и колоний против власти империалистов за диктатуру пролетариата» [38, с. 56]. Фанатичная вера в грядущую мировую революцию, а также страстное желание ее быстрого приближения порождали политическую и нравственную беспринципность в подборе союзников, которые в действительности не были таковыми. Революционная целесообразность, похоже, определила труднообъяснимые геополитические уступки, на которые пошло руководство советской России, Турции. Потерпевшая поражение в войне и находящаяся на грани развала Турция благодаря поддержке северного соседа смогла не только сохранить свою целостность, но и существенно расширить свои границы на северо-востоке за счет присоединения территорий бывшей Российской империи. Северная граница Турции проходила уже по рекам Ахурян, Аракс. К Турции отошел и стратегически важный Араратский хребет. На его склонах в годы «холодной» войны будут размещены американские ядерные ракеты, нацеленные на города Советского Союза.

К сказанному следует еще добавить, что по требованию Турции руководство советской России пересматривает уже согласованные границы между Арменией и двумя другими закавказскими республиками. Нахичевань и Нагорный Карабах передаются Азербайджану, Ахалкалак – Грузии. Перекройка границ без учета истории и этнического состава передаваемых территорий создали тлеющие очаги напряженности, которые в конце 80-х – начале 90-х годов кровавым заревом высветили нерешенность давно «решенных» национальных проблем Советского Союза.

На реализацию права народов на самоопределение всегда влияют геополитические интересы разных стран. Завершив этнические чистки и сохранив государственность, Турция вскоре сменила вектор своей внешней политики

с антизападного на прозападный. В годы Второй мировой войны она снова оказалась союзницей Германии, а после войны примкнула к военно-политическому блоку империалистических держав, направленному против СССР. Что касается Советского Союза, где «национальный вопрос был решен», дела давно минувших лет (геноцид армян в Турции и, главным образом, в Азербайджане, сотрудничество с кемалистами, раздел Восточной Армении и т.д.) не обсуждались в печати. Публикации на эти темы, особенно по территориальным проблемам, однозначно оценивались как проявление буржуазного национализма и пресекались. Что касается стран Антанты, их интерес к решению сложного армянского вопроса вскоре угас. Отстаивать права армян турецкой Армении на самоопределение при фактическом отсутствии самого субъекта права политически не имело смысла. Опустошенная и разоренная Западная и Восточная Армения, Киликия уже не пробуждали экономического интереса США и Франции к этим территориям. К тому же изменилась международная ситуация в регионе, вызванная сближением Москвы и Анкары. Для блокирования возникновения нового политического альянса западные страны сочли целесообразным признать де-факто сложившуюся политическую реальность и заключить в 1923 г. мир с Турцией как предпосылку последующего сближения с ней. Таким образом, ставка В.И. Ленина, И.В. Сталина на националистическое движение в Турции как союзника в грядущей мировой революции теоретически была ошибочной, а политически – близорукой и пагубной. Необходимо отметить, что в целом в оценке грядущей мировой революции и революционного потенциала «пробудившихся миллионов мусульман Востока» лидеры большевиков выдавали желаемое за действительность.

Представляется спорным еще один вывод В.И. Ленина о том, что в условиях развитого капитализма, когда нарастают интеграционные процессы, острота национальной проблематики снижается и лозунг права наций на самоопределение теряет свою актуальность. События конца XX – начала XXI века, кажется, свидетельствуют об обратном. Глобализация вызвала обострение этнонациональных проблем. Возникшая в условиях монополярного мира новая форма тоталитаризма лишает народы свободы выбора пути развития, образа жизни, смысложизненных ценностей, национальной идентичности. Происходит эрозия суверенитета, государства лишаются возможности самостоятельно определять внутреннюю и внешнюю политику. Политическая независимость государств приобретает имитационный, симулятивный характер. Это дает основание говорить о том, что в современных условиях реализация принципа права народов на самоопределение приобретает новый, более глубокий смысл. Поэтому можно согласиться с мнением, что в настоящее время «субъектами права на самоопределение являются не только зависимые, но и суверенные народы» [44, с. 31].

Принцип равенства народов и неравенство в праве на самоопределение

Концепция самоопределения, разработанная В.И. Лениным, И.В. Сталиным и их единомышленниками, явилась теоретической основой создания Советского Союза. Напомним, что субъектом права самоопределения они считали нацию, а самоопределение – политическим отделением. Новое государство состояло из пятнадцати республик, созданных по национальному признаку с произвольно проведенными границами, которые так же произвольно не раз перекраивались. Эти республики (нации) имели право на отделение из Союза, чем они с разной степенью активности воспользовались после драматических событий 1990–1991 гг. Что касается иных этнических групп (народностей), им была предоставлена административно территориальная (или культурная) автономия в пределах республик без права отделения. При отсутствии четко фиксированных объективных признаков, позволяющих отличить нацию от этноса, подобная разностатусная этнополитическая архитектоника порождала межэтническую, а то и этноконфессиональную напряженность. И когда идеологические, политические и экономические скрепы, удерживающие все народы в единстве, ослабли, не без поддержки извне резко усилились националистические и сепаратистские движения, которые фактически предрешили судьбу государства. Воспользовавшись правом на самоопределение, республики отделились, однако власти новых государств категорически отказали в этом праве народам, проживающим на их территории, поскольку, мотивировали они, реализация такого права нарушает принципы целостности государства. Это обернулось кровопролитными локальными войнами, завершившимися возникновением новых государственных образований. Существование непризнанных государств свидетельствует о консервации конфликтов, чреватых в любой момент вызвать еще более опасные региональные войны. Несмотря на антикоммунистическую риторику, новые элиты бывших советских республик в своей национальной политике продолжили худшие традиции своих предшественников, ранжируя народы на «первосортные» и «второсортные». Первые являются субъектами международного права и имеют право на самоопределение, вторые – не имеют. Но такой подход противоречит принципу равноправия народов. Удивительно то, что лидеры большевиков, постоянно заявлявшие о равноправии народов, не замечали этого противоречия.

В современной юридической литературе отрицание права этнических меньшинств на самоопределение является достаточно распространенной точкой зрения [9; 13; 35]. Это дает основание считать, что в современном международном праве существует еще одна коллизия: между принципом равноправия народов и их разностатусной правосубъектностью, точнее, между равенством народов и их неравенством в праве на самоопределение. Для разрешения данного противоречия необходимо либо признать, что этнические меньшинства не являются народом, что противоречит здравому смыслу и распространенной

в научной литературе точке зрения [15; 17; 32], либо согласиться с тем, что этнические меньшинства также имеют право на самоопределение.

Нередко право на самоопределение ограничивается исключительно «конститутивными единицами», т.е. народами, проживающими на определенной территории, которым существующая в стране конституция дает возможность выхода из состава государства. Такое право, как уже отмечалось, в СССР имели союзные (национальные) республики. Если конституция страны не содержит этой правовой нормы, то любые требования о самоопределении, как и проведение референдума, считаются незаконными. Такова была и остается позиция Азербайджана относительно референдума об отделении народа Нагорного Карабаха, равно как Грузии к отделению Абхазии и Южной Осетии. Такие же доводы приводят власти нынешней Украины относительно воссоединения Крыма с Россией. Указывая на несостоятельность подобной трактовки субъекта самоопределения, В. Кочарян пишет: «Ни в одном правовом акте нельзя найти подтверждения такой позиции, напротив, везде говорится о народах, и ни о чем ином. Если же считать версию о “конститутивных единицах” – эксклюзивных субъектах самоопределения в государстве попыткой вклада в прогрессивное развитие международного права, то нельзя сказать, что она достаточно удачна, ибо самым первым и наиболее вероятным следствием такого новшества будет стремление государств упразднить эти “единицы”, благо действующее международное конвенционное право не содержит никаких положений, препятствующих этому» [18]. В подтверждение этих мыслей можно привести основной закон нашей страны, где, в отличие от Конституции СССР, отсутствует право субъектов Федерации (национальных республик) выхода из состава государства. Но ведь право на самоопределение вовсе не предполагает обязательного политического отделения, как это понимали в начале прошлого века лидеры большевиков.

Результаты

В праве на самоопределение выделяют две стороны: внешнюю и внутреннюю. Внешняя предполагает право народа на создание собственного самостоятельного государства, объединение или слияние с другими государствами. Внутренняя означает возможность свободного выбора народом пути своего политического, социально-экономического и культурного развития, что не предполагает обязательного политического отделения. Внешнее самоопределение, конечно, чрезвычайно важно, оно повышает самостоятельность и политико-правовой статус народа. При всем том, внутреннее самоопределение имеет, на наш взгляд, определяющее значение. Во-первых, потому что внешнее самоопределение не решает всех задач самоопределения. Оно создает условия для внутреннего самоопределения народа. «Полная реализация народом своего права на самоопределение, – отмечает Ю.Г. Ершов, – зависит от того, соблюдаются ли в действительности в данной стране права и свободы групп и индивидов, образующих народ. Если суверенное государство гарантирует своим гражданам обладание

всеми гражданскими и политическими правами, можно считать, что народ в целом пользуется правом на самоопределение, если же имеет место их попрание, то право народа на самоопределение нарушается» [13]. Самоопределение (особенно внутреннее) – это не одноразовый акт, после осуществления которого народ теряет это право. В Декларации о принципах международного права (1970 г.) самоопределение характеризуется как «неотъемлемое» право народа, а в Заключительном акте Совещания в Хельсинки (1975 г.) указывается, что оно принадлежит народам «всегда». Другими словами, право народа на самоопределение, как и права человека, относятся к неотчуждаемым правам. Это и понятно, поскольку право народа на самоопределение является условием соблюдения и защиты прав и свобод человека. Поэтому в современной международно-правовой системе право на самоопределение включено в круг норм, регулирующих права и свободы человека. На это указывают первые статьи Международного пакта об экономических, социальных, культурных правах и Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.). Из этого следует также, что реализация права на самоопределение имеет свои границы, маркируемые правами человека.

Во-вторых, внутреннее самоопределение имеет большую значимость еще и потому, что оно является не только условием благополучного сосуществования народов внутри государств, но и фактором сохранения мира и стабильности на планете. В 1945 г. при создании ООН в мире официально существовало пятьдесят одно государство. Число этносов на земном шаре по разным подсчетам достигает четырех-пяти тысяч. Как показывает история, внешнее самоопределение народов редко обходится без конфликтов. И в случае если этим правом решит воспользоваться хотя бы половина существующих в мире народов, человечество погрузилось бы в пучину кровопролитных войн и неуправляемого хаоса, поскольку возникновение новых государств будет сопровождаться радикальным пересмотром существующих границ. Вышесказанное дает основание для вывода о том, что в современных условиях отделение не всегда может быть наиболее приемлемой формой самоопределения. Нередко объединение может оказаться более предпочтительным, чем выделение. При всех недостатках политического устройства Советского Союза для абсолютного большинства бывших союзных республик отделение обернулось деградацией экономической, социальной сферы, здравоохранения, образования, науки, культуры. Многие исследователи считают, что федерация является наиболее приемлемой формой государственного устройства полиэтнического, поликонфессионального общества, в котором могут быть полно реализованы принципы равноправия и самоопределения народов без ущерба принципу территориальной целостности. В этой связи вызывает удивление позиция нынешних украинских властей, которые категорически отрицают возможность федеративного устройства страны. И это притом, что их «политические кураторы» – США и Германия являются федеративными государ-

ствами. Такая политика руководства Украины, получающая поддержку со стороны «демократического Запада», означает нарушение общепризнанного принципа международного права равноправия народов.

Выводы

Форма реализации права на самоопределение, выбираемое тем или иным народом, как уже отмечалось, зависит от конкретных условий, традиций, исторического опыта субъекта самоопределения. Реализация этого права, коль скоро оно является условием удовлетворения прав и свобод человека, не может иметь никаких ограничений, кроме тех, которые ущемляют права данного человека. Ограничивают ли принципы целостного государства реализацию права народа на самоопределение? Этот вопрос можно сформулировать иначе: существует ли противоречие между принципами территориальной целостности государства и права народов на самоопределение. Представляется, что такой коллизии нет, если даже опираться на формально-логические основания Декларации о принципах международного права 1970 г., на которую чаще всего ссылаются при анализе этой проблемы. «Ничто в приведенных выше пунктах, – отмечается в этом документе, – не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принципы равноправия и самоопределения народов, как этот принцип изложен выше, и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории» [11]. Очевидно, что в соответствии с данным международноправовым актом принцип территориальной целостности применим исключительно для тех государств, которые реализуют в своей внутренней политике принципы равноправия и самоопределения народов. Кроме того, они имеют правительство, репрезентативно представляющее народы, проживающие на его территории. «Сущность “предохранительной клаузулы”, – отмечает В. Кочарян, – согласно которой должна защищаться целостность только тех государств, которые основаны на самоопределении всех народов проживающих на его территории» [18]. В то же время, как замечает ученый, эта «предохранительная клаузула» защищает государство от необоснованных сепаратистских поползновений в ситуации, когда принципы равноправия и самоопределения государством не нарушаются [18]. В иерархии общепризнанных принципов международного права принципы территориальной целостности надстраиваются над принципами равноправия и самоопределения. Нельзя говорить об их равной юридической силе, коль скоро условием территориальной целостности государства является выполнение требований равноправия народов и их самоопределения. Но что может побудить государство выполнять указанные требования? Очевидно, неотчуждаемое право народа на самоопределение вплоть до полного политического отделения. В этой

связи следует согласиться с Ю.Г. Барсеговым, который пишет: «Самоопределение необязательно должно проявляться в политическом отделении, но без признания свободы отделения нет права на самоопределение» [6, с. 8].

Принцип территориальной целостности государства, рассматриваемый безотносительно к принципу самоопределения, регулирует сферу межгосударственных отношений. В этом контексте он сопряжен с принципом равноправия государств и призван защищать территориальную целостность государства от посягательств со стороны соседей. В этом аспекте сопоставлять юридическую силу принципа территориальной целостности и принципа самоопределения не имеет смысла, ибо эти принципы не контрарны и призваны решать разные задачи.

Список литературы

1. Алексанян А.А. Реализация права народов на самоопределение в контексте принципа территориальной целостности государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 4 (22). С. 63–67.
2. Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. М.: Велби; Проспект, 2008. 576 с.
3. Ананьева Е. Проблемыгуманитарной интервенции и защиты граждан за рубежом // Международная жизнь. 2009. № 8. С. 16–33.
4. Байльдинов Е.Г. Новое международное право: к вопросу о сущности // Моск. журнал междунар. права. 2013. № 2. С. 90–101.
5. Барнашов А.М. Общепризнанные принципы и нормы международного права и их взаимодействие с нормами российского законодательства // Общепризнанные принципы и нормы междунар. права, междунар. договоры в практике конституционного правосудия / под ред. В.К. Бобровой, С.В. Кабышева, М.А. Митюкова, А.В. Сычева. М.: Международные отношения, 2004. С. 62–70.
6. Барсегов Ю.Г. Самоопределение и территориальная целостность. М.: Международный гуманитарный фонд арменоведения, 1993. 326 с.
7. Бабай А.Н., Тимошенко В.С. Общепризнанные принципы и нормы международного права как составная часть российской правовой системы // Междунар. публ. и частное право. 2006. № 6. С. 30–33.
8. Видеман В. Национальная автономия в различных формах. URL: http://www.eursa.eu/node/705 (дата обращения: 15.05.2015).
9. Волова Л.И. Принципы территориальной целостности государства и нерушимости границы: нормативное содержание и соотношение // Правоведение. 1984. № 1. С. 30–37.
10. Гуайта Дж. 1700 лет верности. История Армении и ее Церкви. М.: FAM, 2000. 288 с.
11. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с уставом Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/

documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles (дата обращения: 10.02.2015).
12. Декрет о «Турецкой Армении» 29 декабря 1917 г. (11 января 1918 г.). URL: http://www.genocide.ru/lib/nersisyan/204-231.htm#226 (дата обращения: 17.05.2015).
13. Ершов Ю.Г. Философия права: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. академии гос. службы, 2011. 240 с.
14. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975). URL: http://www.osce.org/ru/mc/39505?downloa d=true (дата обращения: 05.04.2015)
15. Занд Ш. Кто и как изобрел еврейский народ. М.: Эксмо, 2010. 544 с.
16. Зорькин В. Кризис международного права: современный контекст // Российская газета. 2014. 20 июня.
17. Козлов А.Е. Право на самоопределение как принцип международного права и конституционное право человека // Права человека и межнациональные отношения. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994. С. 70–71.
18. Кочарян В. Право на самоопределение в современном международном праве. URL: http://www.regnum.ru/news/polit/ 1240480.html
19. Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. 269 с.
20. Кузнецова О.А. Соотношение понятий общепризнанных принципов и норм международного права // Международное публичное и частное право. 2009. № 3. С. 2–3.
21. Кузнецова О.А. Юридическая сила общепризнанных принципов и норм международного права в российской правовой системе // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 3 (9). С. 4–10.
22. Кузнецова О.А., Марино И. Общепризнанные принципы и нормы международного права – часть правовой системы, права или законодательства? // Правовое государство: теория и практика. 2010. № 2 (20). С. 42–47.
23. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 255– 320.
24. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник. М.: Волтерс Клувер, 2010. 432 с.
25. Малеев Ю.Н. Неизвестные, но общепризнанные // Междунар. право. 2005. № 1 (2). С. 5–20
26. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 419–459.
27. Мусаелян Л.А. Концепция исторического процесса К. Маркса: человеческий контекст // Философия и общество. 2007. № 3. С. 64–80.
28. Мусаелян Л.А. Кризис международного права: цивилизационные и геополитические факторы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 4 (26). С. 211–225.
29. Мусаелян Л.А. Кризис современной цивилизации и его антропологических оснований // Новые идеи в философии: межвуз. сб. науч. тр.; в 2 т. Пермь, 2014. Т. 1. С. 69–80.

30. Мусаелян Л.А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность. 3-е изд., перераб. Пермь, 2015. 424 с.
31. Мусаелян Л.А. Становление концепции исторического процесса и проблема отчуждения родовой сущности человека // Новые идеи в философии: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2002. Вып. 11. Перм. ун-т. С. 60–81.
32. Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М.: Юридическая литература, 1991. 160 с.
33. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. М.: Инфра М, 2000. 552 с.
34. Нефедова Ю.Н. Основные доктринальные подходы к определению «общепризнанности» норм международного права и их значение для гражданско-правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 1 (22). С. 145–155.
35. Решетов Ю.А. Право на самоопределение и отделение // Московский журнал международного права. 1994. № 1. С. 3–20.
36. Сендеров В.А. Тоталитарное мышление в России и Карл Шмидт // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 167–175.
37. Сталин И.В. Заключительное слово. X съезд РКП(б) // Сталин И.В. Сочинения. М., 1952. Т. 5. С. 45–49.
38. Сталин И.В. К постановке национального вопроса // Сталин И.В. Сочинения. М., 1952. Т.5. С. 52–59.
39. Стремоухов А.В. Международные стандарты прав человека: определение и классификация // Международное публичное и частное право. 2014. № 5 (80). С. 3–4.
40. Сырых В.М. Материалистическая философия частного права. М.: Юрлитинформ, 2014. 552 с.
41. Троцкий Л. Сталин: в 2 т. М.: ТЕРРА, 1990. Т. 2. 303 с.
42. Харченко М.П. Роль Организации Объединенных Наций в процессе признания государств. Право народов на самоопределение на примере самопровозглашенных государств постсоветского пространства // Международное публичное и частное право. 2014. № 5 (80). С. 8–11.
43. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право. Введение в теорию. Красноярск: ИЦ КрасГУ, 2009. 260 с.
44. Эбзеев Б.С. Самоопределение народов в современном мире: конституционно- и международно-правовые аспекты (по мотивам «ценного монографического исследования») // Конституционное и муниципальное право. 2011. Вып. 9. С. 29–34.
45. Thornberry P. International Law the Rights of Minorities. Oxford: Clarendon press, 1992. 245 p.

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЕ О КРИЗИСЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА*

Системный кризис современной цивилизации является общепризнанным фактом. Этот кризис проявляется в трех аспектах: кризис традиционных средств и методов решения глобальных проблем, международных институтов, пути развития цивилизации. Важной стороной кризиса цивилизации является кризис современного международного права. Он выражается в неспособности международного права адекватно реагировать на главные вызовы и риски, поддерживать стабильный миропорядок и устойчивое развитие социума. Разрыв между потребностью человечества в быстром и эффективном разрешении возникающих проблем и возможностями международного права постоянно растет. Поэтому само состояние современного международного права оказывается одним из существенных факторов углубления кризиса цивилизации и нарастания конфликтогенности в мире. В этой связи можно согласиться с В. Зорькиным в том, что кризис международного права приближает нашу цивилизацию к краю бездны.

Кризис международного права оказывается катализатором углубления кризиса цивилизации еще и потому, что основными субъектами антиправовой культуры являются главные акторы мировой политики и к тому же основатели ООН. Подобная практика великих держав приводит к девальвации международного права и падению престижа международных институтов, призванных регулировать международные отношения.

В чем конкретно выражается кризис международного права? Прежде всего в распространении правового нигилизма и ее крайней формы – цинизма, практике двойных стандартов, демонстративном невыполнении принятых на себя обязательств.

Как представляется, факторы, обусловливающие кризис международного права, можно условно разделить на три группы: **доктринальные, цивилизационные** и **геополитические**. К **доктринальным** следует отнести состояние современного международного права. Здесь можно выделить по крайней мере три проблемы. Во-первых, *отсутствие точных нормативных установлений, позволяющих реализовывать общепризнанные принципы* международного права (В. Зорькин). Во-вторых, *существование коллизий между общепризнанными принципами международного права*, что, как заметил В. Путин, является благодатной почвой для некоторых политических акторов «подверстывать» тот или иной вариант решения международных проблем под свои интересы. В-третьих, *пробельность права*, вызванная возникновением в результате глобализации новых субъектов экономических и политических отношений. Здесь помимо МВФ, ВТО, ВБ следует особо отметить ТНК, активность которых в последние четверть века значительно возросла. К тому же их деятельность чаще всего проходит вне публичной сферы,

---

* Впервые опубликовано: Мусаелян Л.А. Некоторые соображение о кризисе международного права // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 24–25 октября 2014 г.) : избранные материалы / Пермский гос. нац. исслед. ун-т, Юридический фак. [и др.] ; отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. – М. : Статут, 2015. С. 89–92.

т. е. фактически не контролируется правом. Подобная деятельность новых субъектов порождает в разных регионах земного шара кризисные явления, локальные конфликты, таящие в себе угрозу стабильности и безопасности в мире.

Ко второй (**цивилизационной**) группе факторов, порождающих кризис международного права, следует отнести особую правовую ментальность элиты ведущей державы мира. Правовые системы различных народов и эпох представляют отражение соответствующих экономических отношений (Ф. Энгельс). Американская правовая система и правовое сознание заметно отличаются от стран континентальной Европы, что обусловлено особенностью развития капитализма в США. В Америку буржуазная цивилизация ворвалась из Великобритании без весомого гуманистического потенциала, накопленного народами континентальной Европы в результате своего почти трехтысячелетнего развития. В Новом Свете капитализм в отсутствие конкурирующих идей и социальных идеалов стал развиваться невиданными темпами. В результате к концу XX столетия США входят в число ведущих держав мира, а через сто лет превращаются в самое мощное государство в мире. Эти успехи породили у американцев имперское мышление. Кроме того, английский рационализм, перенесенный на американскую почву, мутировал в прагматизм, являющийся философским эквивалентом американского менталитета. Философия прагматизма является теоретической основой американской политико-правовой системы. Характер знаний прагматизм определяет не по их отношению к отображаемой реальности, а по их значению для субъекта. Знания истинны, если они полезны для решения данной проблемы в конкретной жизненной ситуации. Стало быть, если истина – это то, что полезно, то неполезное не есть истина. Подобный подход в понимании истины сказывается в понимании права, законности, справедливости. Согласно распространенным в Америке теориям юридического реализма (М. Каплан, К. Ллевелин и др.) и политически объективированного подхода (М. Макдугал и др.), право не есть система абстрактных общеобязательных норм, а процесс принятия судебных и властных решений, принимаемых в конкретных ситуациях. При принятии решений определяющее значение имеет социальный контекст проблемы, а в международном праве – экономические и политические интересы США. Если учитывать еще глубоко укоренившееся у американской элиты имперское мышление и сознание исключительности американской нации в мире, становится понятным, почему для администрации США определяющим чаще всего является не сила права, а право силы. Значимым фактором аберрации политико-правового мышления американской элиты является ее предельная идеологизированность. Смысл этой идеологии «социального дарвинизма», согласно Дж. Соросу, сводится к следующему простенькому умозаключению: «Раз мы сильнее всех, то значит, умнее всех и, значит, право на нашей стороне». Руководствуясь этим правом сильного, США блокируют любые действия в мире, которые на их взгляд являются вызовом лидерству Америки. Поскольку международное право мешает США применять в каждом таком случае силу без санкций СБ ООН, отсюда и их негативное отношение к этим институтам.

Опасность правового нигилизма и двойных стандартов, демонстрируемых США, заключается еще и в том, что благодаря их усилиям подобная практика превращается в международное явление. Глобализируя мир по своему образу и подобию, США во второй половине XX века включили в сферу своего влияния почти всю Европу, многие страны Азии, Африки, Америки, Австралию. Это позволяет им при осуществлении различных силовых или экономических противоправных акций подключать своих союзников, придавая видимость правоприемлемой политики. В результате подобных коллективных действий большие территории наиболее развитых континентов земного шара выпадают из правового пространства, что дает основание говорить о сознательном разрушении Соединенными Штатами «цивилизации права».

Важным силовым инструментом реализации геополитической стратегии США является НАТО. Этот реликт холодной войны оказывается сегодня еще и существенным фактором ослабления ООН и разрушения международного права.

С точки зрения многих исследователей, в том числе и американских, приверженность США к простым силовым методам решения сложных мировых проблем обусловлена также особенностью их истории и культуры. В отличие от китайцев или итальянцев американцы фактически не имеют истории, фундаментальной культуры, мотивирующей на глубокие и всесторонние размышления, так необходимые при решении острых международных проблем. Изолированность существования, слабое знание географии, мировой истории, культуры других народов формируют в общественном сознании американцев простую черно-белую картину окружающего мира, где сосуществуют «хорошие» и «плохие» парни. Последние живут и мыслят не так как американцы, не следуют их советам и, более того, «вставляют палки в колеса» Америки. Учитывая исключительность американской нации, Бог наделил Америку правом освободить человечество от «плохих» парней, т. е. «зла».

В последние годы указанная «освободительная» деятельность «бастиона свободы и демократии», коим считает США ее элита (и некоторых их союзники за рубежом), резко активизировалась. Это проявляется в чреде «цветных революций» (т. е. государственных переворотов), развязыванием гражданских войн, применении военной силы, объявлении экономических санкций и других действиях, противоречащих нормам международного права. Чем вызвана такая активность? Здесь дает о себе знать третий, **геополитический**, фактор кризиса международного права.

Неравномерность исторического процесса способствует смещению центра мир-истории из Нового Света в район Азии. Наметились тенденции перехода человечества от монополярного мира к многополярному. Меняется политическая, экономическая, финансовая архитектоника мира, сформировавшаяся в конце XX столетия. Мировая империя, сопротивляясь, медленно сдает свои позиции. США стремятся блокировать центробежные тенденции в мире, сохранить свою гегемонию и вернуть человечество к монополярному миру. Когда пытаются противодействовать объективному историческому процессу, общепризнанные принципы международного права могут быть только помехой, ибо они были вызваны к жизни, чтобы содействовать устойчивому развитию человечества.

О МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОМ ПЛЮРАЛИЗМЕ, КОНКУРИРУЮЩИХ КОНЦЕПЦИЯХ ПРАВА И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗРАБОТКИ ЕДИНОЙ ИНТЕГРАТИВНОЙ ТЕОРИИ ПРАВОПОНИМАНИЯ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ*

Философия исторически выполняла функцию метатеории права. Господствовавшее в каждую эпоху миропонимание определяло правопонимание и правоприменение. Упразднение в нашей стране в начале 90-х гг. государственного мировоззрения и идеологии помимо общепризнанного положительного эффекта имело и некоторые негативные последствия. Возникло множество конкурирующих теорий правопонимания, исчезло единое правовое пространство, получило распространение селективное право, нарушающее принципы равенства граждан перед законом и справедливости. Идея ученых-юристов о принятии интегративной теории права оказывается труднореализуемой в силу отсутствия единого признанного основания права. В статье предпринята попытка показать существование единого онтологического основания права, институционализация которого позволяет разрешить сложные проблемы современного правопонимания и правоприменения.
Ключевые слова: философия, демократия, справедливость, свобода, человек, теория права, правопонимание, правовое пространство, онтологическое основание права.

Право как основополагающий компонент культуры вбирает в себя ее наиболее значимые достижения, развивается вместе с ней и в то же время способствует легитимации тех ценностей и принципов поведения людей, которые обеспечивают устойчивое функционирование и развитие общества. Философия, изучающая общество, не может игнорировать эту чрезвычайно важную область человеческой деятельности. Именно поэтому философское осмысление права имеет многовековую историю. И по мере развития человечества, усложнения общественной жизни интерес философии к правовой реальности постоянно возрастал. В свою очередь, право связано с философией. Само понятие «право» своим существованием обязано философии. Оно изначально вырабатывалось философией наряду с такими понятиями, как «общество», «человек», «личность», «государство», «свобода», «справедливость» и т.д. [см.: 6, с. 140]. В своем развитии право всегда опиралась на философию, поскольку ее базовые проблемы: свобода, справедливость, равенство, ответственность, законность и другие являются в своей сущности философскими проблемами. Их разрешение уходит в область онтологии, антропологии, гносеологии, аксиологии и других философских

* Впервые опубликовано: Мусаелян Л.А. О мировоззренческом плюрализме, конкурирующих концепциях права и возможности разработки единой интегративной теории правопонимания: философский анализ проблемы // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – Т. 3, № 2(7). – С. 87-95.

дисциплин, которые в своей совокупности определяют структуру такой междисциплинарной науки, как философия права, выполняющей по отношению к теории государства и права, а через нее и к другим частным правовым наукам, методологическую функцию.

О связи права и философии свидетельствует вся история цивилизации. В каждую новую историческую эпоху (Античность, Средневековье, Возрождение и т.д.) возникало фактически новое правопонимание, обусловленное господствующим миропониманием. И в недалеком прошлом, в советский период нашей истории, существующая в стране система права опиралась на марксистскую философию, которая официально признавалась в качестве господствующего мировоззрения. Общественные науки, в том числе и правовые дисциплины, вместе со своей методологической основой – философией – выступали в роли господствующей идеологии. Отмеченная историческая традиция зависимости правопонимания от миропонимания в постсоветской России оказалась нарушенной. Согласно ст. 13 Конституции РФ, в нашей стране отсутствует официально признанное господствующее (государственное) мировоззрение и идеология. Установление мировоззренческого и идеологического плюрализма оценивается политиками и учеными как важнейшее завоевание молодой российской демократии, освободившейся от коммунистического тоталитаризма. Бесспорно, монополия государства на истину трудно совмещается с принципом демократии, тем более что от имени государства говорят конкретные люди и далеко не всегда лучшие умы общества. Но, с другой стороны, при официальном отрицании в обществе господствующей (государственной) идеологии и мировоззрения закономерно возникают как минимум два вопроса.

Во-первых, если в стране существует Конституция и достаточно развитая правовая система, на которые опирается в своей деятельности государство, может ли в этом обществе отсутствовать государственная идеология? В классовом обществе право вне идеологии – нонсенс. Деидеологизированное право – это право, которое не отражает ничьи интересы. Право, не выражающее интересы определенных социальных групп (слоев) населения, по определению не может выполнять свою основополагающую регулятивную функцию, ради которой оно и возникло. Можно, конечно, сказать, что право отражает интересы всего общества. В определенной степени это так, но лишь в определенной степени. Право, отражающее интересы исключительно всего населения, предполагает общество, где отсутствует социально-экономическая и социально-политическая стратификация. В этом случае государство, если вспомнить Ф. Энгельса, перестает быть публичной властью, отчужденной от народа. Власть подобного рода не нуждается в классическом институте права, поскольку она сама, выражая волю самоуправляемого народа, не является политическим институтом. Понятно, что существующие российские реалии находятся в кричащем противоречии с такими предположениями. Впрочем, вопрос об отсутствии у нас в стране государственной идеологии – тема отдельного обстоятельного дискурса.

Во-вторых, что выступает в качестве метатеории и методологии современного российского права? Очевидно, что те ценности, тот социальный идеал (личности, общества), который создается и утверждается через механизм права в немалой, если не в определяющей, степени зависит от метатеории права, от философско-мировоззренческих позиций правоведов, особенно тех, которые заняты теоретической деятельностью и законотворчеством. На какой философии базируется правовая политика власти или же она исходит из декларируемого мировоззренческого плюрализма, существующего в обществе? Мировоззренческий плюрализм определяет плюрализм в области правовой теории и в конечном счете правовой практики. Иначе говоря, разное миропонимание определяет разное правопонимание и правоприменение. И если подобное для разных социумов, представляющих различные исторические эпохи, можно считать нормальным явлением, то для одного и того же общества, не находящегося в состоянии межформационного сдвига, такая ситуация кажется немыслимой. Тем не менее подобная сюрреалистическая правовая реальность сложилась в современной России. «Современная политико-правовая практика, – отмечает известный ученый-правовед В.М. Сырых, – служит эмпирическим обоснованием доброму десятку различных правовых теорий и школ» [28, с. 315]. «У нас до сих пор нет единого правового пространства», – отмечает А.В. Малько [12, с. 32]. Это и понятно: не может быть единого правового пространства при методологическом (и мировоззренческом) плюрализме в теории и практике права. Между тем единое правовое пространство есть основополагающее условие эффективного управления страной. Но дело не только в этом. Отсутствие единого правового пространства, его однородности и изотропности является условием существования селективного права в России. Последнее свидетельствует о том, что в нашей стране отсутствует равенство граждан перед законом. Конечно, можно согласиться с тем, что нарушение этого принципа происходит часто по причине коррумпированности некоторых работников правоохранительных и правоприменительных органов, правового нигилизма, обусловленного низким профессионализмом субъектов права. Однако думается, что мировоззренческий и методологический плюрализм, определяющий плюрализм в сфере правоприменения, оказывается значимым фактором, порождающим указанные негативные явления. В этой связи представляется необходимым привести в качестве примера два резонансных уголовных дела из правовой практики последних лет, в которых рельефно проступают особенности российского правового пространства. Несколько лет назад три девицы с зияющими пробелами в детском воспитании перед объективами телекамер станцевали в православном храме. Несостоявшихся артисток арестовали. Два года шло следствие по этому «сложному» делу. Фигуранты выходки продолжали сидеть в тюрьме, в том числе та, у которой дома был маленький ребенок. Наконец состоялся суд. Одну из обвиняемых отпустили, двоих отправили отбывать срок в колонии. Столь жесткая реакция российской Фемиды на девиантный проступок группы Pussy Riot, вероятно, можно объяснить тем, что она

опиралась на теологическую концепцию правопонимания, согласно которой преступление против религии, от которой зависит жизнь вечная, является более тяжким грехом, чем преступление против государства. А вот пример преступления против государства. Молодая высокопоставленная чиновница посредством мошеннических схем умыкнула у государства 3 млрд рублей (первоначальная оценка нанесенного ущерба составляет 16 млрд рублей). Несмотря на тяжесть преступления, суд отнесся к мошеннице необъяснимо лояльно, ограничив ей свободу в период следствия домашним арестом, в то время как другие второстепенные фигуранты уголовного дела, через фирмы которых чиновница перепродавала государственное имущество, были помещены в тюрьму. Пока три года шло следствие, главный фигурант находилась под домашним арестом в своей тринадцатикомнатной квартире в центре Москвы в окружении слуг и персонального повара. Не обремененная стыдом и совестью, бывшая чиновница в течение трех лет разъезжала по столице, посещала бутики, снимала клипы, устраивала вернисажи своих картин. На суде государственный обвинитель потребовал наказание подсудимой восемь лет условно (?!). Решение суда – пять лет колонии. Но вскоре экс-руководитель «Оборонсервиса», о которой говорила вся страна, была освобождена условно-досрочно, не отбыв наказания, кажется, и месяца. Заметим, непосредственный начальник мошенницы, без ведома которого, на наш взгляд, вряд ли его подчиненная могла проворачивать свои аферы, проходил на судебном процессе лишь в качестве свидетеля. Резонансное дело «Оборонсервиса», понятно, не добавило лавров ни чиновникам, ни тем более отечественной Фемиде.

Приведенные примеры, число которых любой, кто следит за деятельностью правоохранительных и правоприменительных органов страны, может умножить, свидетельствует о том, что меч справедливого неотвратимого наказания за содеянное преступление нередко применяется избирательно. В этом одна из причин низкого доверия россиян к этим органам. Согласно европейским экспертным оценкам уровень доверия россиян к своей полиции и судебно-правовой системе один из самых низких в Европе [см.: 2, с. 20]. Исследования «Левада-Центра» фактически подтверждают эти оценки. Социологические измерения показывают, что к числу самых неуважаемых профессий помимо политиков (36%) и чиновников (28%) населения страны также относит полицейских (29%), судей (17%), работников прокуратуры (16%), т.е. всех тех, от деятельности которых зависит справедливость в обществе [см.: 5, с. 17].

Социальное пространство нашей страны имеет крайне неоднородный и напряженный характер. Эта неоднородность существует как по вертикали, так и по горизонтали. Согласно международным оценкам, десятикратная величина децильного коэффициента в обществе является критичной. В России, по данным Росстата, критичная разница в доходах превышена в более чем в 1,6 раза. По неофициальным экспертным оценкам разрыв между бедными и богатыми, при котором возникают предпосылки политической нестабильности у нас в

стране, превзойден в 4–5 раз [см.: 31]. Согласно данным международной финансовой корпорации Credit suisse group, 110 российских миллиардеров контролируют 35% всех активов в стране, между тем 40% россиян считают, что они живут за чертой бедности [см.: 23, с. 5]. Подобного неравенства и низкого уровня жизни нет ни в одной стране со сравнимым показателем ВВП на душу населения. Если неравенство доходов определять по коэффициенту Джини, то и по этому измерителю Россия наряду с США является одной из самых несправедливых стран в мире [см.: 3, с. 77]. Особенностью современной России являются также громадные разрывы по уровню экономического развития между регионами. Это дало основание академику Д.С. Львову сделать вывод о том, что страны Евросоюза имеют больше оснований считать себя одной страной, нежели Россия [см.: 11, с. 8]. Единое право как признак государства помимо всего прочего выполняет интегративную функцию. Обеспечивая равенство граждан перед законом, отстаивая справедливость в обществе, право блокирует рост напряженности в социально неоднородном пространстве и предотвращает возникновение разрывов в нем. Другими словами, однородно и изотропное правовое пространство в условиях критично неоднородного социального пространства является важным фактором сохранения целостности государства. Очевидно, что при отсутствии единого правопонимания и правоприменения, т.е. при фрагментированности правового пространства, право не в состоянии выполнять интегративную функцию. Более того, фрагментированное правовое пространство, его неоднородность и неизотропность, усиливают напряженность в социальном пространстве страны, создавая угрозы возникновения разрывов и территориальной фрагментации. В отсутствие идеологических и политических скрепов, объединяющих полиэтническое, поликонфессиональное население на огромной территории России, указанные вызовы не являются абстрактными. Они достаточно реальны, если учитывать еще непубличную деятельность некоторых внешних сил, нацеленных на расчленение России. Таким образом, мировоззренческий (методологический) и идеологический плюрализм, считающийся крупным достижением постсоветской демократической России, способствовал формированию социальной реальности, не отвечающей фундаментальным принципам демократического общества – равенства всех перед законом и торжества справедливости. Указанное противоречие между демократическим выбором и антидемократическими последствиями не артикулируются и не замечаются отечественными правоведами. Эйфория от обретенной мировоззренческой, идеологической свободы, похоже, препятствует обнаружению связи между сложившейся фрагментированной, неоднородной, неизотропной правовой реальностью и возникшими перед страной новыми политическими вызовами, о которых говорилось выше.

Склонность юристов к дискуссиям, спорам – давно известный факт. В этом они, кажется, превзошли даже философов. Учитывая указанную особенность правоведов, основоположник классической немецкой философии ерничал над теми, которые все еще спорят относительно определения сущности права [7,

с. 138–139]. Сегодня, по истечении более двухсот лет, можно было бы немало удивить «кенигсбергского отшельника» тем, что активные изыскания в этой области продолжаются. Отсюда и состояние современной юридической науки, где, по существу конкурируют несколько концепций права. Даже в определении одних и тех же теорий среди юристов нет единства. Так, если Н.Н. Вопленко и М.Н. Марченко называют нормативизмом систему норм, принимаемых и охраняемых государством [см.: 4, с. 19], то В.М. Сырых то же самое определяет как юридический позитивизм [см.: 29, с. 16], а О.Э. Лейст – как нормативный позитивизм [см.: 9, с. 26]. В свою очередь, В.С. Нерсесянц такую трактовку именует легистской [см.: 19, с. 33]. В отличие от других ученых основоположник либертарной концепции права демонстрирует резко негативное отношение к юридическому позитивизму, характеризуя его «нормативным выражением авторитаризма» [19, с. 34].

Нет согласия среди юристов и относительно типологии правопонимания. Это понятие многие авторы считают интуитивно ясным, не утруждая себя никакими объяснениями его смысла и содержания. Кроме того, часто правопонимание понимается как нечто отличное от теорий права. Поэтому если в отношении количества концепций существующих в праве среди юристов сложился относительный консенсус, то этого нельзя сказать по поводу типов правопонимания. Так, В.С. Нерсесянц выделяет два типа правопонимания [см.: 19, с. 28], В. И. Червонюк – три [см.: 32, с. 222], В.П. Реутов – тоже три [см.: 24, с. 7], но другие, нежели предыдущий автор, О.В. Мартышин – четыре [см.: 14, с. 13–21], Н.И. Матузов и А.В. Малько – шесть [см.: 18, с. 160–168]. И этот ряд можно продолжить. Стало быть, в области правопонимания у ученых-юристов существует не просто плюрализм, а полная неопределенность, называемая в простонародье чехардой. В этой ситуации ожидать эффективного функционирования действующего в стране права, по крайней мере, наивно. Как справедливо отмечает В.П. Реутов, проблема здесь состоит в том, что разные авторы для выделения типов правопонимания берут различные основания: философские воззрения, идеологические предпочтения и т.д. [см.: 24, с. 19].

В научно-юридической литературе существуют различные оценки сложившейся ситуации в области теории права. Одни, ставя под сомнение преимущества плюрализма в правопонимании, полагают, что право – многофакторное явление, требующее интеграции разных концепций права [см.: 20, с. 61–72; 21, с. 7–8; 24, с. 9]. Другие отрицают возможность интеграции разных теорий, опирающихся на различные основания, справедливо считая такой эклектический подход контрпродуктивным [см.: 33, с. 14–16]. С точки зрения третьих, существование разных типов правопонимания, опирающихся на различные философские теории, не только возможно, но и единственно правильно [9; 10, с. 10; 8, с. 211]. Рельефно эта позиция выражена в работах В.П. Реутова. По мнению ученого, «правовая наука не может существовать в рамках монотеории, она нуждается в плюрализме научных взглядов. Что же касается юридической практики и,

в частности, проблем правоприменения, – продолжает В.П. Реутов, – то современный нормативизм является единственным подходом, который на сегодняшний день способен обеспечить действенную и реальную защиту законных прав и интересов субъектов права» [24, с. 9]. Конечно, дискуссии, споры являются важным условием и фактором развития науки. Науке противопоказан догматизм, но не в меньшей мере и релятивизм. Если теоретические разногласия и полемика относительно базовых понятий и проблем права продолжаются сотни лет, то это отнюдь не свидетельствует о творческом развитии права, скорее, наоборот. Авторы, отстаивающие плюрализм мнений в теории и монистический подход в практике, как это следует из вышеприведенной цитаты, фактически отрицают всякую связь между правовой наукой и правоприменением. Получается, что теория и практика существуют независимо друг от друга. По мнению В.П. Реутова, этот разрыв между правовой теорией и практикой может быть преодолен в далекой перспективе [см.: 24, с. 10]. Но если юридическая наука никак не связана с правотворчеством и правоприменением, не способствует более эффективной регуляции общественных отношений, спрашивается, для чего существует такая наука? Является ли в таком случае наукой то, чем занимаются ученые-юристы? Такая постановка вопроса определяется тем, что любое «научное познание необходимо для того, чтобы регулировать человеческую деятельность» [26, с. 105]. По авторитетному мнению академика В.С. Степина, главная особенность науки – ее нацеленность на изучение объектов, которые актуально или потенциально включены в деятельность человека, т.е. в практику [см.: 26, с. 108]. Если этого нет, то многочисленные публикации и вековечные дискуссии ученых-юристов имеют такую же ценность, как тысячелетний спор средневековых схоластов относительно понимания сущности творца.

Как представляется, теория права – это исключительно прикладная наука, и, как таковая, она по определению не может быть безразлична к существующей социальной реальности. Далеко не случайно В.М. Сырых включает социально-политическую и правовую практику в объект правовой науки [см.: 27, с. 38–39]. На наш взгляд, смысл существования и развития науки о праве – разработка теоретических и методологических оснований для более совершенного правотворчества и более эффективного правопонимания. В конечном счете цель и задача правовой науки – обеспечить стабильное функционирование и развитие общества. Обстоятельное обоснование решающего воздействия правовой науки на многие стороны общественной жизни и государства дал В.М. Сырых, что избавляет автора этих строк от необходимости более подробно останавливаться на этом вопросе [см.: 27, с. 17–18].

Теоретическая неразбериха в понимании базовых правовых понятий и проблем обусловлена существованием в юридической науке неопределенности в понимании онтологических оснований права. В последнее время среди юристов как теоретиков, так и практиков все большее распространение получает интегральная теория правопонимания. Но, как справедливо отмечают ученые, эта

теория «наталкивается на одно труднопреодолимое препятствие – неясность с выбором основания, позволяющего рассматривать право как единое органическое целостное образование, систему» [30, с. 3]. Фактически речь идет о необходимости выявления общих онтологических оснований права, что позволило бы сформулировать единую (интегративную) теорию правопонимания. Без разрешения этой проблемы искомая интегральная концепция представляла бы искусственную эклектическую конструкцию с ничтожной эвристической ценностью.

Дискурс онтологических оснований правопонимания хотелось бы предварить некоторыми соображениями относительно разногласий по поводу соотношения права и правопонимания. Как уже отмечалось, многие исследователи отрывают правовую теорию от правопонимания. Такой подход представляется спорным, и вот почему. Любая научная теория включает в себя (и одновременно опирается на) научную идею – исходную мысль, центральное положение концепции, объединяющее входящие в нее понятия, суждения, умозаключения, принципы в некоторую целостность. Научная идея не только интегрирующий фактор теории, но и лапидарное выражение ее сущности. Поэтому можно согласиться с В.С. Нерсесянцем в том, что «понятие (идея. – Л.М.) права – это сжатая юридическая теория», а «юридическая теория – это развернутое понятие права» [19, с. 27]. Поскольку научная идея – это свернутая теория, она выражает не только ее сущность, но и определяет ее границы. В основе разных теорий права лежат разные идеи, маркирующие их границы. В качестве примера можно привести либертарную и легистскую концепции права, которые, на наш взгляд, опираются на разные научные идеи. Научная идея может выражать также весьма общие фундаментальные закономерности, и в этом случае она связывает ряд концепций в некую общую теорию или ряд дисциплин в отрасль науки. Скажем, такую функцию в философском наследии Гегеля играет идея развития, Маркса – идея человека и его свободы. В этом широком контексте идея права выражает сущность юридической науки в целом как полное систематизированное знание о праве и государстве [см.: 19, с. 28]. Научная идея, лежащая в основе научной теории, превращает последнюю в правопонимание. В этом аспекте научная идея выражает смысл правовой теории, определяет ее цели и задачи, предназначение и функции права и государства, их социальную ценность и особенность среди других институтов регуляции. Право по своей природе – это эмпирическая и прикладная наука. Научную идею, превращающую правовую теорию в правопонимание, ученые-правоведы формулируют, опираясь на философию. В определенном смысле можно сказать, что она заимствуется из философии. Поэтому нельзя не согласиться с точкой зрения ученых (В.С. Нерсесянц, В.П. Реутов и другие), которые увязывают типы правопонимания с определенными философскими воззрениями. В самом деле, нельзя не видеть, что истоки легистского правопонимания уходят в глубь веков в философию древнекитайских мыслителей Шан Яна (IV в. до н.э.), Хан Фэй-цзы (III в. до н.э.). Они были убеждены в злой природе человека и поэтому считали невозможным управление государством на основе

конфуцианского принципа человеколюбия. Очевидно, что естественная и либертарная теории права опираются на иную философию и что особенно важно – на другие философские воззрения о человеке. Исходя из признания связи между типами правопонимания и философскими учениями, В.П. Реутов логично приходит к выводу о сложности создания единой интегративной концепции права, поскольку необходимым условием для этого является признаваемая всеми философская теория или научный метод [24, с. 8].

Ниже будет предпринята попытка исследовать онтологические основания права, что, как представляется, является условием разрешения многих других дискуссионных проблем, и прежде всего разработки единой или интегративной теории права. Не претендуя на бесспорность своей точки зрения, полагаем необходимым отметить следующее. Если присмотреться к обществу, в котором мы живем, можно обнаружить, что в нем нет ничего, что не было бы результатом реализации определенных человеческих сущностных сил [см.: 16]. Это касается всех феноменов общественной жизни, в том числе таких важных институтов человеческой цивилизации, как государство и право. Разные концепции правопонимания отличаются друг от друга разным подходом в объяснении содержания правовых отношений и в этом контексте разным пониманием источника права. Источник права рассматривается в данном случае не в юридическом, а в философском смысле как основа, носитель, причина возникновения феномена[1]. Право же, согласно ученым, выступает как форма, обусловленная определенным содержанием [см.: 30, с. 26]. Понятно, что последнее у правоведов, придерживающихся разных мировоззренческих позиций, будет разным. У одних (В.М. Сырых, Л.С. Явич и другие), руководствующихся материалистической идеологией, в качестве содержания права выступают экономические отношения; у других (Л.И. Петражицкий, С. Тард, З. Фрейд), с противоположным мировоззрением, – феномены человеческой психики, сознание; у третьих (Р. Паунд, Д. Фрэнк, К. Ллевелин), опирающихся на философию прагматизма, – судебные решения и действия правительства. Можно ли обнаружить нечто общее в разных теориях права? Различное содержание, обусловливающее правовую форму, оказывается в конечном счете результатом реализации сущностных сил человека. И даже теологическая концепция, усматривающая в качестве источника права предписания Творца, не выходит за рамки указанного подхода независимо от того, дается ли богословская трактовка Бога как носителя всех (человеческих) совершенств (Р. Луллий), или материалистическая – как отчужденное бытие родовой сущности человека (Л. Фейербах, К. Маркс).

Анализируя точку зрения одного из отечественных правоведов, который выводил право из экономических отношений, С.С. Алексеев резонно замечает,

[1] Источник права в разных теориях правопонимания трактуется по-разному. См.: Поляков А.В. Источник права и нормативность: соотношение понятий // Источники права: проблемы теории и практики. М., 2008. С. 91–101.

«что спонтанно рождаемое право» во всех случаях приобретает значение юридического феномена только тогда, когда освящено государственной властью, санкционировано ей, так или иначе выражено в письменных актах – нормативного или индивидуального характера» [1, с. 43]. Оставляя в стороне сложную проблему происхождения права, отметим, что после того как спонтанно возникающее право санкционируется и освящается государством, оно приобретает юридическое значение [см.: 1, с. 43]. Это приводит к изменению статуса и сущности права. Приняв нормативное выражение, право выходит за рамки индивидуальных решений конкретных дел. Теперь оно выступает как всеобщая воля и всеобщий регулятор общественных отношений. И в этой своей роли право оказывается юридическим выражением универсальной родовой сущности человека, ибо регулируемые правом общественные отношения являются результатом реализации различных человеческих сущностных сил. И чем более развита человеческая сущность, тем более разносторонней оказывается человеческая деятельность, тем более развитым должно быть право, регулирующее эту деятельность.

Право лишь формально представляет всеобщую волю общества. В действительности это воля господствующего класса, возведенная в закон [см.: 13, с. 443]. В этом своем качестве право есть юридическое выражение отчужденного бытия универсальной родовой сущности человека. Исторический процесс есть выражение развития отчужденной родовой и индивидуальной сущности человека [17, с. 60–81]. Отчужденное бытие родовой и индивидуальной сущности человека, на наш взгляд, является онтологическим (антропологическим) основанием правового нигилизма как в национальном, так и международном праве.

Право, как отмечалось, является формой, обусловленной содержанием. Содержание определяет форму, но форма, как известно, не безразлична к содержанию. Она может сдерживать развитие содержания и, наоборот, давать простор его развитию. Поскольку содержание права (независимо от его трактовки) есть результат реализации сущностных сил человека, можно сказать, что критерием эффективности права и проводимых в этой сфере реформ является развитие человека и человеческого общества (индивидуальной и родовой человеческой сущности). Право, дающее простор для самореализации способностей человека и удовлетворения его растущих потребностей, оказывается формой бытия свободы, «библией свободы» (Маркс). Как нормативная форма бытия свободы человека право само по себе представляет важную социальную ценность. Поэтому такое право порождает законоодобряющее и законопослушное правовое сознание. Право в своем проявлении имеет пассивный и активный характер. Как форма бытия свободы, право носит пассивный («спящий») характер. Свою активность оно проявляет тогда, когда возникают факторы, ограничивающие (или препятствующие) воспроизводство и развитие индивидуальной и родовой сущности человека. Когда это происходит? Во-первых, тогда, когда индивиды нарушают нормы права. В этом случае право в форме общеобязательного закона получает практическое воплощение через деятельность правоприменительных

органов, блокируя превращение гарантированной свободы во вседозволенность. Оберегая общество от саморазрушения, право создает и сохраняет относительно устойчивую систему отношений, в рамках которой происходит производство и воспроизводство общества (человеческого рода) как целостной системы. В этой своей роли право представляет инструментальную ценность. Во-вторых, право дает знать о своем существовании, когда начинает сдерживать, тормозить развитие сущностных сил человека. Это проявляется в возникшем несоответствии между действующим правом (формой) и существующими общественными отношениями (содержанием). В таких условиях резко снижается эффективность регулятивной, интегративной, воспитательной и других функций права. Право, ограничивающее развитие сущностных сил человека, теряет в его глазах свою ценность. Низкий статус права порождает в обществе по большей части закононарушающее правосознание, которое получает свое практическое выражение в правовом нигилизме.

Форма в философии понимается не только как способ выражения содержания, но и как структура – относительно устойчивая связь между элементами. Если элементами общества являются социальные индивиды и группы, то «связующим общество “клеем”, строго равномерно распределенным между составляющими общество индивидами, – Право» [25, с. 168]. В современных демократических государствах право имеет характер общеобязательного закона и признает равенство всех перед законом. Очевидно, что онтологическим основанием указанных принципов является единство родовой сущности людей. Оно определяет однородность и изотропность правового пространства в социально неоднородном обществе. Конечно, право само по себе не устраняет неоднородность социального пространства. Но общеобязательный характер права, формальное равенство всех перед законом, постоянно поддерживаемая однородность и изотропность пространства блокирует возникновение в обществе опасных напряженностей и центробежных тенденций. Словом, право юридически уравнивая разных по своему социальному статусу и роли в общественной жизни людей, объединяет их в социально-политическую целостность, в рамках которой оказывается единственно возможным воспроизводство и развитие родовой жизни цивилизованного человека. Таким образом, эффективно функционирующее право центрировано на человека, оно является условием и фактом развития родовой и индивидуальной человеческой сущности. В свою очередь, человек есть субъект, объект, а в конечном счете основа и причина существа права. Другими словами, человек, его социальная сущность есть субстанция права. Исторический процесс, сопровождаемый развитием родовой и индивидуальной сущности человека, способствует постепенному преодолению отчуждения между ними, что приводит к гуманизации права. Это означает также то, что универсальные идеи, принципы естественного права обретают реально осязаемую плоть позитивного права. Признание человека высшей ценностью в качестве базовой нормы конституционного права является конкретным примером такого воплощения.

Итак, различные концепции права имеют общее онтологическое основание, на базе которой и возможна разработка интегративной теории права. Она фактически будет являться новой единой теорией правопонимания, опирающейся на идею человекоразмерности права. Мировоззренческим основанием такого правопонимания является современный антропоцентризм, признающий человека высшей ценностью.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права. М.: ТК Велби; Проспект, 2008. 565 с.
2. Беляева Л.А. Преодоление напряжений социального пространства – путь к консолидации общества // Философские науки. 2014. № 6. С. 8–22.
3. Бжезинский З. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис. М.: АСТ, 2015. С. 288.
4. Вопленко Н.Н. Очерки общей теории права. Волгоград: Изд-во ВолГу, 2009. 898 с.
5. Зарубина Н.Н. Взаимное уважение в повседневной жизни россиян // СоцИс. 2014. № 1. С. 10–18.
6. Иконников Г.И., Лященко В.П. Философия права. М.: Гардарики, 2007. 303 с.
7. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. С. 107–438.
8. Лазарев В.В. Поиск права // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 3–14.
9. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. 288 с.
10. Лукашева Е.А. К вопросу о правопонимании: основные концепции права и государства в современной России (по материалам круглого стола в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. 2003. № 5. С. 5–33.
11. Львов Д.С. Россия: рамки реальности и контуры будущего // Журнал экономической теории. 2007. № 1. С. 76–95.
12. Малько А.В. Каким быть законам XXI века?: По материалам науч.-теоретич. конф., посвящ. 75-летию ИЗиСП // Журнал российского права. 2001. № 3. С. 16–49.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Соч. Т. 4. С. 419–459.
14. Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права // Государство и право. 2003. № 6. С. 13–21.
15. Марченко М.Н. Источники права. М.: ТК Велби; Проспект, 2005. 760 с.
16. Мусаелян Л.А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2015. 421 с.
17. Мусаелян Л.А. Становление концепции исторического процесса и проблема отчуждения родовой сущности человека // Новые идеи в философии: межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, 2002. Вып. 11. С. 60–81.
18. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М.: Юристъ, 2005. 400 с.

19. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: Норма: Инфра-М, 2000. 552 с.
20. Палеха Р.Р. Интегративная концепция правопонимания как методологическая парадигма права // Вестник Воронежского государственного университета. 2010. № 1 (8). С. 61–72.
21. Поляков А.В. В поисках интегрального типа правопонимания // История государства и права. 2003. № 6. С. 7–8.
22. Поляков А.В. Источник права и нормативность: соотношение понятий // Источники права: проблемы теории и практики. М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2008. С. 91–101.
23. Примаков Е. 2013: тяжелые проблемы России // Росс. газ. 15 янв. 2014. URL: http://rg.ru/2014/01/13/primakov.html.
24. Реутов В.П. Исследования по общей теории права: сб. науч. тр. Пермь, Изд-во Пермского ун-та, 2015. 270 с.
25. Сендеров В.А. Тоталитарное мышление в России и Карл Шмидт // Вопросы философии. 2014. № 8. URL: http://vphil. ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1003.
26. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
27. Сырых В.М. История и методология юридической науки. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 464 с.
28. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Элементный состав: в 3 т. М., 2004. Т. 1.
29. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Современное правопонимание: в 3 т. М., 2007. Т. 3.
30. Сырых В.М. Материалистическая философия частного права. М.: Юрлитин-форм, 2014. 552 с.
31. Тарлавский В. Богач, бедняк. URL: http://www.eg-online.ru/article/275745.
32. Червонюк В.И. Теория государства и права. М.: Инфра-М, 2009. 704 с.
33. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право. Введение в теорию. Красноярск, 2004

ГЛАВА 4. О ТЕОРЕТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ К. МАРКСА

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МАРКСА И СОВРЕМЕННОСТЬ. СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МАРКСА И НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ*

Череда следующих друг за другом кризисов глобального капитализма свидетельствует о глубоком системном недуге современной буржуазной цивилизации. Это и определяет повышенный интерес к Марксу, творчество которого, как и сто лет назад, вызывает бурные споры. Неугасающий интерес к Марксу и продолжающаяся полемика вокруг его учения объясняется еще и тем, что это, пожалуй, единственный мыслитель, чьи идеи в области социальной и политической философии были реализованы на практике, что и изменило ход истории человечества в XX в. Предлагаемая вниманию читателя статья «Теоретическое наследие Маркса и современность» состоит из двух частей. В первой дается краткий анализ творческого наследия немецкого мыслителя и показывается, что сильной стороной учения Маркса является методология исследования общества. Но эта методология демонстрирует свои эвристические возможности только тогда, когда теорию Маркса рассматривают не как застывшую догму, а как творческое учение, которое должно развиваться с изменением общества. В работе показывается, какие идеи и наработки экономического учения Маркса сегодня востребованы и требуют своего дальнейшего развития в связи с переходом капитализма в свою постиндустриальную стадию и формированием монополярного глобального миропорядка. В настоящее время политическая экономия Маркса не вызывает столько споров, сколько философия и политическая теория и их соотношение. В статье анализируются существующие в научной литературе точки зрения и показывается ошибочность отрыва политической теории Маркса от его философии и тем более их противопоставления. В работе рассматривается также проблема авторства политической теории.
Ключевые слова: теоретическое наследие Маркса, Советский Союз, политическая экономия, «Капитал», глобализация, философия, политическая философия, революция, «национализация марксизма», тоталитаризм.

* Впервые опубликовано: Мусаелян Л.А. Теоретическое наследие Маркса и современность. Статья первая. Теоретическое наследие Маркса и некоторые актуальные проблемы современного обществознания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2019. – № 4. – С. 483–491. – DOI 10.17072/2078-7898/2019-4-483-491.

Введение

Методология научного исследования вообще и исследования общества в особенности – важнейшее достижение марксисткой философии. Но ее применение требует умения, формируемого знанием и пониманием буквы и духа учения Маркса. К примеру, известное положение материалистического понимания истории гласит: «…Люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде, чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д., что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей, из которой они поэтому должны быть объяснены…» [16, с. 350–351]. Если эту мысль Ф. Энгельса вырвать из общего контекста марксистского учения и понять ее буквально, что чаще всего и практикуется оппонентами учения Маркса, то можно прийти к нелепому выводу, что ценность художественного произведения и его основные идеи следует объяснять состоянием желудка писателя и что уровень развития философии в стране зависит исключительно от степени развития ее экономики. Критиковать оппонента легче всего, когда его точка зрения упрощена, доведена до абсурда. Подобные приемы опровержения учения Маркса используются в настоящее время довольно часто. Это практиковалось и во времена Маркса. Известно, что основоположники марксизма категорически возражали против сведения их учения к экономическому детерминизму. По свидетельству Ф. Энгельса, подобная вульгаризация учения Маркса давала основание его автору отрицать свою принадлежность к марксизму. «Материалистический метод, – отмечал Энгельс, – превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты» [15, с. 351]. Характеризуя позицию некоторых адептов Маркса, трактующих его учение в духе экономического детерминизма, Энгельс писал: «Чего не хватает всем этим господам, так это диалектики. Они постоянно видят здесь причину, там следствие» [14, с. 420]. Другими словами, базовые положения учения Маркса могут быть поняты, адекватно интерпретированы и продуктивно применены в научном исследовании, если есть системное знание и понимание этой теории.

Марксизм, как известно, представляет целостное учение, состоящее из политической экономии, философии и политической теории (по Энгельсу, теории «научного социализма»). Все эти разделы связаны друг с другом. В нижеследующем дискурсе о современном значении теоретического наследия Маркса автор затронет некоторые аспекты составных частей учения немецкого мыслителя.

Экономическая теория Маркса и современность

Марксизм, как известно, представляет собой целостное учение, состоящее из политической экономии, философии и политической теории (по Энгельсу, теории «научного социализма»). Из этой триады относительное единодушие исследователи проявляют в высокой оценке экономической теории. Представляется необходимым кратко остановиться на двух моментах этой стороны творческого наследия Маркса.

Согласно экспертным данным, в период кризисов конца XX – начала XXI в. «Капитал» был в числе наиболее продаваемых книг на Западе. Интерес к этой работе объясняется не только тем, что в ней дан непревзойденный научный анализ буржуазного способа производства, раскрыты закономерности его функционирования, причины возникающих кризисов, но и тем, что в ней предсказаны сущностные тенденции эволюционирующего капитализма. Многие из этих прогнозов (тенденции развития производительных сил, техники, труда, совокупной рабочей силы, возрастающей роли науки в общественном производстве, изживании стоимостных отношений и т.д.) получили подтверждение в исследованиях постиндустриалистов (Д. Белл, А. Турен и др.), что дает основание сделать вывод о диалогичности многих идей Маркса и современных учений.

Постиндустриальное общество, ставшее во второй половине XX в. предметом изучения многих ученых, по мнению некоторых из них, есть новая историческая эпоха, которая приходит на смену капитализму [17]. Однако если руководствоваться методологией Маркса, эту социальную реальность следует определять не как посткапиталистическую цивилизацию, а как трансформирующийся кризисный капитализм на поздней стадии его развития. Наиболее важной исторически значимой тенденцией этого общества является формирование научного (по Марксу, «всеобщего») труда, вызывающего вырождение стоимостных отношений. Абстрактный труд как субстанция стоимости, как ключевой инструмент определения эквивалентных экономических отношений постепенно элиминируется из общественного производства. Но поскольку продолжает существовать производство, экономическая деятельность, вопрос о стоимости нового типа труда и его изменениях становится актуальной проблемой современной науки. «Анализ философского, политико-экономического, правового, нравственного, антропологического содержания новой формы собственности, – отмечают В.В. Орлов и Т.С. Васильева, – важнейшая задача философии экономики, политической экономии и других общественных наук» [4, с. 234]. Ученые полагают, что в настоящее время наиболее характерной формой всеобщего труда является компьютерный труд как производство абстрактных материальных структур. Соответственно, информация, будучи продуктом подобного труда, выступает субстанцией стоимости [4, с. 240].

Оставляя в стороне спорную, на наш взгляд, идею авторов о компьютерном труде как современной форме всеобщего труда, мы считаем важным вывод авторов о том, что изучение субстанции стоимости формирующегося всеобщего труда является ключевой теоретической проблемой современного обществознания. Словом, возврат к Марксу видится исследователям в том, чтобы разработать новую трудовую теорию стоимости, «укладывающуюся в трудовую парадигму марксизма».

Еще одна дискуссионная проблема, исследование которой предполагает возврат к Марксу, его идеям и методологии, – это глобализация. Публикаций по этой теме за последнюю четверть века вышло множество. И без преувеличения можно сказать: сколько авторов, столько и мнений по поводу понимания этого феномена, его природы, сущности, форм проявления. Между тем на многие эти вопросы можно найти ответы в исследованиях Маркса. «Нынешние ученые мужи и политики, – пишет Ф. Уин, – склонны считать себя мыслителями современности, любят к месту и не к месту произносить модное словечко “глобализация”, не имея при этом ни малейшего понятия о том, что Маркс занимался этим вопросом еще в 1848 году. По меньшей мере, его нисколько не удивило бы глобальное господство “Макдоналдс” и MTV. Перемещение центра финансовой активности с Атлантики в Тихоокеанский регион – благодаря экономике “азиатских тигров” и силиконовому буму в городах западного побережья Америки – было предсказано Марксом более чем за сто лет до рождения Билла Гейтса» [12, с. 9–10].

В самом деле, осмысление марксовского анализа логики развития капитала позволяет найти ответы на многие дискуссионные вопросы о природе, сущности, формах глобализации [9]. Развитие капитала, как показал Маркс, сопровождается международным разделением труда, интернационализацией общественного производства, превращением исторического процесса во всемирно-исторический. Указанные тенденции в общественном производстве обусловливают возникновение глобализации, т.е. формирование взаимосвязанного, взаимозависимого целостного мира с ускоряющимися темпами развития. Однако глобализация в той форме, в какой она происходила в конце XX в., превратилась в новую глобальную проблему человечества. В результате глобализации возник глобальный жестко иерархизированный американизированный капитализм с единым центром во главе. Обладая самыми мощными в мире вооруженными силами и самыми многочисленными военными базами, разбросанными по всему земному шару, доминируя в глобальной экономике, финансах, технологиях, США выстраивают внутреннюю и внешнюю политику других государств в соответствии с интересами собственных финансовых и финансово-промышленных групп, отождествляя их с интересами всего человечества. Определяя политику мировых СМИ, США организуют пропагандистские кампании по дезинформации мирового сообщества с целью оправдания собственных неправовых действий (объяв-

ление экономических санкций, организация государственных переворотов, военная агрессия против стран, власти которых отказываются подчиниться американскому диктату). Политическая элита США практически воплотила в жизнь оруэлловское «министерство правды». Но и это не все. Занимая лидирующие позиции в современных коммуникационных технологиях, Америка по существу взяла на себя функции «Большого Брата», осуществляющего тотальный контроль сотен миллионов людей не только в собственной стране, но и по всей планете. Под прикрытием лозунгов защиты прав человека, свободы, демократии США насаждают по всему миру собственные смысложизненные ценности, идеологию, модели политического управления, лишая народы выбора пути исторического развития. Словом, глобализация фактически привела к возникновению новой глобальной формы тоталитаризма, которая в отличие от прежних национальных форм совершенно не изучена. Без глубокого теоретического осмысления этой новой глобальной проблемы невозможно ее разрешение. Заметим, что прежние национальные формы тоталитаризма были исторически преодолены в результате Второй мировой войны. Как преодолеть глобальную форму тоталитаризма, сохранив при этом мир на Земле, – это актуальная теоретическая и политическая проблема современности. Возникновение глобальной формы тоталитаризма – это симптом глубокого системного кризиса капитализма. Отсюда и интерес к «Капиталу» Маркса, который являет собой шедевр экономической теории, где анализируются закономерности функционирования и развития буржуазного способа производства и обосновывается вывод о неизбежности его трансформации.

Из изложенного следует, что повышенный интерес к «Капиталу» в мире сохранится до тех пор, пока существует капитализм. Здесь в оценке экономической теории Маркса у экспертного сообщества есть определенный консенсус, чего нельзя сказать относительно его философии и политической теории.

Философия и политическая теория Маркса

Известный российский философ В.Н. Шевченко выделяет три подхода к оценке этой части теоретического наследия немецкого мыслителя [13, с. 8]. Сторонники первого подхода считают, что подлинный Маркс представлен в его философии. Поэтому своей задачей они считают изучение и интерпретацию исключительно философских текстов Маркса. Большая часть этих марксологов придерживается либеральных воззрений и категорически не разделяет конечную цель революционного учения немецкого философа. В связи с этим политическая теория Маркса находится вне их научного интереса. При таком подходе, как справедливо замечает В.Н. Шевченко, можно изучать и интерпретировать работы Маркса, не являясь последователем его дела, «сделать Маркса гегельянцем, фейербахианцем или анархистом» [13, с. 9]. Чаще всего как за рубежом, так и в России Маркс объявляется гегельянцем. Но признавать Маркса гегельянцем, как остроумно заметил Р. Арон, означает превратить Гегеля в марксиста [1, с. 178].

Ранее отмечалось, что Маркс разработал целостное учение, где все разделы взаимосвязаны. Поэтому отрывать его философию от политической теории означает искажать сущность учения Маркса, лишать его философию собственно марксистского духа, ее предназначения. О практической (социально-политической) ориентированности философии Маркса свидетельствуют не только «Тезисы о Фейербахе», но и «Экономическо-философские рукописи 1844 года», другие работы, в том числе «Капитал». Та роль, которую отводит Маркс в своем учении деятельности человека по преобразованию и развитию общества, давала основание А. Грамши называть философию марксизма философией практики [5, с. 509]. По мнению Т. Рокмора, кульминацией философского подхода Маркса является теория, не только объясняющая существующую социальную реальность, но и изменяющая ее на практике [11, с. 33]. Уместно отметить, что Маркс в своих работах обосновывает идею не просто изменения современного мира, а необходимости создания социальной системы, которая давала бы возможность целостного развития человека. «…Марксова теория современного индустриального общества, – пишет в этой связи Т. Рокмор, – имеет целью вызвать переход от капитализма к коммунизму как необходимую предпосылку развития конечных человеческих существ до подлинных личностей» [11, с. 34].

Второй подход к Марксу, о котором пишет В.Н. Шевченко, учитывает эту идею мыслителя, но исходит из того, что политическая теория Маркса вовсе не предполагает осуществление революции, ибо рабочий класс может завоевать политическую власть мирным путем, посредством демократически проведенных выборов. Идея мирного врастания капитализма в социализм имеет давнюю историю. Ее в различных вариантах и в разное время отстаивали Э. Бернштейн, К. Каутский и некоторые другие видные представители II Интернационала. Современные сторонники подобных взглядов, как и их предшественники, оценивают политику В.И. Ленина и других российских революционеров как отступление от учения Маркса [8].

Идея мирного завоевания трудящимися политической власти является безупречной в теории, но, как свидетельствует история, она трудно реализуема на практике. Это дает основание С. Жижеку характеризовать ее как «чистейшую иллюзию» [6, с. 12]. Уместно в связи с этим вспомнить трагическую судьбу Президента Чили, социалиста Сальвадоре Альенде, пришедшего к власти в результате мирных выборов в 1970 г. Глобальный капитализм никогда не отдает мирно ни пяди своего социально-политического пространства вне зависимости от того, насколько демократично происходили выборы, обеспечившие победу идеологическому и политическому оппоненту. Экономическая и политическая элита глобального капитализма терпит левые партии до тех пор, пока они реально не угрожают их экономическим и политическим интересам. Показательно, что за последние полвека многие социал-демократические и социалистические партии Запада сильно «поправели», окончательно отойдя от своей исходной теоретической платформы. Придя к власти, они нередко проводят

более правую политику, нежели их официальные оппоненты с противоположного идеологического фланга.

Наконец, третий вариант ответа на вопрос о том, как осуществить возврат к подлинному Марксу, с которым солидаризируется В.Н. Шевченко, включает философское учение Маркса и политическую теорию марксизма. Как известно, основоположники марксизма не разработали содержательной политической теории, которая служила бы руководством для строительства нового общества. По мнению Т.И. Ойзермана, «они даже считали невозможным ее создать, полагая (в отличие от утопических социалистов), что только опыт социалистического переустройства капиталистического общества станет реальной эмпирической основой научной теории нового посткапиталистического общества. То, что обычно именуется научным социализмом, представляет собой в основном исследование генезиса, функционирования, развития капиталистического способа производства, анализ присущих ему противоречий, который привел Маркса и Энгельса к выводу о неизбежности его экономического и политического краха…» [10, с. 3]. Сегодня нет веских оснований оспаривать эту мысль известного российского марксолога.

Согласно В.Н. Шевченко, синтез философского учения и политической теории, выражающий сущность марксизма, осуществил В.И. Ленин в XX в. «При Ленине, – отмечает ученый, – происходит “национализация марксизма” и появление русского марксизма в том смысле, что политическая теория марксизма создается с учетом всего исторического своеобразия российской действительности и российской истории» [13, с. 13]. Другими словами, Ленин не только создал политическую теорию марксизма (теорию научного социализма), но и впервые применил марксистское учение в революционном преобразовании социальной действительности. Заметим, что именно эта революционная практика и особенно ее результаты явились причиной резко негативного отношения к политической деятельности Ленина многих исследователей, в том числе сторонников марксизма как на Западе, так и у нас в стране. С их точки зрения, Ленин олицетворял собой «полный провал осуществления марксизма на практике, колоссальную катастрофу, которой в двадцатом столетии была отмечена вся мировая политика, эксперимент с реальным социализмом, достигший своей кульминации в экономически неэффективной диктатуре» [6, с. 5]. С. Жижек достаточно точно выразил консенсус, сложившийся между современными оппонентами марксизма, для которых развал СССР не только означал завершение антигуманного социального проекта, ведущего Россию в тупик, но и свидетельствовал об утопичности учения Маркса, в особенности его политического проекта. Однако, с точки зрения В.Н. Шевченко, самой общей причиной бесславного конца Советского Союза было то, что не произошло возвращения и развития ленинской политической теории, более того, она под влиянием идеологии, переродилась [13, с. 21–23].

Ничуть не ставя под сомнение весомый творческий вклад В.И. Ленина в развитие марксизма, мы считаем спорной идею о том, что у основателя Советского государства была цельная содержательная политическая теория строительства

социализма. По мнению В.Н. Шевченко, «Государство и революция» является ленинской политической теорией созидания нового общества. Между тем, по признанию самого автора, при написании этой работы преследовались менее амбициозные и более конкретные цели, а именно защита марксизма от оппортунизма и восстановление истинного учения Маркса о государстве. По мысли Ленина, без решения этой проблемы была немыслима «борьба за высвобождение трудящихся масс из-под влияния буржуазии вообще и империалистической буржуазии в особенности…» [7, с. 4]. Решая конкретные задачи, В.И. Ленин в то же время формулирует в этом произведении ряд важных теоретических положений относительно задач пролетариата в грядущей революции, понимания сущности нового государства, его функций и т.д., имеющих, по оценке автора, «практически-политическое значение» [7, с. 4]. Но все же «Государство и революция», как и множество других менее крупных полемических работ, было написано в связи с необходимостью решения ситуативно возникающих в разных сферах общественной жизни злободневных проблем. В совокупности эти различные по своей теоретической глубине и практической значимости работы, написанные в разное время с разной целью, дают основание для вывода о том, что у В.И. Ленина было лишь общее видение будущего общества (социального идеала) и способов его реализации. В работе «Государство и революция», как и в других произведениях, рассматривающих перспективы строительства социализма, имеются основательно фундированные теоретические положения, но есть немало с точки зрения современного исторического опыта ошибочных выводов и необоснованных ожиданий, касающихся грядущего общества, международной пролетарской революции, тенденций мировой истории. И те и другие выводы основателя советского государства так или иначе опирались на учение К. Маркса, у которого, как уже отмечалось, социальный идеал представлен в самых общих чертах. Уместно здесь привести хотя бы два примера из работы «Государство и революция». «При социализме, – писал В.И. Ленин, – многое из “примитивной” демократии неизбежно отживет, ибо впервые в истории цивилизованных обществ масса населения поднимется до самостоятельного участия не только в голосованиях и выборах, но и в повседневном управлении. При социализме все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял» [7, с. 116]. Эта идея была реализована сразу после революции в разных формах и в разных сферах общественной жизни, но, как правило, с одним неизменным результатом. Показательной в этом плане является организация на производстве Комитетов рабочего контроля. По мнению В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, они давали тысячам простых рабочих опыт контроля и управления. Но с точки зрения идеологически и политически менее ангажированных современников Ленина передача власти на предприятиях быстро сменяющимся и ни за что не отвечающим рабочим комитетам, состоящим из активных, но малограмотных рабочих, негативно сказывалось на трудовой дисциплине дезорганизованного производства, вела к гибели национализированных предприятий.

Далее, Ленин предлагал выборность и сменяемость в любое время чиновников и размер их зарплаты, которая должна быть не выше зарплаты хорошего рабочего. Мотивы основателя первого социалистического государства вполне понятны. Новое общество должно быть социально справедливым, а его государственный аппарат – дешевым и эффективным. Но способствовали ли предложенные методы успешному строительству социализма в России? Вот как отреагировал на эту практику известный политический деятель, философ, ученый и писатель А. Богданов: «Выборы строевого начальства – агитаторов в стратеги и в организаторы сложнейшего ротного и полкового хозяйства. Сознательный рабочий вряд ли требовал бы выборности инженеров…» [3, с. 353]. Он же по поводу одинаковой зарплаты чиновника и рабочего говорил следующее: «Если комиссар-министр, выполняя работу, которая изнуряет мозг и нервы и нередко в несколько месяцев истощает человека на несколько лет, будет получать те же 200–300 руб. что и средний хороший токарь, то какой токарь пойдет в министры? <…> Получается нечто вроде донаучного, ребяческого коммунизма “Всем поровну”» [2, с. 348]. «Разве Ленин и Троцкий, – вопрошает А. Богданов в письме к А. Луначарскому, – не читали Маркса, не знают, что стоимость рабочей силы определяется нормальным уровнем потребностей, связанных с выполнением данной функции. Конечно, знают, но сознательно рвут с логикой социализма для логики военного коммунизма» [3, с. 353]. Уместно отметить то, что, видимо, этот отход Ленина-политика от теории Маркса дал основание С. Жижеку упрекнуть вождя российского пролетариата в непонимании политэкономии Маркса. По мысли словенского философа, благодаря этому непониманию Ленин «смог организовать Октябрьскую революцию, первую вполне марксистскую революцию» [6, с. 36]. И «если определенное незнание теории Маркса, – продолжает С. Жижек, – было положительным условием совершения марксистской революции, то сама революционная теория Маркса, воспринимаемая в качестве теоретической составляющей глобальной революционной практики, должна была содержать разрыв по отношению к революционной практике, то есть она должна была неверно осознавать условия для революционной практики» [6, с. 36].

Но оставим в стороне выводы автора о незнании Лениным теории Маркса. представляется уместным обратить внимание на его утверждение о том, что революция продемонстрировала разрыв политической практики и теории марксизма. Ленин, конечно, опирался на Маркса. Политика большевиков, которая вызывала крайне негативную реакцию даже марксиста А. Богданова, была навеяна идеями Маркса. Руководствуясь учением Маркса, Ленин тем не менее в конкретной ситуации действовал как политик – в соответствии с обстоятельствами, а не теорией, которая не могла предусмотреть все.

Таким образом, вопрос о соотношении марксистской теории и социального идеала, сформулированного на основе этой теории и политической практики, является важнейшей социально-философской проблемой в марксизме. В конечном счете указанная проблема сводится к вопросу о соотношении марксистской

социально-философской теории и политической практики. По существу, идущая не один десяток лет политическая полемика относительно характеристики советского и других вариантов социализма касается именно этой проблемы. Заметим также, что в зависимости от характеристики того или иного варианта социализма дается оценка учения Маркса как теоретической апологии тоталитаризма, диктатуры, насилия или, напротив, – свободы, демократии, гуманизма, о чем говорилось в начале статьи. Понятно, что эта оценка зависит от мировоззренческих, политических позиций аналитика. Об этих дискуссионных проблемах более подробно будет сказано в следующей статье.

Список литературы

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс–Политика, 1993. 608 с.
2. Богданов А.А. Вопросы социализма // Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 295–351.
3. Богданов А.А. Письмо Луначарскому. 19 ноября (2 декабря) 1917 г. // Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 352–355.
4. Васильева Т.С., Орлов В.В. Философия экономики / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2005. 264 с.
5. Грамши А. Тюремные тетради. М.: Политиздат, 1991. Ч. 1. 560 с.
6. Жижек С. 13 опытов о Ленине. М.: Ad Marginem, 2003. 256 с.
7. Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1969. Т. 33. С. 1–120.
8. Межуев В.М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007. 176 с.
9. Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2016. 128 с.
10. Ойзерман Т.И. Марксистская концепция социализма и реальный социализм // Вопросы философии. 2002. № 2. С. 3–13.
11. Рокмор Т. Пикетти, марксистская политическая экономия и закон тенденции нормы прибыли к понижению // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 29–37.
12. Уин Ф. Карл Маркс. М.: АСТ, 2003. 429 с.
13. Шевченко В.Н. Маркс и марксизм: взгляд из XXI века // Философские науки. 2018. № 1. С. 7–26. DOI: https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-1-7-26
14. Энгельс Ф. Письмо К. Шмидту, 27 окт. 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 414–422.
15. Энгельс Ф. Письмо П. Эрнсту, 5 июня. 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 350–353.
16. Энгельс Ф. Похороны Карла Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 19. С. 350–354.
17. Яковец Ю.В. Циклы, кризисы, прогнозы. М.: Наука, 1999. 448 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МАРКСА И СОВРЕМЕННОСТЬ. СТАТЬЯ ВТОРАЯ. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МАРКСИЗМА*

Статья является продолжением предыдущей, опубликованной автором в предшествующем выпуске журнала. Показывается, что любая философская теория и разработанная на ее основе концепция социального идеала так или иначе обусловлены проблемами существующей социальной реальности. И в то же время различные модели социализма, существовавшие в прошлом столетии, согласно заявлениям политических лидеров этих стран, представляли собой практическую реализацию учения Маркса. Определенно, Советский Союз был результатом революционной созидательной деятельности Ленина и его соратников, которые являлись преданными сторонниками марксизма. Почему же не состоялся социалистический проект в России? Анализируется проблема соотношения социального идеала, разработанного основоположниками марксизма, и той социальной реальности, которая возникла в результате его реализации. Выявляется различие между утопией и научно обоснованным социальным идеалом, рассматриваются трудности реализации любого социального идеала (теории). Показывается, что, несмотря на то что построенный в Советском Союзе социализм вызывает у многих исследователей вопросы, касающиеся природы этого общества, Ленин и его соратники при строительстве социализма опирались на идеи основоположников марксизма. Исследуются причины возникших различий между реальным социализмом и социальным идеалом Маркса, раскрываются факторы, способствовавшие распаду Советского Союза, среди которых немаловажное значение имело упрощенное, поверхностное понимание диалектики межформационного перехода и критериев выделения различных типов обществ.

Ключевые слова: теория и практика, социальный идеал, утопия, реальный социализм, «грубый коммунизм», «коренная задача советской власти», Советский Союз, формация, «загадка истории».

Социальная философия и социальная реальность

Любая социальная теория так или иначе связана с практикой, обусловлена ею. Теория идеального государства Платона была разработана в связи с угрозой распада античного полиса. «Левиафан» Гоббс написал под влиянием гражданской войны в Англии. Марксизм, как уже отмечалось, возник как теоретическая рефлексия масштабных кризисов капитализма и осознание необходимого поиска научно обоснованных путей выхода из этого кризиса. Платон, Аристотель, Сенека, а на Востоке – Будда, Конфуций, Шан Ян, нередко рискуя жизнью, пытались реализовать свои учения в социальной действительности. Практическая

* Впервые опубликовано: Мусаелян Л.А. Теоретическое наследие Маркса и современность. Статья вторая. Теория и практика марксизма // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2020. – № 1. – С. 14–28. – DOI 10.17072/2078-7898/2020-1-14-28.

ориентированность – важнейшая особенность учения Маркса, о чем мыслитель недвусмысленно заявлял уже в своих ранних работах. Почти за три тысячи лет истории философии был впервые реализован социальный проект немецкого мыслителя, что свидетельствует о востребованности этого учения. Но именно способ реализации социального проекта Маркса и его результаты, как уже отмечалось, вызывают острые дискуссии.

Любая социальная практика так или иначе опирается на какие-то принципы, нормы, смысложизненные ценности, которые, в свою очередь, фундируются какой-то идеологией, примитивной или тщательно разработанной. По этим формальным и официально декларируемым признакам в 60–70-х гг. прошлого столетия между социалистическими странами не было существенных различий. Руководители этих стран позиционировали себя в качестве марксистов и официально заявляли о своих намерениях реализовать социальный проект Маркса. Но если сравнить реально существующие в этих странах общества, например, корпоративный социализм, построенный И.Б. Тито в Югославии, с развитым социализмом в Советском Союзе эпохи Л.И. Брежнева и социализмом КНР в период правления Мао Цзедуна, то различия между странами окажутся значительными. Речь идет не только об уровне жизни людей, но и о политическом режиме, степени обеспечения прав и свобод индивидов и других важных показателях. «Красные кхмеры» тоже использовали марксистскую лексику и заявляли о своих намерениях построить в Камбодже «стопроцентное коммунистическое общество». Как помнится, руководители кхмерских революционеров даже хвастались тем, что в продвижении к бесклассовому обществу они опередили своих старших китайских товарищей. Это и понятно: в стране были фактически уничтожены вся интеллигенция и все этнические меньшинства, городское население согнано в сельские районы для выращивания риса, ликвидирована не только частная, но и личная собственность. Чем не бесклассовое общество? За 1975–1979 гг. в стране из семимиллионного населения было уничтожено около трех миллионов человек. Имеет ли отношение эта политическая практика камбоджийских псевдореволюционеров к коммунистическому проекту Маркса, в котором предполагалось отсутствие частной собственности, классов, эксплуатации человека человеком? Очевидно, нет. Согласуется ли беззаконие, творимое у нас в стране в 30–40-е гг. прошлого столетия карательными органами государства, с принципами свободы, справедливости, гуманизма, отстаиваемыми Марксом? А ведь руководители страны считали себя последовательными марксистами-ленинцами.

Заметим: отход от теории Маркса, как уже отмечалось, был осуществлен уже Лениным. Более того, этот отход был условием осуществления социалистической революции в не очень развитой, периферийной, преимущественно аграрной стране, находящейся в начале капиталистической индустриализации. Эти особенности России, по мнению Ю.В. Олейникова, и были факторами, определившими незрелость российского пролетариата как субъекта, неспособного

овладеть революционной теорией и обеспечить переход человечества от предыстории к подлинной истории [23, с. 27–28].

Теория и практика, безусловно, взаимосвязаны, но они отнюдь не совпадают. «Ценность теории, – пишет К. Кумар, – заключается в ее отдаленности от практической действительности, в их несоотнесенности» [10]. Отчасти можно согласиться с этим суждением английского историка, поскольку любая глубокая теория разрабатывается на основе анализа большого фактологического материала, который выходит за пределы существующей социальной реальности и социальной практики. Кроме того, теория описывает, объясняет и, что особенно важно отметить, предсказывает будущее на уровне общего (или всеобщего). Общий (абстрактный) характер теории и прогноза, на базе которых формируется социальный идеал, является, как это ни парадоксально, необходимым условием их практической реализации. Социальный идеал с подробным описанием его конкретных признаков не реализуем по определению, даже если он разработан применительно к конкретной социальной реальности. В таком случае социальный концепт, не обладая достоинством общности, представляет собой конкретно реализуемый проект. Но в любой практической деятельности, как отмечал Гегель, встречаются два противоположных мира: «…один мир есть царство субъективности в чистых пространствах прозрачной мысли, другой мир – царство объективности в стихии некоторой внешней многообразной действительности, которое есть неотомкнутое, нераскрытое царство тьмы» [7, с. 91]. Попытка людей перестроить «нераскрытое царство тьмы» в соответствии с принятым проектом наталкивается на сопротивление преобразуемой действительности, обусловленное ее неожиданной сложностью. Необходимость реализации проекта диктует его творческое изменение, отказ от тех или иных конкретных признаков. Поэтому практически воплощенный концепт может заметно отличаться от заранее разработанного проекта. Словом, социальный идеал не может иметь подробное описание конкретных признаков будущей социальной организации. В связи с этим вполне объяснима мысль Маркса о том, что он не сочиняет рецептов для кухни будущего [16, с. 19]. Не менее категоричен на этот счет Ф. Энгельс: «Мудрствовать о том, как станет будущее общество регулировать распределение пищи и жилищ, ведет прямо в область утопии» [34, с. 282]. «Заранее готовые мнения относительно деталей организации будущего общества? Вы и намека на них не найдете у нас» [33, с. 563]. Основоположники марксизма ограничились формулированием лишь некоторых общих принципов организации будущего общества, которое должно прийти на смену капитализму. Однако несовпадение теории и практики ее реализации не может быть основанием для объявления любой социальной концепции утопией, как это делает К. Кумар.

Чем отличается утопия от научной теории? Утопия конструируется как антитеза существующему обществу с подробным описанием социального идеала. Но этот «идеал не выражает реально существующие тенденции изменения отражаемого им объекта» [8, с. 27]. Поэтому он не описывает, не объясняет способы

достижения цели, ввиду чего остается принципиально не реализуемым на практике проектом.

Социальный идеал, разработанный на основе научной теории, также является противоположностью существующего общества. Это обусловлено тем, что базовые принципы грядущего общества (общественная собственность, централизованное управление общественным производством, диктатура пролетариата и т.д.) призваны устранить факторы, определяющие глубинные противоречия и несправедливый характер буржуазного общества. Сама эта теория является результатом критического научного анализа реально существующего общества. Она описывает, объясняет, предсказывает будущее наличной социальной реальности на основе выявления и познания ее сущностных тенденций. Поэтому описываемая в социальном идеале реальность является не фантазией философа, а более или менее точным предсказанием будущего социального организма, закономерно возникшего в результате развития и самоотрицания актуально существующего общества. Отметим, что это общество представляет собой развитый капитализм. Тем не менее реализованный в СССР и некоторых других странах социальный проект социализма заметно отличается от социального идеала, представленного в трудах Маркса и Энгельса. В связи с этим возникают как минимум два вопроса. Первый – является ли общество, построенное в СССР (и других странах), действительно социалистическим? Второй – чем обусловлено расхождение между обществом, возникшим в результате реализации социального идеала Маркса, и самим социальным идеалом? Является ли это естественным результатом столкновения двух «миров», о которых писал Гегель («царства субъективности» абстрактных идей философа и «царства объективности» непознанного «царства тьмы»), или же это расхождение имеет другую природу? Ответ на последний вопрос дает возможность уяснить причину развала СССР (и социалистической системы) и потому имеет не только чисто теоретическое значение.

Итак, был ли в Советском Союзе социализм? Представляется уместным здесь присоединиться к авторитетному мнению Т.И. Ойзермана. «…Расхождение между тем образом социализма, который предстает перед нами в трудах Маркса и Энгельса, и “реальным социализмом”, – отмечает академик, – не дает каких-либо оснований для отрицания действительного существования социалистического строя в СССР и ряде других стран. Во всех этих странах была упразднена капиталистическая собственность на средства производства, а следовательно, и класс капиталистов. Средства производства стали общественной, точнее, государственной собственностью, как это и предвидел Энгельс. И констатируя это коренное отличие советского общества от капиталистического строя, нельзя избежать вывода: в СССР был построен социализм» [22, с. 17].

В аналитике можно обнаружить самые разные характеристики общества, которое существовало в Советском Союзе и других социалистических странах. Одни признают существование в СССР социализма, но, как и Т.И. Ойзерман,

выражают свое категорическое неприятие этой социальной организации, ассоциируя ее с репрессиями, убогим бытом и дефицитом. Другие признают Советский Союз социалистической страной, где существовало гарантированное государством право на труд, на бесплатное жилье, образование, здравоохранение, возможность простых людей влиять на принятие производственных и социально-политических решений, и ностальгируют по нему. Третьи признают СССР разновидностью буржуазного общества [6].

О некоторых причинах несовпадения социального идеала и созданной на ее основе социальной реальности

Различие оценок одного и того же общества, существовавшего в Советском Союзе и других социалистических странах, обусловлено не только разными идеологическими и политическими предпочтениями исследователей, но и сложной, даже противоречивой социально-политической реальностью, ставшей предметом анализа ученых. Ниже попытаемся ответить на вопрос о том, чем вызваны различия между существовавшим в Советском Союзе социализмом и социальным идеалом, разработанным Марксом.

Здесь можно отметить следующие обстоятельства. Необходимо отличать общественно-экономическую формацию как таковую (типологическая характеристика общества – научный концепт) от конкретной общественно-экономической формации (особого исторического типа общества), а эту последнюю – от конкретного общества, через которое она существует. Общее, особенное, единичное существуют через отдельное и в отдельном. Конкретная общественно-экономическая формация существует через отдельное и в отдельном. Конкретный социор (отдельное) ввиду неравномерности и противоречивости исторического процесса сложнее особого типа общества, поскольку он помимо сущностных признаков особого исторического типа общества – конкретной общественно-экономической формации – может включать «чужеродные» элементы, не свойственные этому социальному идеалу. Руководствуясь концепцией исторического процесса Ю.И. Семенова, можно сказать, что конкретный социор может нести в себе черты параформаций или праформаций [25; 26]. Такие «вкрапления» в советской системе дают основание некоторым исследователям утверждать, что в СССР была построена особая социально-антагонистическая формация, не совпадающая ни с капитализмом, ни с социализмом [6]. Подобная характеристика советского общества оказывается возможной, когда в центре внимания исследователя оказываются исключительно особенности конкретного социора, не укладывающиеся в признаки социального идеала, но при этом игнорируются наличествующие сущностные черты социализма, как то: общественная собственность на средства производства, плановое централизованное управление общественным хозяйством, социальный характер государства и т.д.

Исторический процесс обладает ярко выраженной преемственностью. Поэтому помимо сущностных признаков, свойственных социальному идеалу, общество несет в себе элементы предыдущих формаций. Это дает основание ассоциировать советское общество с госкапитализмом и даже феодализмом. В новейшей истории смещение исторических эпох далеко не редкость. В XX веке в Великобритании и США зрелый капитализм не только сосуществовал с рабовладением, но и включал этот чужеродный реликт в свою систему [29]. Отчуждение между властью и народом, усилившееся в 70–80-е гг., в эпоху кризиса в СССР, дает основание проводить параллель между советским социализмом и госкапитализмом.

Значимым фактором, определившим возникновение различий между реальным социализмом и социальным идеалом, является низкий уровень социально-экономического развития общества, в котором реализовывался социальный проект Маркса. Ученый разработал свой социальный идеал на основе изучения зрелого капитализма. Социализм, по Марксу, возникает в результате развития и закономерного самоотрицания буржуазного общества. Исторический опыт строительства социализма в XX в. в разных странах свидетельствует о том, что чем ниже стартовые позиции общества, в котором осуществляются революционные преобразования, тем больше различий между социальным идеалом и полученным результатом. Отсталым, преимущественно крестьянским странам за несколько десятилетий преодолеть путь, пройденный другими народами за несколько столетий, трудно, если вообще возможно. Конечно, люди сами делают свою историю, «но они, – как отмечал Маркс, – делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые они не сами выбрали, а которые непосредственно имеются налицо или перешли им от прошлого» [15, с. 119]. И среди этих обстоятельств «экономические условия являются в конечном счете решающими» [35, с. 395]. Вполне объяснимо желание революционеров быстро осчастливить свой народ, построив бесклассовое, справедливое общество свободных граждан. Но возможно ли реализовать вековечную мечту человечества путем простой отмены частной собственности и введения централизованного управления всем общественным хозяйством в стране периферийного капитализма, какой была Россия накануне революции? Этот вопрос тем более уместен по отношению к странам формирующегося капитализма: Монголии, Вьетнаму, Китаю и др. В таких странах мог быть создан, если использовать определение Маркса, лишь «грубый коммунизм». По мнению философа, «грубый коммунизм» является результатом абстрактного отрицания частной собственности, а не подлинного ее освоения. «Для такого рода коммунизма, – писал Маркс, – общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общинным капиталом…» [19, с. 115]. Есть основания полагать, что идеи о «грубом капитализме» у ученого возникли после осмысления социальной концепции Руссо. Однако нельзя не заметить, что эти мысли предсказывали результаты первых лет революционной практики в России и некоторых других странах. Очевидец революционных событий

А.А. Богданов характеризовал политику большевиков в области труда и заработной платы («всем поровну») как проявление «донаучного ребяческого коммунизма» [2, с. 348]. Размышляя относительно «грубого коммунизма», Маркс отмечал, что абстрактное отрицание частной собственности дополняется таким же «отрицанием всего мира культуры и цивилизации» [19, с. 115]. Уместно отметить, что революции в России и особенно в Китае и Камбодже подтвердили эти прогнозы Маркса.

Действительно, смену собственности сопровождали масштабные драматические процессы «зряшного» (по Ленину) отрицания предыдущего (буржуазного) мира культуры и цивилизации. Оценивая происходящие в стране события, А.А. Богданов писал: «Нам предлагают теперь “узнавать” грядущий социализм в отвратительной карикатуре на него, порожденной войной и старым строем» [2, с. 350]. Необходимо отметить, что чрезвычайные меры, введенные большевиками после революции, дискредитирующие, согласно современникам, идею социализма, были обусловлены реальными внутренними и внешними угрозами существованию советской власти [22, с. 19]. Однако нельзя не согласиться с предположением Т.И. Ойзермана о том, что экономическая разруха, гражданская война и прочие негативные процессы, поставившие под вопрос власть большевиков, были следствием упразднения частной собственности, товарно-денежных отношений, введения коммунистического распределения, т.е. политики поспешной реализации в России коммунистического проекта Маркса. Формально политика большевиков соответствовала идеям основоположников марксизма. «Раз общество возьмет во владение средства производства, – писал Энгельс, – то будет устранено и товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителем» [32, с. 227]. Но, как отмечалось ранее, социальный проект нового типа общества основоположники марксизма разрабатывали на основе исследования зрелого капитализма. Возможно, поэтому они четко не разграничивали низшую и высшую ступени коммунистической формации.

Социалистическая революция в такой стране, как Россия, могла быть и была революцией политической. В экономике новая власть осуществила революцию собственности. Но быстрое упразднение частной собственности вовсе не означает формирования нового способа производства, который, по Марксу, является основанием и индикатором нового типа общества. Революция собственности была примером «абстрактного отрицания», свойственного, если следовать оценке Маркса, «грубому капитализму». Такое отрицание, как отмечал Маркс, возвращает общество «к неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже не дорос еще до нее» [19, с. 115]. Введение производственных отношений, не соответствующих уровню производительных сил, поставило страну на грань экономической катастрофы, создало реальную угрозу завоеваниям революции. Ленин, нарушив принципы построения нового типа общества, сформулированные основоположниками марксизма, переходит к новой

экономической политике. Результаты не заставили себя ждать. За 10 лет страна не только преодолела голод, разруху и другие негативные последствия гражданской войны, но и превзошла экономические показатели России 1913 г. Политика ускоренного перехода к социализму в Китае и Камбодже также свидетельствует о том, что волюнтаристский подход к историческому процессу оборачивается колоссальными экономическими, социальными, политическими и нравственными потерями. Строительство карикатурных форм социализма не только дискредитирует идеи социализма, но и отбрасывает общество на десятки лет назад.

Реформы в Китае, начатые в конце 70-х гг. прошлого века Дэн Сяопином, на наш взгляд, являются китайским вариантом новой экономической политики. В результате ее реализации КНР из мировой периферии за исторически короткий срок переместилась в ядро мир-истории, став второй экономической державой на планете. Осознавали ли лидеры большевиков, что они совершили революцию в стране периферийного капитализма, где отсутствует должная экономическая база для реализации социального проекта Маркса? Конечно, да. Но, похоже, поначалу не было полного понимания всей сложности решения стоявшей перед новой властью задачи создания более высокого, сопоставимого с капитализмом общественного уклада и, соответственно, более высокой производительности труда. В 1918 г. в «Очередных задачах советской власти» Ленин пишет, что на это потребуется несколько лет [13, с. 187]. Через год в работе «Великий почин» он указывает на то, что «капитализм может быть окончательно побежден и будет побежден тем, что социализм создаст новую гораздо более высокую производительность труда» [11, с. 21]. Ленин уже более осторожен в определении сроков решения «коренной задачи советской власти». «Это дело очень трудное и очень долгое» [11, с. 21], – замечает руководитель Советского государства. Для осуществления социализма он призывал перенять все ценные завоевания капитализма в науке, технике и организации труда.

Проблемы догоняющего развития

Идея догоняющего развития оказалась весьма притягательной. Однако при ее реализации, как свидетельствует исторический опыт Советского Союза и постсоветской России, страна сталкивается с двумя трудноразрешимыми проблемами. Первая проблема обусловлена тем, что передовые достижения науки, техники, технологии, организации труда возникают в иной социально-экономической среде, при функционировании иных социальных институтов. Перенимаемые достижения являются неотъемлемым элементом иной системы, иного культурно-исторического опыта. Поэтому заимствование даже отдельных достижений в развитии техники, технологии, организации производства требуют перестройки всей цепочки производственного процесса, а модернизация экономики – перестройки фактически всех основных сфер общественной жизни. Причем слабым звеном в этой модернизации оказывается сам человек. Это признавал

и Ленин. «Русский человек, – писал руководитель молодого Советского государства, – плохой работник по сравнению с передовыми нациями. И это не могло быть иначе при режиме царизма и живости остатков крепостного строя» [13, с. 189]. В признании Ленина нет ничего антирусского, оно выражает лишь эмпирически фиксируемую общую закономерность развития человечества. В обществе нет ничего, что не было бы результатом реализации человеческих сущностных сил. Наука, техника, технологии, организация производства, институты, государство и т.д. являются результатом объективации сущностных сил человека. Поэтому они оказываются индикатором уровня развития человеческой сущности. Качественным показателем развития сущности человека выступают технологический уклад и обусловленные им производственные технологии. Производительность труда выступает количественной характеристикой развития сущности социальных индивидов, из которых состоит данное общество. И если уровень развития личностного элемента производительных сил не соответствует уровню развития заимствованной зарубежной высокопроизводительной техники, то она вскоре превратится в груду мертвого металла. Соответственно, и приобретенная дорогостоящая технология не дает нужного результата.

Вторая проблема обусловлена внешними (геополитическими) факторами. Все вышеуказанные трудности со временем могут быть преодолены, если народ, реализующий программу догоняющего развития, при модернизации своей экономики получит всестороннюю поддержку со стороны развитых капиталистических стран. Как известно, Маркс допускал победу социалистической революции в отсталой стране при условии ее поддержки со стороны передовых стран, где уже победил социализм. Но чем могло быть мотивировано руководство развитых капиталистических стран, чтобы охотно делиться своими достижениями с молодой советской республикой, власти которой национализировали частную собственность и грезят мировой пролетарской революцией? Революция задела кровные интересы не только национального, но и иностранного капитала. На нефтяных промыслах в Баку в начале XX в. добывалась половина мировой нефти. Крупнейшими экспортерами и акционерами Бакинской нефти были иностранцы. Причем две трети иностранных инноваций поступало от крупнейших компаний Великобритании [20, с. 91–92]. В 1913 г. 70 % высокотехнологичных отраслей промышленности России принадлежали западным компаниям [1]. Понятно, что существование и расцвет социалистического государства не соответствовали долгосрочным экономическим, идеологическим, политическим и, как стало очевидно позже, геополитическим интересам развитых стран Запада. «Все нынешние санкции, инициированные против нас Америкой, – отмечал Ж. Алферов, – это бледная тень от тех санкций, которые были организованы капиталистическим миром против первой в мире социалистической страны. Потому что капитализм понимал, что это общество в советской России погубит их» [1]. Поэтому развитые западные страны в 30-е гг. прошлого века сознательно канализировали агрессивные устремления Гитлера на восток, на Советский Союз. А во время

Второй мировой войны абсолютное большинство европейских государств стали союзниками гитлеровской Германии и воевали против СССР. В отличие от европейской буржуазии, проявившей солидарность с господствующим классом Германии, установившим у себя и в оккупированных странах реакционный тоталитарный режим, рабочий класс этих стран не продемонстрировал пролетарский интернационализм, не встал на защиту завоеваний социалистической революции в России, напротив, под знаменами своих государств он принял массовое участие в войне на уничтожение «родины мирового пролетариата». Война показала, что вероятность мировой пролетарской революции является абстрактной возможностью. Похоже, в этом была одна из причин роспуска в 1943 г. И. Сталиным Коминтерна. Необходимо отметить, что Сталина обвиняют в разных прегрешениях, но не в отсутствии у него стратегического мышления. Осознание враждебного капиталистического окружения и потенциальной опасности новой интервенции буржуазных государств побудило советское руководство перейти от НЭПа к мобилизационной экономике.

Масштабная индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства были нацелены на преодоление существовавшего экономического и технологического разрыва между СССР и развитыми странами капитализма. В результате целенаправленной организаторской деятельности властей и героических трудовых усилий народа Советский Союз перед Второй мировой войной стал второй промышленной державой мира и обрел экономическую и военную независимость. В предвоенный 1940 г. производительность труда в промышленности сопоставимо с 1928 г. возросла в 3,4 раза, в строительстве – в 2,5 раза, на железнодорожном транспорте – в 2,7 раза [31]. Предприятия, построенные в годы первых пятилеток, стали основой военной экономики и послевоенного развития. Многие из них, уцелевшие в 90-е гг., позволили государству и бизнесу бывших советских республик существовать и получать прибыли, не вкладывая больших средств.

Темпы прироста производительности труда в послевоенные годы вплоть до 70-х гг. оставались высокими (более 6 % в год). Однако с начала 70-х гг. в силу ряда причин, в том числе субъективных (ошибки в управлении экономикой, недостаточное внимание, уделяемое научно-технической политике и т.д.), темпы прироста производительности труда стали неуклонно снижаться. В последней пятилетке (1986–1990 гг.) этот показатель составил 1,5 % [31]. По росту производительности труда Советский Союз стал значительно отставать от развитых капиталистических стран. Между тем решение «ключевой задачи» советской власти было определяющим фактором победы в холодной войне.

Среди объективных причин, повлиявших в значительной мере на исход холодной войны, следует назвать возникшую после Второй мировой войны геополитическую асимметрию между США и СССР, которая усилила и укрепила экономический, научно-технический и технологический дисбаланс между социалистическими странами во главе с СССР и глобальным капитализмом,

управляемым США. У Советского Союза было мало шансов выиграть холодную войну у глобализирующегося капитализма [21, с. 33–34]. Указанное неравенство было историческим эхом Октябрьской политической революции 1917 г. в стране периферийного капитализма.

Из контекста изложенного напрашивается вывод: в России, преимущественно крестьянской стране, социалистическая (пролетарская) революция была преждевременным явлением. В свое время эту идею высказал Г.В. Плеханов. В современной аналитике есть немало сторонников такого взгляда на нашу историю. С их точки зрения, России, прежде чем перейти к строительству социализма, надо было дойти до уровня зрелого (западного) капитализма. По этой логике, Октябрьская революция – это не закономерный результат предшествующего развития общества, а скорее волюнтаристский акт политического насилия, прервавший естественный ход истории. Отсюда и оценка этой революции, даваемая в либеральных кругах российской интеллигенции, как политического переворота, осуществленного большевиками.

В 1915 г. Ленин сформулировал идею о существовании законов социальных революций [12, с. 218–219]. Согласно Ленину, революции происходят лишь тогда, когда наличествуют объективные и субъективные факторы радикальных системных преобразований в обществе. С этой точки зрения Октябрьская революция, произошедшая в «слабом звене капитализма», была, несомненно, закономерным явлением. Она не могла не произойти, поскольку для этого существовали объективные и субъективные факторы. Как тогда объяснить развал СССР и распад мировой социалистической системы? В определенной мере ответ на этот вопрос был дан нами выше. Но речь идет не о феноменологическом описании событий, а о теоретическом осмыслении причин несостоявшегося социального проекта Маркса. Кроме того, остается открытым вопрос о перспективах этого проекта, политической теории Маркса. По мнению А.В. Бузгалина и А.И. Колганова, «уровень развития производительных сил, социальной базы социалистических преобразований, культуры населения России и международная обстановка привели к возникновению в Советском Союзе мутантного социализма» [5, с. 291]. Поскольку технология созидания социализма в СССР была своеобразной калькой для строительства нового общества в других странах, то «мутантный социализм», с точки зрения авторов, был характерной чертой мировой системы социализма. Особенностью этого общества, согласно исследователям, является господство бюрократического централизованного планирования, позволяющего «жить и расти в условиях индустриально-аграрной России, находящейся в окружении колониальных империй, фашистских держав…», но не сумевшего «дать адекватный ответ на вызов обострившихся глобальных проблем, новых процессов роста благосостояния, социализации и демократизации, развертывавшихся в развитых капиталистических странах во второй половине XX века» [5, с. 291–292]. Среди недостатков реального социализма, подмеченных учеными, представляется важным их замечание о том, что это общество не смогло развить

присущий ему потенциал прогресса производительных сил и человека как Личности [5, с. 291]. Поэтому «мутантный социализм» понимается как «тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы», который находится в начале общественного перехода от капитализма к коммунизму, но, не будучи устойчивой моделью, не может быть основанием для последующего движения к коммунизму [5, с. 290]. Словом, перед странами периферийного капитализма, решившими реализовать социальный проект Маркса, в перспективе маячит неустойчивая тупиковая система «мутантного социализма». Не лучше участь народов, оставшихся на орбите глобального капитализма и реализующих модель догоняющего развития, как это было в дореволюционной России и происходит после крушения Советского Союза. Их перспектива – исторический тупик и возможность потери государственности, поскольку разрыв между ядром мир-истории и периферией в современную информационную эпоху имеет тенденцию к возрастанию.

К какой идее Маркса надо было бы вернуться

Критически оценивая европоцентристские воззрения ученых, признающих возможность реализации социального проекта Маркса исключительно через западный развитой капитализм, В.Н. Шевченко выдвигает идею интеграции формационного подхода к истории с цивилизационным. По мнению ученого, страны периферийного капитализма – это незападные страны, обладающие своими цивилизационными особенностями, и их путь к социализму будет «сильно отличаться от европейского пути к европейскому социализму!» [30, с. 43]. В качестве примера он приводит опыт Китая, строящего социализм с китайской спецификой. «И чем дальше он развивается, – отмечает автор, – тем больше он “вспоминает”, воспроизводит многовековые китайские именно цивилизационные традиции» [30, с. 43]. Изучение особенностей современного незападного социализма, в том числе с российской спецификой, как отмечает В.Н. Шевченко, должно стать одной из задач современного марксизма. Учет цивилизационных особенностей незападных стран, по мысли российского философа, не отменяет логику формационного учения Маркса, но позволяет учесть сложность, многомерность исторического процесса. Нельзя не согласиться с автором в том, что нужно разрабатывать «современную марксистскую философию истории, которая должна дать объяснение, почему эти государства-цивилизации никогда не были и не станут капиталистическими по западному образцу, почему они шли и будут идти своим собственным путем», выбирая «для себя свои социалистические цели и идеалы» [30, с. 43]. И если эти цели и идеалы будут совпадать с общечеловеческой социалистической перспективой, то они могут дать мощный импульс социалистическим преобразованиям, совсем непохожим на те, которые имели место в XX в. Понимание природы этих преобразований и является главной задачей творческого марксизма XXI в.

Итак, согласно В.Н. Шевченко, развитие политической философии Маркса в настоящее время предполагает изучение опыта социалистических

преобразований в незападных странах. Несомненно, теоретическое осмысление социалистического строительства с «национальной спецификой» имеет большое значение. Но ценность теории не только в том, что она описывает и объясняет некие социальные процессы, но и в том, что она служит научным обоснованием и методологией созидания новой социальной реальности. Кроме того, поскольку о социалистической перспективе развитых стран капитализма ученый ничего не говорит, получается, что социализм находится на исторической траектории исключительно незападных обществ. Однако формационная теория Маркса не имеет цивилизационных ограничений, она отражает общую логику развития человечества. Аутентичная трактовка этой теории позволяет выявить допущенные в прошлом теоретические ошибки, которые не могли не сказаться на результатах практического воплощения социального идеала Маркса в СССР и других странах Восточной Европы. Представляется, что в марксистской литературе уделялось недостаточное внимание проблеме критерия выделения общественно-экономических формаций.

Сегодня фактически общепринятой является точка зрения, согласно которой Маркс выделял типы общества по способу производства. Однако это не совсем так. В ряде работ философа в качестве основания выделения формаций выступают производственные отношения [17, с. 442]. Подобный подход демонстрирует и Ленин в своих ранних произведениях [14, с. 137–139]. Похоже, эти воззрения и определили логику осуществления Октябрьской революции, что давало основание А.А. Богданову иронизировать над вождями революции, которые сначала заявили о победе социалистической революции, а затем стали строить социализм. По разным причинам в прошлом выделение типов общества по производственным отношениям было достаточно распространенным среди отечественных исследователей. Так, один из авторов, придерживающийся подобной точки зрения, писал, что «выдвижение на первый план при характеристике формации производительных сил, техники означает отход от марксистско-ленинского понимания формации, переход на позиции “теории стадий” У. Ростоу» [28, с. 92]. Выделение производственных отношений в качестве критерия определения формаций, несомненно, имело и идеологическую мотивацию. По логике формационной теории, социалистическое общество представляет собой более высокую ступень развития человечества, нежели буржуазное. Определение социалистического типа общества по производственным отношениям давало формальное основание говорить о преимуществах социализма по сравнению с капитализмом. Но если при сопоставлении, скажем, США и СССР, ФРГ и ГДР, Великобритании и Югославии можно было еще как-то отстаивать такую точку зрения, при этом скромно умалчивая о заметных различиях между этими странами в уровне развития техники, технологии и в конечном счете производительности труда, то сравнение Китайской республики (Тайвань) и КНР, Южной Кореи и КНДР, Японии и Монголии (или Вьетнама) давало основание для вывода о том, что страны, относимые к социалистическим, вовсе не являются таковыми, а если они по формальным признакам относятся к социалистическим, то социализм не есть более высокая

ступень развития человечества. Было очевидно, что, несмотря на то что революции в странах, относимых к социалистическим, начались с радикальных изменений производственных отношений, признание последних в качестве определяющего признака нового типа общества не является корректным.

Учитывая отмеченные трудности, в 60-х гг. прошлого столетия профессор МГУ К.М. Бостанджян выдвинул идею о существовании закона соответствия производительных сил способу производства [3]. «Новые производственные отношения, – отмечал ученый, – могут возникать только при таком уровне развития производительных сил, чтобы первые имели возможность выполнять свою важнейшую функцию – быть необходимой формой дальнейшего прогресса» [4, с. 29]. Приведенная мысль московского экономиста невольно напоминает известную формулу «отца» китайских экономических реформ Дэн Сяопина: «Не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей». В конце 70-х – начале 80-х гг. прошлого века существовавшие у нас в стране производственные отношения явно не способствовали развитию производительных сил, что вызвало резкое снижение темпов роста производительности труда, обострение социально-экономических противоречий, создавших условия для распада государства. Несмотря на то что выделение общественно-экономических формаций по способу производства в последние полвека среди исследователей стало фактически общепризнанным, инерция мышления, заданная логикой преобразований Октябрьской революции, дает о себе знать и по сей день.

В годы перестройки один достаточно известный автор, являющийся непрофессиональным философом, призывал в целях успешного строительства социализма освоить глубинные пласты теоретического наследия Маркса [24, с. 238]. К таким пластам, имеющим важное методологическое значение для созидания нового типа общества, можно отнести марксистскую идею выделения формаций по способу производства. Как представляется, глубинный (сущностный) смысл этого концепта не был понят исследователями. Формальная, поверхностная трактовка этого концепта сводится к конкретно-историческому единству производительных сил и производственных отношений. Однако аутентичное прочтение Маркса дает основание для вывода о том, что производительные силы и производственные отношения с разных сторон характеризуют уровень развития социальных индивидов, из которых состоит общество [18, с. 214]. Поэтому, по Марксу, основанием выделения формаций является степень целостного развития человека (человеческой сущности). Это важнейшая идея Маркса была в нашей литературе недооценена. Теоретический анализ способа производства редко доводился до сущностного уровня, что нередко приводило, как было показано выше, к отрыву производственных отношений от производительных сил, социальных функций (свойств) от социального субстрата. Маркс был очень последователен в реализации субстанциального подхода. В его философии человек – субъект, предмет, результат, цель исторического процесса и критерий периодизации истории. Целостное развитие человека в соответствии с его универсальной

природой является основополагающей идеей философии истории немецкого мыслителя. Поэтому эта идея не может не быть базовым принципом его политической философии, нацеленной на созидание нового общества. Нельзя не согласиться с Э. Фроммом в том, что в социалистических странах марксистскую формулу о социализации средств производства превратили в ритуальное заклинание при полном пренебрежении человеком [27, с. 38]. Нарушение базового принципа политической философии Маркса при строительстве социализма привело к дегуманизации идеи социализма, разочарованию населения в исторических перспективах, угасанию их творческого созидательного потенциала, усилению отчуждения между народом и властью. Отсюда и удивительное безразличие большей части населения Советского Союза к обострившейся в начале 90-х гг. борьбе политических элит за власть, завершившейся развалом государства. Вырождение понятия социализма, по мнению Э. Фромма, происходило и в западном марксизме, где социализм ассоциировался исключительно с экономическим благополучием (высокой заработной платой) рабочего. Идея социализма перестала нести в себе «обращенность к самым глубоким устремлениям и потребностям человека» [27, с. 38].

Вырождение идеи социализма в западном марксизме и отчасти в современной России, как представляется, явилось результатом его идеологического и политического приспособления к социальной реальности потребительского общества, где деньги и потребление становятся индикатором успеха и смыслом жизни человека – человека экономического (homo economicus). Последний есть крайний случай человека частичного (einen Teilmenschen, согласно Марксу), возникшего в результате общественного разделения труда и расщепления единой неразвитой универсальной сущности человека на индивидуальную и родовую. Последующее развитие общества, сопровождаемое накоплением богатства на одном полюсе и бедности на другом, усиливает отчуждение между индивидуальной и родовой сущностью человека, которое приобретает новые более сложные формы, проявляющиеся фактически во всех основных сферах общественной жизни. Указанное отчуждение, порождающее частичного человека, свою предельную форму приобретает в условиях развитого товарного производства.

Выводы

Социалистическая революция, ограничивающаяся национализацией средств производства, не достигает положительного упразднения частной собственности и различных форм отчуждения. Ввиду неразвитости человеческой сущности новые производственные отношения могут породить новую форму частной собственности [9, с. 53], новую разновидность частичных индивидов и формы отчуждения. Согласно Марксу, человек в отличие от животного –существо не частичное, а универсальное, и как универсальное родовое существо человек – существо свободное [19, с. 92–94]. Политический способ социализации собственности есть в лучшем случае исторически необходимое, но недостаточное условие для реализации социального проекта Маркса. Целенаправленная последовательная работа властей по созданию условий для целостного развития человека в соответствии с его

универсальной природой есть единственно возможный способ преодоления противоречия между человеческой сущностью и его существованием, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Это и есть, по Марксу, решение «загадки истории», есть торжество реального гуманизма [19, с. 116]. Решение этой задачи есть условие полной победы социалистической революции, если она началась с революции политической, а в условиях современной России это единственный способ стабилизации экономической и политической ситуации. Таким образом, решение «загадки истории» является одной из важнейших теоретически и политически значимых проблем творческого наследия Маркса, над которой должны работать современные ученые-марксисты.

Список литературы

1. Алферов Ж. И все-таки почему социализм? // Российская газета. 2018. № 220. 2 окт. URL: https://rg.ru/2018/10/02/chto-pisal-o-kapitalizme-albert-ejnshtejn.html (дата обращения: 12.09.2019).
2. Богданов А.А. Вопросы социализма // Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 295–351.
3. Бостанджян К.М. Диалектика становления коммунистического способа производства. М.: Мысль, 1967. 301 с.
4. Бостанджян К.М. Экономический и социальный прогресс при социализме. М.: Экономика, 1986. 183 с.
5. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М.: Едиториал УРСС, 2007. 512 с.
6. Бузгалин А.В., Линке П. СССР. Незавершенный проект. М.: Ленанд, 2013. 528 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Наука логики // Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1. 452 с.
8. Калашников М.Ф. Социальный идеал. Теория и современность. Опыт социально-философского анализа. Пермь: ПГПУ, 2006. 279 с.
9. Кржевов В.С. Теория общественно-экономических формаций и программа социалистической революции в России // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 47–57. DOI: https://doi.org/10.31857/s004287440002583-6
10. Кумар К. Марксизм и утопия // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 125–135. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/260/925/1219/12-Kumar.pdf (дата обращения: 11.10.2018).
11. Ленин В.И. Великий почин // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1970. Т. 39. С. 1–29.
12. Ленин В.И. Крах II Интернационала // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1969. Т. 26. С. 209–265.
13. Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1974. Т. 36. С. 165–208.
14. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1967. Т. 1. С. 125–346.

15. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1957. Т. 8. С. 115–217.
16. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. 920 с.
17. Маркс К. Наемный труд и капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1957. Т. 6. С. 428–459.
18. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1969. Т. 46, ч. II. 626 с.
19. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41–174.
20. Митчелл Т. Углеродная демократия. Политическая власть в эпоху нефти. М.: Дело, 2014. 408 с.
21. Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2016. 128 с.
22. Ойзерман Т.И. Марксистская концепция социализма и реальный социализм // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 16–31.
23. Олейников Ю.В. Верификация революционных прозрений Маркса // Философские науки. 2018. № 4. С. 27–44. DOI: https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-4-27-44
24. Платонов С. После коммунизма: книга не предназначенная для печати. М.: Молодая гвардия, 1990. 255 с.
25. Семенов Ю.И. Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // Философия и общество. 1997. № 1. С. 156–217.
26. Семенов Ю.И. Марксова теория общественно-экономических формаций и современность // Философия и общество. 1998. № 3. С. 190–233.
27. Фромм Э. Социализм // Коммунист. 1991. № 11. С. 27–38.
28. Фурман А.Е. Исторический материализм: курс лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 371 с.
29. Шаинян К. Империя хлопка: малоизвестная кровавая история капитализма // Republic. 2015. 16 янв. URL: https://republic.ru/posts/1533 (дата обращения: 12.03.2015).
30. Шевченко В.Н. Цивилизационный подход под огнем критики // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 33–44.
31. Экономическая история СССР / под ред. Л. И. Абалкина. М.: Инфра-М, 2007. 496 с.
32. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1961. Т. 20. С. 5–338.
33. Энгельс Ф. Интервью Ф. Энгельса корреспонденту французской газеты «Le Figaro» 11 мая 1893 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1962. Т. 22. С. 559–564.
34. Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1961. Т. 18. С. 203–284.
35. Энгельс Ф. Письмо Й. Блоху, 21–22 сент. 1880 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 393–397.

ЧЕЛОВЕК В ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА К. МАРКСА*

В истории человечества было немало мыслителей, чьи имена по праву олицетворяли интеллектуальные достижения эпохи, в которой они жили и творили. Аристотель, Августин, Ньютон, Гегель, Дарвин, Эйнштейн относятся к таким историческим личностям. Но в плеяде великих мыслителей человечества Маркс занимает особое место. Величие Маркса заключается в том, что его идеи, его учение, разработанная им методология исследования общества и истории были подлинной научной революцией в обществознании и потому они в XX в. получили распространение по всему земному шару. И сегодня философия Маркса остается одним из наиболее влиятельных учений в мире. Маркс оказал мощное влияние на всех крупнейших мыслителей XX в., мотивируя их на последующее интенсивное исследование общества и истории. Это вынуждены признавать даже открытые противники марксизма. «Все современные исследователи проблем социальной философии, – пишет К. Поппер, – обязаны Марксу, являются должниками Маркса, даже если они этого не сознают» [31, с. 98]. Учитывая это влияние Маркса на последующее обществознание можно сказать, что Маркс заложил основы современной философии. Поэтому «возвращение к домарксовской общественной науке уже немыслимо» [31, с. 98].

Величие Маркса в многогранности его деятельности. Маркс не только глубокий талантливый мыслитель, совершивший научную революцию в философии, политической экономии и социально-политических учениях; он – революционер-практик, соединивший теорию с организацией массового международного освободительного движения рабочего класса. Ни один революционер до и после Маркса не оказал столь сильное влияние на развитие человечества, как это сделал автор «Манифеста коммунистической партии». Он фактически изменил ход истории в XX веке. Благодаря своему влиянию на общественную мысль и на развитие человечества «деятельность Маркса стала нашим сегодня» [1]. Маркс наш современник. Он присутствует в общественном сознании благодаря тому, что разработанное им мировоззрение стало мировым явлением. Маркс актуален и востребован сегодня, поскольку те сложные проблемы общества, которые он исследовал, продолжают терзать человечество и требуют своего разрешения. И далеко не случайно после двух последних мировых кризисов интерес к Марксу на Западе резко возрос. «С Марксом все в порядке сегодня, – констатирует Сл. Жижек, – даже на Уолл-стрит есть люди, которые любят его: Маркса – поэта товаров, давшего современное описание динамики капитализма, Маркса, изобразившего отчуждение и овеществление нашей повседневной жизни» [8].

Теория Маркса стала одним из наиболее влиятельных учений XX– XXI вв., поскольку явилась закономерным результатом крупнейших наработок всей

---

* Впервые опубликовано: Мусаелян Л.А. Человек в теории исторического процесса К. Маркса // Наш современник Маркс / Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2018. – С. 53–69.

предшествовавшей европейской философии. Как справедливо отметил В.Л. Иноземцев, марксистская теория возникала «не столько как преемница идей коммунистов-утопистов, а как законная наследница стройных теорий и подчас гениальных прозрений золотого века Просвещения, века реализма. Она вобрала в себя многие важные положения, разработанные западной философской исторической традицией, которые впоследствии развивались исследователями самых разных направлений и, причем отнюдь не всегда менее удачно, чем марксистскими теоретиками» [9, с. 162]. Будучи закономерным результатом предшествующего развития философии, теория Маркса содержит в себе далеко не до конца раскрытый мощный эвристический и, особенно, гуманистический потенциал. В центре внимания Маркса общество: его настоящее, прошлое и будущее. Фокусом его философии стал человек, «движущие силы, ведущие человека к свободе» [1]. Поэтому для современной, предельно рационализированной, дегуманизированной цивилизации многие идеи Маркса весьма актуальны.

Уже в работах переходного периода основоположники марксизма достаточно четко определили в качестве главной проблемы своей философии проблему человека. Это привело к пересмотру гегелевской концепции истории, согласно которой человек есть средство, материал для осуществления конечных целей истории. Марксу по этому вопросу больше импонировала позиция Л. Фейербаха, под влиянием которой он пишет: «История не делает ничего, она не сражается ни в каких в битвах! Не «история», а именно человек, действительный живой человек – вот кто делает все это, всем обладает и за все борется» [25, с. 102]. Иначе говоря, с точки зрения основоположников марксизма, человек является не только объектом, но и подлинным субъектом исторического процесса.

Поворот Маркса и Энгельса к человеку, конечно, произошел под влиянием Л. Фейербаха, но не только. Кричащая несправедливость, отчуждение, нищета, нечеловеческие условия существования определили центральную тему и задачу создаваемой теории. «…Человек, – писал Маркс, – высшее существо», поэтому необходимо «ниспровергнуть все те отношения, в которых человек является униженным, порабощенным, беспомощным, презренным существом» [13, с. 422]. Философия, желающая действительно изменить условия существования человека не может ограничиться описанием и объяснением мира. Она должна быть радикальной. «Быть радикальным, – поясняет Маркс, – значит понять вещь в ее корне. Но корнем является для человека сам человек» [13, с. 422]. Словом, практическая направленность и творческий характер философии Маркса обусловлены тем, что в центре ее внимания находится человек и его жизненные условия. Поэтому далеко не случайно то, что анализ исторического процесса основоположники марксизма начинают с конкретных индивидов и способа их существования. Соответственно в объяснении общества из всего многообразия общественных отношений Маркс и Энгельс выделяют в качестве исходных, основополагающих те, которые возникают в производстве и воспроизводстве индивидуальной и родовой жизни человека [см.: 24, с. 26, 29; 38, с. 25]. Словом,

«Маркс становился материалистом по мере формирования материалистического взгляда на человека, его положение в обществе» [12, с. 176].

Таким образом, еще в 40-е гг. основоположники марксизма обозначили базовые компоненты создаваемой теории: человек, материализм, гуманизм, ориентация на практическое решение важнейших проблем эпохи. Все они взаимосвязаны, одно ведет к другому, но центральным (и главным) из них у Маркса является проблема человека. Поэтому, формулируя свою задачу в области социальной философии, Маркс пишет: «мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху» [16, с. 623]. В свете изложенного трудно согласиться с существующей в философской литературе точкой зрения, согласно которой Маркс не уделял должного внимания человеку, индивиду, личности и поэтому исторически у него носит десубъективизированный характер [см.: 3, с. 177; 5, с. 139–158; 39].

С выдвижением человека в качестве центральной проблемы философии связан субстанциональный подход Маркса к историческому процессу, который позволил ему последовательно провести в своей теории принцип материализма и гуманизма одновременно. По Марксу люди выступают подлинной субстанцией истории. Субстанциональная сущность людей проявляется в их способе существования. «Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает как с тем, что они воспроизводят, так и с тем, как они производят» [24, с. 19]. Производя необходимые средства существования, удовлетворяя свои потребности, люди производят и свою материальную жизнь. Эта производственная деятельность людей, согласно Марксу и Энгельсу, является не только «основным условием всякой истории», но и «первым историческим актом», «первым историческим делом», которое осуществляется ежедневно и ежечасно, с тех пор как появилось человечество [24, с. 26]. В марксистской теории исторический процесс вкоренен в способ существования человека. «Люди имеют историю, – писал Маркс, – потому, что они должны производить свою жизнь и притом определенным образом» [24, с. 29]. Вкорененность исторического процесса в способ существования означает, что субстанциальные свойства человека проявляются, прежде всего, в общественном производстве. Для Маркса и Энгельса человек субъект, предмет (объект) и одновременно результат общественного производства. «Индивиды, производящие в обществе, – а, следовательно, общественно определенное производство индивидов – таков, естественно, исходный пункт» [20, с. 283]. Поскольку производство материальной жизни является предпосылкой истории, то понятно, что те же самые реальные индивиды являются субъектом, объектом и результатом, а на определенном этапе развития и целью исторического процесса [см.: 19, с. 516]. Подобную роль Гегель в своей философии истории отводил духу, который объявлялся субстанцией исторического процесса. Открытие подлинной субстанции истории давало основание Марксу и Энгельсу назвать свое учение реальным гуманизмом и объявить своим врагом спекулятивный идеализм, поскольку последний на место

действительного индивидуального человека ставит «самосознание», «дух» [см.: 25, с. 7].

Проблема социальной субстанции специально не исследуется в работах Маркса и Энгельса. Тем не менее, их позиция по этому вопросу выражена достаточно определенно: человек есть природное (телесное) существо, обладающее материальной сущностью [см.: 22, с. 162–163]. Эта точка зрения основоположников марксизма имеет принципиальное значение для понимания их воззрения на сущность материального производства и исторического процесса. Некоторые исследователи, рассматривая общественное производство, фактически отрицают его материальный характер. Это означает деобъективизацию, дематериализацию не только общественного производства, но и исторического процесса. В основе подобных воззрений лежат идеалистические и дуалистические трактовки сущности человека. «Производство материальных благ, – пишет Т.И. Ойзерман, – не есть лишь материальный процесс, так как человек не только материальное, но и духовное существо» [28, с. 13]. Но, как отмечал Маркс, «действительного дуализма сущности не бывает» [13, с. 322]. Сущность человека одна и она материальна. Это обусловлено тем, что человек есть закономерный результат развития материального мира и потому обладает внутренним (сущностным) единством с ним. Материальная природа человека и окружающего мира определяют материальный характер преобразовательной деятельности людей. «Предметное существо, – отмечает Маркс, – действует предметным образом, и оно не действовало бы предметным образом, если бы предметное не заключалось в его существенном определении» [22, с. 162]. Конечно, человек есть сознательное существо и его деятельность носит целесообразный характер, но это не меняет материальный характер общественного производства. «Сам человек, … как наличное бытие рабочей силы есть предмет природы, вещь, хотя и живая, сознательная вещь, а самый труд есть материальное проявление этой силы» (выделено мной – Л.М.) [16, с. 214]. Таким образом, сущность материальной, творчески-преобразовательной деятельности людей Маркс выводит из сущности самого человека как материального существа. Согласно Марксу, только такой подход способен адекватно объяснить «акт всемирной истории» [см.: 22, с. 162].

Субстанция в современной философской литературе понимается как субстрат (основа, носитель), сущность и как причина самой себя, т.е. как самостоятельно существующая, самодостаточная реальность. У Маркса и Энгельса в качестве предельного основания социального бытия выступают индивиды. Эти индивиды являются носителями определенных свойств (сущностных сил) через которые проявляются их социальная сущность. Последняя, как уже отмечалось, обнаруживает себя в способе существования. По Марксу, «свободная сознательная деятельность как раз и составляет родовой характер человека» [22, с. 93]. Среди разнообразных видов деятельности человека, с точки зрения основоположников марксизма, определяющее значение в жизни людей имеет труд, поскольку в нем, прежде всего, проявляется родовая социальная сущность человека.

«Именно в переработке предметного мира, – писал Маркс, – человек впервые действительно утверждает себя как родовое существо» [22, с. 94]. Труд как социальная ценность имеет полифункциональный характер [см. об этом: 34; 36; 37]. Но главным его мотивом является производство и воспроизводство самой человеческой жизни. «Производственная жизнь и есть родовая жизнь. Это есть жизнь, порождающая жизнь» [22, с. 93]. Труд оказывается не только способом существования социальной субстанции, но и способом ее самопричинения. В своей практической деятельности человек выступает в роли самого себя порождающего (причиняющего) субъекта [см.: 20, с. 30]. В этом контексте всемирная история оказывается ничем иным как постоянным «порождением человека человеческим трудом» [22, с. 126]. Иначе, в концепции Маркса человек выступает в качестве самого себя обусловливающей, порождающей и причиняющей сущности, т.е. субстанции.

Производство человеческой жизни, согласно основоположникам марксизма, имеет общественный характер, поскольку предполагает сотрудничество многих индивидов. Благодаря совместной жизнедеятельности людей между ними складываются определенные связи и отношения, которые интегрируют это множество индивидов в единый коллектив, целостную социальную систему, каким является человеческое общество. Некоторые философы в понимании общества придерживались и придерживаются идеи социального атомизма [см. напр.: 30, с. 310-312]. Для Маркса общество не механический агрегат индивидов, возникающий и изменяющийся по воле начальства или случая, а целостный организм, функционирующий по своим объективным законам, являющихся исключительно продуктом его внутренней самоорганизации.

В теории Маркса производство и воспроизводство человеческой жизни всегда есть процесс порождения и воспроизведения жизни особых (конкретно-исторических) индивидов посредством определенного типа труда. Капиталистическое производство «производит и воспроизводит само капиталистическое отношение – капиталиста на одной стороне, наемного рабочего – на другой» [16, с. 591; см. также: 17, с. 385]. «Рабочий-портной, – поясняет свою мысль Маркс, – производит своего хозяина как капиталиста и себя самого как наемного рабочего» [18, с. 291]. В капиталистическом производстве не только рабочий сам постоянно производит «капитал, как чуждую ему, господствующую над ним и эксплуатирующую его силу», но и «капиталист столь же постоянно производит рабочую силу как субъективный источник богатства, отделенный от средств ее собственного овеществления…, производит рабочего как наемного рабочего» [16, с. 583]. Если в процессе производства воспроизводятся конкретно-исторические индивиды и их отношения, то это означает, что воспроизводится определенный тип общества. «Капиталистическое производство, – писал Маркс, – есть производство прибавочной стоимости, … оно есть, вместе с тем, производство капитала и производство и воспроизводство всего капиталистического отношения во все более расширенном (увеличенном) масштабе» [15, с. 22]. Нельзя не

согласиться с Т.И. Ойзерманом в том, что только «основоположники марксизма постигли общественное производство не только как производство материальных благ, но вместе с тем и производство общественных отношений, – а тем самым и самого человека как члена общества» [28, с. 6]. Маркс рекомендовал не противопоставлять общество индивиду, ибо всякая индивидуальная жизнь есть проявление и утверждение общественной жизни [см.: 22, с. 119]. Поэтому воспроизводство человеческой жизни есть воспроизводство индивидуальной и родовой жизни.

По Марксу, особенностью человека как социальной субстанции является то, что он способен порождать и воспроизводить не только самого себя, но и все другое, развертывая и обнаруживая в этом другом свою субстанциональную сущность. Эта универсальность социальной субстанции проявляется в потенциальной способности человека к преобразованию всей природы и превращения ее в свое «неорганическое тело». Ни в самом человеке, ни в окружающем его мире нет лимитирующих факторов, принципиально ограничивающих социальный прогресс. Это означает, что оптимистическая идея социального прогресса в теории Маркса связана с пониманием человека как универсального существа, находящегося в универсальных отношениях с миром.

В процессе производства человек преобразует предмет труда, опредмечивая тем самым свою родовую жизнь, свои сущностные силы. В результате такого «очеловечивания» природы он «удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире» [22, с. 94]. Природные элементы, оживотворенные трудом, не просто изменяют свою форму, но приобретают свойства и функции социальной субстанции. Особенно это касается созданных человеком средств труда, которые оказываются условием, основой, детерминирующим фактором последующего производства, воспроизводства, развития человека и общества [см.: 24, с. 37, 42; 16, с. 192, 632]. «Очеловеченная» в результате труда природа меняет качество своего бытия и становится составной частью социальной субстанции. Это означает, что в теории Маркса социальная субстанция имеет сложный, системный характер, включая в себя «овеществленных» индивидов и «очеловеченную» природу. В этой системе образующие ее компоненты не равноценны, ибо качество всей системы определяется сущностью социальных индивидов. Однако было бы ошибочным не только уравнивание компонентов социальной субстанции, но и противопоставление их друг другу. Каждая часть этой системы без «своего другого» не самодостаточна. Человек не в состоянии существовать без природы – своей основы и его субстанциональные свойства проявляются лишь во взаимодействии с ней. В свою очередь природа, лишенная деятельного разумного начала, остается пребывать в формах предсоциального природного бытия. Лишь благодаря человеку, его производственной деятельности происходит ее доразвитие и включение в исторический процесс. Только во взаимной связи своих компонентов социальная субстанция приобретает цельность и самодостаточность. Отсюда и мысль основоположников марксизма о существовании

единой науки истории, состоящей из взаимосвязанных историй природы и истории людей [см.: 22, с. 16].

В идее единства природного и человеческого Маркс выдвинул и реализовал принцип историко-материалистического монизма. В материальном производстве посредством воспроизводства социальной субстанции воспроизводится и единство мира. Чем более развита промышленность, тем более многообразные силы природы задействованы в ней, тем более репрезентативно выражает единство мира воспроизводимая социальная субстанция. Усложнение социальной субстанции свидетельствует о развитии человеческой сущности, о превращении потенциальной универсальности человека в актуальную, практическую. Ведь чем универсальнее сфера той неорганической природы, которая вовлекается в промышленное производство, тем универсальнее сам человек [см.: 22, с. 92]. Отсюда и мысль основоположников марксизма о том, что «историю человечества» всегда необходимо изучать и разрабатывать в связи с историей промышленности и обмена» [24, с. 28]. Субстанциональный подход к истории определил пристальное внимание Маркса к развитию производственной техники, промышленности, производительных сил в целом. Это позволило ему преодолеть, с одной стороны, объективистские концепции природного историзма, а с другой субъективистские теории исторического процесса, отрицающие сущностное значение природы для человека [см.: 7, с. 115].

В теории Маркса способ существования социальной субстанции является не только способом ее воспроизводства, но и развития. Преобразуя в процессе труда окружающую природу, человек «в то же время изменяет собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти» [16, с. 188-189]. Развитие капитала, как показал Маркс, сопровождается перманентным совершенствованием производительных сил [16, с. 605]. В этой связи, известная всеобщая формула обращения капитала (Д-Т-Д') выражает не только цель и смысл капиталистического производства (увеличения капитала), но и объективную историческую тенденцию развития человеческой сущности. Капитал, как отчужденное бытие родовой сущности человека, является самодвижущейся, саморазвивающейся субстанцией [16, с. 165]. В силу того, что общественное производство является способом саморазвития индивидов и общества в целом, можно сказать, что в теории Маркса исторический процесс ни есть отдельное самодостаточное явление, а обусловленное общественным производством поступательное движение общества (человечества). Иначе, исторический процесс это развернутая в пространстве и во времени жизнедеятельность общества (человечества).

Вкорененность исторического процесса в общественное производство объясняет, почему у Маркса в качестве основополагающего критерия периодизации истории выступает способ производства. В предшествующих марксизму концепциях членение истории проводилось по уровню развития человеческого разума, форм общественного сознания, «народного духа», права и т.д. Эти критерии не

были случайными, а представляли философскую рефлексию потребностей эпохи в развитии тех или иных сущностных сил человека. Философские концепции с той или иной степенью репрезентативности отражали коррелятивную связь между развитием общества и развитием социальных свойств индивидов. Ошибка заключалась в том, что потребности конкретной исторической эпохи отождествлялись с потребностями человеческого общества вообще. Соответственно развитие отдельных сущностных сил конкретно-исторического типа индивидов отождествлялось с целостным развитием человека как родового существа. Тем не менее, в стремлении домарксовской философии обнаружить качественные особенности человеческой истории заключалась великая предпосылка формационной концепции исторического процесса.

Выделение Марксом исторических эпох по способу производства причинно обусловлено субстанциональным подходом к объяснению истории. И не случайно в известном предисловии «К критике политической экономии» способ производства трактуется как «способ производства материальной жизни» [14, с. 7]. В понимании Маркса способ производства есть конкретно-историческое единство производительных сил и производственных отношений. Развиваясь, производительные силы вызывают изменение производственных отношений. Последние, в свою очередь, влияют на характер складывающихся в обществе политических, правовых и прочих отношений. Отсюда и сформулированный Марксом основной общесоциологический закон. «Способ производства материальной жизни обусловливает социальные, политические, духовные процессы вообще» [14, с. 7]. В теории Маркса этот закон выражает не только субординированность общественных процессов, но и их диалектическое взаимодействие. Сферы общественной жизни, находясь в зависимости от способа производства, сами же оказывают влияние на способ производства, поскольку общество есть целостный организм [см.: 29, с. 394–395, 416–421; 20, с. 229]. Маркс показывает, что противоречие между производительными силами и производственными отношениями является источником развития и смены способа производства. Сменяющие друг друга способы производства являются ступенями поступательного движения общества, которые Маркс называет прогрессивными эпохами экономической общественной формации. Таким образом, через способ производства Маркс «схватил» сущностную сторону жизнедеятельности людей, анализ которой позволил ему представить общество как сложный организм, выразить конкретно-исторические особенности его строения, функционирования, развития, а также показать историю человечества как естественно исторический процесс смены общественно-экономических формаций. В задачу данной статьи не входит анализ многочисленных дискуссий относительно теории формаций. Необходимо лишь отметить, что формационная концепция Маркса представляет собой лишь абстрактно-всеобщую теорию исторического процесса, а не историю конкретного общества. На наш взгляд, разработка конкретно-всеобщей теории исторического процесса остается одной из актуальных проблем социальной философии.

Эта теория должна описать историю человечества через исследование строения, законов функционирования и развития всех известных общественно-экономических формаций. Но какая социальная реальность должна лежать в основе указанной теории, ведь каждая общественно-экономическая формация существует через конкретное общество? Ответ на этот вопрос дает эстафетно-формационный подход к всемирной истории, предложенный Ю.И. Семеновым [см.: 33; 32]. По его мнению, общественно-экономические формации выступают «как стадии развития человеческого общества в целом» [32, с. 232]. Соответственно такому подходу конкретно-всеобщая теория исторического процесса должна описывать поступательное движение человечества от одной общественно-экономической формации к другой, на основе исследования наиболее развитых социально-исторических организмов, представляющих центры мировой истории. Достоинство эстафетно-формационного подхода заключается в том, что он позволяет выразить сущность исторического процесса и сложность, неравномерность мировой истории. Фундаментальный вклад в создание основ конкретно-всеобщей теории внесли основоположники марксизма, разработав методологию исследования истории и дав глубокий научный анализ буржуазной общественно-экономической формации, на основе изучения наиболее развитой страны капитализма XIX в.

Вернемся, однако, к способу производства. Согласно Марксу, производительные силы и производственные отношения с разных сторон характеризуют уровень развития общественного индивида [см.: 21, с. 214]. Можно сказать в этой связи, что по Марксу основанием выделения общественноэкономических формаций является степень целостного развития человека. Мысль о том, что всестороннее развитие индивидов является целью исторического процесса, а степень их целостного развития критерием определения исторических эпох проводится Марксом во многих работах [см.: 20, с. 416]. В реализации субстанционального подхода основоположники марксизма весьма последовательны. Человек с их точки зрения не только субъект, объект, результат, цель исторического процесса, но и критерий его периодизации. Разработка объективного критерия периодизации истории свидетельствовала о том, что научная теория общества и исторического процесса в своем принципиальном виде уже создана. Необходимо отметить, что важнейшая мысль Маркса о том, что целостное развитие человека является основой периодизации истории, в нашей литературе была недооценена. Теоретический анализ способа производства редко доводился до сущностного уровня, что порождало трудности в понимании структуры формаций и объяснения логики поступательного движения человечества от низших ступеней (формаций) к высшим. Показательна в этом плане распространенная трактовка структуры формации как базиса и надстройки. Подобный взгляд по сути своей означает десубъективизацию, десубстанциализацию общественно-экономической формации, что противоречит исходным принципам марксистской теории общества и истории. Не вдаваясь в дискуссию, заметим, что структура формации не может быть произвольным набором случайных компонентов. Если степень

целостного развития человека является критерием периодизации истории, то понятно, что структура формации должна коррелировать со структурой человеческой сущности, поскольку в обществе нет ничего, что не было бы результатом реализации сущностных сил индивидов. Сложная структура сущностных сил человека в конечном счете определяет структурные компоненты общественно-экономической формации [см. об этом: 35, с. 196–205; 27, с. 288–336]. Рассмотрим их кратко.

Поскольку в существовании, воспроизводстве и развитии социальной субстанции сфера материального производства имеет определяющее значение, способность человека к труду, к производственной деятельности представляет основополагающий уровень человеческой сущности. Иначе, рабочая сила является базовой сущностной силой человека. Все остальные сущностные силы (отношения, мышление, свобода и т.д.), определяющие структурные элементы общественно-экономической формации обусловлены реализацией этой способности индивидов. Так, на ранних этапах истории развитие труда привело к социально-экономической дифференциации общества, что в свою очередь вызвало необходимость в политической и правовой надстройке, которая усложнялась с последующим развитием базиса. Но при всей значимости материального производства воспроизводство и развитие индивидов невозможно вне брака, семьи, быта и т.д. Эти сферы общественной жизни, как и отношения, складывающиеся в них, есть результат реализации определенных сущностных сил (потребностей и способностей) индивидов. Они также, как показали Маркс и Энгельс, зависят от способа производства, а, в конечном счете, от развития труда [см.: 24, с. 27–28, 167–169; 23, с. 443–444; 38, с. 26, 40–85]. Изложенное выше дает основание отнести к структуре общественно-экономической формации производительные силы, соответствующие им производственные отношения, обусловленную базисом надстройку, а также совокупность ненадстроечных элементов (социальные группы, брак, семья и т.д.) существование и развитие которых обусловлено данным способом производства. Перечисленные структурные компоненты формации присутствуют во всех типах общества. Но степень их выраженности зависит от развития сущности самих индивидов [см.: 16, с. 89–90].

Словом, по Марксу структура общественно-экономической формации является функциональным выражением уровня развития родовой человеческой сущности индивидов, представляющих эту формацию. Люди, живущие в ту или иную историческую эпоху, обладают типологическими признаками, обусловленными уровнем развития их родовой человеческой сущности. Бытие родовой человеческой сущности в каждом отдельном индивиде характеризует индивидуальную человеческую сущность, которая не во всем совпадает с типологическими свойствами индивидов. Поэтому человек, представляющий конкретную формацию есть «особенный индивид и именно его особенность делает из него индивида и действительное индивидуальное общественное существо» [22, с. 119].

В теории исторического процесса чрезвычайно важной является проблема смены общественно-экономических формаций. Переход общества от одной общественно-экономической формации к другой традиционно объясняется действием закона соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил. Однако с точки зрения многих исследователей данный закон объясняет лишь развитие производственных отношений и не раскрывает причину развития производительных сил [см.: 26, с. 293–300]. В ходе дискуссии К.М. Бостанджяном была выдвинута идея о существовании закона адекватности производительных сил способу производства [см.: 4]. Эта идея, несомненно, была шагом вперед на пути решения обозначенной проблемы. Но К.М. Бостанджяну не удалось окончательно преодолеть существующий в литературе абстрактный подход к пониманию способа производства и довести свой анализ развития производительных сил до их сущностного (т.е. собственно субстанционального) уровня, а без этого невозможно адекватно объяснить ни причину, ни саму логику смены общественно-экономических формаций. Если быть последовательным в выявлении источника развития способа производства и его компонентов мы, так или иначе, должны дойти до человека, социальной субстанции. Среди основных противоречий, определяющих развитие человека первостепенное значение имеют противоречия между его родовой, универсальной и индивидуальной, ограниченной сущностью, способностью к бесконечному развитию и конечными, конкретно-историческими возможностями реализации сущностных сил. Внутренняя противоречивость человеческой сущности вызывает постоянное изменение, совершенствование способа существования (труда) человека, что обусловливает перманентное развитие сущностных сил, реализуемых в его жизнедеятельности [см. об этом: 27]. Поэтому исторический процесс характеризуется устойчивой тенденцией развития человеческой сущности, преодоления, отрицания ее ограниченной конкретно-исторической формы. Заключенная в человеческой сущности глубинная тенденция к самосовершенствованию, самоусложнению, переходу от низших ступеней к высшим, ко все большей идентичности самой себе есть объективная закономерность, которая с необходимостью определяет порядок смены общественно-экономических формаций [см.: 6, с. 294]. Подобно тому, как иерархически организованная структура общественно-экономической формации коррелирует со структурой сущностных сил человека, логика смены формаций коррелирует с логикой развития человеческой сущности. Отмеченная закономерность определяет «общее направление развития общества от примитивной универсальности человеческих индивидов ко все более всестороннему и свободному их развитию» [6, с. 294]. В начале истории неразвитая, неразвернутая универсальная сущность человека наличествовала в индивидах в форме абстрактного бытия. Здесь родовая и индивидуальная сущность, в силу своей неразвитости и неопределенности совпадали. В последующем, развитие общественного разделения труда привело к расщеплению единой человеческой сущности на родовую и индивидуальную.

В дальнейшем рост их определенности происходит через развитие «частичных» индивидов. Каждая формация, создав условия для развертывания сущностных сил человека, затем преодолевается неодолимой тенденцией человеческой сущности к всесторонности, целостности, в соответствии с ее природой. По Марксу, капитал в погоне за прибылью постоянно революционизирует производительные силы и на высших ступенях своего развития создает условия для преодоления отчуждения между родовой и индивидуальной сущностью человека. Таким условием Маркс считал формирование всеобщего (научного) труда, который является деятельностью по управлению «всеми силами природы» [см.: 21, с. 110]. Индивид, занятый подобным трудом сам выступает как универсальная сила природы и потому оказывается носителем родовой сущности человека. Если в ранних исторических эпохах носителем примитивной универсальности был род (коллектив), но на высшей ступени социального прогресса индивиды являются воплощением выраженной индивидуальности и родовой универсальности. Согласно Марксу, возникновение всеобщего труда приводит к вырождению стоимостных отношений и капитализма в целом [см.: 21, с. 110]. Меняется цель и смысл производства. Теперь уже не увеличение капитала, а универсальное развитие индивидов становится мотивом общественного производства. Способ существования индивидов оказывается способом их саморазвития, а развитие способом существования. Поскольку исчезает труд диктуемый нуждой, по необходимости производство оказывается сферой свободной самосозидательной деятельности человека. Это означает, что с возникновением всеобщего труда человечество переходит из царства необходимости в царство свободы.

Общество, состоящее из всесторонне развитых индивидов, отличается универсальностью отношений между ними. Поэтому, по Марксу, коммунизм есть универсальная самоорганизация людей, где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [23, с. 447]. Здесь на высшей ступени развития человечества происходит «подлинное завершение спора между существованием и сущностью, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом» [22, с. 116]. Преодоление этих противоречий и есть «решение загадки истории» [22, с. 116].

Итак, согласно Марксу, исторический процесс есть выражение развивающейся сущности человека. Смысл и «цель» исторического процесса – всестороннее, свободное развитие человека. Человек есть фокус философии Маркса, ее основной мировоззренческий мотив. Относительно же прогнозов исторического развития, сделанных Марксом, необходимо отметить, что исследования современными учеными тенденций развития постиндустриального общества во многом подтверждают его предсказания [см.: 2; 9; 10; 11]. И мы убеждены, что в связи с углублением кризиса человеческой цивилизации интерес к Марксу будет усиливаться; он продолжит занимать видное место среди выдающихся гуманистов мира.

Список литературы

1. Аттали Ж. Карл Маркс: мировой дух. URL: http://www.inform-axinc.ru/lib/zhzl/marx_attali/#CO1 (дата обращения: 12.10.2017).
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 1999. 956 с.
3. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 177 с.
4. Бостанджян К.М. Экономический и социальный прогресс при социализме. М.: Экономика, 1986. 183 с.
5. Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип // Вопросы экономики. 1990. № 11. С. 139–158.
6. Васильева Т.С., Орлов В.В. Социальная философия. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999. С. 294.
7. Григорьян Б.Т. Человек. Его положение и призвание в современном мире. М., 1986. С. 115.
8. Жижек Сл. 13 опытов о Ленине. URL: https://knigogid.ru/books/108457-13-opytov-o-lenine/toread (дата обращения: 12.10.2017).
9. Иноземцев В.Л. За десять лет. К концепции постэкономического общества. М.: Academia, 1998. 528 с.
10. Иноземцев В.Л. Расколотая цивилизация. М.: Academia; Наука, 1999. 724 с.
11. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. 606 с.
12. Любутин К.Н. О философии Маркса, о философии Энгельса // Философия и общество. 2004. № 1.
13. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 1.
14. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1959. Т. 13.
15. Маркс К. Капитал. Книга первая // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 49.
16. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1960. Т. 23.
17. Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1962. Т. 25, ч. II.
18. Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1962. Т. 26, ч. I.
19. Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Ч. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1964. Т. 26, ч. III.
20. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1968. Т. 46, ч. I.
21. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Ч. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 46, ч. II.
22. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 42.
23. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 4.

24. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3.
25. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 2.
26. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное / под ред. Ф.В. Константинова, Ю.К. Плетникова. М.: Наука, 1981.
27. Мусаелян Л.А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 390 с.
28. Ойзерман Т.И. Материалистическое понимание истории: плюсы и минусы // Вопросы философии. 2001. № 2.
29. Письма Ф. Энгельса к разным лицам (январь 1888 – декабрь 1890) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1965. Т. 37.
30. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1.
31. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. М., 1992. Т. 2.
32. Семенов Ю.И. Марксова теория общественно-экономических формаций и современность // Философия и общество. 1998. № 3. С. 190–233.
33. Семенов Ю.И. Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории: учеб. пособие. М., 1996. 179 с.
34. Товмасян С.С. Философские проблемы труда и техники. М.: Мысль, 1972. 279 с.
35. Философия: Учеб. пособие для студентов вузов / авт. кол. под рук-вом д-ра филос. наук проф. Ю.В. Осичнюка. Киев, 1994.
36. Чангли И.И. Труд: Социологические аспекты теории и методологии исследования. М.: Наука, 1973. 583 с.
37. Шилов В.Н. Труд как призвание: история и современность // Философские науки. 1987. № 1. С. 34–42.
38. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961.Т. 21.
39. Яковец Ю.В. История цивилизаций: учеб. пособие. М.: ВЛАДОС, 1997. 352 с.

МАРКС И СОВРЕМЕННОСТЬ*

В статье исследуется роль Маркса как величайшего мыслителя в истории человечества, оказавшего мощное влияние на последующее развитие обществознания и изменившего ход истории в XX в. Показывается, что это влияние Маркса на всех крупнейших ученых обусловлено тем, что он разработал совершенно новое целостное мировоззрение и принципиально новую научную методологию исследования общества и истории. Вклад Маркса в обществознание сопоставим с коперниканской революцией. В работе выявляются причины возросшей критики учения Маркса в конце 80-х начале 90-х гг. прошлого столетия и дается критический анализ попыток преодоления материалистического понимания истории. Анализируются различные факторы, способствующие в конце XX начале XXI вв. возрастанию в мире интереса к идеям Маркса.
Ключевые слова: Маркс, марксизм, философия, материализм, общественное бытие, общественное сознание, гуманизм, глобальный капитализм, глобальный кризис.

В истории человечества было немало мыслителей, чьи имена по праву олицетворяли интеллектуальные достижения эпохи, в которой они жили и творили. К таким историческим личностям можно отнести Аристотеля, Августина, Коперника, Ньютона, Декарта, Гегеля, Дарвина, Эйнштейна и других известных в мире ученых. В плеяде великих мыслителей человечества Маркс занимает особое место. Величие Маркса заключается в том, что его идеи, его учение, разработанная им методология исследования общества и истории представляли собой подлинную научную революцию, которую современники мыслителя справедливо сравнивали с коперниканской [25]. Но по своему влиянию на развитие мировой науки и на историю человечества учение Маркса значительно превосходит последствия гипотезы знаменитого польского астронома. Даже открытые оппоненты учения Маркса вынуждены признать этот факт. «Марксизм, – писал З. Бжезинский, – представляет собой новый, исключительно важный этап в становлении человеческого мировоззрения. Марксизм означает победу активно относящегося к миру человека над пассивным созерцательным человеком и в то же время победу разума над верой… Марксизм ставит на первое место систематическое и строго научное изучение действительности, также как и руководство действием вытекающим из этого учения» [34, с. 73].

Научная методология исследования общества и истории, разработанная Марксом, позволила ему основать новые направления в мировой философии, политической экономии и социально-политической мысли. В этой связи нельзя не согласиться с Ж. Аттали в том, что Маркс «первым охватил разумом мир, как

* Впервые опубликовано: Мусаелян Л.А. Маркс и современность // Новые идеи в философии. – 2018. – № 5(26). – С. 4-20.

единство одновременно политическое, экономическое, научное и философское» [1]. Словом, впервые было разработано целостное стройное мировоззрение, получившее в последующем мировое распространение на разных континентах земного шара. Со второй половины XX века фактически добрая половина человечества жила в странах, которые управлялись людьми официально придерживающихся марксистских воззрений.

Как бы не относиться к Марксу сегодня, его роль как ученого и как революционера-реформатора уникальна в истории человечества. Ни до ни после Маркса не было мыслителя, который оказал бы столь мощное влияние на мировоззрение сотен миллионов людей и на ход истории в XX столетии. «Ни один писатель не имел большей аудитории, ни один революционер не вселил больших надежд, ни один идеолог не спровоцировал большего количества толкований, и, если не считать некоторых основателей религий, ни один человек не оказал на мир большего влияния, чем Карл Маркс в XX веке» [1], – отмечает Ж. Аттали. Близкую оценку роли немецкого мыслителя в истории человечества дает другой современный исследователь творчества Маркса Ф. Уин. «После Иисуса Христа ни один человек не вызывал подобного всеобщего поклонения и в то же время не был настолько неправильно истолкован» [25, с. 5].

При всей метафоричности и условности такого сравнения следует признать, что Маркс не был ординарной личностью. Универсальная образованность, интеллектуальная мощь, творческий потенциал выделяли фигуру еще молодого Маркса не только среди современников, но и великих предшественников. Мозес Гесс, сотрудник «Рейнской газеты», в которой работал Маркс, в письме к своему другу характеризовал своего коллегу как «величайшего – возможно единственного в своем роде философа нынешнего поколения. Когда он выйдет на публику со своими статьями или в лекционный зал, он привлечет внимание всей Германии… Он нанесет средневековой религии и философии coup de grace; в нем соединены глубочайшая философская серьезность и язвительное остроумие. Представь, Руссо, Вольтер, Гольбах, Лессинг, Гейне и Гегель, которые слиты в одном лице – заметь, я сказал слиты, а не соединены – и ты получишь доктора Маркса» [25, с. 95]. Нелишне отметить, что именно в это время Маркс написал свои «Парижские рукописи», получившие у нас в стране название «Экономическо-философские рукописи 1844 г.», представляющей синтез экономических, философских, социально-политических идей. Работа дает основание многим современным исследователям характеризовать Маркса как уникального, неповторимого, глубокого мыслителя [8].

Превращению учения Маркса в поистине мировую философию способствовали новизна подхода к объяснению существующей действительности, строгая научная обоснованность и ясность выдвигаемых теоретических положений, практическая направленность его теории, мотивирующая человека на деятельную активность, нацеленную на преодоление несправедливости и обретение свободы. Привлекательность идей Маркса отмечают многие исследователи, далеко

не всегда являющиеся однозначными адептами его учения. «Маркс обворожил меня, – признается Ж. Аттали, – четкостью своей мысли, силой своей диалектики, мощью своих рассуждений, прозрачностью своего анализа, бесспорностью своей критики, остроумием своих выводов, ясностью своих концепций» [1]. И далее: «Сегодня, хотя я в полной мере осознаю его неоднозначность и почти никогда не разделяю выводов его эпигонов, нет такой темы, в которую я бы углубился, не спросив себя предварительно, что об этом думал он, и не испытав огромного удовлетворения, найдя его высказывания на эти темы» [1].

В настоящее время Маркс как ученый вполне современен и актуален. Во-первых, потому, что многие острые проблемы капитализма, которые стали предметом его непревзойденного научного исследования, продолжают терзать современную цивилизацию. Поэтому научная методология анализа буржуазного общества, разработанная Марксом, оказывается востребованной сегодня не только учеными-теоретиками, но и бизнесменами-практиками [9; 25, с. 10]. И далеко не случайно то, что в период последних мировых кризисов интерес на Западе к Марксу и его методологии в исследовании общества резко возрос. Заметим, что этот метод, примененный Марксом-экономистом разработан Марксом-философом.

Во-вторых, Маркс современен и актуален еще и потому, что он оказал мощное влияние на последующее развитие обществознания. Влияние идей Маркса испытали фактически все крупные философы XX века. Это признают даже открытые оппоненты марксизма. «Все современные исследователи проблем социальной философии, – пишет К. Поппер, – обязаны Марксу, являются должниками Маркса, даже если они этого не сознают» [23,с. 98]. Можно сказать, что в определенном смысле Маркс заложил основы современной философии. Именно поэтому по мысли Поппера «возвращение к домарксистской общественной науке немыслимо» [23,с. 98]. В этой связи вполне логично утверждение Д. Белла о том, что подлинный ученый-социолог не может быть антимарксистом, ибо «многое в марксистском анализе социальных и производственных структур сохранило свое значение и вошло в современные теории» [2]. Учитывая роль Маркса в формировании современного обществознания можно определенно согласиться с Ж.-П. Сартром в том, что антимарксизм «есть не что иное как возрождение домарксистской мысли. И так называемое “преодоление” марксизма есть в худшем случае возврат к домарксистской мысли» [35, с. 17].

Как представляется, массовое бегство обществоведов от марксизма в начале 90-х гг. в России и других странах Восточной Европы было вызвано по большей части мотивами далекими от науки. Объяснение подобного мировоззренческого и идеологического «линяния» можно найти у самого Маркса. Теоретический анализ общества так или иначе затрагивает отношения и определенные классовые интересы. Поэтому здесь «свободное научное исследование встречается не только с теми врагами, с какими оно имеет дело в других областях» [16, с. 10]. Сам характер материала, отмечает Маркс, «вызывает на арену

борьбы против свободного научного исследования самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души – фурий частного интереса» [16, с. 10]. И еще одна мысль Маркса, объясняющая ренегатство обществоведов в конце 80-х начале 90-х гг. «В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно, также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не останавливается, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» [16, с. 22]. В подтверждение приведенных мыслей Маркса следует привести тот факт, что в начале 90-х гг. из программы вузов исчезла политэкономия. Вместо него был введен популярный курс «Экономикс» П. Самуэльсона. Ротация была простимулирована Дж. Соросом. Точно также в начале 90-х из программы курса философии во многих учебниках исчезла диалектика [24]. В известном учебнике «Философия», написанном коллективом ученых МГУ, этот раздел присутствует в усеченном виде [26]. Не говоря о том, что тема изложена поверхностно, автор главы умудрился описать развитие бытия и сознания, опираясь исключительно на Гегеля. Сложно представить, что известный российский философ не знает, что концепция Гегеля есть философская рефлексия религиозного миропонимания и в силу этого немецкий мыслитель не признавал у природы никакого развития. Описание и объяснение развития природы, общества и общественного сознания – это прерогатива материалистической диалектики Маркса. Но автор раздела ни разу не упомянул ни Маркса, ни его творение – материалистическую диалектику. «Маркс и я, – писал Энгельс, – были едва ли не единственными людьми, которые спасли из немецкой идеалистической философии сознательную диалектику и перевели ее в материалистическое понимание общества и истории» [29, с. 10]. Исчезновение диалектики из учебников и учебных пособий не является случайным. Поскольку все разделы марксистской философии взаимосвязаны, обладают внутренним единством, то отказ от материалистического понимания общества и истории означает так или иначе отход от материалистической диалектики. Идеализм в объяснении общественной жизни дополняется, как правило, метафизическим мышлением исследователя.

Антимарксизм, как определяющая тенденция в общественных науках, сформировавшийся у нас в стране в конце XX начале XXI вв., означал преимущественно возврат к домарксистской мысли. Надо признать, что в своей характеристике критиков марксизма Ж.-П. Сартр был прав. В качестве примера, подтверждающего вывод известного французского философа, можно взять работу Ю.В. Яковца «История цивилизаций» [33]. Подробный анализ этой книги не входит в задачу данной статьи. Нас интересует лишь мировоззренческая и методологическая позиция автора, выдвигаемые им аргументы, поскольку они, как представляется, типичны для многих российских критиков марксизма.

Согласно Ю.В. Яковцу, в конце XX века марксистская теория, положившая в основу классификации истории формы собственности «дала трещину, поскольку обнаружилось, что общественная собственность далеко не высший и не последний этап способов присвоения» [33, с. 27]. Поэтому, полагает ученый, марксистская теория исторического процесса подвергается критике и выдвигаются новые концепции, либо реализуются старые, ранее отброшенные [33, с. 28]. Автор, на его взгляд, выдвигает новый методологический подход к пониманию истории, который исходит из «первенства духовного общественного начала в движении человечества» [33, с. 32]. «Радикальные нововведения в жизни общества, – отмечает Ю.В. Яковец, – происходили потому, что люди осознавали их необходимость и сознательно осуществляли в меру своего понимания. Изменения в сознании предшествовали переменам в общественном бытии – в материальном производстве, в формах собственности» [33, с. 32]. У каждого, кто маломальски знаком с философией, приведенные мысли российского исследователя не могут не вызвать вопросы. Разве предшествовать (во времени) и причинять (определять) события одно и тоже? Действительно ли Маркс определял общественно-экономические формации по формам собственности, связанных с развитием классов и государства? [33, с. 27] Является ли признание в настоящее время первенства духовного над общественным бытием новым концептуальным подходом в объяснении истории или это повторение идей французских и немецких просветителей, Гегеля и Фейербаха? Вопросы эти, конечно, риторические.

Человеческая деятельность носит целесообразный характер. И то, что идеи, мысли предшествуют деятельности человека, это трюизм. Маркс в «Капитале» отмечал, что и «самый плохой архитектор от наилучшей пчелы отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально» [16, с. 189].

С точки зрения Т. Длугач, коль скоро сознание вплетено в любую материальную деятельность, вопрос о первичности и вторичности оказывается излишним. Более того, по ее мнению, приведенный пример Маркса указывает на то, что «мышление, индивидуальность, сознание – это несводимые к следствию деятельности, это причина самой себя [курсив мой – Л.М.]» [8]. В связи с таким выводом резонно задать автору вопрос, при всей творческой активности мышления Сократа или Платона могла ли у них возникнуть идея сходить на рынок и купить себе ноутбук, чтобы облегчить себе интеллектуальную деятельность? Ответ очевиден.

Домарксовская философия не справившись с выявлением причинно-следственных связей в жизнедеятельности человека как разумного существа, кажимость отождествляла с сущностью, считая идеи, мысли, формы общественного сознания детерминирующим фактором развития общества. Главное при этом оставалось невыявленным: чем определяются эти идеи, мысли; почему у людей, принадлежащих к разным социальным слоям общества, разные мысли.

Л.А. Фейербах отмечал, что во дворцах мыслят иначе, чем в хижинах, но объяснение этого факта дал детское, если не сказать нелепое. Маркс смог ответить на эти вопросы. Современное преодоление марксизма есть действительно возврат к наивным домарксистским воззрениям.

Ю.В. Яковец и многие другие критики Маркса упрекают сторонников его учения за явную недооценку творческой роли сознания, идей, иначе духовного фактора в жизни человеческого общества, значение которого в историческом процессе возрастает [33]. Эта критика имела бы действительное основание, если марксистскую методологию исследования общества и истории свести к простенькой формуле – «общественное бытие первично, а общественное сознание вторично», и на этом поставить точку. Проще всего критиковать оппонента, исказив его мысли или приписать заведомо неприемлемые идеи, когда материалистическое понимание истории сводят к экономическому детерминизму [11, с. 70-78]. Между тем в марксизме признается не только вторичность общественного сознания по отношению к общественному бытию (как отражение материальной жизни общества), но и его относительная самостоятельность и активность по отношению к общественному бытию. Как представляется, ни один философ-идеалист не сделал столько для обоснования активной, творческой роли сознания, идей в преобразовании и развитии общества, сколько сделал Маркс. И что особенно важно, Маркс раскрыл механизм превращения идей в материальную творческую силу, способную изменить социальную реальность. Без понимания творческих возможностей (общественного) сознания Маркс не был бы революционером. Как философ и революционер свое кредо относительно творческой роли идей (в том числе философских) он четко выразил в одиннадцатом тезисе о Фейербахе.

Необходимо отметить, что примитивизация материалистического понимания истории и сведение его к экономическому детерминизму было предпринято некоторыми адептами и оппонентами марксизма еще при жизни Маркса и Энгельса.

Причину возникновения и распространения вульгаризированных версий марксизма Энгельс объяснял тем, что вначале при обосновании материалистической методологии изучения общества и истории они основой упор должны были делать на выведение политических, правовых и прочих идеологических представлений и обусловленных ими действий из экономических факторов, лежащих в их основе. Это в последующем использовали противники исторического материализма для различных кривотолков и искажений. К подобным искажениям Энгельс относит и приписываемое марксизму отрицание возможности влияния различных идеологических областей на историю [32, с. 82]. В основе таких воззрений, отмечал Энгельс, «лежит шаблонное, недиалектическое представление о причине и следствии как о двух неизменно противостоящих друг другу полюсах, и абсолютно упускается из виду взаимодействие. Эти господа часто почти намеренно забывают о том, что историческое явление, коль скоро оно вызвано к жизни причинами другого порядка, в конечном итоге, экономическими, тут же в свою очередь становятся активным фактором, может оказать обратное

воздействие на окружающую среду и даже на породившие его причины» [32, с. 84]. Мыслители энергично дистанцировались от вульгаризированных, метафизических версий своего учения. По свидетельству Энгельса, Маркс однозначно заявлял по этому поводу: «Я знаю, что я не марксист» [31, с. 370].

По мнению многих исследователей, десубъективизация исторического процесса является характерной чертой философии истории XX в. Этот же недостаток современные оппоненты Маркса приписывают и марксистской теории исторического процесса. Такова же точка зрения Ю.В. Яковца. По мнению ученого, без человеческого сознания нет истории [33].

И коль скоро вывод о десубъективизации исторического процесса Марксом является результатом вульгаризации и карикатурного изображения марксистской социальной философии, создается впечатление, что автор, как и многие другие критики Маркса, не понимают или умышленно игнорируют диалектику субъективного и объективного, сознательного и стихийного, свободы и необходимости в общественной жизни и историческом процессе. Эта проблематика в марксистской литературе достаточно хорошо изучена [21, с. 267-331].

Обвинение Маркса в недостаточном внимании к человеку, индивиду, личности является достаточно распространенным веянием [3, 6]. Насколько справедливы такие обвинения? По мнению М.И. Кагана, «несмотря на словесное пренебрежение к идеализму и этике при обосновании истории у Маркса ценность определяется не субстанцией труда вообще как работой, не работой стихии, машины или какого-либо животного, а человеческим общеполезным или производительным трудом. Кстати и “прибавочная стоимость” получается не на труд вообще… а на человеческий труд рабочего. Крайне странно, что это должно квалифицироваться как материалистическое утверждение. Пусть это материализм, но он идеалистически обоснован и в этом огромная заслуга Маркса» [10, с. 418]. Для неокантианца М.И. Кагана человекоцентризм теории Маркса очевидный факт, дающий основание для парадоксального вывода об идеалистическом обосновании материализма.

Кто изучал работы Маркса не мог не обратить внимание на то, что человек есть фокус всей его философии. Антропоцентризм теории, разработанной Марксом и Энгельсом, обусловлен влиянием Фейербаха, но не только. Кричащая несправедливость, нищета, отчуждение, нечеловеческие условия существования определили центральную тему и цель создаваемой теории. «…Человек, – писал Маркс, – “высшее существо”, поэтому необходимо ниспровергнуть все те отношения, в которых человек является униженным, порабощенным, презренным существом» [13, с. 402]. Философия, ставящая своей задачей изменение социальной реальности, в которой существует человек, не может ограничиться описанием и объяснением мира. Она должна быть радикальной. «Быть радикальным – поясняет Маркс – значит понять вещь в ее корне. Но корнем для человека является сам человек» [14, с. 422]. Словом, поскольку фокусом мировоззрения Маркса является человек, это и обусловливает практическую направленность и

творческий характер его философии. И далеко не случайно то, что анализ исторического процесса основоположники марксизма начинают с конкретных индивидов. «Предпосылки, с которых мы начинаем, – отмечали Маркс и Энгельс, – не произвольны… Это действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью» [17, с. 26-29]. Соответственно в объяснении общества и истории в качестве исходных основоположники научной философии выделяют материальные отношения, возникающие в производстве и воспроизводстве индивидуальной и родовой жизни человека. Это соответствует и базовому принципу материалистической философии: субстанциальная сущность проявляется в способе ее существования. «Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют совпадает, следовательно, с их производством…» [17, с. 19]. В связи с вышеизложенным можно согласиться с высказанным в литературе мнением о том, что становление Маркса-материалиста было сопряжено с формированием у него материалистических воззрений на человека и человеческое общество [12].

Человекоцентризм есть особенность разработанного Марксом мировоззрения. Поэтому определяя основную задачу своей социальной философии, Маркс пишет: «Мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую историческую эпоху» [16, с. 623]. В решении указанной проблемы как и в исследовании исторического процесса Маркс применяет субстанциальный подход. Это позволяет ему в своих исследованиях последовательно реализовать принцип материализма и гуманизма. Можно сказать, что уже в 40-е гг., когда происходил процесс становления Маркса как философа, молодой ученый обозначил базовые компоненты своей теории: материализм, человек, гуманизм, ориентация на практическое решение важнейших проблем эпохи. Очевидно, что между этими компонентами существует коррелятивная связь. Отступление от одного принципа ведет к отходу от другого и, в конечном счете, сказывается на эвристических возможностях всей теории.

Отказ от материализма в объяснении истории означает, что детерминирующие факторы развития социума переносятся в сферу сознания, идей или иных компонентов надстройки. при этом вне внимания остаются реальные материальные условия жизни людей. Предметом изучения социальной теории вместо конкретно-исторических социальных индивидов с четко выраженными и идентифицируемыми признаками оказывается абстрактное существо – человек как таковой. Соответственно гуманизм превращается в абстрактный лозунг, не имеющий конкретного адресата. Словом, философия в этом случае обретает все признаки домарксовского обществознания.

Особенности этого мировоззрения Маркс и Энгельс показали при критическом анализе философии младогегельянцев. Согласно последним, все отношения, действия, поведение людей, «их оковы и границы являются продуктом их

сознания» [17, с. 18]. Поэтому для устранения стесняющих границ они предлагают «заменить их теперешнее сознание человеческим». Это предполагает не изменение, а иное истолкование существующего. Поэтому, заключают Маркс и Энгельс, «младогегельянские идеологи вопреки их “миропотрясающим” фразам – величайшие консерваторы» [17, с. 18]. Это действительно так, поскольку при идеалистическом понимании истории признание любых даже радикальных изменений в обществе не выходит за пределы мышления, сознания [17, с. 18]. Словом, идеализм в объяснении общественной жизни и истории дополняется метафизикой – отрицанием социального прогресса.

Если открытие Маркса было оценено современниками как коперниканская революция, то отказ от материалистического понимания истории, как справедливо отмечает И.А. Гобозов, равносилен отрицанию гелиоцентрической системы [7]. Массовая атака на марксизм, предпринятая в нашей стране с начало 90-х гг., объективно означает попытку опустить современное обществознание на теоретический уровень XVIII начала XIX вв. Нельзя не видеть, что целью подобной деятельности новых «исторических идеологов» (Энгельс) является внедрение в общественное сознание «буржуазной иллюзии» (Энгельс) о вечности «царства разума» – буржуазного способа производства. Отсюда резко критическое отношение оппонентов Маркса к его формационной теории, к идее необходимости социального прогресса. «С позиций марксистских социальных теорий, – пишет В.В. Миронов, – фундаментальным критерием прогресса выступает способ производства, и, исходя из этого строится вся цепочка оценок прогрессивного развития, в результате которого ее вершиной и выражением должен стать коммунизм. Однако в этом случае возникает масса теоретических неувязок. В частности оказывается, что построение общества на такой основе может одновременно сопровождаться жесточайшим подавлением свободы личности» [18, с. 457].

Надо признать, что подобный некорректный для серьезного ученого способ обоснования несостоятельности теории Маркса практикуется давно. По этой логике в преступлениях инквизиции и в многочисленных еврейских погромах, чинимых христианами в разных странах, виноват Христос. Еще в середине прошлого столетия Э. Фромм писал о неприемлемости подобного способа опровержения учения Маркса. «К сожалению, сегодня слова “социализм” и “марксизм” постоянно заряжены эмоциями и потому эти слова вызывают у многих ассоциацию типа “материализм”, “безбожие”, пролитие крови или нечто подобное, но обязательно плохое и злое» [28, с. 27]. И далее: «Иррациональная реакция на слова “социализм” и “марксизм” усиливается благодаря удивительному невежеству тех, кого эти слова повергают в истерику… Большинство наиболее ожесточенных противников социализма и марксизма никогда не читали Маркса, другие же имеют лишь самое поверхностное представление о его учении. Едва ли можно предположить, чтобы знающие и разумные люди могли настолько исказить идеи марксизма и социализма, как это случается теперь на каждом шагу» [28, с. 27]. Хотя эти строки были написаны в начале 50-х гг. прошлого столетия они, как

видим, актуальны и сегодня. Не только ученые, критикующие марксизм, но и значительно чаще политические деятели, имеющие смутные представления о учении Маркса, в предвыборной борьбе против своих левых оппонентов отождествляют марксизм и социализм со сталинизмом. Подобный способ борьбы с левым оппонентом применялся, например, в предвыборной президентской кампании в России в 1996 г. Тогда почти по всем телеканалам по много раз на дню крутился один и тот же ролик с призывом «Выбирай или проиграешь». Призыв сопровождался картинками пустых полок магазинов, громадными очередями за продуктами, колючей проволокой, за которой стояли изможденные люди. Авторы этой телеклюквы недвусмысленно намекали: не проголосуете за оппонента-коммуниста – получите ГУЛАГ. «Только дурак, – отмечает Ф. Уин, – может считать Маркса ответственным за ГУЛАГ, но дураков, увы, всегда хватает» [25, с. 7]. С этим трудно не согласиться.

Как отмечалось ранее еще, современники молодого Маркса увидели в нем талантливого и перспективного ученого. Во второй половине XIX в. Маркс получил известность как крупный экономист, глубокий философ, яркий публицист, видный революционер. Тем не менее, по оценкам некоторых исследователей, Маркс, покоящийся на Хайгейтском кладбище, приковывает к себе больше внимание человечества, чем при жизни, когда он активно занимался разносторонней деятельностью. Научная судьба даже очень крупных ученых как правило складывается иначе. Со временем аура, исходящая от имени, слабеет, известность падает. Чем объяснить этот парадоксальный феномен Маркса? Как представляется двумя обстоятельствами: эвристическим потенциалом его философии и изменяющейся социальной реальностью. «Гений Маркса, – отмечал Ф. Бродель, – секрет силы его мысли состоит в том, что он первый сконструировал действительные социальные модели, основанные на долговременной исторической перспективе» [5]. Социальная модель будущего общества, сконструированного мыслителем, не была массово востребована обществом XIX в. И далеко не случайно то, что восстание Парижских коммунаров потерпело поражение. Заметим, что основоположники революционного учения пролетариата были против вооруженного выступления трудящихся, считая его преждевременным. Потребность в идеях великого мыслителя грядущего возникает у человечества позже – в XX в. в связи с возникновением глобального кризиса капитализма.

Драматический XX век ознаменовался тремя глобальными кризисами капитализма. Первый и второй произошли в начале и середине прошлого века. Третий, который продолжается по сей день, возник в конце прошедшего столетия. Первый и второй обернулись мировыми войнами, унесшими около ста миллионов человеческих жизней. В то же время кризисы мотивировали человечество, особенно народы, попавшие в их эпицентр, на поиск новых альтернативных капитализму моделей социального устройства общества. Здесь представляется уместным привести одно предсказание, сделанное соратником Маркса. За двадцать семь лет до Первой мировой войны и тридцать лет до Великой русской

революции Энгельс писал, что в результате конкуренции вооружений между государствами на Европейском континенте разразится «всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста как никогда еще не объедали тучи саранчи» [30, с. 361]. Эта война, – отмечал Энгельс, – инициированная Германией принесет в течение трех-четырех лет опустошение, причиненное тридцатилетней войной. Война обернется голодом, эпидемией, всеобщим одичанием и крахом государств. «…Крах такой, что короны дюжинами валяются на мостовой.., абсолютно невозможно предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы: только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса» [30, с. 361]. Точность этого научного прогноза свидетельствует о эвристических возможностях философии разработанной Марксом и Энгельсом и ее востребованности в эпоху глобальных кризисов. Поэтому учение Маркса, ставшее в начале XX в. мировым феноменом, определило вектор поиска социального идеала для многих народов. После Первой мировой войны народы бывшей Российской империи, а затем и Монголии объявляют о социалистическом пути развития. После Второй мировой войны возникает мировая социалистическая система, включающая в себя страны, находящиеся на нескольких континентах. «Холодная война», объявленная тогда ведущими западными державами Советскому Союзу и его союзникам, была не просто противостоянием двух идеологий и социально-политических систем, а геополитическим противоборством двух типов глобализирующих процессов с разными геополитическими центрами, смысложизненными ценностями, видением исторических перспектив мотивов глобализации [19].

Запад пытался свое настоящее превратить в будущее человечества. Его оппоненты на Востоке намеревались социальный идеал, контуры которого были описаны в общих чертах Марксом, как можно быстрее воплотить в настоящее. В силу ряда объективных и субъективных причин, анализ которых не входит в задачу данной статьи, «холодная война» завершилась развалом мировой социалистической системы. Капитализм, напротив, обрел глобальный характер. Оппоненты Маркса не преминули тут же объявить утопией концепцию социального идеала Маркса, а саму философскую методологию исследования общества несостоятельной. Многие адепты марксизма поспешно отказались от прежних своих убеждений. Между тем, как представляется, победа капиталистического типа глобализации не опровергает, а, напротив, подтверждает научный характер учения Маркса. «Ни одна общественная формация, – писал философ, – не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» [15, с. 7].

Запад вышел победителем в «холодной войне» и капиталистическом типе глобализации. В немалой степени это стало результатом реализации агрессивной политики глобального экспансионизма и использования ресурсов стран полупериферии и периферии мир-экономики и мир-истории. Успешной реализации этой глобальной стратегии способствовал несоизмеримый с социалистическими странами финансовый, экономический, технологический потенциал ведущих западных держав, возникший у них после Второй мировой войны и трехсотлетний исторический опыт колониальных войн. Однако, став в конце XX в. глобальной системой, капитализм наткнулся на географические пределы и практически потерял внешние источники развития. Поиск ресурсов роста экономики привел к искусственному стимулированию внутреннего спроса, что обернулось неимоверно высокими долгами домохозяйств и государств, вызвавших череду финансово-экономических кризисов. Общество, живущее в долг за счет будущего, лишает себя будущего. Оставляя в стороне негативные последствия потребительства как крайне опасной саморазрушительной социальной болезни общества [27, 4], отметим, что превращение потребительства в образ жизни всего человечества усиливает многократно выше допустимых показателей антропогенное давление на окружающую среду, что приводит к деградации природных оснований существования человека и возникновению необратимых климатических изменений на планете. Словом, образ жизни современного человечества ускоренными темпами приближает его к катастрофе, о чем предупреждали в 70-х гг. прошлого века ученые из «Римского клуба».

Еще одним испытанным средством поддержания активности капиталистической экономики является гонка вооружений. Однако она, как в свое время предсказал Кант и как подтверждает история, особенно XX в., неминуемо ведет к войне. Власти государств активно осуществляющих гонку вооружений на определенном ее этапе приходят к выводу, что победоносная война с точки зрения экономической эффективности оказывается более предпочтительным мероприятием, чем продолжение непроизводительных трат общественного богатства. Помимо удовлетворения интересов ВПК война очень часто под надуманными предлогами – способ оправдания перед населением непроизводительных трат общественного богатства. Заметим, что в последние десять-пятнадцать лет гонка вооружений по особенно опасным и экономически затратным направлениям резко возросла. Возросло и количество возникающих в стратегически важных регионах земного шара локальных войн, имеющий большой потенциал превращения в региональные и даже мировую войну. Учитывая количество и качество накопленного в мире оружия третья мировая война превратит планету во вселенское кладбище.

Современный капитализм подходит к сферам общественной жизни исключительно экономически как к источникам получения прибыли. Между тем, как показал Маркс, по своей сущности и цели общественное производство имеет социальный характер. Из множества его функций важнейшие – воспроизводство и развитие человека и человеческого общества [21]. Находясь в состоянии

перманентных кризисов капитализм ради сохранения роста прибыли милитаризует экономику и радикально меняет функции общественного производства. Из фактора самосохранения и саморазвития оно превращается в опасный источник разрушения и уничтожения социума. Подобная метаморфоза общественного производства, произошедшая прежде всего у главного актора глобализации – США, свидетельствует об историческом исчерпании потенциала развития капиталистической формации.

Весьма значительным фактором (и в то же время индикатором) обострения кризиса современного глобального капитализма является геополитический кризис. Монополярный мир постепенно уступает место многополярному мироустройству. Происходит смещение центра мир-истории из Нового Света в азиатский регион Тихого океана. Этот процесс сопровождается ломкой финансовой, экономической, политической архитектоники мира, сформировавшейся во второй половине XX в. В истории человечества ни одна империя добровольно не сдавала своих позиций. Поэтому указанные процессы сопровождаются обострением старых и возникновением новых зон напряженности и конфликтов, которые приобрели глобальный характер. В современном взаимосвязанном, взаимозависимом мире глобализация конфликтогенных зон, как уже отмечалось, несет в себе опасность новой, возможно даже несанкционированной мировой войны.

И еще об одном аспекте современной кризисной эпохи. Стремясь сохранить свои позиции в быстро меняющемся мире, мировая империя вместе со своими союзниками действует напористо, агрессивно и очень часто вне правового пространства. Демонстративное нарушение норм международного права стало в последние двадцать пять-тридцать лет достаточно распространенным явлением. Правовой нигилизм, практикуемый главным актором глобализации, считающийся идеалом западной демократии, становится предметом подражания для многих его союзников. Все это не могло не привести к кризису международного права, призванного обеспечивать стабильность и цивилизованные отношения в мире. Кризис глобального капитализма – это и кризис международных институтов, не справляющихся с опасными современными вызовами человечеству [20].

Заметим еще, что смещение центра мир-истории из Северной Америки, олицетворяющей предельно развитую западную цивилизацию, в азиатский регион, представляющий восточную цивилизацию, есть выражение цивилизационного кризиса. В то же время, как было уже показано, это есть свидетельство кризиса глобального капитализма. Симптоматично то, что историческая эстафета ведущей промышленной и экономической державы мира от капиталистической Америки переходит к социалистическому Китаю.

Итак, особенность современного глобального кризиса заключается в том, что он представляет наложение формационного, цивилизационного, геополитического, институционального кризисов. Системный, многоаспектный характер существующего кризиса указывает на то, что это кризис пути развития. Опыт разрешения двух предыдущих глобальных кризисов XX в. и острота противоречий, разрывающих современную цивилизацию дают основание для вывода, что

человечество стоит перед дилеммой: сохранение существующего положения вещей в мире и неизбежная глобальная катастрофа или выбор альтернативного капитализму стратегического движения. Логика гонки вооружений, потребительское отношение к природе и человеку, обусловленные самой сущностью капитализма и резкое обострение международных отношений в мире в последние пятнадцать-двадцать лет свидетельствуют о том, что человечество в рамках современной буржуазной формации не имеет гарантированного будущего. Глобальный капитализм в целях самосохранения может принести в жертву (возможно и неумышленно) все человечество. В прошлом столетии выбор альтернативных капитализму социальных организаций народами произошел после мировых войн, унесших десятки миллионов человеческих жизней. В современных реалиях мировая война не оставит никому никаких шансов для любого выбора. Капитализм как конкретно-историческая форма организации жизни человеческого общества себя исчерпал. Отсюда и возросший интерес в мире к учению Маркса, к его социальным моделям будущего.

Список литературы

1. Аттали Ж. Карл Маркс: мировой дух. М.: «Молодая гвардия», 2008. 406 с. URL: http://www.informaxinc.ru/lib/zhzl/marx_attali/ (дата обращения: 09.11.2017)
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.
3. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 176 с.
4. Бодрийяр Ж.К. К критике политической экономии знака. М.: Библион-Русская книга, 2003. 272 с.
5. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Brod/final.php (дата обращения: 17.11.2017)
6. Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип // Вопросы экономики. 1990. № 11. С. 139-158.
7. Гобозов И.А. А была ли марксистская философия в СССР? // Вестник Российского философского общества. 2003. № 1. С. 142-144.
8. Длугач Т. Маркс: вчера и сегодня. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=912 (дата обращения: 09.11.2017)
9. Жижек Сл. 13 опытов о Ленине. М.: Ad Marginem, 2004. 256 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/jijek-13_op_o_lenine-8l.pdf (дата обращения: 21.09.2017)
10. Каган М.И. О личности в социологии // Каган М.И. О ходе истории. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 394-423.
11. Краткая философская энциклопедия. М.: Изд. группа «Прогресс» – «энциклопедия», 1994. 576 с.
12. Любутин К.Н. О философии Маркса, о философии Энгельса // Философия и общество. 2004. № 1. URL: https://www.socionauki.ru/journal/articles/252936/ (дата обращения: 09.11.2017)

13. Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 382-413.
14. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 414-429.
15. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 5-9.
16. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. 920 с.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 7-544.
18. Миронов В.В. О прогрессе в философии // Историко-философский альманах. Вып. 3. М., 2010. С. 456-460.
19. Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация. Пермь: Издательский центр Пермского государственного национального исследовательского университета, 2016. 130 с.
20. Мусаелян Л.А. Кризис международного права: цивилизационный и геополитические факторы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 4 (26).С. 211-225.
21. Мусаелян Л.А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность: учеб. пособие. Изд. 3-е. Пермь, 2015. 421 с.
22. Плотникова Е.Б., Германов И.А., Борисова Н.Б. Структура ценностей населения и модернизационный статус регионов России // Философские науки. 2016. № 4. С. 70-78.
23. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. м.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 2. 528 с.
24. Спиркин А.Г. Философия: учебник. М.: Гардарики, 2000. 816 с.
25. Уин Ф. Карл Маркс. М.: «Изд-во АСТ», 2003. 411 с.
26. Философия: учебник для вузов / под общ. ред. В.В. Миронова. М.: Норма, 2008. 908 с.
27. Фромм Э. Иметь или быть? // Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. URL: http://cpp-p.ru/wp-content/uploads/2015/05/Fromm_E%60rih_Imet_ili_byit.pdf (дата обращения: 09.11.2017)
28. Фромм Э. Социализм // Коммунист. 1991. № 11. С. 27-35.
29. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Предисловие к трем изданиям // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 5-15.
30. Энгельс Ф. Введение к брошюре Боркхейма «На память ура-патриотам 1806-1807 годов» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 356-361.
31. Энгельс Ф. Письмо Конраду Шмидту, 5 авг. 1890 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 370.
32. Энгельс Ф. Письмо Ф. Мерингу, 14 июля 1893 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 82-84.
33. Яковец Ю.В. История цивилизаций: учеб. пособие. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. 352 с.
34. Bzezinski Z. K. Between Two Ages : America's Role in the Technetronic Era. New York: Viking Press, 1970. 355 p.
35. Sartr J. P. Critique de la raison dialectique. Paris, 1960. P. 17.

ПАМЯТИ УЧЁНОГО*

В статье анализируется жизненный путь и основные вехи трудовой деятельности известного советского и российского философа, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора философских наук, профессора В. В. Орлова. Показано, что он был автором более трехсот научных работ, обладал не только разносторонними научными интересами, но и хорошими организаторскими способностями, позволившими ему сплотить вокруг себя сотрудников кафедры и создать эффективно работающий научный коллектив, узнаваемый образовательным и философским сообществом страны как Пермская философская школа.
Ключевые слова: ученый, философ, В.В. Орлов, кафедра, научные интересы, Пермская философская школа.

10 октября 2019 года после продолжительной болезни ушел из жизни Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный профессор Пермского государственного национально-исследовательского университета, основатель журнала «Новые идеи в философии», один из основателей философско-социологического факультета Пермского университета, доктор философских наук, профессор Владимир Вячеславович Орлов.

В.В. Орлов принадлежал к плеяде тех ученых Пермского университета и России, которые олицетворяли фундаментальную науку и классическое университетское образование, доставшееся нам от Советского Союза. Учитывая, с какой скоростью в ходе бесконечных реформ идет разрушение классического высшего и, особенно, университетского образования, уход из жизни профессора Орлова В.В. – яркого и талантливого ученого – переживается особенно тяжело, ибо Владимир Вячеславович представлял эпоху, которая уходит (если уже не ушла) в прошлое.

В.В. Орлов родился в 1932 году в Кирове. В 1955 году с отличием закончил философский факультет Ленинградского университета. Через три года без учебы в аспирантуре защитил кандидатскую диссертацию в ЛГУ по теме «Особенности чувственного познания». В 1965 году он защищает в Ленинградском университете докторскую диссертацию «Мозг и психика. Психофизиологическая проблема и ее современное решение», став одним из самых молодых в стране докторов философии. С 1957 года Владимир Вячеславович работает в Перми. В 1960 году он поступает на работу в Пермский государственный университет, где до конца жизни проходит его преподавательская, научная и общественная деятельность. Заметим, что в Перми он был первым доктором философии.

---

* Впервые опубликовано: Мусаелян, Л. А. Памяти учёного // Новые идеи в философии. – 2020. – № 7(28). – С. 4–11.

Кафедре философии Пермского университета исполняется в этом году семьдесят лет. Из них сорок пять приходится на время, когда кафедру (с небольшими перерывами) возглавлял профессор В.В. Орлов. В качестве заведующего кафедрой он демонстрировал редкое успешное сочетание научного лидера и руководителя большого преподавательского коллектива. Удивительная трудоспособность, целеустремленность и воля В.В. Орлова способствовали тому, что возглавляемая им кафедра вскоре стала узнаваема в образовательном и научном сообществе не только Урала, но и страны. С конца 60-х годов он регулярно организовывал общесоюзные научные конференции в Перми в которых принимали участие известные философы из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска и других городов Советского Союза. Научная продуктивность профессора В.В. Орлова поражала всех, кто работал под его руководством. Им было опубликовано более 350 работ, включая несколько монографий. Из известных публикаций следует назвать монографию «Диалектический материализм и психофизиологическая проблема», «Особенности чувственного познания», «Психофизиологическая проблема: философский очерк», «Материя, развитие, человек», «Человек, мир, мировоззрение», «История человеческого интеллекта», «Философия экономики» (в соавторстве с Т.С. Васильевой). Кроме того, им были написаны учебники по общей и социальной философии (учебник по социальной философии – совместно с Т.С. Васильевой).

В древности, в Античную эпоху, Средневековье некоторые мыслители для своей точной идентификации помимо имени называли и место жительства, скажем, Стагирит, Николай Кузанский. В случае с В.В. Орловым ситуация была обратной. Научная активность Владимира Вячеславовича сделала Пермь узнаваемым в философском сообществе городом страны. Автор этих строк, бывая на научных конференциях в разных городах Советского Союза, не раз убеждался в том, что Пермь была известна философами потому, что ассоциировалась с профессором В.В. Орловым.

В любом виде деятельности всегда находятся конъюнктурщики. Есть они и в философии. Сегодня модно писать про кибернетику – пишут про кибернетику, завтра – про экологию, нет проблем, вот вам картина надвигающейся экологической катастрофы, послезавтра – про синергетику. Между тем научная значимость любых исследований определяется их глубиной и фундаментальностью. Эти качества очень часто приносятся в жертву, когда авторы хотят быть постоянно в тренде. Владимир Вячеславович не был конъюнктурщиком. Он отстаивал на многих площадках, в том числе в университете, интересы фундаментальной науки и сам «копал» основательно и глубоко. Название его многочисленных работ и, особенно, их содержание свидетельствует об этом. Назову лишь некоторые фундаментальные проблемы философии, в разработку которых Владимир Вячеславович внес значительный вклад. Прежде всего – это философский материализм. В известном споре советских философов между онтологами и гносеологами профессор В.В. Орлов последовательно отстаивал материализм, полагая,

что сущность философии марксизма – материализм. Материализм является определяющим компонентом единой целостной философии марксизма. Необходимо отметить, что со времен Ф. Энгельса в марксизме получило гражданство понятие «форма движения материи». При таком подходе сама субстанция (материя) оказывалась в тени своего атрибута (движения), что противоречило материалистической сущности марксисткой, или как определял профессор В.В. Орлов, научной философии. Ученый выдвигает и разрабатывает концепцию форм материи. Владимир Вячеславович выделяет основные, частные и комплексные формы. Особое внимание он уделяет проблеме основных форм материи, их качественных характеристик, сущностных признаков, особенностей развития и т.д. При разработке этой фундаментальной темы он выдвигает ряд теоретически значимых идей: теневой системы, закономерностей соотношения низших и высших форм материи и движения, незавершенности развития низшего в высшем, парадокс развития и т.д. Эти и другие идеи, выдвинутые ученым, получили философское обоснование и имело хороший резонанс в научном сообществе, став предметом дискуссий в ведущих философских журналах страны.

Необходимо отметить, что к разработке указанной тематики Владимир Вячеславович привлекал сотрудников кафедры. На основе этих исследований молодые ученые под руководством В.В. Орлова защитили кандидатские, а затем и докторские диссертации.

В 60-70-е годы важной темой, над которой работали философы-марксисты в стране и за рубежом была диалектика. В центре острых дискуссий оказалась трактовка развития. В конце 70-х годов автор этих строк насчитал в литературе около двадцати трактовок понятия развития. Очевидно, что такая ситуация негативно сказывалась на эвристических возможностях диалектики как методологии научного познания. Множество дефиниций категории развития во многом было обусловлено абстрактным подходом к пониманию развития, вне его связи с материей. Профессор В.В. Орлов, принимавший участие в дискуссиях по развитию, отстаивал необходимость анализа развития лишь в его связи с материей. Иначе, некорректно вести дискурс (если выражаться современным языком) о развитии вообще, а надо говорить о развитии материи, причем не материи как таковой, а той, которая нам известна и в определенной мере изучена, то есть основных форм материи, представляющих магистральную линию развития. В этом случае понятие развитие приобретает определенность и содержательность. К тому же такой подход позволял реализовать известное требование марксисткой философии о необходимости соединения всеобщего принципа развития с всеобщим принципом единства мира, природы, материи [2, с. 221].

Работая в области философской теории развития, Владимир Вячеславович приходит к важному выводу о том, что диалектика, разработанная Гегелем и отчасти Энгельсом, представляет собой абстрактно-всеобщую теорию развития. Задача философов марксистов сделать следующий шаг в этой области, разработать конкретно-всеобщую (содержательную) теорию развития. К этому заключению

приводило и творческое осмысление вышеприведенного требования Ленина. Надо признать, что в фундаментальной работе В.В. Орлова «Материя, развитие, человек» в определенной мере реализован подход содержательного изложения теории развития. Эта идея (конкретно-всеобщей концепции развития) присутствует и в учебнике по общей философии. Надо признать, что в этой области помимо кафедры философии ПГУ достаточно плодотворно работали ученые Московского и Ленинградского университетов, издавшие многотомные работы по материалистической диалектике.

Важным аспектом разработки философского материализма и материалистической диалектики была проблема научной систематизации категорий философии. Дискуссии шли не только вокруг вопроса как, в какой последовательности конкретно должны выводиться, развертываться категории философии, но и относительно концептуальной основы, иначе методологии искомой систематизации. Споры по систематизации категорий диалектики были основательными и интересными. По инициативе своего заведующего кафедра философии ПГУ также принимала в них участие. Владимир Вячеславович организовал, насколько помниться, две представительные конференции с участием известных философов страны. Он опубликовал несколько содержательных работ по этой теме, а одна из его учениц защитила диссертацию. Вспоминая эти дискуссии и конференции, в которых приходилось участвовать и автору этих строк, представляется необходимым отметить, что сильной стороной выступлений и работ профессора В.В. Орлова является строгая концептуальность. Это проявляется даже в написанных им учебниках. И тогда, в советскую эпоху, и особенно сегодня, существует много разных учебников по философии. Идеальных учебников, которые отвечали бы всем критериям: дидактическим, содержательным, логическим и т.д., конечно, нет. Но чем отличаются большинство существующих учебников, независимо от того, написаны они одним автором или их несколько – отсутствием концепции.

Как отмечалось в начале этой статьи, научная карьера профессора Орлова В.В. начиналась с изучения еще одной фундаментальной проблемы философии и мировоззрения – сознания. Проблема психики, сознания, природы идеального оставались в центре внимания Владимира Вячеславовича на протяжении многих лет. К изучению этих сложнейших вопросов науки он привлекал и своих молодых коллег, и некоторые из них успешно защитили диссертации по указанной тематике. Исследования профессора В.В. Олова в области сознания не прошли мимо внимания известного советского психолога профессора В.С. Мерлина, работавшего в Пермском педагогическом институте. Его изыскания в области изучения целостной индивидуальной характеристики человека (концепция интегральной индивидуальности) вызывала живой интерес у Владимира Вячеславовича. Поэтому известный светский психолог не был редким гостем на общесоюзных научных конференциях, организуемых В.В. Орловым у нас в университете.

В 80-х годах в связи с нарастанием кризисных явлений в стране палитра научного интереса профессора В.В. Орлова пополняется социально-философской проблематикой. Организуется серия конференций по социальному и научно-техническому прогрессу, ускорению социального прогресса, научному прогнозированию и планированию. По их результатам издаются научные сборники. Среди исследуемых проблем в эти годы значимой была фундаментальная проблема социально-гуманитарных наук – проблема труда. Интерес к ней у В.В. Орлова, а под его влиянием и некоторых сотрудников кафедры, особенно усилился в 90-е годы, когда у нас в стране стали активно обсуждаться проблемы, поднятые западными постиндустриалистами. Они описывали новые тенденции в развитии современного капитализма, часть которых около двухсот лет назад предсказал К. Маркс. Под влиянием научно-технической революции происходит изменение содержания и характера труда, социальной структуры общества, связи собственности и власти и т.д. По мнению многих западных и отечественных ученых в условиях постиндустриального общества труд приобретает характер научного труда, а информация и научные знания в важнейший ресурс развития общества. Превращение науки, информации в определяющий фактор социального прогресса, по мнению некоторых исследователей, ставит под сомнение правомерность материалистического понимания общества и истории. Как бы ни относиться к философии Маркса, ее бесспорным достоинством, даже по признанию открытых оппонентов немецкого мыслителя, является философская методология. Но эвристические возможности этой методологии раскрываются исключительно в руках профессионала. Таким профессионалом, несомненно, был В.В. Орлов. Он показал, что вывод зарубежных и отечественных исследователей о дематериализации труда является результатом поверхностного, феноменологического подхода к осмыслению новых тенденций развития капиталистических стран, состоящего в отождествлении материального труда с физическим. На основе такого подхода из эмпирически фиксируемой элиминации физического труда из общественного производства делался поспешный вывод о дематериализации труда. Принципиально важным В.В. Орлов считал анализ труда с точки зрения не только его содержания, но и сущности, позволяющий выявить субстанцию труда. Формирование научного (по Марксу «всеобщего») труда являющегося наиболее значимой тенденцией развития постиндустриального общества приводит к вырождению стоимостных отношений. Абстрактный труд как субстанция стоимости, как ключевой инструмент определения эквивалентных экономических отношений постепенно элиминируется из общественного производства. Но поскольку постиндустриальное общество – это не посткапитализм, а трансформирующийся капитализм, где продолжает существовать производство, экономическая деятельность, вопрос о стоимости нового типа, по мнению профессора В.В. Орлова, становится актуальной проблемой современной науки. «Обладает ли измеримостью стоимость, субстанцией которой выступает всеоб-

щий научный труд? – ключевая и, позволительно сказать, “проклятая” теоретическая проблема» – отмечает ученый [3, с.235]. Философ не только смог четко сформулировать важнейшую теоретическую проблему современных общественных наук, но и предложил свое решение этой проблемы. Исходя из того, что в настоящее время наиболее характерной формой всеобщего труда является компьютерный труд, Владимир Вячеславович приходит к выводу о том, что субстанцией стоимости этого труда являются абстрактные материальные структуры. «Коренная особенность постиндустриального общества, – отмечал В.В. Орлов, – незамеченная создателями постиндустриального общества, заключается в возникновении новой формы материального производства и материального труда – производства абстрактных материальных структур» [1, с.231]. Можно соглашаться или не соглашаться с автором относительно подобного решения этой «проклятой» теоретической проблемы, но одно очевидно – профессор В.В. Орлов всегда работал на острие фундаментальных научных проблем. Он увидел и научно сформулировал важнейшую проблему современного обществознания, которую не заметили многие экономисты и философы.

Представляется необходимым отметить еще одну черту научной деятельности В.В. Орлова. Бурные политические события у нас в стране в конце 80-х и начале 90-х годов прошлого века сопровождались массовым мировоззренческим, идеологическим «линянием» российской интеллигенции. Вчерашние марксисты превратились в постмодернистов, заведующие кафедрами научного атеизма – в неистово верующих, коммунисты и комсомольские активисты – в демократов и либералов, выгодно устроившись во властных структурах современной России. Эту особенность российской интеллигенции подметил еще в начале прошлого века Н.А. Бердяев. Владимир Вячеславович относился к той плеяде людей, которые не меняли своих убеждений и политических предпочтений. Он до конца жизни оставался убежденным марксистом и сторонником социализма. Свои воззрения философ отстаивал не только в своих работах, но и публично, участвуя в различных общественных мероприятиях в университете и в городе.

Многолетняя эффективная научная работа В.В. Орлова давала основание научному сообществу страны признать факт создания ученым своей философской школы. Под его руководством защищены около четырех десятков докторских и кандидатских диссертаций, работал проблемный совет Минвуза РСФСР, преобразованный позднее в секцию «Особенности современной формы научной философии» Головного совета «Философия» Министерства образования и науки РФ. Кроме того, на протяжении многих лет в университете успешно функционировал Диссертационный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций, бессменным председателем которого был В.В. Орлов. Он же, как уже отмечалось, был одним из инициаторов создания философского факультета в ПГУ. Открытие философско-социологического факультета в нашем вузе превратила его в полноценный классический университет. И в этом немалая заслуга профессора Орлова.

Деятельность В.В. Орлова отмечена медалями «За доблестный труд», «За трудовые заслуги», званием заслуженного деятеля науки Российской Федерации. Я знал В.В. Орлова без малого пятьдесят лет, поэтому далек от мысли рисовать идеализированный, лубочный образ своего научного руководителя и коллеги. Моя задача – поделиться с читателем своими соображениями относительно деятельности профессора В.В. Орлова как ученого, сделавшего очень много для философской науки и для университетского образования. Конечно, Владимир Вячеславович был земным человеком, к которому применимо известное суждение древнеримского писателя Публия Теренция Варрона «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо». Он любил жизнь, и это определяло многогранность его интересов. Владимир Вячеславович много лет и вполне профессионально увлекался чеканкой, затем резьбой по дереву, коллекционировал старинные, дореволюционного производства, самовары и хорошо разбирался в них. Позже он покупал на металлорынке старинные сундуки и реставрировал их. Интерес В.В. Орлова к этим сундукам определялся тем, что у них была своя изюминка – их замки были с мелодичным звоном. Когда человек открывал ключом замок сундука, звучала мелодия. Философ реставрировал не только корпус, металлическую обшивку сундука, но и сам замок, чтобы он звучал. И еще он был заядлым грибником. При разговоре о грибах, а тем более в процессе «тихой охоты» в лесу он буквально преображался.

Владимир Вячеславович был яркой, творческой, талантливой личностью, у которой можно было многому научиться. По глубине и эффективности научной деятельности он был неформальным лидером не только на кафедре философии, но и в философском сообществе Перми и Пермского края. Память о нем сохранят не только те, кто имел возможность работать с ним, учиться у него, но и те, кто слышал его лекции и публичные выступления на различных мероприятиях.

Список литературы

1. Васильева Т.С., Орлов В.В. Социальная философия. Пермь, 2011. – 351с.
2. Ленин. Философские тетради / В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 29, с. 221
3. Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики. Пермь, 2013. – 267с.

Научное издание

Мусаелян Лева Асканазович

Философия кризисной эпохи:
Россия и мир

Избранные статьи

Компьютерная верстка: *В. В. Столярова*

Обложка подготовлена GPT-чатом.
Промптинг — *О.А. Габриелян*

Подписано в печать 18.06.2026. Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 19,53. Тираж 500 экз. Заказ 74

Управление издательской деятельности
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано в типографии ПГНИУ
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15